ЕВГЕНИЙ НОРИН

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Том II. 1999–...

Первая война в Чечне закончилась в 1996 году, но не решила ни одной проблемы. Напротив, узел противоречий на Северном Кавказе затягивался всё туже. Мира хватило на три года. Новая бойня стала ещё страшнее, ещё жёстче, ещё дольше и ещё мучительнее.

Сейчас конфликт на Кавказе завершён, но всё ещё не исчерпан. Эта книга — не просто хроника. Эта книга — первая обстоятельная попытка осмыслить одну из самых кровоточащих национальных травм.

Издание проиллюстрировано уникальными фотоснимками военкора Дмитрия Белякова. Некоторые снимки никогда ранее не публиковались.

ISBN 978-5-6043461-8-1
© Издательство «Чёрная Сотня», 2022
© Издательство книжной лавки «Листва», 2022

ЕВГЕНИЙ НОРИН

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Том 2. 1999–...

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы все со школьной скамьи читаем книги о войне. Даже если военщина не входит в сферу наших интересов — от Великой Отечественной невозможно спрятаться. Да и от Чеченской никуда не убежишь.

У всех война вызывает разные эмоции — кого-то она воодушевляет, у кого-то не вызывает ничего, кроме отвращения. Едина только тотальная мифологизированность войны, которая для большинства людей создаёт ощущение её далёкости, ненастоящности.

Война как смерть — то, что бывает только с другими. И как к смерти, к чему-то непостижимому и запредельному, мы тянемся к ней через книги, эстетику и дедушкины рассказы. Тянемся, потому что страшно. Потому что чуем её угрозу и хотим к ней хоть как-то подготовиться.

Не думаю, что чтение книг о войне может подготовить нас к таким потрясениям, но оно точно может дать нам чувство сопричастности к беде своего народа. И помочь нам вынести простую, но важную мысль — если мы тогдашние смогли через всё это пройти, то пройдём и мы нынешние. В широких штрихах — войны всегда похожи, если не одинаковы.

Первый том «Чеченской войны» вышел меньше года назад и уже успел выдержать тираж в 9500 книг. Интерес к теме колоссальный. Я называю это «национальной дорогой к себе» — мы не можем стать зрелыми, если не осмыслим наши коллективные травмы.

2022 год показал нам, что большая война не осталась где-то позади. Она всё ещё рядом, и знать об этой суке — надо.

Я наматываю белый скотч на правую ногу и левую руку, традиционно молюсь в пустой угол, который никак не обрастёт иконами, беру каску и бронежилет, надеваю кроссовки Константина Анатольевича Крылова и сажусь в большой грузовик с коробками. Сегодня мы везём гуманитарную помощь в город, так неприятно напоминающий Грозный.

Трасса Донецк–Мариуполь, начало апреля 2022 года.

Дмитрий Бастраков, главный редактор.

Дмитрий Бастраков в одной из квартир Мариуполя. Эвакуация раненых. Фото Любови Горчаковой.

«Бога нет. Есть Вооружённые Силы».
Чермен Бугулов, заложник из Беслана

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Первая война в Чечне была выматывающей и жестокой, но вторая превзошла её во всём. Больше погибших, более страшные и кровавые теракты (хотя, казалось бы, куда уж), а главное — в какой-то момент начало казаться, что эта война никогда не кончится. Она началась в 1999 году, и только в 2009 был снят режим контртеррористической операции, притом лишь в самой Чечне. Очень условно можно считать годом реального завершения войны 2016-й, когда самоликвидировался «имарат Кавказ». Или 2017-й, когда ФСБ объявила о разгроме подполья. Но даже сейчас мы не можем сказать, что на Северном Кавказе всё спокойно.

Нынешняя Чечня, конечно, очень сильно отличается от самой себя военного времени. Но при этом чеченский вопрос вызывает едва ли больше споров и противоречий в обществе, чем во время войны. Сегодня Чечню возглавляет Рамзан Кадыров. Его власть почти безгранична, он имеет поддержку на самом верху. Кадыров поднялся во время второй чеченской, и именно по её итогам Чечня стала такой, какой мы её знаем сегодня.

Война серьёзно повлияла и на остальную Россию. Мы все росли и жили в её тени. Тем, кому казалось, что война где-то далеко, она постоянно напоминала о себе терактами, похищениями людей, павшими солдатами-земляками. Я из Перми и прекрасно помню жуткую атмосферу похорон омоновцев из нашего города и края. Они погибли весной 2000 года на юго-востоке Чечни. Прошли десятилетия, но ряды могил по-прежнему напомнят о второй чеченской человеку, который забредёт на наше Южное кладбище.

Конечно, где-то следы войны изгладились. Едва ли кто-то из толпы, бегущей через терминалы аэропорта Домодедово, вспомнит о взрыве смертника, который прогремел там в 2011-м. Но есть места, где шрамы войны не затянутся никогда. Апофеозом первой чеченской был штурм Грозного, начавшийся 31 декабря 1994 года. Апофеозом второй — теракт в Беслане. В этом небольшом городке для многих время остановилось в сентябре 2004 года и никогда не больше не пойдёт снова.

Вторая чеченская плохо описана. Есть немало мемуаров, но большинство документов по-прежнему недоступно для исследователей. К тому же многие важные обстоятельства тех событий относятся к области интереса ещё живых и активных политиков, и тем более спецслужб — все они любят тишину. Российское государство явно предпочитает не будить лихо и не привлекать лишнего внимания ко второй чеченской — уж очень много всего произошло в те годы на Кавказе и уж очень редко эти события можно использовать для иллюстрации тёплых отношений между народами РФ.

Вторая война в Чечне породила невероятно разветвлённую мифологию. Мы собираем пазл, в котором недостаёт множества фрагментов, а некоторые из них, наоборот, целенаправленно подкинуты и не имеют к нему отношения. И всё-таки мы не можем позволить себе позицию страуса, прячущего голову в песок. Мы не имеем права молчать. Вторая чеченская — рана, саднящая у нашего народа до сих пор. Я совершенно не льщу себе мыслью, что в своей книге я сказал всю правду. Я лишь утверждаю, что об этой войне обязательно нужно говорить, и говорить честно и беспристрастно. Я постарался это сделать. Результат — перед вами.

Евгений Норин в книжной лавке «Листва».
Санкт-Петербург, 2021 год.
Фото Алексея Павлова.

ГЛАВА 1
ТЕРРИТОРИЯ КОМАНЧЕЙ

Чеченские родовые башни.
Сентябрь 2016, Веденский район, Чечня.
Фото Дмитрия Белякова.

Мы будем зимой и летом, осенью и весной, ночью и днём, утром и вечером жечь, взрывать, резать и убивать, чтобы у вас кровь стыла в ваших жилах. — Магомед Тагаев. Повстанческая армия имама[1]

Россия может бросить Чечню. Но погружённая в хаос и гражданскую войну Чечня никогда не оставит Россию. — Сергей Маркедонов. Чечня-1994: упущенный шанс на мир[2]

1996 год стал годом невиданного унижения России. Ядерная держава фактически капитулировала перед одним из собственных регионов — Чечнёй. После почти двухлетней войны начальник штаба чеченских сепаратистов Аслан Масхадов и секретарь Совета безопасности России Александр Лебедь в дагестанском городке Хасавюрт подписали договорённость о прекращении боевых действий в Чечне и выводе оттуда российских войск.

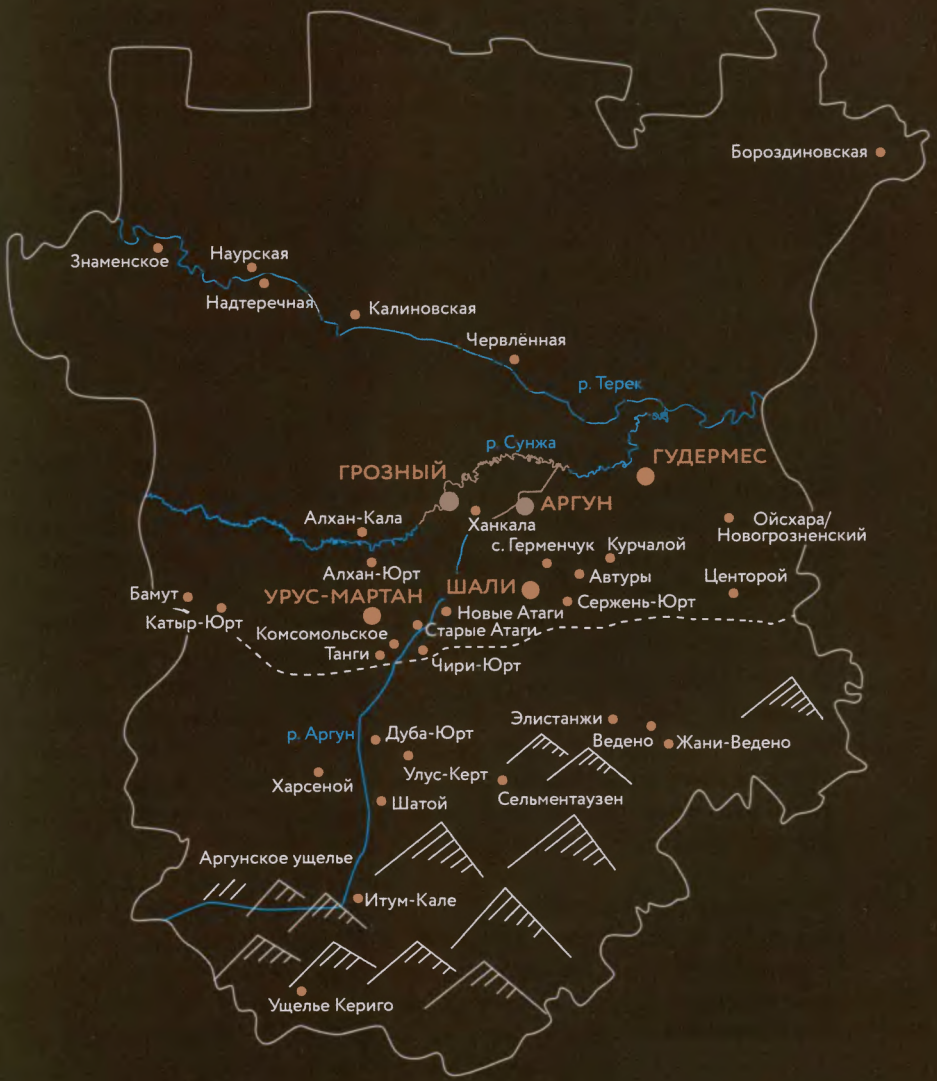
Нельзя сказать, что хасавюртовская капитуляция стала громом среди ясного неба. Россия долго шла к этому поражению. К тому же подписание позорного мира, увы, в значительной мере соответствовало общественному запросу. И хотя позднее генерала Лебедя подвергнут остракизму за Хасавюрт, в тот момент он просто действовал как политик-популист.

Чеченский конфликт начался в конце 80-х, когда затрещал по швам Советский Союз. Сепаратисты стремительно прошли путь от диссидентских кружков до превращения в мощное, массовое движение. Часть его сторонников составляли национал-романтики, считавшие, что независимое чеченское государство сможет самостоятельно жить без оглядки на Россию. Это выглядело невозможным даже при взгляде на географическую карту. Чечня окружена российской территорией с трёх сторон, а южную границу с Грузией составляют практически непроходимые горы. Но даже такие простейшие размышления мало кому приходили в голову.

Цит. по: Александр Михайлов. Чеченское колесо. 2002.

https://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/275481-chechnya-1994-upushchennyi-shans-na-mir

СОВРЕМЕННАЯ КАРТА ЧЕЧНИ



Однако лидерами чеченского национального движения были люди куда более прагматичные. В 1991 году сепаратисты во главе с Джохаром Дудаевым захватили в Чечне власть и провозгласили независимость. Республика быстро стала придатком к собственной мафии. Режим Дудаева процветал на коррупционных схемах, связанных с контрабандой нефтепродуктов, а также присвоении социальных выплат из российской казны. Другие военные вожди занимались финансовыми махинациями, контрабандой оружия и других товаров, разбоем.

Из Чечни начали выдавливать русское население. Многих, кто не успел или не захотел бежать, — убили. После первой войны русских в Чечне почти не осталось. Бежали и некоторые чеченцы, недовольные варварским укладом жизни, установившимся в республике.

В 1993 году началась полноценная внутренняя война между сторонниками Дудаева и вооружённой пророссийской оппозицией.

Москва до самого окончания первой войны не могла определиться с собственной стратегией по отношению к Чечне. Если на рубеже 80-х и 90-х администрация Ельцина относилась к дудаевцам чуть ли не с осторожным оптимизмом, как к борцам против советской власти, то уже осенью 1991 года Ельцин ввёл в республике чрезвычайное положение. Однако попытки российских властей вести переговоры с дудаевцами быстро зашли в тупик. Сами же дудаевцы за это время разграбили оставшиеся от Советской армии арсеналы и начали представлять серьёзную военную силу. Россия пыталась сместить Дудаева с помощью лояльной оппозиции, однако та оказалась недостаточно мощной. А «нулевой» штурм Грозного в конце ноября 1994 года с участием пророссийской чеченской пехоты и русских военных окончился полной катастрофой. Два десятка русских были захвачены в плен дудаевцами и показаны по центральному ТВ.

После этого Кремль решился на полноценную силовую операцию, начатую в середине декабря 1994 года. В ходе новогоднего штурма Грозного и последовавших за ним городских боёв город был полностью разрушен. Однако сопротивление дудаевцев оказалось гораздо ожесточённее, чем предполагали в Москве. Потери российских войск уже в марте 1995 года достигли полутора тысяч человек погибшими.

Внутри России война была крайне непопулярна. Парламентская оппозиция и пресса остервенело критиковали Ельцина и его администрацию. Кроме того, войну не одобряли и на Западе, а от западных кредитов и поддержки правительство РФ зависело напрямую.

Всё это привело к постоянным метаниям. Военную кампанию регулярно останавливали для перемирий и переговоров. Особенно долгим было перемирие лета–осени 1995 года, после теракта в Будённовске. Российская армия была просто парализована. К партизанско-террористической войне оказалась не готова ни страна, ни правительство, ни Вооружённые Силы. Ничего не изменила даже гибель Джохара Дудаева весной 1996 года. В результате, когда летом 1996-го чеченские боевики начали отвоёвывать Грозный и среди руин города снова развернулись тяжёлые бои, российские власти почти с облегчением пошли на новые переговоры.

ДЕМОКРАТЫ В ПАПАХ

В декабре 1996 года Чечню покинули последние российские солдаты. За их спинами осталась разрушенная республика, находящаяся во власти военных вождей. Москве казалось, что ценой позора можно заполучить мир. Вскоре выяснилось, что за такую сомнительную валюту его приобрести нельзя. Английский автор Анатоль Ливен, писавший о Чеченской войне, заметил, что «чеченское восстание 1990-х в значительной мере было не только восстанием против советского и российского государства, но и против государства современного типа как такового». В течение нескольких лет чеченской независимости эта мысль подтвердилась.

После гибели Дудаева появилось множество претендентов на роль лидера сепаратистов. Их мало что объединяло, кроме желания воевать против России. Выбрать президента предстояло в январе 1997 года. Среди десятков желающих выделилось четверо лидеров: Шамиль Басаев, Аслан Масхадов, Зелимхан Яндарбиев и Мовлади Удугов. В качестве пророссийского кандидата в эту предвыборную гонку пытался включиться Руслан Хасбулатов, однако под нажимом военных вождей он снял кандидатуру.

АСЛАН АЛИЕВИЧ МАСХАДОВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
21.07.1951	с. Шокай, Казахстан

- В 1957 году вернулся вместе с семьёй в Чечню из ссылки. Жил в Надтеречном районе.
- В 1972 году окончил Тбилисское высшее артиллерийское командное училище.

- Служил в артиллерийских частях.
- В 1981 году с отличием окончил Ленинградскую военно-артиллерийскую академию.
- Командовал самоходно-артиллерийским полком. Последнее звание в Советской армии — полковник.
- В 1992 году уволился с военной службы, присоединился к Дудаеву и был назначен заместителем начальника Главного штаба при Дудаеве, с марта 1994 года — начальник штаба.
- Командовал операциями против антидудаевской оппозиции в 1993-1994 годах.
- Командовал обороной Грозного в 1994-1995 годах, координировал действия боевиков в ходе дальнейших боевых действий.
- В августе-октябре 1995 года руководил чеченской делегацией на переговорах.
- Руководил наступлением боевиков на Грозный летом 1996 года.
- В 1996 году вместе с Александром Лебедем и другими лицами подписал Хасавюртовские соглашения о прекращении огня.
- В январе 1997 года избран президентом Чечни (59% голосов избирателей в первом туре). Фактически ситуацию в Чечне не контролировал.
- С 1999 года — номинальный командующий вооружённым подпольем в Чечне.
- 8 марта 2005 года убит в результате спецоперации ФСБ в селе Толстой-Юрт неподалёку от Грозного.

Масхадов, бывший начальник штаба Дудаева, занимал наиболее взвешенную позицию и не был ни религиозным фанатиком, ни оголтелым сторонником войны. Его взгляды были умереннее, чем у Яндарбиева и Удугова, с их идеалами радикальной исламизации и архаизации Чечни. Басаев же по итогам войны оказался наиболее сильным и влиятельным среди полевых командиров — даже несмотря на то, что его действия в Будённовске не всех привели в восторг даже в самой Чечне. Хасавюртовские соглашения он, разумеется, не ставил ни в грош. В интервью литовской прессе вскоре после окончания войны террорист заявил:

«С Россией война будет продолжаться. Ведь они так по-скотски, бесчеловечно вели себя в Чечне. Если нам будет выгодно, мы будем говорить с любым руководителем этой страны. Но только пусть Россия заплатит нам 700 миллиардов долларов США за ущерб, причинённый Чечне, а мы на эти деньги сможем купить пол-России»[1].

Басаев не в одиночку представлял буйную часть чеченского общества. Другой знаковый деятель, Салман Радуев, высказывался в том же направлении:

«Я не скрываю, что не хочу мира с Россией. Многим удобно, чтобы мы воевали с ней. В ближайшее время я собираюсь вооружить армию из 5 тысяч человек. Не боевиков, а хорошо обученную диверсионную армию. Мы будем взрывать железнодорожные станции, потому что это стратегически важные военные объекты»[2].

Басаева, Радуева и им подобных полевых командиров никакие доводы рассудка не могли бы заставить перековать мечи на орала. Независимая Чечня столкнулась с проблемой, исключавшей её мирное

---

[1] http://newsruss.ru/doc/index.php/Межвоенный_период_в_Чечне

[2] Цит. по: Николай Гродненский. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. 2004.

развитие: она создавалась при помощи автомата людьми, способными в основном к партизанской войне и террору. Единожды победив державу со стопятидесятимиллионным населением, эти люди не собирались проводить жизнь в скучном обустройстве вотчин из нескольких полуразрушенных деревень. На третий Рим они смотрели взором Алариха. Подобные взгляды разделяли в Чечне многие, кого война вывела на верхушку социальной лестницы.

Кроме того, на власть в Чечне всерьёз мог претендовать Зелимхан Яндарбиев. Он не обладал таким мощным вооружённым отрядом, как Басаев, однако был одним из ключевых идеологов Ичкерии. Некогда третьестепенный советский поэт и функционер, он стал известен всей Чечне ещё в коммунистическую эпоху. Яндарбиев стоял у истоков движения за независимость, привёл в политику Джохара Дудаева и был его правой рукой. Фанатичный исламист и одновременно чеченский националист, Яндарбиев исполнял обязанности формального лидера непримиримых после гибели Дудаева. До выборов 1997 года он успел отдать несколько значимых распоряжений о приведении чеченских законов к нормам шариата. Если для Дудаева религия была скорее фоном, то Яндарбиев мечтал построить исламскую Чечню.

Однако основную массу населения Чечни составляли вовсе не абреки, готовые продолжать войну бесконечно, и не исламские фанатики. Поэтому «миролюбивый» Масхадов выиграл президентские выборы с сокрушительным результатом: почти 60% голосов.

Перед выборами 1997 года радикалы попали в политтехнологическую ловушку. К выборам не допустили никого, кто хотя бы отдалённо походил на пророссийского кандидата. Зато радикалы были представлены на любой вкус. Террорист и военный вождь Басаев, религиозный фанатик Яндарбиев, идеолог Ичкерии Мовлади Удугов. Совокупно «непримиримые» набрали увесистые 34% голосов, но разделили их на троих, тогда как Масхадов все «умеренные» голоса забрал себе. Но окажись в избирательном бюллетене вместе с Масхадовым пара других известных умеренных кандидатов вроде Хасбулатова, голоса могли бы распределиться иначе.

Теоретически, победа открывала Масхадову широкие возможности для проведения реформ в разрушенной республике. Но на практике

президентский пост в Чечне мало что значил. Масхадов мог полагаться только на собственные отряды, которыми он командовал ещё во время войны. Для того чтобы хоть как-то нормализовать жизнь в республике, Масхадов должен был бы разгромить бывших товарищей, но те имели в своём распоряжении значительно больше людей, денег и оружия. Масхадов же, по выражению сотрудников российских спецслужб, мог сходить на базар без риска быть похищенным ради выкупа, но и только. Никакого почтения к выборным органам власти вооружённые люди в Чечне не испытывали.

Таким образом, выиграв выборы, Масхадов тут же оказался в политическом вакууме. Басаев, Яндарбиев и Удугов (занявшие на выборах 2–4 места) быстро нашли общий язык. Масхадов же попал в ситуацию, когда любые его меры радикалам было легко торпедировать, а он оказывался ответственным абсолютно за всё, не будучи в состоянии сделать практически ничего.

Несколько странно, что Москва никак не пыталась сыграть на противостоянии Масхадова и воинственных радикалов. А возможности расколоть сепаратистское движение имелись. Тем более, что в ход событий вмешался новый фактор, не имевший большого значения в первую войну: радикальные религиозные течения.

ВОПРОСЫ ВЕРЫ

До сих пор религиозный фактор играл в чеченском конфликте второстепенную роль. Чеченцы в массе своей были более привержены обычаям-адатам, чем шариату. Кроме того, серьёзно сказывалось наследие советской атеистической системы образования, которая сильно размыла «духовные скрепы» чеченского общества. Неудивительно, что в 1997 году выборы выиграл наименее зацикленный на духовных вопросах кандидат. Однако межвоенный антракт стал временем активной экспансии нового движения — салафитов[1].

Слово «ваххабизм», которым часто называют учение салафитов, распространилось на Кавказе в конце XX века. Оно не вполне точно. Обиходное название этой секты пришло в русский язык от мусульман традиционного толка, которые использовали устоявшийся термин. Сами сектанты допускали именование себя салафитами.

Салафиты выступают за чистоту ислама и ориентируются на мусульманские общины раннего средневековья. С точки зрения салафитов, все нововведения в исламе со времён первых халифов и пророка Мухаммеда наносные и нарушают чистоту ислама. Для салафитов неприемлемо почитание религиозных учителей, принятое в суфийской версии ислама, традиционной для Кавказа. Они выступают против использования любых законов, кроме шариатских, не признают типичного для Кавказа сращивания ислама с местными традициями. И, что очень важно в политическом контексте, исходят из того, что ислам должен постоянно и непосредственно влиять на общественную жизнь.

В конечном счёте ключевые требования салафитов — это введение шариатского законодательства и жёсткий набор правил, основанный на религиозных нормах и регулирующий все сферы жизни. На Кавказе распространению салафитских взглядов способствовали бедность и высокий даже по российским меркам уровень коррупции. Люди видели в радикальном учении путь к решению наболевших проблем.

Относительно тонкостей салафитской теологии существуют разногласия внутри самого мусульманского сообщества, однако для нас важен в первую очередь вопрос об отношениях адептов этой секты с внешним миром. И здесь на первый план выходит принципиальная нетерпимость салафитов к немусульманскому обществу и государственным институтам, а также традиционному исламу Кавказа. «Между ваххабитами и нормальными мусульманами всего лишь полпроцента различий, но эти „пять десятых процента" не дают ваххабитам ни с кем мирно сосуществовать»[1], — комментировал это отличие ваххабизма от традиционного ислама религиовед Роман Силантьев. Салафиты требовали не только переделать чеченское общество под свои нормы, но и намеревались перенести священную войну за пределы республики.

Радикальная секта развивалась в Чечне с подачи агитаторов с Ближнего Востока. Салафиты собирались сделать Чечню исламским государством. Непосредственно в республике одним из основных сторонников его создания стал Зелимхан Яндарбиев. Его роль в превращении Чеченской

---

[1] https://66.ru/news/society/126635/

войны в религиозную огромна. В сентябре 1996 года он распорядился учредить шариатские суды вместо светских и начал формировать исламскую гвардию из радикалов. Кроме того, он ввёл «шариатский уголовный кодекс», фактически — копию УК Судана. Этот шедевр юридической мысли включал натуральную компенсацию (сто коров за убийство человека, причём в ранней редакции речь шла о верблюдах), нанесение увечья в качестве наказания за причинение вреда здоровью, уголовную статью за адюльтер, бичевание и тому подобную архаику[1]. Отдельно стоит упомянуть внушительный список способов смертной казни — побивание камнями, отсечение головы и «способ, каким преступник лишил жизни жертву». Правда, строгость закона компенсировалась необязательностью исполнения: разыскать преступника в Чечне было трудной задачей.

В додудаевское время ислам в Чечне проявлял себя не столь сильно. Во время войны же число верующих и интенсивность религиозных переживаний росли скорее в силу экстремальных условий: в подвалах под огнём мало атеистов и скептиков. Так что теперь ваххабиты/салафиты отчасти заполняли вакуум.

Арабские проповедники, боевики и представители международных террористических группировок начали прибывать в Чечню ещё в ходе первой войны. Широкую известность в России получил саудовец Хаттаб (в прессе его иногда именовали иорданцем). Но Хаттаб был в первую очередь «военспецом», мастером террористических акций и диверсий, создания подпольных сетей. Ничуть не менее значимыми, хотя и намного менее известными, были финансисты и идеологи. Например, Абу Омар Ас-Сейф[2], уроженец Саудовской Аравии. Ас-Сейф приехал в Чечню около 1995 года и поначалу воевал в отряде Хаттаба. Он представлял в Чечне международную террористическую группировку «Аль-Каида» и занимался в первую очередь невоенными вопросами. В Чечне он был близок к Яндарбиеву и помогал тому с созданием системы шариатских судов. Кроме того, он непосредственно черпал деньги из «благотворительных» организаций Ближнего Востока, в частности из «Исламского фонда двух святынь» («Аль-Харамейн»).

УК Ичкерии: https://yadi.sk/i/dlHaCHv-YREQR

http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10341104%40fsbMessage.html

ХАТТАБ (НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ САМЕР САЛЕХ АС-СУВЕЙЛЕМ)

Фото Дмитрия Белякова

дата рождения:
14.04.1969

место рождения:
г. Арар, Саудовская Аравия

национальность:
араб

- 1987: увлёкшись радикальными религиозными идеями, уехал в Афганистан. Прошёл подготовку в лагерях боевиков.
- 1987–1989: участвовал в Афганской войне на стороне исламских партизан. Был ранен, при случайном взрыве собственной гранаты потерял пальцы на руке.
- 1989–1994: участвовал в боевых действиях гражданской войны в Афганистане.
- 13 июля 1993 года: участвовал в нападении на российскую заставу на таджикско-афганской границе в качестве тактического командира. В результате нападения погибли 25 пограничников.
- 1995: приехал в Чечню с группой боевиков арабского происхождения. Сблизился с шейхом Али Фатхи аш-Шишани, чьи ученики составили костяк первого отряда Хаттаба.
- 1995–1996: участвовал в войне в Чечне. Получил широкую известность в апреле 1996 года после успешной засады на колонну 245-го мотострелкового полка у Ярышмарды (погибли 73 российских солдата).
- Организовал сеть учебных лагерей для подготовки боевиков.

- Август 1996 года: участвовал в нападении на Грозный.
- 1996: После завершения войны остался в Чечне. Продолжил развивать сеть лагерей подготовки террористов. Развернул сеть террористических ячеек в кавказских республиках за пределами Чечни.
- 17 декабря 1996 года: по ряду сообщений, причастен к уничтожению миссии Международного Красного Креста в Старых Атагах (убиты 5 медсестёр разных наций и строитель, тяжело ранен начальник госпиталя).
- 1997–1999: Объединился с арабскими и чеченскими религиозными радикалами. Стоял в оппозиции правительству Аслана Масхадова.
- 22 декабря 1997 года: организовал нападение на военный городок в Буйнакске (Дагестан). Погибли несколько человек, боевики захватили заложников и под их прикрытием ушли в Чечню.
- 1999 год, август-сентябрь: непосредственно руководил вторжением террористов из Чечни в Дагестан. Кроме того, организовал подрывы жилых домов в России, в основном силами Карачаево-Черкесского джамаата.
- 1999–2000 годы, осень-зима. Участвовал во второй кампании в Чечне. Руководил крупным отрядом в юго-восточной части республики. Организовал серию засад в январе 2000 года, при этом под видеозапись лично расстрелял пленного офицера. Руководил прорывом боевиков из окружения в Аргунском ущелье в феврале 2000 года. Лично командовал боем против 6-й роты псковского десанта.
- 2000–2002: участвовал в партизанско-террористической войне на территории Чечни.
- Уничтожен 19 марта 2002 года в результате специальной операции ФСБ сильнодействующим ядом.

Этот фонд базировался в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) и располагал широкой сетью отделений по всему миру — в США, Пакистане, Афганистане, Бангладеш, Индии и т. д. — на пике до 50 стран. Фонд направлял часть денег на реальную благотворительность с религиозным оттенком — строительство мечетей, детских домов, раздачу еды нищим и т. д., — однако он был напрямую связан с «Аль-Каидой» и лично Усамой бен Ладеном, а основной его задачей было скрытое финансирование террористических групп. Помимо террористических групп в Чечне фонд спонсировал целый ряд акций, включая кровавые взрывы в посольствах США в Кении и Танзании[1]. Ас-Сейф был ликвидирован только в 2005 году в Дагестане.

Другим значимым персонажем такого рода был шейх Али Фатхи аш-Шишани. Как можно догадаться по фамилии, он имел чеченские корни, но происходил из Иордании. Шейх приехал в Чечню достаточно рано, ещё до первой войны, но в основном занимался идеологической обработкой молодых боевиков. Во время первой войны Фатхи был близок к Дудаеву. Когда Хаттаб впервые прибыл в Чечню в 1995, Фатхи помог ему адаптироваться и привёл первых людей к нему в отряд. Это была паства Фатхи, которой тогда недоставало боевых навыков[1]. Фатхи был, с одной стороны, состоятельным человеком, что позволяло ему содержать себя и поддерживать боевиков снаряжением, а с другой — фанатичным исламистом. Его двоюродный брат был убит, воюя с израильтянами. Фатхи же сначала воевал в Афганистане, а затем приехал в Чечню. Он был одним из людей, которые привнесли в чеченское вооружённое подполье религиозные мотивы, включая саму терминологию — «джамаат», «муджахид», «амир» и т. д. Фатхи умер в 1997 году от последствий ранения, полученного в Афганистане.

Ещё одним значимым персонажем арабского происхождения был Сейф Ислам[2], он же Мохмад Мохамад Шабаан. Этот человек тоже воевал в Афганистане и участвовал в первой чеченской, куда приехал по линии террористической группировки «Братья-мусульмане». Был тесно связан с «Аль-Каидой». В Чечне Сейф Ислам представлял ещё один «благотворительный фонд» — Benevolence International Foundation.

---

1 https://home.treasury.gov/news/press-releases/js1895

2 В переводе с арабского — «меч ислама».

BIF также базировался в Саудовской Аравии и спонсировал исламский терроризм под прикрытием гуманитарной организации, которая раздаёт продовольствие беженцам и обездоленным в горячих точках. BIF располагал множеством офисов не только в исламских, но и западных странах (включая США и Британию), а также на постсоветском пространстве — в Таджикистане, Азербайджане, Грузии (один офис в Панкисском ущелье — зоне компактного проживания грузинских чеченцев, второй в Тбилиси). В России представительства BIF находились в Дагестане, Ингушетии, Москве и, конечно, Чечне[1]. Сейф Ислам скрывался очень долго и был застрелен в ходе спецоперации аж в 2010 году[2].

В разорённой республике с невысоким уровнем образования, а главное — недееспособной центральной властью, религиозные фундаменталисты могли иметь успех — особенно среди ненавоевавшихся боевиков. Тем более, что радикалы из арабских нефтяных держав обеспечили их баснословными по чеченским меркам деньгами. Лояльность многих неофитов на первых порах миссионеры просто покупали.

Однако деньги невозможно считать единственным фактором успеха. Идеология салафитов идеально соответствовала чаяниям местной воинственной молодёжи: грабить, убивать неверных, освобождать братьев в соседних республиках. Идеи радикалов распространялись со скоростью лесного пожара. Борьба под лозунгами национального освобождения превращалась в борьбу за веру. Этот перелом произошёл именно между двумя войнами.

Вскоре Яндарбиев и арабские проповедники нашли противника в лице действующего муфтия Чечни Ахмата Кадырова. Кадыров принадлежал к духовенству ещё в советские времена, он относился к традиционному для Чечни суфийскому направлению ислама. Появление «конкурирующей фирмы» в лице салафитов муфтия не обрадовало. Сам Кадыров стал муфтием уже при Дудаеве и активно поддерживал боевиков, однако сейчас его положение было непрочным, так что он имел все основания опасаться молодой наглой секты.

---

https://home.treasury.gov/news/press-releases/po3632

https://lenta.ru/news/2010/02/03/qaeda/

АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВ (АХМАТ АБДУЛХАМИДОВИЧ КАДЫРОВ)

Фото Владимира Родионова

дата рождения	место рождения
21.08.1951	Караганда, Казахская ССР

- Родился в ссылке в Казахстане после депортации. Семья вернулась в Чечню в 1957 году, жила в с. Центорой.
- В ранние годы работал в совхозе и строительных артелях.
- 1980: поступил в медресе в Бухаре.

- 1982: поступил в исламский ма́хад (учебное заведение) Ташкента.
- 1986: после обучения в Средней Азии вернулся в Чечню и служил в мечети Гудермеса.
- 1993: был назначен заместителем муфтия Чечни. Поддерживал Джохара Дудаева.
- 1994 год, сентябрь: стал и. о. муфтия Чечни.
- 1995: избран муфтием Чечни. Призывал вести боевые действия против российских войск.
- 1996-1999: стоял в оппозиции набирающим силу в республике салафитам.
- 1999: перешёл на сторону России, объявлен Масхадовым врагом чеченского народа.
- 2000: назначен президентом России Владимиром Путиным главой администрации Чечни. Сложил с себя полномочия муфтия.
- 2001: запретил деятельность ваххабитов/салафитов на территории Чечни.
- 2003: избран президентом Чечни (81% голосов избирателей).
- 9 мая 2004 года убит в результате террористического акта мощным взрывным устройством на стадионе «Динамо» в Грозном.

Естественным противником исламистов стал также президент Чечни Масхадов, наиболее светский лидер сепаратистов. Он тоже не видел Чечню целиком светским государством. Масхадов поддержал введение шариатских судов и объявление ислама государственной религией Ичкерии, надеясь использовать веру для стабилизации обстановки в республике. Проблема в том, что его личный авторитет от этого шага никак не вырос. В оппозицию по разным причинам ушли все наиболее серьёзные полевые командиры. Пытаясь наладить хотя бы какое-то управление остатками хозяйства, Масхадов включил в свой аппарат нескольких чиновников бывшего пророссийского правительства Завгаева. Сам Завгаев к тому моменту уже отправился на де-факто не очень почётную пенсию — послом России в Танзании. Но это обстоятельство не спасло Масхадова от обвинений в работе на Кремль. В конце концов, пытаясь договориться с Басаевым, Масхадов назначил его «вице-премьером» (должность «премьер-министра» при этом занимал тот же Басаев) и только добавил таким образом авторитета самому одиозному атаману.

Все эти религиозно-политические игры проходили на фоне роста влияния салафитских проповедников в Чечне. Радикалы устанавливали власть ислама в аулах, что приводило к стычкам, и в 1998 году Чечня находилась уже в состоянии вялотекущей гражданской войны. Сам Масхадов пережил серьёзное покушение. Салафиты привлекли на свою сторону несколько крупных полевых командиров, включая Арби Бараева, выделявшегося жестокостью даже в этой среде, и влиятельный клан работорговцев братьев Ахмадовых.

Наконец, к салафитам примыкал также саудовец Хаттаб, профессиональный джихадист, воевавший против русских ещё в Афганистане и Таджикистане и после первой войны решивший остаться в Чечне. Этот человек имел гораздо более широкий взгляд на вещи, чем основная масса полевых командиров. Хаттаб приехал в Чечню во время первой войны и быстро сколотил отряд. Помимо чеченцев, Хаттаб собрал вокруг себя большинство приехавших в республику иностранных боевиков и изначально был настроен на продолжение и развитие войны. Он был чуть ли не единственным из приехавших в Чечню арабов, кто стал широко известен в России и даже на Западе — благодаря своей готовности красоваться перед журналистами и раздавать интервью. Кроме того, он был действительно профессиональным диверсантом и, главное, умел обучать других.

Хаттаб быстро создал сеть тренировочных лагерей в Чечне и поставил на регулярную основу обучение новых боевиков. По оценкам российских специалистов, обучение в этих лагерях велось на высоком уровне [2]. Важным моментом было то, что «курсантами Хаттаба» зачастую являлись люди не из Чечни — в основном из Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Как видим, формально в Чечне имелись избранные органы власти, но фактически управление осуществляли люди, не имевшие официального статуса. Масхадов теоретически мог апеллировать к воле избирателей, однако деньги, чёткая идеология и военная сила находились в руках совершенно других людей.

Гелаев, Радуев и более мелкие командиры маневрировали, то объявляя о своей лояльности Масхадову, то обвиняя его в разнообразных грехах. На пространстве приблизительно 150 на 100 километров действовали десятки самостоятельных командиров, каждый из которых желал свою долю власти над тем, что оставалось от Чечни. В конце концов Масхадов окончательно размежевался с оппозицией, общим лидером которой стал Басаев.

ГНЕЗДО ВСЕХ РАЗБОЙНИКОВ

Чечня 1996–1999 годов лежала в руинах, однако деньги на содержание дружин в стране водились. Хотя республика не производила ничего, а уставшие от жизни на современной Тортуге люди понемногу разбегались, кое-кто в Чечне процветал.

Начать следует, пожалуй, с российских же дотаций «на восстановление» Чечни. За три года её независимости бюджет России похудел не менее чем на 300 миллионов долларов[1], причём до самой Чечни доходила меньшая часть. Средства, направленные на восстановление, по большей части присваивались ещё по дороге. До террористов доходила лишь малая доля. Когда этот вопрос подняли перед Ельциным, тот просто сказал: «А чёрт его знает, куда деваются эти деньги»[2].

---

https://novayagazeta.ru/articles/2001/04/23/11804-vzyatie-kazny

https://www.kommersant.ru/doc/2285352

АРБИ АЛАУТДИНОВИЧ БАРАЕВ

дата рождения:
27.05.1973

место рождения:
с. Алхан-Кала,
Чечено-Ингушская АССР

национальность:
чеченец

- До войны работал в ГАИ.
- В ходе первой войны сформировал свой отряд, «батальон „Джамаат"», пользуясь протекцией дяди, Вахи Арсанова. Позднее отряд Бараева назывался «Исламским полком особого назначения».
- Участвовал в террористическом акте в Будённовске летом 1995 года.
- Один из первых командиров, на регулярной основе похищающий людей ради выкупа. Похищал как русских, так и чеченцев.
- Отличался чрезвычайной жестокостью, пытал и убивал заложников.
- С 1997 года ушёл в оппозицию Аслану Масхадову.
- Организовал ряд резонансных похищений людей, включая высокопоставленного работника ООН Винсента Коштеля и полпреда президента России в Чечне Валентина Власова.
- Казнил четырёх захваченных инженеров — трёх англичан и новозеландца — после провала переговоров о выкупе. Инженерам отрезали головы.

- Участвовал в битве за Грозный в 1999-2000 годах.
- Стал пионером в использовании для терактов женщин-смертниц, для первого такого теракта использовал родственницу, Хаву Бараеву.
- Организовал ряд убийств чеченцев, сотрудничавших с российскими властями.
- Уничтожен 23 июня 2001 года в ходе спецоперации в Алхан-Кале.

РУСЛАН ГЕРМАНОВИЧ ГЕЛАЕВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
16.04.1964	с. Комсомольское, Чечня

- Окончил три класса средней школы. По некоторым данным, имел судимости за общеуголовные преступления.
- В 1992–1993 годах участвовал в войне в Абхазии на стороне абхазских повстанцев.

- С 1993 года командовал собственным отрядом («полк специального назначения „Борз“»).
- Активный участник обеих войн в Чечне. Командовал отрядом в Грозном, а позднее — в горной части республики. Участвовал в нападениях на Грозный весной и летом 1996 года.
- Весной 1995 года казнил нескольких пленных солдат и офицеров в качестве мести за продолжение боевых действий российскими войсками.
- В ходе второй войны в Чечне участвовал в обороне Грозного. В феврале-марте 2000 года отряд Гелаева был окружён и разгромлен в селе Комсомольское.
- Организовал базу чеченских боевиков в Грузии.
- В 2002 году организовал рейд через территорию Ингушетии.
- Убит в феврале 2004 года во время боёв с российскими войсками на территории Дагестана.

ШАМИЛЬ САЛМАНОВИЧ БАСАЕВ

Фото Натальи Медведевой

дата рождения	место рождения
14.01.1965	с. Дышне-Ведено, Чечня

- В 1983–1985 годах проходил срочную службу в Советской армии.
- Безуспешно пытался получить высшее образование. До 1991 года занимался низкоквалифицированным трудом.
- В 1991 году вступил в вооружённый отряд при Общенациональном конгрессе чеченского народа. Участвовал в захвате здания и арсенала КГБ ЧИАССР.
- В ноябре 1991 года захватил пассажирский самолёт «в знак протеста против введения чрезвычайного положения на территории Чечни».
- В 1992–1993 годах участвовал в войнах в Нагорном Карабахе (на стороне правительства Азербайджана) и Абхазии

(на стороне абхазских повстанцев). Сформировал собственный отряд в ходе боевых действий в Абхазии.

- Проходил краткосрочную боевую подготовку в лагерях боевиков в Афганистане.
- В Чечне при Дудаеве возглавлял крупнейший независимый отряд — «Абхазский батальон».
- Активный участник боёв с антидудаевской оппозицией и российскими войсками.
- В июне 1995 года организовал террористический акт в Будённовске.
- Участвовал в ряде крупных столкновений в кампании 1996 года, включая поддержку отряда Радуева во время боёв за Первомайское и атаку на Грозный летом 1996 года.
- В 1997 году неудачно участвовал в выборах президента Чечни.
- Между первой и второй войнами примкнул к радикальным исламистам. Возглавлял крупную вооружённую группировку, занимавшуюся бандитизмом.
- В августе 1999 года совместно с полевым командиром арабского происхождения Хаттабом организовал вторжение в Дагестан.
- Активный участник второй войны в Чечне. Тяжело ранен во время боёв за Грозный в феврале 2000 года, потерял ногу.
- Неформальный лидер вооружённого подполья в Чечне и шире, на Северном Кавказе, до 2006 года. За это время организовал ряд крупных терактов с массовыми жертвами, включая массовый захват в заложники и убийство детей в г. Беслан 1-3 сентября 2004 года.
- 10 июля 2006 года погиб при туманных обстоятельствах во время взрыва перевозившего боеприпасы и взрывчатку грузовика в с. Экажево в Ингушетии. По официальной версии — убит в результате спецоперации. По иной версии, погиб в результате самопроизвольной детонации взрывчатых веществ.

Одной из отраслей хозяйства внутри Чечни стало кустарное производство нефтепродуктов. Мощная нефтяная промышленность, построенная ещё в России и СССР, лежала в руинах, и теперь чёрное золото добывалось самыми варварскими способами. К тому же через Чечню пролегал трубопровод, превращённый, разумеется, предприимчивыми вооружёнными группами в «месторождение». Подсчитать общее количество кустарных нефтезаводиков нереально, но речь идёт о тысячах скважин и врезок в нефтепроводы. Ущерб окружающей среде от такой «индустрии» едва ли поддаётся учёту.

Куда более серьёзным источником средств был магистральный трубопровод Баку–Новороссийск, даже при всех врезках прокачивавший через республику немало нефти. Басаев, как наиболее сильный из полевых командиров, сумел поставить под свой контроль транзит чёрного золота сквозь республику через своего брата Ширвани. В начале 1998 года Ширвани Басаев возглавил «комитет по топливу и энергетике» в масхадовском правительстве Чечни. Это был превосходный козырь: братья Басаевы получили контроль над нефтепроводом. Россия официально выплачивала за прокачку нефти через Чечню значительные суммы, исчисляемые миллионами долларов в год[1].

Другим источником прибыли стала контрабанда наркотиков. Поскольку граница контролировалась слабо, а сама Чечня — никак, существовали все возможности и к транзиту, и к производству наркотиков на месте. Чечня стала серой зоной, где можно было заниматься любым криминальным бизнесом, не опасаясь государства, полиции и судов.

Однако наиболее яркой визитной карточкой Ичкерии стали похищения людей ради выкупа. Этот обычай вошёл в привычку у полевых командиров ещё в первую войну, но теперь они могли развернуться на полную катушку. Акции по захвату особо ценных заложников вели полноценные отряды, отлично оснащённые транспортом, средствами связи и вооружением. Хотя чаще всего всё происходило просто и вульгарно: встреча на улице, пистолет в бок, мешок на голову.

Людей обычно похищали из соседних областей, хотя иногда действовали и в глубине России. Например, весной 1999 года в Саратове

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/215926

Ширвани Басаев (слева), брат Шамиля.
Декабрь 1999 года, Ца-Ведено.
Фото Дмитрия Белякова.

похитили дочь местного предпринимателя. Девочку семь месяцев держали в подвале, ожидая, пока родители соберут выкуп. Зверски пытали, снимая происходящее на видео, отрезали два пальца — и в итоге возвратили родителям за большие деньги.

Основную массу заложников составляли обычные люди, за которых не хлопотали влиятельные покровители. 14 марта 1999 года террористы похитили 59-летнюю учительницу Наталью прямо у входа в школу, затащив в машину. В плену она питалась хлебом и водой, иногда не видя и хлеба по три дня. В погребе водились крысы. Похитители пытались договориться о сумме выкупа с родственниками, но с ходу им этого не удалось. Стандартная история: людокрады всегда начинали торговаться с несуразных сумм. Когда они заявили родственникам, что отрежут Наталье палец под видеокамеру — что было тоже обычным способом давления, — та решила спасаться любой ценой. Ей удалось сказаться больной, после чего бандиты ослабили контроль. Учительница смогла бежать через окошко, а затем при помощи мирной местной семьи добраться до Ингушетии[1].

Масхадов пытался бороться с похищением людей, однако ничего конкретного так и не добился: слишком прибыльным был бизнес. К тому же в него были вовлечены самые разные полевые командиры, от вице-президента Вахи Арсанова до идеологов — Зелимхана Яндарбиева и Мовлади Удугова. Чтобы одолеть работорговлю, истеблишменту Ичкерии пришлось бы истребить самого себя. Практика похищений пошла на спад, но не исчезла даже с началом второй войны. Например, журналиста «Московских новостей» Дмитрия Бальбурова украли в Ингушетии уже осенью 1999 года. Пока на Тереке полыхало сражение, корреспондента держали в землянке в чеченских горах. Его освободили только через три месяца. Бальбуров оставил описание своего захвата:

> «...Когда в дверцу „порше" с опущенным предусмотрительным иудой стеклом заглянул светловолосый человек в военной форме без погон: „Ваши документы! Проверка паспортного режима", — я опять не подумал

---

[1] https://web.archive.org/web/20190726020603/http://old.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/france/ch01.htm

ничего плохого. Просто вышел из машины и пошёл к белой „шестёрке", куда направлялся и белобрысый: „А ваши документы? Вы-то кто такой, вы-то???" Откуда-то появились ещё трое, двое из них доставали пистолеты: „А вот мы кто". Тогда я краем сознания отметил их глаза — вроде бы обыкновенные человеческие глаза, но в них огромными буквами было написано — „бандит". Мелькнула ещё одна мысль, запоздалая и страшная: „Так вот как это происходит!" Наверное, в то мгновение я выглядел идиотски — с отвалившейся челюстью, расширенными, насколько это возможно, глазами, сползшими на нос очками. Из-за этого замешательства в крохотный отрезок времени я позволил бандитам быстро заломить мне руки, начать их вязать, а на голову накинуть чёрный целлофановый пакет, такой, с какими женщины ходят по магазинам. Когда пришёл в себя, было уже поздно сопротивляться или звать на помощь»[3].

Ради сиюминутных интересов подвергнуть насилию могли даже персон, объективно полезных для Ичкерии в целом. Например, в 1997 году произошла известная драматическая история, связанная с похищением съёмочной группы НТВ во главе с Еленой Масюк. Телевизионщики до сих пор доброжелательно относились к боевикам и описывали их в превосходных тонах. Однако боевики рассматривали журналистов не как друзей, а как бешеные миллионы, идущие своими ногами по их земле. Поэтому личные контакты с дивизионным генералом Басаевым и полковником Хаттабом, у которых Масюк брала интервью, ей не помогли.

«Мы спрашивали их, что будет, если деньги за нас не заплатят. Они отвечали, что будем сидеть дальше, год-два, рассказывали, что те, кто брал оэртэшников, когда

---

[3] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/dmitriy-balburov

получили за них выкуп, накормили всё своё село мясом», — рассказывала Масюк позже[1].

В конечном счёте за журналистов заплатили выкуп в два миллиона долларов. Вообще, журналист был наиболее ходовым товаром: за него платили лучше всего.

Юлия Латынина, пожалуй, лучше всех сформулировала проблемы, вскрывшиеся после истории Елены Масюк и её коллег:

«...несколько неприятных вещей для нашей либеральной интеллигенции, которая видела в чеченцах борцов против режима. <...> госпожу Масюк никто не стал спасать <...> стало очевидно, что это бизнес — похищение людей. Люди работали, люди украли человека, значит, они должны на этом заработать. Значит, ни Шамиль Басаев, никто другой, кого Масюк считала своими просто друзьями, не вмешались в ситуацию, потому что один бизнесмен не вмешивается в деловые интересы другого бизнесмена. Если люди занимаются бизнесом на похищении людей, с точки зрения Чечни это легитимный бизнес»[2].

С пребыванием Масюк в плену также связана одна грязная сплетня. Якобы боевики изнасиловали её, сняли это на камеру и распространяли видео. Но ни одного подтверждения этому нет.

В целом, статистика похищений в Чечне выглядит так. В 1996 году было украдено 427 человек, в 1997 — 1140 человек, в 1998 — 1415 человек. В 1999 году украли 1554 человека, а одновременно в базе данных МВД числилось около 3500 похищенных и разыскиваемых людей[3]. Каждый похищенный приносил удачливым бизнесменам от нескольких тысяч до миллионов долларов.

---

https://www.kommersant.ru/doc/182794

http://web.archive.org/web/https://echo.msk.ru/programs/code/26126/

См., напр.: Валерий Журавель. Похищения продолжаются. http://nvo.ng.ru/wars/2002-08-23/2_help.html

Чувствовать себя в безопасности не мог никто. В конце 1996 года, например, группа бандитов перебила в Старых Атагах миссию Международного Красного Креста, убив шестерых медицинских работников из разных западных стран. Убийц поймали только в 2005 году[1]. В качестве причастных к организации называли Бараева, Хаттаба и Ширвани Басаева.

Шире всего стала известна история, случившаяся с тремя англичанами и новозеландцем в 1998 году. Преступление совершила банда Бараева, который успел заслужить репутацию настоящего садиста. Бараев смог подняться вскоре после первой войны, став одним из главных работорговцев. При этом он имел заслуженную репутацию человека, способного убить заложника просто так, в качестве личного каприза.

Британцы появились в Чечне для устройства системы радиотелефонии по согласованию с компанией «Чечентелеком». 8 октября приезжих похитили, держали взаперти, постоянно избивая и угрожая, а 7 декабря им отрезали головы. Перед убийством британцев заставили «сознаться» в том, что они через спутниковую антенну прослушивали телефонные переговоры чеченцев и передавали спецслужбам, дабы помешать распространению ислама. В действительности Бараев хотел надавить на боссов «Чечентелекома» на переговорах по поводу доли в выкупе за других заложников либо получить выкуп за самих инженеров. Однако высокие стороны не смогли договориться, и это стоило жизни британцам и новозеландцу[2].

Специфическую роль в происходившем в Чечне играли российские чиновники и олигархи. В частности, множество грязных тайн унёс с собой в могилу олигарх Борис Березовский. Его обвиняли во множестве грехов, в некоторых он признавался и сам. В частности, по словам Березовского, он передавал Басаеву деньги[3] то «на восстановление республики», то «на строительство завода». Странная сцена личной передачи Басаеву миллиона долларов наличными деньгами присутствует также в мемуарах Ильяса Ахмадова, человека, близкого к Басаеву[4].

---

https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/76172/

См., напр.: https://www.gazeta.ru/politics/2005/04/06_a_265120.shtml

https://lenta.ru/news/2007/06/02/confirm/

ПОХИЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ЧЕЧНЕ И НАПАДЕНИЯ ИЗ ЧЕЧНИ

Статистически по России:

1995	272 похищения
1996	338 похищений
1997	1140 похищений
1998	1415 похищений
1999	1554 похищения

Подавляющее большинство похищений совершено на Северном Кавказе, в том числе более половины — непосредственно в Чечне (источник: Валерий Тишков, «Общество в вооружённом конфликте», с. 390).

Резонансные теракты и похищения людей в 1996–1999 годы (список неисчерпывающий):

- 28 сентября 1996 года: похищены три сотрудника итальянской гуманитарной организации.
- 17 декабря 1996 года: в Новых Атагах вырезана миссия Международного Красного Креста, шесть убитых, начальник госпиталя тяжело ранен.
- 19 января 1997 года: похищение репортёров ОРТ (освобождены за выкуп).
- 28 апреля 1997 года: взрыв на вокзале в Пятигорске. Организатор — Салман Радуев. Двое погибших, 30 раненых.
- 10 мая 1997 года: похищена съёмочная группа телеканала НТВ во главе с Еленой Масюк (освобождены за выкуп).

- 3 августа 1997 года: в Ингушетии чеченскими боевиками похищены немецкий и сербский бизнесмены. Немец выкуплен в феврале 1998 года, серб освобождён в ходе второй войны во время спецоперации.
- 21 декабря 1997 года: нападение на городок 136-й бригады российской армии в Буйнакске. Организатор — Хаттаб. Трое погибших, пять человек захвачены в заложники.
- 16 апреля 1998 года: засада на колонну с офицерами российского Генерального штаба под Большим Малгобеком (Ингушетия). Трое погибших, включая генерал-майора и полковника.
- 1 мая 1998 года: у станицы Ассиновская похищен представитель президента России в Чечне Валентин Власов. Освобождён в ноябре того же года за 7 млн долларов.
- 21 мая 1998 года: в Карамахи (Дагестан) салафиты захватывают отделение милиции и оружие. Милиционеров выгоняют, позднее майор МВД убит неподалёку от Карамахи. В августе на въезде в Карамахи и соседнее село Чабанмахи выставляются блокпосты, территория объявляется живущей по закону шариата.
- 3 октября 1998 года: в Грозном похищены три англичанина и новозеландец, инженеры телекоммуникационной компании. Впоследствии всем отрезали головы.
- 11 ноября 1998 года: в Махачкале похищен и вывезен в Чечню миссионер и преподаватель из США Герберт Грегг.
- 5 марта 1999 года: в Грозном похищен генерал-майор МВД России Геннадий Шпигун. Тело найдено в марте 2000 года под Итум-Кале.
- 19 марта 1999 года: взрыв на центральном рынке Владикавказа. 52 погибших.
- 16 мая 1999 года: взрывы в жилых домах во Владикавказе. 18 квартир разрушено, 4 человека погибли.

К началу 2000 года в горной части Чечни находилось в заложниках до 1000 человек, в том числе 103 солдата и офицера.

При этом ни для кого не было тайной, что Березовский посредничал при выкупе заложников. Более того, он бравировал своей ролью в переговорах. Разумеется, при этом Березовский учитывал и чисто корыстные интересы, но в основном бизнесмен приобретал таким способом не деньги, а влияние. Березовский стал одним из неявных, но ключевых выгодоприобретателей системы похищений и выкупов в Чечне. Неофициально его обвиняли и в прямой организации похищений. В частности, Березовскому приписывается организация «индустриального» похищения командированных: когда с поездов массово снимали людей, ехавших через Чечню или неподалёку от неё, и брали в заложники.

На этом фоне участь обычных людей в Чечне выглядела незавидной. Промышленность по большей части остановилась, уцелевшие заводы действовали с перебоями. Дело было не только в военных разрушениях, но и в обрыве экономических связей, и в разграблении предприятий. Работали кустарные промыслы, рыночная торговля. Основная масса населения Чечни откатилась в доиндустриальную эпоху. Рэкет и людокрадство, даже в сочетании с нефтяными махинациями, могут прокормить несколько тысяч боевиков, но республика в сотни тысяч людей с этого сомнительного бизнеса кормиться не могла, к тому же без вооружённого прикрытия любой торговец становился добычей первого попавшегося бандита.

Разгул уголовщины делал невозможным восстановление хозяйства. Если кто-то желал зарабатывать легально, он должен был ехать в Россию, причём этим путём шли даже некоторые боевики. Люди, только что полагавшие себя победителями, ехали в города противника работать «гастарбайтерами». Рассказы о национальной революции и воспевание мужественного народа, борющегося за свободу, скудно драпировали тот факт, что по результатам своей победы чеченцы не только стали голы как соколы, но и утратили перспективы. Реальная независимость республики, её отключение от российской инфраструктуры и социальных выплат, означала бы даже не крушение остатков экономики, а голод. Интересно, что эта реальность великолепно игнорировалась как западными интеллектуалами, так и российской интеллигенцией. Они нарисовали себе и миру образ народа-бакуниста, мужественно бьющегося за свободу, но не собирались даже интересоваться, как бакунисты будут жить теперь, когда фанфары отгремели.

Чечня в начале девяностых представляла собой проблему для России. Однако фактическое отделение Чечни поставило Россию перед вызовами не менее серьёзными. Республика была оставлена в таком состоянии, что построение в ней мирной жизни было абсолютно невозможно. Реальная власть принадлежала людям с психологией вождей викингов. Заниматься инфраструктурой и народным хозяйством они не умели и не хотели. Организовать мирную жизнь в республике было для них малореальным делом даже при активной помощи со стороны: для этого требовалось истребить тех, кто привык кормиться с вооружённых грабежей, людокрадства и прочего уголовно наказуемого «бизнеса». Ичкерия образца 1996 года не могла жить иначе, как паразитируя на России: собственной экономики у неё попросту не было. Из Чечни выехало, спасаясь сначала от дудаевцев, а затем от войны, слишком много людей, причём республику покинула наиболее образованная и профессионально продвинутая часть жителей. Чечня катастрофически варваризировалась. Остановить откат общества в первобытную эпоху можно было только при активном участии России, но это было невозможно: против России чеченцы только что воевали, чтобы от неё отделиться.

К тому же любые мирные инициативы шли вразрез с планами военных вождей, которым принадлежала реальная власть. Амбиции полевых командиров, которые стали харизматичными разбойными атаманами, толкали их дальше. Возобновление боевых действий на Кавказе было вопросом времени. «Настоящий мир не наступил, — замечал по поводу Хасавюрта отставной майор ГРУ Сергей Козлов, — Просто открытый пожар перешёл в фазу пожара на торфянике»[1].

Полевым командирам, обладающим реальной властью, оставалось лишь расширять сферу влияния, тем более что распространение джихада на сопредельные территории диктовалось идеологией салафитов.

Вторжение в соседние республики, таким образом, стало вопросом времени.

---

https://biography.wikireading.ru/73487

Цель на тот момент выглядела вполне достижимой. Россия только что потерпела сокрушительное поражение, выглядела слабой и беззащитной. Поход на мусульманские республики в составе России смотрелся делом стоящим, а по мере деградации остатков инфраструктуры — даже необходимым.

Продолжать давить на Россию чеченцы стали почти сразу после подписания мира в Хасавюрте. В апреле 1997 года две чеченских женщины подорвали вокзал в Пятигорске радиоуправляемой бомбой, убив двоих человек и переранив ещё три десятка. Организатором взрыва оказался Салман Радуев. В этой истории проявилась одна из самых отталкивающих черт боевиков: на собственных женщин они смотрели как на ресурс. Обеих террористок толкнули на участие в теракте не идейные соображения, а простые человеческие мотивы: одной после войны оказалось негде жить, другой — нечем отдавать долги. Террористки попались, получили 16 и 19 лет тюрьмы.

Ужас ситуации в том, что взрыв в Пятигорске не был ни единственным, ни даже самым страшным терактом. Нападения шли без остановки. Иногда в результате этих акций погибали десятки людей зараз. В марте 1999 года на центральном рынке Владикавказа взорвалась бомба, убившая 52 человека. Впоследствии террористов поймали и кроме теракта признали виновными в похищении российских военных ради выкупа. Даже ставший знаменитым осенью 1999 года способ теракта — подрыв жилого дома — опробовали значительно раньше. 16 ноября 1996 года в Каспийске неизвестные подорвали девятиэтажку (террористов так и не нашли)[1].

Эта история представляет собой довольно сложный сюжет. Хотя формально никто так и не был найден, в 2005 году в «Российской газете» была опубликована статья Т. Борисова «В Дагестане делят власть свинцом и тротилом», которую в силу места публикации: «РГ» — правительственная газета, — можно считать негласной официальной версией случившегося. Согласно ей, дом в Каспийске пал жертвой уголовных махинаций местных чиновников, которые «продали» боевикам возможность совершить теракт. Кроме того — совсем уж неофициально, но со ссылкой на генерала Пограничной службы Евгения Болховитинова — утверждалось, что причастные к преступлению были убиты в ходе второй войны в Чечне. Подробности этой грязной истории см.: https://rg.ru/2005/06/28/dagestan.html, а также: https://regnum.ru/news/accidents/2204441.html

В мае 1999-го во Владикавказе диверсанты Хаттаба взорвали бомбу на рынке, а позднее заложили несколько мин в домах в микрорайоне, где традиционно жили офицеры расквартированной на Кавказе 58-й армии[1].

На чеченском пограничье продолжались боевые действия, выходящие за рамки обычного для республики разбоя и террора. Одним из пионеров здесь выступил Салман Радуев. В декабре 1996 года его отряд захватил в заложники группу пензенских милиционеров на контрольно-пропускном пункте «Герзельский мост» между Чечнёй и Дагестаном. Милиционеров позднее удалось освободить.

В конце декабря 1997 года на военный городок в Буйнакске напал отряд в полсотни боевиков Хаттаба с пулемётами и гранатомётами. Они сожгли несколько машин и уехали, прикрывшись заложниками. Правда, особенного успеха достичь не удалось, в перестрелке полегло несколько нападавших, но сам по себе факт налёта на военных показателен. Хаттаб имел своеобразное чувство юмора: бой в Буйнакске случился через четыре дня после проведения круглого стола «Дагестан–Чечня: мирные инициативы».

16 апреля 1998 года неподалёку от Малгобека в Ингушетии группа боевиков напала на небольшую колонну инспекторов Генштаба РФ. Комиссию охраняли лишь несколько солдат.

На дороге в тумане автоколонну обстреляли буквально с 10–15 метров из автоматов и гранатомётов. К счастью, из-за тумана и плохой подготовки стрелявших большая часть машин ушла. Однако замыкающий уазик изрешетили — вместе со всеми, кто в нём находился. Всего террористы убили пятерых человек, включая одного генерала.

Понять организаторов инспекции невозможно: о прибытии комиссии заранее знали даже газетчики, а охрана оказалась минимальной. Дальнейшие события не менее показательны: отстреливавшихся солдат охраны за этот бой наградили, но у одного из них, сержанта Сергея Сапожникова, неизвестный военный чиновник орден украл (!) — в буквальном смысле, как лихой абрек коня. Боец лежал в госпитале, и за это время в военкомате, куда отправили награду, успели её «заиграть».

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/435873

Сергей Сапожников.
Фото из семейного архива.

Через восемь лет ему всё-таки выдали дубликат награды, но затем выяснилась ещё одна подробность. Сержанту отказали в статусе участника боевых действий: официально его часть не участвовала ни в каких операциях, и ни ранение, ни награда, ни спасённые драгоценные тела генералов Генштаба роли здесь не сыграли. Сергей Сапожников не считается участником боевых действий до сих пор.

Позднее, когда некоторые участники этого набега попали на скамью подсудимых, один из них невинно заявил: «Я думал, что это очередная спецоперация по захвату, то есть освобождению заложников»[1].

Однако более опасным, чем набеги, было проникновение ваххабитов в «мягкое подбрюшье» России — в первую очередь Дагестан.

Существовала ли за пределами Чечни опора для экспансии радикалов? Да, салафиты вели работу не только в Чечне, и нельзя сказать, что только арабам принадлежала инициатива в распространении радикальных идей. Это была дорога с двусторонним движением: радикальная молодёжь интересовалась более жёсткими, чем традиционные, версиями ислама, и эти люди находили поддержку — и за рубежом, и внутри российского Кавказа. В течение 90-х годов несколько сот молодых людей прошли обучение основам исламской теологии за рубежом. Например, до 1998 года в Саудовской Аравии в Исламском университете имама Мухаммада ибн Сауда на факультете шариата обучался молодой кабардинец Анзор Астемиров. Вернувшись, он стал одним из лидеров «Кабардино-Балкарского джамаата», группы салафитского толка. Салафитские общины вне Чечни сращивались с группировками чеченских боевиков не одномоментно. Это был именно процесс, где-то более быстрый, где-то менее. Мгновенно обращение групп верующих в боевые ячейки под командованием Хаттаба и Басаева обычно не происходило. Однако сочувствие к боевикам такие группы зачастую испытывали и поддержку оказывали, а часть членов общин окончила «курсы Хаттаба» и/или позднее участвовала в событиях второй чеченской войны.

Уже в сентябре 1996-го на собрании правоверных в Первомайском лидеры местных ваххабитов объявили, что Дагестан последует за Чечнёй.

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/353611

Создание подполья возглавил Багаутдин Кебедов. Этот человек занимался организацией радикальных сект ещё с 80-х годов. Среди прочей деятельности Кебедов составил учебник арабского, содержащий, например, такую фразу для заучивания:

> «Он враг мне, потому что он не мусульманин, и я его враг, потому что я мусульманин».

Кроме написания учебников, Кебедов подгонял базу под идею выхода Дагестана из состава России. В 1997 году он основал «Исламское сообщество Дагестана», поставившее себе эту цель[1]. Словом, салафиты Дагестана получили фанатичного и уверенного в себе лидера. Правда, его звезда быстро закатилась.

Салафиты начали с того, что развернули в дагестанских сёлах сеть исламских учебных заведений. Наиболее упорные ученики отправлялись в Чечню к Хаттабу, где изучали уже не Коран, а основы подрывного и засадного дела. В 1997 году они установили свою власть в Кадарской зоне — крупных сёлах в глубине Дагестана: Карамахи, Чабанмахи и Кадаре.

Создание Кадарской зоны стало результатом обычной для Кавказа того времени ситуации. До распада СССР Карамахи и Чабанмахи были зажиточными сельскохозяйственными сообществами. Однако 90-е годы подкосили экономику России, а бывшие колхозники столкнулись с пошедшей вразнос коррумпированной бюрократией и криминалом. На этой почве появившийся в районе салафитский проповедник из Иордании по имени Мухаммад Али имел заметный успех у аудитории[2]. Произошёл раскол на традиционалистов и салафитов. Последние использовали салафию как религию протеста. Традиционалисты упирали, с одной стороны, на веру предков, с другой — на скверные последствия от связей с радикалами. В 1996 году Ахмет Атаев, глава администрации Карамахи, у которого был конфликт с салафитами, был убит неизвестными (кавычки вокруг слова «неизвестные» — по вкусу). Далее дело пошло по накатанной: из сёл изгнали милицию и остатки официальной администрации и ввели шариатское законодательство.

Сергей Маркедонов. Молчание ягнят. http://politcom.ru/3201.html

https://takiedela.ru/2019/08/bog-berezhet-a-my-vysoko-nakhodimsya/

Позднее на уроженке «партизанского края» женился Хаттаб. Салафиты принялись перекраивать жизненный уклад по своему усмотрению, устроив шариатский суд и выставив на подходах к зоне вооружённую охрану. Суд стал инструментом местной политики: например, сельчанина, участвовавшего в официальном общественном мероприятии в Махачкале, приговорили к побиванию палками. С другой стороны, салафита, застрелившего соседа из автомата, наказали штрафом и выгнали в Чечню.

Всё это происходило при полном безразличии властей. Когда, спустя годы, в разрушенное Карамахи вошли войска, правозащитники спросили: «Почему это своё недовольство карамахинцы высказывают только сейчас?»[1], то получили логичный ответ: «А с чего вы это взяли? Мы протестовали, некоторые из нас даже демонстрацию в Махачкале устраивали. Требовали от властей навести порядок в наших сёлах. Но нас не слушали. Тогда власти было не выгодно связываться с ваххабитами (напомним, в обиходе салафитов обычно называют так. — Прим. авт.). А журналистов, приезжающих в наши сёла, они окружали особым вниманием и не давали им с нами даже поговорить»[2].

Это не отговорка. Кадарскую зону посещал даже премьер-министр Сергей Степашин. Чиновнику устроили такую встречу, что тот оказался очарован местной общиной и выдал речь такого содержания:

> «Я бы предостерёг всех от навешивания ярлыков „ваххабиты", „экстремисты". У нас свобода вероисповедания. Все мирно будем вам помогать, я вам даю честное слово: с мирным населением никто воевать не будет»[3].

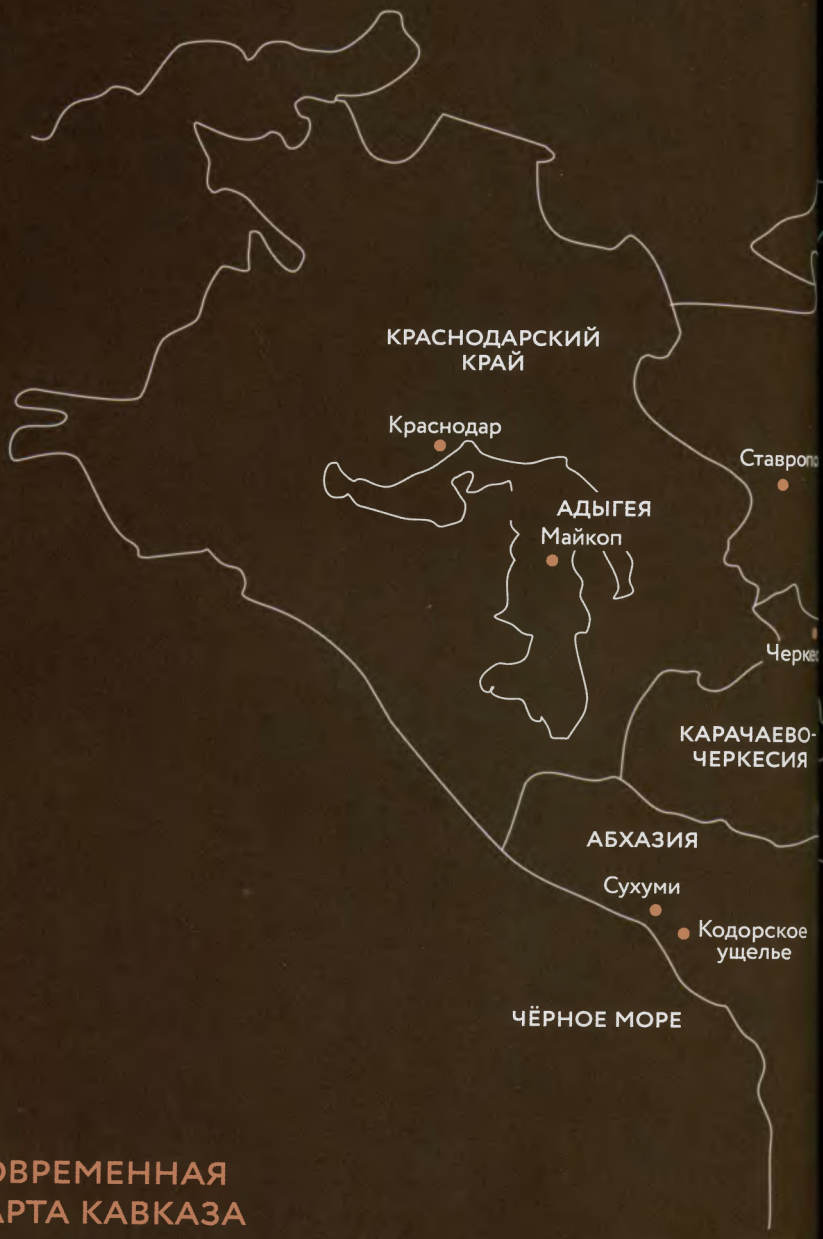
Вотчина радикалов продолжала существовать.

---

https://memohrc.org/ru/news_old/karamahi-i-poshel-brat-na-brata

https://polit.ru/article/2004/08/18/karama/

http://polit.ru/article/2004/09/07/1999/1346598357000/



СОВРЕМЕННАЯ КАРТА КАВКАЗА

КАЛМЫКИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ
Минеральные Воды
Кизляр
Моздок
Нальчик
Гудермес
Грозный
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ
Назрань
Шали
Хасавюрт
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Беслан
Урус-Мартан
Владикавказ
Махачкала
ЧЕЧНЯ
ИНГУШЕТИЯ
Буйнакск
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ
с. Чабанмахи
Каспийск
с. Карамахи
Панкисское ущелье
с. Ботлих
ГРУЗИЯ
ДАГЕСТАН
Тбилиси

Салафиты разработали детальную программу действий. В частности, Магомед Тагаев, диссидент советской эпохи и один из ключевых идеологов движения, разродился книгой «Повстанческая армия имама», изданной в Киеве в 1997 году. В ней он подробно описывал, что и как следует делать борцам за веру:

> «Народы Кавказа должны освободить себя сами и, главное, сообща. Нам необходимо поставить перед собой цель освобождения нашей родины, нашего Кавказа от иноземного русского ига. Кавказ и Россия останутся соседями. Терпеть такого соседа невозможно. России как национального государства никогда не было. Естественно, Россия останется в пределах только исторической Московии, Тверской и Новгородской области. <...> Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперёк, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке... Мы перевернём море и землю, дорожные и надводные мосты, аэродромы, аэропорты и автожелезнодорожные вокзалы как гражданские, так и военные, автопарки и элеваторы, электроэнергетические системы всей вашей империи».

Территориальные претензии этого деятеля были весьма обширны. России для начала предстояло ужаться до следующих границ:

> «Итак, с запада на восток по северной линии от населённого пункта Кантемировка прямо до населённого пункта Мешковская, далее населённого пункта Боковская, далее населённого пункта Советская, оттуда до населённого пункта Дорбинка, оттуда до Калача-на-Дону, оттуда до города Волгоград, оттуда до населённого пункта Светлый Яр, далее до населённого пункта Ахтубинск и крайняя точка на севере и востоке — озеро Баскунчак. <...>

МАГОМЕД САЙПУЛАЕВИЧ ТАГАЕВ

дата рождения:
01.12.1945

место рождения:
с. Ансалта, Дагестан

национальность:
аварец

- 1968: создал «Комитет национального освобождения», во главе которого пропагандировал отделение Дагестана от СССР.
- 1969: осуждён за антисоветскую пропаганду. Приговорён к 5 годам лишения свободы.
- 1997: написал книгу «Наша борьба и повстанческая армия имама» с призывами к массовому убийству русских. Издал её в Киеве.
- 1998: стал одним из руководителей террористической организации «Конгресса народов Ичкерии и Дагестана».
- 1999: возглавлял одну из группировок при вторжении боевиков в Дагестан.
- 1999: после разгрома вооружённых отрядов салафитов скрывался в Турции и Азербайджане.
- 2004: задержан с фальшивыми документами на границе Росии и Азербайджана.
- 2004: приговорён к 10 годам лишения свободы строгого режима.

ЮЖНЫЕ ГРАНИЦЫ РОССИИ ПО ВЕРСИИ МАГОМЕДА ТАГАЕВА

На территориях южнее этой линии Тагаев предлагал уничтожить русских полностью.

> Ни о каких интересах русских на Северном Кавказе речи не может идти. Только один выход — мечом и огнём сжечь всё дотла и дорезать, кто остался жив, чтобы ни один не уполз, кто не успел уйти за очерченные выше нами границы в установленный срок. Будем разрушать всё от Дагестана до самой Москвы, включая Кремль»[5].

Менее масштабные, но более конкретные планы лелеял Басаев. В 1998 году прошёл Конгресс народов Ичкерии и Дагестана с ним во главе. Речь шла об «освобождении мусульманского Кавказа от российского имперского ига»[1]. Кроме Басаева, в учреждении «Конгресса» участвовали Мовлади Удугов — один из ключевых пропагандистов «Ичкерии» — и, собственно, Магомед Тагаев. Идея «экспорта джихада» оформилась, а Басаев установил плотные контакты с дагестанскими собратьями.

Басаева провозгласили имамом объединённого халифата Чечни и Дагестана. Организация, разумеется, тут же обзавелась боевым крылом в лице «Исламской международной миротворческой бригады», которой командовал Хаттаб. На стороне террористов могли выступить не только чеченские боевики, но и многочисленные сторонники Кебедова и Тагаева из Дагестана, которые базировались в Чечне, а также собравшиеся вокруг Хаттаба террористы со всего мусульманского мира.

Существовала и другая линия, связывающая чеченских боевиков с дагестанскими салафитами. Багауддин Кебедов успел договориться о взаимодействии с «Армией генерала Дудаева», которую возглавлял Салман Радуев. Однако Радуев, несмотря на всю свою известность, был командиром куда менее крупного калибра, чем Басаев или Хаттаб. Даже другие полевые командиры воспринимали его как кровавого фигляра, способного скорее к эпатажу, чем к реальному руководству на поле боя.

Алексей Кудрявцев. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе. https://ca-c.org/article/892

Арабы имели чёткую идеологию, которая предусматривала развитие наступления в соседние республики. С другой стороны, наиболее прозорливые полевые командиры (в частности, Басаев) не могли не понимать, как неустойчиво их положение в отдельно взятой Чечне. Салафиты начали терроризировать местные власти и духовенство. В августе 1998 года в Махачкале был взорван автомобиль Сайидмухаммада Абубакарова, муфтия Дагестана. Священнослужитель погиб вместе с водителем и своим братом. Традиционное исламское духовенство было для радикалов ничуть не меньшим противником, чем российская власть.

Напряжённость между кавказскими джихадистами и московскими политиками постоянно росла. Весной 1999 года в Чечне украли полпреда МВД генерал-майора Шпигуна (впоследствии его тело нашли под Итум-Кале). Похищение приписывалось разным группам боевиков, от басаевцев до отряда Бауди Бакуева. Как бы то ни было, необходимость решения проблемы Чечни силой была всё более очевидна. К 1998 году в Москве уже считали практически неизбежным новый конфликт. Экономический кризис августа 1998-го сильно ограничивал возможности по восстановлению армии, но военным предстояло разыгрывать те карты, которые есть.

С другой стороны, салафиты в Чечне и Дагестане постепенно убедились, что плод созрел и есть возможность привести весь Дагестан к шариатскому правлению. Безнаказанность окрыляла, внутри Чечни ярлам боевиков становилось тесно, а интересы джихада требовали не стоять на месте.

Кроме того, внутри Чечни уже шла, по сути, непрерывная война всех против всех. В марте 1998 года отряд, лояльный Масхадову, пытался штурмовать дом Рамзана Ахмадова в Урус-Мартане. Ахмадов возглавлял обширный клан, включавший пятерых родных и троих двоюродных его братьев, и был крупнейшим работорговцем Чечни. Атака провалилась, у обеих сторон были убитые и раненые.

Нюанс состоял в том, что усадьбу Ахмадова штурмовали люди «антитеррористического центра» под командой Хункарпаши Исрапилова. Главный «антитеррорист» в прошлом участвовал в грандиозных терактах с массовым захватом заложников — в Будённовске и Кизляре. Причём в последнем случае — в роли командира.

Впрочем, самым примечательным здесь была не эта ирония судьбы, а прямое вооружённое столкновение масхадовцев с салафитами. В июне 1998 года Масхадов объявил в Чечне чрезвычайное положение и комендантский час. В результате этого жёсткого решения в республике не изменилось вообще ничего. Заявления номинального президента военные вожди салафитов давно воспринимали как лесной шум и никак на них не реагировали.

Гораздо более существенным признаком внутреннего раскола стали бои в Гудермесе летом того же года.

Кровопролитие началось с того, что члены «шариатской гвардии» Абдул-Малика Межидова, относившиеся к радикалам, побили двоих промасхадовских «национальных гвардейцев» из отряда Сулима Ямадаева (который ещё сыграет драматическую роль в ходе второй войны). Причиной ссоры было то, что ямадаевцы выпивали на лоне природы, что показалось исламистам большим грехом. После этого к месту действия начали стягиваться и масхадовцы, и салафиты, которые три дня вели бои. В них погибли в общей сложности 80 (!) человек[1]. В сражении приняли участие отряды Арби Бараева и братьев Ахмадовых, а также дагестанские салафиты из числа сторонников Кебедова. В итоге исламисты покинули Гудермес. Масхадов объявил о роспуске шариатской гвардии и попытался перетянуть на свою сторону Басаева, назначив того заместителем главнокомандующего «вооружёнными силами» Ичкерии (неудачно).

Столкновения между масхадовцами и салафитами приняли систематический характер, самого Масхадова неудачно пытались убить. Басаев и Радуев требовали отставки Масхадова и обвиняли его в пророссийском курсе, а тот ругал полевых командиров за «развал экономики», что бы это ни значило[2].

---

https://www.svoboda.org/a/24203543.html. По другим данным: https://cyberleninka.ru/article/n/shariatskoe-gosudarstvo-v-realiyah-ichkerii-chechni — 30 салафитов, 20 ямадаевцев и 10 мирных жителей; впрочем, такие круглые цифры говорят об оценке на глазок.

https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskaya-situatsiya-v-chechenskoy-respublike-v-1996-1999-gg

БРАТЬЯ ЯМАДАЕВЫ

Семейный клан полевых командиров боевиков, впоследствии перешедших на сторону России.

Сулим и Руслан Ямадаевы с портретом Джабраила.

- В ходе первой войны действовали на стороне Дудаева.
- В межвоенный период рассорились с салафитами.
- В ноябре 1999 года по итогам переговоров с российскими военными перешли на сторону РФ, передав российской стороне Гудермес, второй по величине город Чечни.
- С 2000 г. формируют роту в составе российских Вооружённых Сил из этнических чеченцев. С 2003 г. рота развёрнута в батальон «Восток» под патронажем ГРУ России.
- Батальон «Восток» провёл значительное количество операций против боевиков, также участвовал в войне 2008 года против грузинских войск.
- Осенью 2008 года после конфликта Ямадаевых с Рамзаном Кадыровым батальон «Восток» расформирован.

РУСЛАН. Старший из братьев, публичное лицо клана. Награждён орденом «Къоман Сий» (Ичкерия) и удостоен звания «Герой России».

- 2001–2002: заместитель военного коменданта Чечни.
- 2002: зампредседателя чеченского отделения правительственной партии «Единая Россия».
- 2002–2007: депутат Государственной Думы России.
- Застрелен в Москве 24 сентября 2008 г.

СУЛИМ. Родился 21 июня 1973 года.

- С 2003 года – командир батальона «Восток». Подполковник Российской армии. Окончил Общевойсковую академию Вооружённых Сил России.
- 2008: воевал в Грузии в качестве командира подразделений своего батальона. Сразу после войны уволен в запас.
- Выехал в ОАЭ, поселился в Дубае.
- 28 марта 2009 года застрелен в Дубае на подземной парковке из золочёного пистолета Стечкина.

ДЖАБРАИЛ. Родился 16 июня 1970 года.

- Непосредственно участвовал в переговорах с российскими военными осенью 1999 года, по итогам которых отряд Ямадаевых перешёл на сторону России.
- Командовал ротой специального назначения, сформированной из бывших боевиков.
- Погиб в боевой обстановке в ночь на 5 марта 2003 года в Ведено при подрыве взрывного устройства.

БАДРУДИ, ИСА, АСЛАН. Не играли значительной роли в политике и военных действиях.

В перспективе Масхадову победа не светила: по военным возможностям непримиримые его очевидно превосходили. Причём начался даже переход бывших сторонников под знамёна салафитов — например, к Басаеву и Радуеву перебежал «антитеррорист» Исрапилов. Ключевые позиции радикалов располагались в Сержень-Юрте (ставка Хаттаба), Ведено (вотчина Басаева) и Урус-Мартане (база братьев Ахмадовых). Правда, однозначно против салафитов выступал муфтий Чечни Ахмат Кадыров, представлявший традиционный ислам, — для него салафиты в любом случае не могли быть друзьями. Но сильного отряда боевиков у него не было.

Масхадов пытался невнятно маневрировать, «отправляя в отставку» полевых командиров. Те относились к новостям о своём низложении с юмором. В результате Масхадов был вынужден уступать салафитам и согласиться на введение «полного шариатского правления».

Другой вопрос, что для салафитов мини-война внутри Чечни была просто досадной помехой их планам. Причём даже полная победа над Масхадовым сама по себе салафитам ничего не давала. От повсеместного насаждения шариата в Чечне не зародилась бы легальная экономика, а в соседних республиках шариат не утвердился бы следом сам собой.

На этом фоне в Москве быстро теряли всякое желание говорить с Масхадовым о чём угодно. Постоянные бои на границе Чечни и соседних российских областей вкупе с чудовищным разгулом преступности и внутренней чеченской войной делали положение Масхадова двусмысленным. Даже если он хотел о чём-то договориться с Россией — ему было нечего предложить.

К тому же из-за неспособности чеченской стороны хоть как-то обеспечить соблюдение любых договоров, важнейший для остатков чеченской экономики трубопровод Баку–Новороссийск работал с постоянными перебоями. С начала 1999 года по конец мая, 52 дня, нефтепровод простаивал . Нормально работать он мог только при условии строительства ветки

---

https://www.1tv.ru/news/1999-05-24/295648-iz_za_avarii_na_chechenskom_uchastke_truboprovoda_baku_novorossiysk_prokachka_nefti_ostanovlena

в обход Чечни, и планы этого строительства были хорошо известны. Вдобавок охрана границы медленно, но усиливалась. Паразитировать на РФ становилось труднее. Для боевиков, обустроивших государство, независимое от российских законов, но неспособное прожить без России как дойной коровы, это означало катастрофу. Перед крупными полевыми командирами вставал небогатый выбор: либо продолжать плясать зикр на шагреневой коже над пропастью, либо атаковать. При всех своих пороках, недостатком решительности Басаев и Хаттаб не страдали. Кроме того, Дагестан был куда более лакомым куском, чем любой удел в Чечне. Более многолюдный (свыше двух миллионов человек), экономически куда более развитый, имеющий выход к Каспийскому морю — он выглядел добычей, за которую стоит побороться.

Не стоит сбрасывать со счетов персональные пристрастия. Так, лично Хаттаб действительно верил, что сражается за дело ислама. Он участвовал во множестве войн под знаменем религии и прожил так всю сознательную жизнь. Как уверяли его родные, он просто-таки мечтал погибнуть за дело веры. Джихад был для него не только способом заработать деньги и славу, но и делом чести.

На самом деле удар с той или другой стороны неизбежно последовал бы. Чечня просто не имела шансов на длительное самостоятельное существование. Однако спровоцировать боевиков на выступление в конкретный момент — например, пообещав им лёгкую сдачу Дагестана на тех или иных условиях — российские спецслужбы вполне могли. Никаких прямых доказательств провокации нет, но совпадение очень удачное: потребовался эффектный успех в борьбе с отвратительным врагом, и враг тут же любезно выскочил из кустов.

Несмотря на это, следует подчеркнуть, что ситуация для боевиков сложилась безвыходная. В ближайшие месяцы им предстояло либо напасть на Россию, либо идти к ней на поклон. Москва, конечно, не собиралась предоставлять Чечне реальную независимость, и было понятно, что рано или поздно русские вернутся. Кроме того, в Кремле как минимум знали о подготовке вторжения и ждали его. В августе 1999 года чеченцы перешли в наступление и начали прорываться в прилегающие районы Дагестана.

ГЛАВА 2
ПРЕДРАССВЕТНАЯ МГЛА

Останки двух боевиков, сожжённых жителями села Рахата «в санитарных целях» после отражения нападения ваххабитов из Ичкерии. Август 1999, Рахата, Ботлихский район, Дагестан. Фото Дмитрия Белякова.

ДОЛИНЫ ДАГЕСТАНА

Цумадинский район

Боевики начали вторжение с Цумадинского района Дагестана — глухих мест на границе с Грузией. Первые отряды террористов, вошедших в Дагестан, состояли в основном из самих дагестанцев, разагитированных салафитами, — паствы Кебедова и Тагаева. Первые сёла района были ими захвачены спокойно, даже буднично. Боевики застрелили нескольких милиционеров — и поначалу на этом насилие исчерпалось. Салафиты уже успели пустить здесь корни.

Новоприбывшие не ожидали сопротивления. Считалось, что Цумада и окрестные сёла станут ещё одной Кадарской зоной. Но на сей раз Москва отреагировала решительнее, да и среди военных хватало желающих расправиться с фанатиками. Журналисты, даже оппозиционные, отмечали, что боевой дух солдат в Дагестане 1999-го оказался куда выше, чем в Чечне 1996-го.

В Цумадинский район на вертолётах отправились части МВД общим числом более 700 человек. На следующее утро слуги Фемиды в коротком бою столкнулись со слугами Аллаха — закон победил. В тот же день на борцов за веру обрушился удар боевых вертолётов 58-й армии, после чего распространение «правильной» версии магометанства в Цумадинском районе застопорилось.

Поначалу с боевиками воевали в «лучших» традициях первой чеченской: начальники смутно себе представляли, что происходит, а у милицейского руководства не нашлось даже карт местности. Однако командиры на местах смогли сымпровизировать и вытеснили неприятеля из сёл.

Необходимость реально воевать неприятно удивила джихадистов. Позиции стояли необорудованными, противопехотные мины лежали в грузовиках и в таком виде доставались русским. Другим неприятным сюрпризом для боевиков стало отсутствие поддержки со стороны населения. Энтузиазма при виде салафитов никто не испытывал. Российских солдат же, наоборот, приветствовали как освободителей.

Но останавливать вторжение из-за такой мелкой осечки воины джихада не собирались. Геннадий Трошев, временно командовавший Северо-Кавказским военным округом, 3 августа получил приказ о переброске в Цумадинский район, подвергшийся вторжению, десантных частей. Почти одновременно командование 58-й армией, расквартированной на Кавказе, принял суровый и энергичный ветеран первой войны Владимир Шаманов. Всю Объединённую группировку сил на Кавказе, включая части МВД, возглавил генерал Виктор Казанцев, командующий СКВО. В Дагестан спешным маршем двигались отряды 7-й дивизии ВДВ. В это время на границе уже шли перестрелки между милиционерами и боевиками. Вторжение распространилось к северу, на Ботлихский район.

Ботлих

Основные силы чеченцев во главе с Басаевым и Хаттабом появились на сцене 7 августа. Вожди вели за собой 600–700 человек. Частично это были те, кто отступил из Цумады. Основную массу боевиков составляли чеченцы. Довольно много было иностранцев, в основном арабов. Джихадисты быстро заняли несколько крупных сёл. Тем временем в сам Ботлих уже вошла рота 7-й дивизии ВДВ, усиленная гаубицами и парой самоходок. Утром десантники узнали от беженцев, что соседние сёла захвачены. Вертолёт, вылетевший на разведку к посёлку Рахата, обстреляли с земли из гранатомётов. Боевики разоружили милицию и уже окапывались в захваченных деревнях, где провозгласили шариатское правление.

Выглядело это как кровавый фарс. Например, в деревне Шодрода сельский учитель стрелял по боевикам из окна и ранил одного из захватчиков в ногу. Над ним учинили шариатский суд. В соответствии с принципом талиона («око за око, зуб за зуб») суд вынес приговор: прострелить ногу учителю. К счастью, исполнять приговор полагалось потерпевшему, но тот уже залечивал рану в Грозном.

Басаев, опять же, не рассчитывал на особо активное сопротивление. Он полагал, что война ограничится незначительными перестрелками, а дальше российские власти смирно примут навязанное им положение вещей. Однако Кремль уже не имел ни желания, ни возможности идти на попятную. Военным дали отмашку делать с обнаглевшим неприятелем всё что угодно.

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРОШЕВ

Фото Армии России

дата рождения	место рождения
14.05.1947	Берлин, советская зона оккупации

Образование:

- Казанское высшее танковое училище (1969).
- Академия бронетанковых войск имени Маршала Малиновского (1976).
- Академия Генерального штаба (1988).

Карьера:

- Командовал танковыми частями в составе Группы советских войск в Германии.
- 1988-1991: командовал 10-й гв. танковой дивизией.
- 1991-1994: заместитель командующего 1-й гв. танковой армией.
- 1994-1995: командующий 42-м армейским корпусом на Северном Кавказе.

Карьера после начала войны в Чечне:

- 14 января 1995 года прибыл в Чечню.
- В январе-феврале участвовал в штурме Грозного на его завершающем этапе в качестве командующего группировкой «Юг».
- Весной 1995 года командовал группировкой, наступающей по чеченской равнине в направлении на Шали.
- С 1 июня 1995 года — сформировал и возглавил 58-ю общевойсковую армию.
- 1997 — становится заместителем командующего Северо-Кавказским военным округом.
- Август-сентябрь 1999 года: руководил операциями против боевиков в Дагестане. Командовал осадой Кадарской зоны и отражением нападения на Новолакский район.
- С осени 1999 командовал группировкой «Восток», наступающей по территории Чечни.
- С апреля 2000 года командовал Объединённой группировкой войск на Северном Кавказе.
- С 31 мая 2000 руководил СКВО.
- Декабрь 2002 года: отправлен в отставку.

В дальнейшем занимал различные должности на гражданской службе, писал мемуары. Погиб в авиакатастрофе в сентябре 2008 года в Перми.

ВИКТОР ГЕРМАНОВИЧ КАЗАНЦЕВ

Фото Валерия Матыцина

дата рождения	место рождения
22.02.1946	пос. Коханово, Витебская область

Образование:

- Свердловское суворовское училище (1963).
- Ленинградское высшее общевойсковое командное училище (1966).
- Военная академия им. Фрунзе (1979).
- Академия Генштаба (1987).

Карьера:

- С 1966 по 1996 — служил в Советской и Российской армиях на должностях от командира мотострелкового взвода до заместителя командующего военным округом.
- 1996 — 1997: заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом.
- 1997–2000: командующий СКВО.
- 2000: присвоено звание генерал армии.
- Август 1999 — апрель 2000 года: командующий Объединённой группировкой войск на Северном Кавказе.
- Май 2000 года: уволен в запас.
- 2000–2004: полномочный представитель президента России в Южном федеральном округе.
- 2001: вошёл в состав оперативного штаба по управлению контртеррористическими действиями на Северном Кавказе.
- Умер 14 сентября 2021 года.

Вечером 7 августа позиции боевиков у Рахаты обстреляли с вертолётов. Авиация в эти дни стала одним из главных аргументов русских. Правда, всё ещё давали о себе знать беспорядок и безответственность, воцарившиеся в армии в 90-е годы. В частности, неудачно было выбрано место для одного из аэродромов под Ботлихом — взлётная полоса простреливалась с высоты Ослиное Ухо (Элилэн), занятой боевиками. Басаевцы этим «подарком» сразу воспользовались, начав жечь русские вертолёты противотанковыми ракетами на земле. Мало того что была допущена преступная халатность с выбором места — аэродром перенесли только после второго обстрела, когда ПТУРами сожгли следующий Ми-8.

До 13 августа активные действия так и не начались: салафиты укреплялись на захваченных высотах и в посёлках, русские подтягивали силы. Зато в РФ за это время произошла кадровая перестановка, определившая очень многое. Премьер-министром России был назначен директор ФСБ Владимир Путин, который сразу начал делать жёсткие заявления. Он не дал поводов думать, что операцию свернут и Москва смирится с атакой на Дагестан. Через несколько дней сражение в Ботлихском районе развернулось в полную силу.

Первой целью наступающих русских стала командная высота Ослиное Ухо. Отряд десантников в 60 человек при поддержке мотострелков и спецназа ГРУ попытался отобрать гору у боевиков, но быстро попал под огонь. Десантники сражались с обычной для них отвагой, но после шестичасового боя у них кончились боеприпасы. На высоте погибли 13 солдат. Отряд отступил. Солдаты, дравшиеся на склоне, потеряли больше половины людей убитыми и ранеными; погиб в том числе командир отряда майор Костин. Но мужество погибших не снимает вопросов к живым. Атакующих не поддерживала артиллерия, к ним не вылетали вертолёты — это при том, что бой шёл 6 часов и разобраться в ситуации на компункте могли. Могли — но смотрели на идущий на склоне бой, как на поединок гладиаторов.

Одной из основных проблем стало само устройство Российской армии. В августе в командировку поехали в основном молодые солдаты. Для Вооружённых Сил постоянно создавала проблему ситуация, когда новые призывники ещё не освоились, а старший призыв уже увольнялся или должен был в ближайшее время увольняться в запас.

Дагестан, дети играют на обломках вертолёта Ми-8, сбитого боевиками. Фото Дмитрия Белякова.

Дагестан, солдаты на отдыхе после боёв за Ботлих. Август 1999 года. Фото Дмитрия Белякова.

Ещё неделю вокруг Ослиного Уха шли бои, и каждый день стоил русским нескольких жизней. Упорство боевиков сломили только массированные удары авиации и артиллерии. К сожалению, мысль о необходимости подавлять противника огнём «больших пушек» овладела командованием после, а не до первых боёв с тяжёлыми потерями. Одновременно русские штурмовали прилегающее к Ослиному Уху село Тандо и высоты вокруг Рахаты.

Пехота и артиллерия едва умещалась на высотах. Иной раз вертолёты, прилетавшие для снабжения передовых, садились прямо между стволами орудий. Бытовые условия традиционно выглядели по-спартански. Даже с униформой не всё оказывалось гладко:

«Солдаты носили полнейшую разносортицу (у самого была то ли „берёзка", то ли „афганка", то ли что-то сборное из них). Перед отправкой нашему свободному батальону не выдали обмундирования, лишь тем солдатам, у которых визуально каблуки на сапогах были стёрты чуть ли не в ноль, дали новую обувь»[1], — описывал походный быт военнослужащий.

Тактика русских была несовершенна. Ошибки делали регулярно и за каждую платили кровью. В 90-е годы учения проводились редко. Многомиллионное государство располагало ничтожно малым количеством боеспособных войск, могущих покинуть военные городки и воевать. В Дагестан стягивались части со всей страны. «Если бы сейчас на нас сбросили небольшую атомную бомбу, Россия осталась бы беззащитной», — замечал один из офицеров.

Радиосвязь безбожно хромала. Солдаты сгибались под тяжестью старых бронежилетов. Танковый парк представлял собой смесь изношенных современных образцов с антикварными Т-62. Тяжёлое оружие выходило из строя. Известен случай, когда автобус с боевиками уехал из-под огня только потому, что при расстреле предыдущей машины у солдат заклинил АГС. Уровень выучки колебался от вполне приличного до опасно низкого.

---

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина.
http://twower.livejournal.com/1162673.html

Эти проблемы касались всех родов войск и подразделений. «Лётчики мало летают между вооружёнными конфликтами. Керосина нет, как всегда. Армия нищая, не летают, не стреляют. Это не лётчиков вина»[3], — с досадой говорил один из командиров. Доходило до диких ситуаций: рота 173-го отряда спецназначения ГРУ перед отправкой на позиции успела поработать в колхозе. Когда командир батальона попросил собственное начальство не привлекать боевую часть к сельхозработам ввиду скорой поездки на войну, комбриг ответил: «А чем я вас зимой кормить буду?»[3] Страна могла положиться только на решительность своих солдат и превосходство в тяжёлом вооружении.

Война по-прежнему держалась на простом пехотинце. Каждый день девятнадцатилетнее секретное оружие возвращалось из боя, сдержанно улыбалось журналистам и на следующий день снова лезло в пекло под прикрытием гаубиц и БМП.

Кадарская зона

В середине августа в Дагестан прибыл спецназ, а из Цумадинского района подтянулись части Внутренних войск. Разведчики и бойцы ВВ добились одного из первых серьёзных успехов. Они заняли перевал Харами в тылу у боевиков. Командную высоту вовремя захватило подразделение 22-й бригады спецназначения. Разведчики пришли с тяжёлым оружием, включая ПТУР, и эффективно поддержали атаку 16-го отряда спецназа ВВ. Перед войной спецназовцы уделили внимание изучению местности на будущем театре боевых действий и теперь смогли быстро и эффективно организовать операцию в тылу неприятеля. Басаевцы под Ботлихом лишились подкреплений. К тому же активность русской артиллерии постоянно росла, и положение боевиков становилось безнадёжным. К 23 августа отряды Басаева и Хаттаба организованно оттянулись из Ботлихского района обратно на территорию Чечни.

В тылу у русских оставалась Кадарская зона. Разгромить этот анклав было необходимо, поскольку мирные овцеводы в любой момент могли ударить в тыл войскам на границе Чечни и Дагестана. Гарнизон Кадарской зоны составлял до 300 боевиков.

Первая попытка уничтожить Кадарскую зону обернулась тяжёлым боем и потерями.

28 августа отряды Внутренних войск и дагестанского ОМОНа понесли тяжёлые потери, пытаясь начать зачистку Карамахи. Затем тяжёлый бой произошёл на горе Чабан.

Холодным туманным утром 29 августа отряд разведчиков 22-й бригады Внутренних войск скрытно подошёл к доминирующей над местностью горе и ворвался на высоту, перебив охрану. Часовых застрелили из бесшумного оружия. Был захвачен ретранслятор (кунг с оборудованием на автомобиле) и автоматическая зенитка.

Однако кто-то из боевиков успел начать пальбу, и противник оказался осведомлён, что на горе находится отряд.

Попытка войти в само село Чабанмахи не удалась. Организованное сопротивление противника не позволяло вступить туда. Неадекватным был изначальный план операции: оборона противника в селе не была подавлена.

Попытка с налёта войти в Чабанмахи не удалась, однако в тылу у противника, на горе, осталась целая рота.

Из-за тумана огневую поддержку кое-как осуществлял всего один вертолёт, а разведчики оказались окружены ордой боевиков. Выручать их отправился сводный отряд, в основном из состава подразделения «Русь» Внутренних войск, а также ОМОНа и СОБРа. Шли в густом тумане. С высоты просили о помощи — там было множество раненых. Солдат деблокирующего отряда вспоминал:

> «Навстречу из тумана как привидение выскакивает „Ночь“ (позывной. — Прим. авт.). В одной руке „Стечкин“, в другой граната без чеки. Глаза ошалевшие»[1].

В конце концов деблокирующий отряд прорвался на высоту к разведчикам, после чего всем удалось отступить.

Попытка занять Кадарскую зону нахрапом не удалась, и её принялись утюжить самолётами и артиллерией. Руководство в этом секторе взял на себя генерал Трошев. Правда, всё время сказывались недостаток самого необходимого и плохая выучка. Авиации наступающим категорически не хватало, поэтому удары с воздуха редко оказывались по-настоящему весомыми. К тому же Трошева подстёгивали сверху, требуя как можно скорее закончить операцию. Такое положение приводило к тяжёлым штурмам с большими потерями.

Боевики опирались на огневые точки в капитальных каменных подвалах. Чтобы их подавить, требовалось гораздо больше снарядов, чем имели войска. В итоге, как замечал капитан ВВ Игорь Дубовик, «село Чабанмахи бралось руками — при помощи стрелкового оружия»[8].

Мятежники оказались неплохо вооружены, позиции здесь готовились загодя. В мирных аулах имелись ПТУРы, автоматические пушки.

Однако возможности боевиков быстро иссякали. Кадарская зона находилась в глубине Дагестана, доставить туда помощь из Чечни не получалось. Нападения на другие районы провалились, так что выбор оказался невелик: или прорыв, или гибель. Боевики попытались выпросить у дагестанских властей коридор в Чечню, однако Трошев заявил, что командует здесь он, а не местные власти, и никаких коридоров не будет. Для создания настоящего «котла» русским не хватило солдат, так что часть боевиков сумела между 10 и 11 сентября под огнём прорваться на запад. Примерно 200 их товарищам не повезло — они погибли или попали в плен.

Зачистка не обошлась без трагических эпизодов: в одном из бункеров в Карамахи нашлись женщины с детьми и четверо раненых боевиков, которые принялись палить из-за их спин, убив одного из солдат. Взбешённые солдаты отпустили женщин и детей, после чего изрешетили боевиков, привязали их трупы к БТРу и проволокли по улице, заставив участвовать в этой процессии их родственников.

---

http://www.aif.ru/archive/1634070,

https://polit.ru/article/2004/08/18/karama/

Бойцы саратовского отряда специального назначения № 20 ведут бой в селе Карамахи в районе бывшего местного рынка. На переднем плане – командир группы Александр Янклович, позже награждённый Золотой звездой Героя России за свою работу в Дагестане.
Сентябрь 1999, Карамахи, Буйнакский район, Дагестан.
Фото Дмитрия Белякова.

Однако нужно отметить, что в целом в Кадарской зоне военнослужащие действовали щадяще. Ничего похожего на повальную чистку не происходило. В небольших сёлах все друг друга знали, военные и милиция были настроены против «ваххабистов» и вместе с односельчанами помогали их ловить. Поэтому количество арестованных оказалось сравнительно невелико, около 80 человек, а местный салафитский актив оказался либо в земле, либо в тюрьме.

Новолакский район

Последним выпадом неприятеля стало нападение на Новолакский район. Как и в прошлые разы, чеченцы избрали для вторжения регион, прилегающий к южной, горной Чечне. Новолакское находится на юго-западе от Хасавюрта. Трудно сказать, чем руководствовались боевики на сей раз. Возможно, нападающие пытались отвлечь русских от участия в боях южнее. Как бы то ни было, 5 сентября отряд примерно в 800 человек перешёл границу. В отличие от других мест, в Новолакском они тут же натолкнулись на организованное сопротивление. Дагестанские милиционеры и прикомандированные липецкие омоновцы под командой майора Сковородина окопались в здании РОВД и доме культуры, отчаянно отбиваясь целый день. Первым рубежом обороны опять оказались не военные с бронетехникой и артиллерией, а милиционеры и омоновцы. Намерения противника определили неверно, и основные силы группировки прикрывали Хасавюрт. Дошло до того, что основой огневой мощи засевших в РОВД бойцов стал чеченский пулемёт, который они изъяли за несколько дней до того из «мирно» проезжавшего грузовика.

Здания простреливались насквозь. Внутри стоял смог из бетонно-кирпичной крошки и дыма:

> «Медленно, как в кино, приподнимает и обрушивает на стену. Оказывается, рядом взорвалась кумулятивная граната. Прихожу в себя под обломками штукатурки. Выкарабкиваюсь. Кругом раздолбанные стены и потолок, всё сливается в мутный поток. Теряю равновесие, падаю. Дополз до амбразуры. По пути два раза облёвываюсь. Всё кружится перед глазами.

> В ушах звон. Но у бойницы нахожу силы отдышаться. Ствол автомата прижимаю к бетону, чтобы не дрожал. И опять „мочу" по духам»[1], — вспоминал омоновец.

Боевики многократно ходили на штурм. Они имели численное преимущество, однако милиционеры защищались не только храбро, но и разумно. Отыскать слабые места в их импровизированном редуте чеченцам не удалось. В отрядах, напавших на Новолакский район, воевало много плохо обученной молодёжи, и это стало одной из причин высоких потерь чеченцев на подступах к ДК. Гора трупов росла, но результатов атаки не приносили.

В это время к омоновцам пытался пробиться резерв. Однако подкрепление понесло серьёзные потери в засаде у села Дучи — противнику удалось сжечь грузовик со спаркой автоматических пушек и один из БТРов. Зато к новолакским милиционерам приблудились две БМП с окружённого чеченцами блокпоста. Эти бронемашины Сковородин решил использовать как средство спасения. К ночи, когда стало ясно, что выручить их не смогут, милиционеры погрузили раненых и убитых на боевые машины и в темноте прорвались из Новолакского на полном ходу. Вскоре они вышли на свои аванпосты, пройдя кружным путём через чеченскую территорию. В плен попал только врач липецкого ОМОНа Эдуард Белан. Он отказался лечить раненых боевиков и был за это сразу казнён[2] (по другим данным, врач был убит в бою). Вообще для дагестанской кампании 1999-го характерно более жестокое отношение к пленным, чем в первую войну. Она, конечно, тоже не отличалась мягкостью нравов, но тогда ради красивой картинки для прессы и правозащитников боевики изредка были склонны щадить пленников. В Дагестане и позднее расправы над пленными приняли просто повальный характер, живыми из плена возвращались редко[3].

---

[1] http://zavtra.ru/blogs/1999-10-1221

[2] https://мсч.48.мвд.рф/document/7135225

[3] Характерную ремарку оставил в своих небольших мемуарах Хаттаб. Комментируя побег пары пленников, он замечал, что считал необходимым сразу их убивать, чтобы не создавать лишних трудностей.

В тот же день джихадисты одолели заставу МВД возле села Тухчар. Шансов на успех у бойцов не оставалось: на блокпост, который обороняли полтора десятка солдат и милиционеров местного ОВД, шло около 200 боевиков. Пост отбивался, сколько возможно. Потери русских в самом бою оказались умеренными, но от двух попаданий из гранатомётов сгорела единственная БМП, а вскоре закончились боеприпасы. Местные жители укрыли людей, а один из дагестанцев на своей машине вывез раненых. Большая часть бойцов и местных милиционеров позднее ушла к своим. Однако шестерых военнослужащих боевики нашли. Сопротивляться те не могли: почти не осталось патронов, а в село вошёл многочисленный отряд боевиков. Контуженого, тяжело обгоревшего водителя БМП Алексея Полегаева спрятала у себя местная жительница Атикат Табиева, но бойца выдал кто-то из соседей. Боевики вломились в дом, угрожая автоматами самой Табиевой и её маленькому внуку, и отыскали мехвода.

«С трудом поднимается на ноги, качаясь, держится за стену. Затем поворачивается ко мне и спрашивает: „Что они со мной сделают, мать?“» — вспоминала позднее Табиева тот день.

Террористы понесли ощутимые потери погибшими, и это предопределило судьбу пленных. Боевики отрезали солдатам головы, запечатлевая подвиг на видео. Тухчарская резня памятна многим даже сегодня. Тела казнённых сутки спустя вывез к блокпосту российских войск Магомед-Султан Гасанов, глава администрации села. Тех солдат, которых удалось спрятать, тайком вывели в Хасавюрт. Фёдора Чернавина пастух Шамиль Алхулаев переодел овцепасом и вывел из села вместе с отарой.

Впоследствии командующий боевиками во время боя за Тухчар погиб в Грозном, а по крайней мере пятеро участников заклания пленных попали в руки правосудия и навеки отправились за решётку. Уровень зверства заметно вырос по сравнению с началом первой чеченской. Однако нужно отметить и другое важное обстоятельство. Сражения за Дагестан в 1999-м русские вели при полной поддержке населения.

---

http://archive.redstar.ru/index.php/newspaper/item/2494-serdtse-nedelit-detey-na-svoih-i-chuzhih

Чеченцев воспринимали как иноземных захватчиков, а дагестанских ваххабитов — как предателей. Денис Мокрушин, довольно известный ныне военный журналист, а тогда просто наводчик БМП, вспоминал:

«Нам в Дагестане в сентябре 99-го при проезде через населённые пункты прямо на броню кидали бутылки с газировкой и минералкой, лепёшки, дыни. Иногда мы не успевали подхватить, продукты падали под гусеницы. Если была возможность хоть ненадолго остановиться, то были случаи, когда из домов километра за полтора по полю к нам бежали женщины с только что испечёнными лепёшками, с сыром, с фруктами. Чтобы хоть как-то помочь тем, кто их приехал защищать, выразить благодарность»[1].

Разительный контраст с первой Чечнёй.

Сформированное на лету местное ополчение звёзд с неба не хватало (всё-таки это были обычные селяне, без всякой подготовки, получившие прямо на месте автоматы или карабины), но несло караульную службу в тылу и с энтузиазмом отлавливало боевиков на своей территории. Иногда дагестанские добровольцы добивались серьёзных успехов и на передовой. В Казбековский район ваххабиты так и не проникли, встретившись с отрядом ополченцев под командой бывшего учителя математики. Село Верхнее Годобери отстаивала горстка бойцов во главе с местным ветераном Афганской войны — тот сумел продержаться до подхода русских с артиллерией. Короче говоря, надежды Басаева на массовое восстание не сбылись. К тому же он так и не удосужился перед вторжением договориться с местными элитами. Русские постоянно пользовались помощью местных в качестве проводников, жители подкармливали солдат, а иногда, как в Тухчаре, крестьяне выводили живых и выносили мёртвых.

«Они [боевики] на КамАЗах со стороны Чечни приехали, — рассказывал о своей службе ополченец Халилбек Халилбеков из Ботлиха.—

---

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина.
http://twower.livejournal.com/1711451.html?thread=113676635

Дагестанские ополченцы на поле боя.
Окраина села Карамахи.
Фото Дмитрия Белякова.

> Когда они заняли соседние селения, людям ничего не оставалось, как эвакуироваться. Тем временем в самом Ботлихе люди уже были распределены по постам. Первые 25 автоматов мы получили в тот день. На постах стояло по 5–10 человек. При въезде останавливали машины, проверяли документы, держали связь со штабом. Грузовые машины были загружены камнями и дежурили на подъездах к селу, чтобы в случае необходимости можно было перекрыть дорогу».

Басаев пытался договориться с представителями дагестанских общин. Однако понимания нигде не нашёл. Так, попытка брата Басаева Ширвани сговориться с авторитетными людьми в Хасавюртовском районе о беспрепятственном проходе в Махачкалу кончилась только предложением уходить и не возвращаться. Отставной подполковник Абубакар Гаджиев организовал местное ополчение по армейским принципам и был готов дать противнику серьёзный бой. К счастью, в самом Хасавюрте боёв удалось избежать, ополченцы в нескольких перестрелках у окраин дали противнику понять, что лёгкого прорыва не только в Махачкалу, но даже в сам Хасавюрт не будет[1].

Смена настроений в пользу России оказалась очень резкой, и тут «моджахедам» было некого винить, кроме самих себя. В 1994 году в том же самом Дагестане толпы перекрывали дороги российским военным колоннам. Однако чеченская «набеговая экономика» 1996–99 годов очень сильно ударила по отношениям с соседними республиками — грабежи и угон заложников скверно влияют на дружбу.

Бои вокруг Новолакского оказались недолгими и шли по той же схеме, что и раньше: попытки взять ваххабитов «на ура», а затем — упорная работа артиллеристов и лётчиков. Эта операция вызывала скверное ощущение дежавю. Наступление велось при минимальной подготовке и разведке. Мысль о необходимости плотно обрабатывать позиции боевиков артиллерийским огнём и авиаударами почему-то овладевала командирами после, а не до тяжёлых потерь. На сей раз в роли

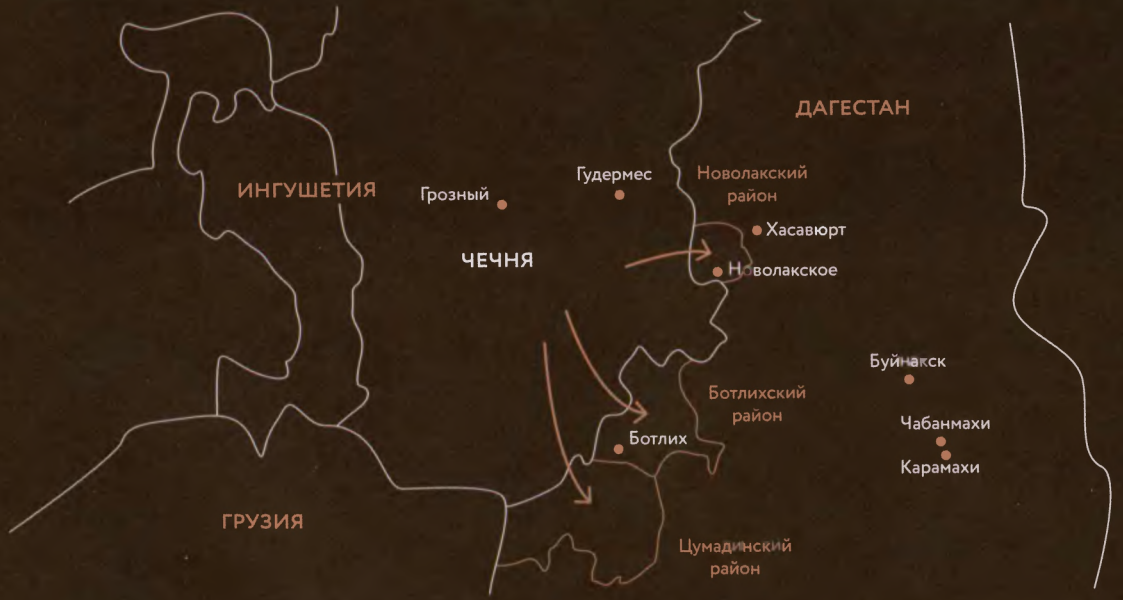
---

[1] https://expert.ru/russian_reporter/2019/13/oni-srazhalis-za-rodinu-hasavyurt-99/

камней преткновения выступили высоты «Телевышка» и Эки-Тебе, прикрывавшие дорогу на Хасавюрт. С «Телевышки» боевики смогли вытеснить маленький отряд милиции, который продержался, по крайней мере, до прибытия крупных сил в сам Хасавюрт. Попытки вернуть «Телевышку» и овладеть Эки-Тебе привели к большим и неоправданным потерям. 9 сентября тяжёлое поражение на склонах Эки-Тебе потерпел армавирский спецназ ВВ. Генерал Казанцев слишком торопился нанести противнику сокрушительный удар, поэтому отряд армавирцев был брошен к высоте без разведки и отлаженного взаимодействия с авиацией[9]. Участник боя, Альберт Кудряшов, описывает постановку задачи:

> ...Начальник разведки во время обеденного совещания поставил задачу отряду: к утру взять ретранслятор на господствующей высоте 715,3.
>
> — К чему такая спешка, товарищ полковник? Дайте хотя бы сутки. Мы с разведвзводом за это время местность прочешем. Хоть будем знать, где противник, наметим пути выдвижения, отхода... Да и бойцам перед операцией отоспаться не мешает, — это мы с командиром пытались передвинуть сроки. Начальник связи что-то ещё бубнил про севшие аккумуляторы к радиостанциям, но его уж точно не слушали.
>
> — Какие, на хрен, сутки? Завтра к утру! Там их человек сорок-пятьдесят. Не больше. Несколько групп по пять-семь человек. Вам это как два пальца обделать...
>
> — А не эти ли сорок-пятьдесят клоунов наш оперативный батальон чуть не разбили? — Наш вопрос повис в воздухе.
>
> — Да не я эти сроки определяю. Верховный три дня нам дал с ситуацией разобраться, — почти прокричал полковник. — Что расселись? Выполнять![10]

ВТОРЖЕНИЕ В ДАГЕСТАН



Армавирцы ворвались на высоту, без потерь выбив охранявший её отряд боевиков. Но оказалось, что рядом есть ещё одна высота, отсутствовавшая на картах, с которой легко простреливалась захваченная русскими позиция. Второй отряд захватил и эту высоту, однако боевики перебросили на помощь своим резервы, и спецназ оказался в глубине неприятельских позиций. Отряд начал отход двумя группами, при отступлении одна из них попала под удар своей авиации, кроме того понёс потери деблокирующий отряд, пытавшийся пробиться к окружённым. Всего за день погибло 36 человек, причём не менее трети — под дружественным огнём. Организацию этого боя можно без всякого преувеличения назвать преступной, но наказания за происшедшее никто не понёс.

Эта трагедия, однако, не могла изменить общей оперативной обстановки и сыграть на руку «духам». В Новолакском районе было слишком много солдат, а боевиков теперь постоянно обрабатывала авиация и артиллерия. К тому же начались удары по базам террористов в самой Чечне. К 13 сентября боевиков в рутинном режиме выбили из Новолакского и Тухчара, и на этом боевые действия в Новолакском районе закончились. Началась зачистка, которая привела к интересным открытиям — вроде подвала с заложниками, который работорговцы устроили прямо в мечети одного из сёл. Любопытно, что существенной силой моджахедов в походе на Новолакское стали подростки, едва достигшие (или даже не достигшие) 18 лет. Басаев и Хаттаб казались этим юнцам романтическими вождями вроде Че Гевары. В итоге вожди благополучно бросили восторженных неофитов на заклание.

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

Дагестанский поход неожиданно обернулся для боевиков оглушительным фиаско.

За время обороны Дагестана военные потеряли 279 человек погибшими. Погибло до двух десятков местных ополченцев. Русским удалось перебить около 500–600 боевиков — в основном огнём артиллерии, авиации и тяжёлой техники. Одна из распространённых претензий к силовикам, воевавшим в Дагестане, состоит в том, что они якобы

сознательно отпустили из кольца не имевших ни малейшего шанса на прорыв Басаева и Хаттаба. Происхождение таких взглядов легко понять. Мутные политические игры вокруг Чечни привели к тому, что любая конспирологическая теория начинает звучать правдоподобно. На самом деле никакого непробиваемого кольца вокруг боевиков в Ботлихском и Новолакском районе не существовало. Российские военные зачастую плохо знали местность, а слабость технического оснащения почти исключала полноценные ночные операции. Басаев с его опытом партизанской и террористической войны вполне мог вырваться из такого хлипкого окружения. Даже Кадарскую зону, располагавшуюся в глубине Дагестана, сумела покинуть некоторая часть боевиков — без басаевых и хаттабов. Позднее чеченцы прорывались даже из более плотно обложенных котлов в Грозном и Комсомольском, хотя и несли катастрофические потери. Вряд ли стоит объяснять политическими соображениями то, что легко объясняется сложным рельефом, недостатками технического оснащения и элементарной нехваткой людей у федералов.

Итоги боёв августа и сентября 1999-го выглядели неожиданно. После мытарств первой войны и грязного трёхлетнего «перемирия» даже не особенно изящные операции в Дагестане смотрелись очень выгодно. Войска понимали, что они делают и зачем воюют, а население с энтузиазмом помогало солдатам, чем могло. Разумеется, успех в Дагестане сам по себе не мог решить проблему. Необходимость зачистки и замирения Чечни встала в полный рост. Тем более что пока гремели бои вокруг Кадарской зоны и Новолакского, в России произошли не менее драматические события.

ГОСПОДИН ГЕКСОГЕН

4 сентября в 21:45 в Буйнакске около дома № 3 на улице Леваневского взорвался грузовик. В нём было 2700 килограмм взрывчатки. Дом, где жило много семей военнослужащих, рухнул. Более 200 человек оказались погребены под завалами. Местные жители и примчавшиеся вскоре МЧСовцы кинулись разбирать руины. Вокруг толпились родственники тех, кто лежал под обломками. «Не знаем, что делать, плачем. На втором этаже сестра и трое детей», — сдавленно рыдала женщина, к которой подошли с расспросами журналисты.

Несколько дней спустя та же съёмочная группа запечатлела офицера, растерянно бродившего по своей квартире, у которой теперь не было фасада. Ему повезло, все его родственники остались живы. Однако 64 жильца злополучного дома погибли.

Жертв могло быть больше, однако ещё одну адскую машину обезвредили возле местного госпиталя. Террористам пришла в голову разумная мысль: после теракта к больнице должны были броситься пострадавшие, врачебные бригады и родственники раненых. К счастью, хлебовозку, в которой боевики спрятали бомбу, удалось вовремя обнаружить.

Через четыре дня в Москве на улице Гурьянова сработала ещё одна бомба. Взрыв 350 килограмм взрывчатки в тротиловом эквиваленте разрушил два подъезда девятиэтажки. В пять утра 13 сентября, в день траура по погибшим на Гурьянова и в Буйнакске, происходит ещё один взрыв в Москве — в подвале дома на Каширском шоссе. Наконец, 16 сентября взорвался грузовик перед домом в Волгодонске. Всего в четырёх терактах погибло 307 человек.

Москвичи начали организовывать стихийные дежурства в подъездах. *Неспособность спецслужб обуздать преступников одних пугала*, других приводила в бешенство.

Эти взрывы стали самой кровавой серией терактов в истории России (побьёт этот адский антирекорд только Беслан). Люди почувствовали себя абсолютно беззащитными перед лицом убийц.

Между тем эта серия жестоких преступлений оставила множество вопросов, и когда первая горячка спала, их начали задавать.

Самой странной оказалась история, происшедшая в Рязани.

23 сентября 1999 года рязанец Алексей Картофельников позвонил в милицию и сообщил, что в подвал его дома неизвестные люди, приехавшие на машине с заклеенным номером, загружают подозрительные мешки. Милиционеры «грузчиков» уже не застали. Прапорщик Андрей Чернышёв решил спуститься в подвал и проверить необычный груз. К своему ужасу, он обнаружил там три 60-килограммовых мешка с белым порошком и торчащими проводами.

Милиционеры немедленно вызвали сапёров. Жителей эвакуировали в ближайший кинотеатр. Неходячих инвалидов МЧСовцы вынесли на руках. Подоспевшие взрывотехники МВД провели экспресс-анализ и заявили, что в мешках взрывчатка — гексоген. Провода оказались присоединены к электронным часам и чему-то, похожему на детонатор, сделанный из охотничьего патрона. Однако взорвать на полигоне небольшую часть изъятого вещества при помощи аналогичного «охотничьего» детонатора у экспертов не получилось[1].

Руководство Федеральной службы безопасности сообщило об успешном предотвращении в Рязани террористического акта. Премьер-министр Путин и министр внутренних дел Рушайло выступили с таким же заявлением. Однако уже через пару дней начался загадочный спектакль.

Пока высокие лица бодро рапортовали о предотвращении теракта, руководитель Центра общественных связей ФСБ заявил, что бомба оказалась муляжом. Через два дня после неслучившегося взрыва директор ФСБ Патрушев объявил, что в Рязани проходили учения и никакого гексогена на самом деле не было. С тех пор версия об учениях стала официальной.

Что известно точно? Во-первых, никакие реальные террористы в Рязань не наведывались и закладку чего бы там ни было в подвал выполнили сотрудники ФСБ. На этом сходятся все версии происшедшего, включая официальную. Однако никуда не деться от вопроса об интерпретации этих действий.

Версия об учениях действительно звучит натянуто и имеет очевидные слабые места. Эти удивительные учения прошли так, что об имитации крупного теракта оказалось неизвестно ни премьер-министру (который буквально только что оставил пост директора ФСБ), ни министру внутренних дел. Официальные лица по крайней мере сутки после инцидента вели себя так, как будто искренне верили в то, что предотвращён настоящий теракт. К тому же информацию об учениях засекретили. Когда известный правозащитник Сергей Ковалёв отправил депутатский запрос о предоставлении плана-задания учений,

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/226256

ему отказали, ссылаясь на недопустимость вмешательства в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность органов дознания и следователей. Ковалёв — фигура более чем спорная, но его запрос выглядит вполне разумно и естественно, а ответ похож на отписку.

Нельзя сказать, чтобы ФСБ никогда не проводила подобных операций. Однако в случае с Рязанью официальная версия предполагает никем не контролируемые учения, о которых неизвестно не только руководству местного ФСБ и муниципальным властям, но и первым лицам страны. Такие «учения» не лезут абсолютно ни в какие ворота.

ДЕТЕКТИВ В СТИЛЕ НУАР

Само собой, на таком фоне появилась конспирологическая теория. Её озвучили бывший офицер ФСБ Александр Литвиненко и журналист Юрий Фельштинский в книге «ФСБ взрывает Россию» (в настоящий момент признана экстремистским материалом). Основной тезис Литвиненка–Фельштинского: серия терактов организована спецслужбами РФ, чтобы привести к власти Владимира Путина. Поскольку эта идея до сих пор периодически всплывает в дискуссиях, следует разобрать её. Построения Литвиненка и Фельштинского быстро разочаровывают слабостью аргументации. Авторы резонно критикуют официальную версию с учениями. Однако, сказав «А», они категорически отказываются произносить «Б» и приводить новые аргументы. Положим, в Рязани не было никаких учений — но как это доказывает подрыв всех домов чекистами? Авторы идут самым простым путём, объявляя любую неясность кознями ФСБ. Скажем, большой объём взрывчатки, использованный террористами, считается у них признаком работы спецслужб — якобы боевики должны экономить гексоген.

В качестве свидетелей призываются или виртуальные персонажи вроде некоего кающегося майора ФСБ, которого никто и никогда не видел и который в письме изъясняется как злодей из плохого кинофильма, или люди, не имеющие никакого отношения к расследованию теракта, вроде генерала Лебедя. Особое место в системе аргументации

Литвиненка–Фельштинского занимают показания офицера, попавшего в плен уже позднее, в ходе войны. Этот «аргумент» выглядит просто дико: авторов книги даже не смущает то обстоятельство, что пленный «сознаётся» (кроме взрывов домов) в том, что ему полагалось в составе отряда ГРУ «минировать дороги и дома с целью уничтожения беженцев и мирного населения» Чечни. Очевидная абсурдность этих показаний и ситуация, в которой они получены, не мешают авторам спокойно брать их на веру и оперировать ими.

Фактически никаких весомых аргументов, связывающих ФСБ и взрывы домов, кроме «рязанского довода», в 400-страничной книге не имеется. Мы обнаруживаем себя там же, где начинали: чётких доказательств причастности ФСБ к подрывам жилых домов в Москве, Волгодонске и Буйнакске нет. В результате даже заведомо благосклонные к любой оппозиционной версии авторы вроде Ковалёва отнеслись к теории Литвиненка–Фельштинского скептически. Ковалёв даже пошёл в своей критике дальше:

> «Я не стану уж говорить о том, что в самой книге, по тем эпизодам, которые мне как участнику хорошо известны, невероятное количество фантазии. Например, Будённовск. Это чистый вымысел, и ни одной ссылки, заметьте. Так не пишутся серьёзные книги, претендующие на достоверность»[1].

Существуют и другие версии, более или менее правдоподобно объясняющие события в Рязани. Одну из них изложила Юлия Латынина на радио «Эхо Москвы»[2]. Суть её версии сводится к следующему. В 1999 году Федеральная служба безопасности весьма малоудачно выполняла собственные прямые обязанности. Террористы разъезжали по городам России на грузовиках, набитых взрывчаткой, и ни одного не удалось скрутить до взрыва. Причём дома минировали не опытные подрывники и диверсанты, а, как показала история реальных террористов, о которых пойдёт речь ниже, деревенские дуболомы — и эти дуболомы обыграли спецслужбу.

---

[1] http://web.archive.org/web/https://echo.msk.ru/programs/beseda/19169/

[2] http://web.archive.org/web/https://echo.msk.ru/programs/code/560721-echo/

ФСБ отчаянно нуждалась в любом успехе на ниве борьбы с терроризмом — просто ради сохранения репутации. Эта версия предусматривает, что какому-нибудь должностному лицу в Москве пришла в голову светлая идея триумфально раскрыть крупный теракт на глазах общественности и коллеги-премьера.

Другое объяснение выдвинули историки спецслужб Ирина Бороган и Андрей Солдатов: в Рязани действительно проводились учения, однако традиционное желание чекистов засекретить всё, что можно, привело к появлению тайны буквально на пустом месте[11].

Учитывая, какой хаос царил в российском государстве в 90-е, эта версия не выглядит неправдоподобной. Проблема в том, что доказательств у этой теории (как и у версии о сорванном фальштриумфе, предложенной Латыниной) не больше, чем у книги Литвиненка. Всё это — не более чем гипотезы. Настоящего общественного расследования так никто и не провёл.

Туману добавила странная гибель Литвиненка в 2006 году в Лондоне. Бывший чекист скончался от отравления радиоактивными элементами, подброшенными в чай. Реальная подоплёка его убийства так и осталась неизвестной, как и подлинная история событий в Рязани. Даже теперь, много лет спустя, мы можем только разглядывать контуры скелета через щель в шкафу.

Популярная в оппозиционных кругах идея о том, что чекисты пытались поднять рейтинг Путина с помощью терактов, сама по себе экстравагантна: выходит, что авторитет власти надёжнее всего укрепляет демонстрация тотальной беспомощности этой власти. Вся страна прекрасно знала, что Чечня — рассадник террористов. Что убийства, похищения и взрывы совершаются за её пределами. Что за 1996–99 годы тысячи людей погибли или сидят в подвалах, ожидая выкупа. Добавлять штрихи к портретам лидеров Ичкерии в 1999 году уже не имело смысла. Наконец, война с тысячами участников и сотнями убитых ко времени волны терактов уже шла несколько недель. Путин действительно использовал войну для повышения популярности, но его козырем стала как раз жёсткая риторика и демонстрация готовности карать негодяев, а вовсе не приход войны в Москву и Волгодонск или беспомощность

спецслужб. Волна успешных терактов скорее способна погрузить общество в панику, чем сплотить вокруг фигуры вождя.

«После второго взрыва всё население нашего огромного шестнадцатиэтажного дома собралось в сквере (странно смотрелись в этот дождливый вечер детские качели и карусели, на которых сидели взрослые перепуганные тётки) и принялось составлять график дежурств. Составляли организованно, без всякой паники. Мне выпало дежурить ежевечерне с часу до трёх ночи, в три меня выбегал сменять студент, в пять его менял усатый завсегдатай ближайшего пивного ларька — человек, за которым мы сроду не знали никаких бойцовских качеств, но тут он подобрался и даже, кажется, пить бросил. <...> Выходили добровольные помощники, и не то чтобы они меня так любили и желали вынести термос с кофием — нет, они спать не могли»[1], — рассказывал житель Москвы.

Не очень похоже на тотальную мобилизацию — скорее, на тотальный невроз.

Ну и последнее замечание о теории Литвиненка. В эмиграции он до самой своей загадочной смерти жил дома у Березовского, а тот платил ему зарплату. При этом Березовский постоянно заявлял, что чуть ли не за руку привёл Путина к власти. Если принять его слова на веру, получается абсурдная картина. Березовский утверждает, что сделал Путина президентом. При этом он же говорит, что для того, чтобы сделать Путина президентом, пришлось взорвать жилые дома. То есть выходит, что покровитель Литвиненка, сделавший многое для распространения версии «ФСБ взрывает Россию», сам не верил в неё ни на грош и ни секунды не опасался настоящего расследования терактов с какой угодно стороны.

И всё же хотелось бы в этой истории разобраться подробнее.

---

[1] http://old.russ.ru/ist_sovr/20010829b-pr.html

ВЗРЫВЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ В СЕНТЯБРЕ 1999 ГОДА

Взорванный дом в Волгодонске

4 сентября: взрыв в Буйнакске.
Взрыв грузовика ГАЗ, снаряжённого самодельной бомбой. Машина была припаркована перед пятиэтажным домом, в котором жили семьи военнослужащих. Два подъезда полностью разрушены. Погибли 64 человека, включая 23 детей. Восемь террористов, участвовавших в совершении теракта, в разное время арестованы и осуждены.

8 сентября: взрыв в Москве на улице Гурьянова.
Взрыв в подвале девятиэтажного дома. Подрыв совершён ровно в полночь. Погибли 106 человек. Ранены и травмированы ещё несколько сот человек, в том числе в соседнем доме. Взрыв осуществлён группой террористов под руководством Ачемеза Гочияева. Сам Гочияев по-прежнему находится в розыске, оставаясь единственным непойманным и достоверно не уничтоженным участником теракта.

13 сентября: взрыв в Москве на Каширском шоссе.
Взрыв в подвале восьмиэтажного дома. Также организован и осуществлён группой Ачемеза Гочияева. Подрыв совершён в 5 часов утра. Погибли 124 человека, почти все, находившиеся в этот момент в доме.

16 сентября: взрыв в Волгодонске.
Подрыв грузовика ГАЗ, снаряжённого самодельной бомбой, перед девятиэтажным жилым домом. Взрыв произошел около 6 часов утра. Взрывом разрушило фасад и часть перекрытий дома. Погибли 19 человек. Кроме того, были повреждены соседние дома. Исполнители теракта Адам Деккушев и Юсуф Крымшамхалов отбывают пожизненные приговоры, ещё пятеро участников теракта уничтожены.

РАЙ ПОД ТЕНЬЮ БОМБЫ

Серия терактов осенью 1999-го — не первый случай взрыва домов в России. Правда, до Москвы джихадисты до сих пор не добирались, но сам по себе метод уже был опробован. Кроме того, за время независимости Хаттаб создал в Чечне сеть школ для подготовки будущих партизан и террористов. Учениками этих школ были и чеченцы, и представители других кавказских народов, и иностранцы.

Хотя сильнейшее салафитское подполье сформировалось в Дагестане, ячейки исламских радикалов возникали по всему Кавказу. Одной из таких группировок стало «Мусульманское общество № 3», оно же Карачаевский джамаат. Эта подпольная структура возникла ещё в 1995 году. Многие члены джамаата успели побывать в Чечне, где установили контакты с Хаттабом и прошли обучение в его лагерях. Идея провести серию терактов в глубине России пришла Хаттабу летом 1999-го. Необходимость устроить взрывы исполнителям объяснили просто: «Необходимо эту взрывчатку везти в Россию и взорвать, тогда русские испугаются, и война в Дагестане прекратится»[1].

Эту задачу Хаттаб предпочёл поручить террористам, жившим за пределами Ичкерии. Вообще, география новой войны и этнический состав её участников оказались разнообразнее, чем в первую кампанию. Ключевую роль в волне терактов предстояло сыграть карачаевцу Ачемезу Гочияеву. Этот человек успел далеко продвинуться в изучении ислама «правильного» толка и к 1999 году стал лидером карачаевских радикалов. Кроме того, он прошёл обучение в лагерях Хаттаба. До прихода в террор Гочияев занимался мелким бизнесом в Москве и худобедно в городе ориентировался. Ему-то и была поручена организация терактов. Хаттаб обеспечил финансирование и руководил процессом, непосредственно взрывать дома должны были Гочияев и его группа.

Летом 1999-го террористы купили ингредиенты для изготовления самодельных бомб. Взрывчатые вещества делали кустарно, при помощи бетономешалки. Расфасованную взрывчатку хранили на продбазе, которой заведовал дядя Юсуфа Крымшамхалова, одного из террористов.

---

[1] Протокол допроса Адама Деккушева: http://terror1999.narod.ru/sud/delokd/doprdekk140702.html

Гочияев тем временем по поддельным документам зарегистрировал в Москве ООО и от имени некоего Лайпанова арендовал несколько складов в подвалах, в том числе на Гурьянова и Каширке. Когда организационные вопросы разрешились, гексоген и остальное (шнуры, батареи, детонаторы) одной фурой развезли по адресам — на Гурьянова, Каширку, в Капотню и на Борисовские пруды. Склады взрывчатки на двух последних точках впоследствии обнаружили: риелтор, увидевший по телевизору фоторобот Гочияева, опознал его и позвонил в ФСБ.

Любопытна версия событий в изложении самого Гочияева. По его словам, он действительно арендовал подвалы, в которые были заложены бомбы, но его подставили некие не названные им люди, которые, очевидно, и заложили взрывчатку. По словам Гочияева, после взрыва на Гурьянова он «насторожился», а после взрыва на Каширке решил, что на него решено возложить вину, и бежал[1]. Показания взятых живьём террористов в рамках этой позиции сфальсифицированы. Этот прекрасный сюжет детективного фильма портится некоторыми деталями. В частности, Гочияев не объяснил, зачем он снимал помещения, используя поддельные документы (арендовались помещения на имя несуществующего Лайпанова). Для честного коммерсанта, не подозревавшего о том, что на самом деле происходит, использование чужого имени несколько странно. Описание того, зачем ему вообще было арендовать подвалы, необычайно мутно. Якобы некий знакомый (которого он не называет по имени) попросил его «помочь арендовать» помещения в Москве для совместного с Гочияевым бизнеса. Невинный предприниматель снял склады для своего анонимного друга, но обнаружив, что дом, где арендовано помещение, разрушен, «стал ждать», а вовсе не кинулся выяснять, осталось ли хоть что-то из товара цело и каков понесённый ущерб, что было бы логичнее для бизнесмена, который пока ещё не знает ни о каком теракте.

Кроме того, известно фото Гочияева в обществе группы боевиков, включая Хаттаба. Сам Гочияев утверждал, что это монтаж. По поводу показаний других террористов Гочияев заявил, что на него клевещут под давлением ФСБ, однако «клевета» звучит вполне стройно. Наконец, совершенно непонятна одна деталь: если вся история срежиссирована ФСБ и Гочияева подставили, отчего его не арестовали сразу после взрывов и даже не организовали слежку?

---

[1] http://terror99.ru/documents/doc44.htm

Между тем в подробностях известна история другого взрыва — в Волгодонске.

Группа Юсуфа Крымшамхалова в Волгодонске действовала простецки. Террористы купили у местного азербайджанца грузовик под предлогом торговли картофелем. Мешками с картошкой они заложили взрывчатку, продавцу выдали задаток и попросили посидеть ночь в машине — покараулить товар. Ночью сторожу стало холодно, и он ушёл домой греться, чем и спас себе жизнь. В ходе этой «операции» команда террористов постоянно действовала через друзей, знакомых и соседей. Например, гаишник, которого знал один из подрывников, обеспечил проезд грузовичка со взрывчаткой за взятку в виде мешка с сахаром. О содержимом фуры он не знал. Хранили взрывчатку на складе родственника ещё одного бандита. Сутки перед терактом они посвятили продаже лишней картошки на базаре, чтобы создать алиби[1].

Примерно так же организовали взрыв в Буйнакске: самодельная бомба, накрытая арбузами, груз без документов.

Ещё одна любопытная история связана со взрывом в Волгодонске. Возмутителем спокойствия выступил эксцентричный депутат Госдумы Владимир Жириновский. На следующий день после взрыва политик заявил:

«Вспомните, Геннадий Николаевич[2], вы нам в понедельник сказали, что дом в Волгодонске взорван, за три дня до взрыва. Это же можно как провокацию расценивать: если Государственная Дума знает, что дом уже взорван якобы в понедельник, а его взрывают в четверг»[3].

Владимиру Вольфовичу в данном случае в здравомыслии не откажешь — вопрос резонный. Но объяснение этой истории оказалось банальным.

Протокол допроса Адама Деккушева:
http://www.delo99.narod.ru/020719d.html

Геннадий Селезнев, председатель Госдумы.
https://youtu.be/lAqI8yjp0Go?t=145

В Волгодонске до теракта произошёл взрыв в рамках местных криминальных разборок[1]. Из-за терактов страна ходила ходуном, и покушение уголовников на местного бизнесмена привлекло внимание просто потому, что это был взрыв.

Обстоятельства терактов осени 1999-го навевают тоску. Небольшая группа террористов, действующая самыми примитивными методами, при помощи кое-как сляпанных фальшивых паспортов и разваливающихся на ходу фур сумела провернуть акцию потрясающей дерзости.

По большей части подрывники потом предстали перед судом или полегли на поле боя. От правосудия не ушёл почти никто, начиная от Хаттаба и заканчивая рядовыми исламистами. Некоторых преступников пришлось доставать из-за рубежа. Например, исполнителей волгодонского теракта Деккушева и Крымшамхалова арестовали и передали в Россию грузинские органы правопорядка. Характерно, что при этом они оказывали вооружённое сопротивление — не очень типично для невинных людей (каковыми их считают сторонники версии «ФСБ взывает Россию»).

Ачемез Гочияев скрывается за границей до сих пор[2]. Правда, стоит отметить, что такая неуловимость может объясняться не только блестящей конспирацией, но и гибелью в бою.

Обстоятельства начала второй чеченской войны до сих пор остаются туманными. История эта полна грязных тайн на любой вкус. Но они не так уж и важны: Ичкерия на излёте своей краткой независимости представляла собой воронью слободку, которая не могла не сгореть.

Все стороны к 1999 году приготовились к войне и войны желали. В Кремле осознавали, что мятежную окраину необходимо, наконец, решительно принудить к порядку. Окончательное отделение Чечни и сдача Дагестана могли вызвать обрушение всего государства по цепочке. Лидеры боевиков стремились к конфликту по разным причинам: кто-то по религиозным соображениям, кто-то из-за личных

---

http://www.polit.ru/news/1999/09/13/536535/

Материалы обвинения Деккушева и Крымшамхалова: http://delo99.narod.ru/

приговор: http://terror1999.narod.ru/sud/delokd/prigovor.html

амбиций и все — из-за разорения и продолжающейся деградации собственной республики. Кроме того, Путин готовился сменить дряхлеющего Ельцина на посту президента России. Он нуждался в политических очках перед грядущими выборами — и получил их с лихвой. Широко освещавшиеся успехи России в первые месяцы новой кампании помогли серьёзно нарастить авторитет малоизвестного до сих пор политика. Пушки Объединённой группировки прокладывали не только дорогу в Грозный для пехоты, но и дорогу в Кремль для его нынешнего хозяина. Наконец, в обществе созрел вполне чёткий запрос на усмирение бунтующего анклава. К чувству унижения после первой кампании добавились страх перед терактами и гнев на власти, неспособные обуздать убийц. За непродолжительный период между первой и второй войной маятник общественного мнения радикально качнулся. Желание мира любой ценой предопределило конец первой войны. Желание мести любой ценой предопределило начало второй.

По опросам, применение силы к началу второй кампании так или иначе одобряли 44% респондентов ВЦИОМ (против новой войны выступало 49% опрошенных). Причём с развитием операции количество «ястребов» только росло: в ноябре уже 61% опрошенных желал полного разгрома неприятеля. Наконец, во время сражений за Грозный и южную Чечню количество «ястребов» дошло до рекордных 73%, а возможные переговоры с Масхадовым одобряли только 19% респондентов. Более того, с осени 1999 по весну 2000 годов 38–61% респондентов относился к «ультраястребам» — эти люди выступали за продолжение операции даже при условии тяжёлых потерь[1].

Кремлёвские политики, сколь угодно циничные и коррумпированные, всё же не хотели, чтобы о них демонстративно вытирали ноги. Чеченская республика Ичкерия превратилась в государство-паразит. Какое-то время это было удобно для всех сторон, но долго такое положение сохраняться не могло. Россия таки встала на дыбы — не от ужаса, а от ярости.

---

[1] http://old.sakharov-center.ru/publications/Cennosti_i_lichnost/10.htm

ПЛЮНЕМ И ПОЙДЁМ ЧЕРЕЗ ТУМАН

Уже в августе и сентябре русские начали прощупывать позиции боевиков в самой Чечне. В начале сентября вэвэшники разгромили чеченский блокпост на трассе Кизляр–Грозный. По выявленным отрядам била артиллерия. В августе русские бомбардировали Сержень-Юрт, Беной, Веденское ущелье. Дальше события развивались стремительно. 14 сентября Путин на заседании Госдумы сообщил о временном карантине по всему периметру чеченской границы, а 18 сентября заявил, что Чечня — это террористическая зона. Уже в сентябре он встретился с Ахматом Кадыровым и, видимо, тогда и заложил основы будущего сотрудничества с муфтием. Масхадов пытался повлиять на происходящее и выйти на переговоры с Москвой, но было уже поздно. «Грачи» и «Сухие» вновь появились над ущельями, эшелоны двигались к границе.

24 сентября Путин произнёс знаменитую фразу о готовности «мочить террористов в сортире»[1]. Политики ещё некоторое время продолжали темнить, но всем уже стало ясно: война начинается и церемониться с боевиками больше никто не будет.

30 сентября Путин заявил журналистам, что новой войны не будет. Прямо в этот момент в Чечню с лязгом и грохотом вступали утопающие в пыли механизированные колонны 58-й армии. На этот раз никто из солдат и офицеров не питал иллюзий по поводу будущего. Сидевшие на броне люди понимали, что их ждёт долгая, тяжёлая и грязная война.

Вторая чеченская началась.

---

https://www.youtube.com/watch?v=-2f-Q4K_J70

ГЛАВА 3
ТРАВЛЯ ВОЛКА

Центр Грозного, 15 февраля 2000 года.
Хвостовая часть реактивного снаряда,
воткнувшаяся в землю.
Фото Дмитрия Белякова.

Если правительство не будет договариваться с ними, им кранты. Никуда не денутся, мы их добьём. — Неизвестный солдат, осень 1999

Формирования боевиков во вторую войну серьёзно отличались от дудаевских отрядов образца 1994-го. Теперь они почти не имели бронетехники и артиллерии, однако куда лучше приспособились к партизанской войне. Теоретически террористы имели десятки тысяч бойцов. Реально к началу операции большинство частей находилось «в стадии формирования». Общие силы противника составляли, по оценкам, от 10 до 20–30 тысяч бойцов, включая несколько сот иностранцев — главным образом арабов.

Многие отряды мятежников представляли собой сельское ополчение и на деле имели минимальную подготовку. Однако костяк отрядов Басаева, Гелаева, Хаттаба и других крупных командиров составляли превосходно обученные боевики в хорошей физической форме, по уровню индивидуальной подготовки и качеству снаряжения серьёзно превосходившие российских срочников и уступавшие лишь элите русских. Позднее военные отмечали великолепную маскировку укрытий противника, основательный подход к полевой фортификации и — прямо-таки с бешенством — наличие экипировки, особенно средств связи, которой не было у самих российских военных.

Террористы располагали неплохим набором пехотного оружия, включая противотанковые и переносные зенитные комплексы. Однако их серьёзной слабостью было отсутствие единоначалия. Если раньше боевики ещё могли делать вид, что считают Масхадова президентом, то теперь, когда предстояло сражаться, мало кто из них согласился реально подчиняться «Ушастому». Лидера, равного по величине покойному Дудаеву, из среды полевых командиров больше не вышло.

Россия ввела в Чечню значительную группировку войск. Она постепенно наращивалась в течение кампании, и от изначальных 35–40 тысяч дошла примерно до 100 тысяч в течение полутора лет. Звучит почти оглушительно, учитывая размеры республики и численность противника. Но, зная особенности театра боевых действий, эти силы нельзя назвать чрезмерными. Русские должны были не только занять территорию, но и взять под контроль многочисленные населённые пункты республики, ключевые дороги и другие объекты.

Импровизированный барбершоп и парикмахерская на горной базе боевиков. Декабрь 1999, Итум-Кале, Чечня. Фото Дмитрия Белякова.

Слабостью этой группировки был пёстрый состав — множество частей разного ведомственного подчинения (армия, МВД, ФСБ). К тому же дай Бог половина всей численности участвовала в боях — остальные составляли тыловое обеспечение.

Как и в первую войну, положение дел с материальной частью оставляло желать много лучшего. Военнослужащий 245-го мотострелкового полка вспоминал:

> «Назначили меня водителем на БРДМ командира батареи. Стал машину принимать. Оказалось, что её до этого часто на тросе таскали. Спрашиваю: „Пулемёт КПВТ стоит?" — „Стоит!" — „А кто-нибудь его пристреливал?" — „А его ещё пристреливать надо?" — „А вы его как впихнули туда?" — „Нам помогли..." В КПВТ даже лента с патронами не была заправлена»[...]

Водитель грузовика из той же части сформулировал просто: «Что завелось, то в Чечню и поехало». То, что «поехало», зачастую приводилось в рабочее состояние старым недобрым методом военно-полевого каннибализма, когда из узлов и деталей двух-трёх сломанных единиц техники собирается одна функционирующая. Некоторые образцы до войны в Чечне использовались даже не в Афганистане, а во время операции в Чехословакии 1968 года.

Те же проблемы касались выучки и взаимодействия. Многие военнослужащие с опытом первой кампании уволились из-за разочарования и безденежья, многих уволили по приказу, срочники 1994–96-х уже ушли в запас, так что в 1999-м в Чечню в большинстве своём вступали совершенно новые люди, не знавшие театра боевых действий. Зато постепенно росла доля контрактников. Привлечение солдат, воюющих за жалование, шло со скрипом. Российское государство не было ни богатым, ни щедрым, об условиях службы должным образом начальство не позаботилось. Поэтому поначалу в «контрабасы» кроме адекватных военнослужащих пришло много маргиналов, не способных ни к чему в гражданской жизни. Постепенно наиболее бестолковые отсеивались (к сожалению, сплошь и рядом дарвиновским способом), и в конечном итоге идея привлекать солдат

и офицеров, сделавших сознательный выбор, оказалась верной — хотя бы в силу более зрелого среднего возраста контрактников.

После терактов лета и осени 1999-го военные входили в мятежную республику с полным сознанием своей правоты. Многие боялись повторения ситуации первого конфликта, когда военные действия периодически останавливались для переговоров. Известный своим воинственным духом командующий западным крылом российских войск Владимир Шаманов изложил своё кредо следующим образом: «Пока армии снова не скажут „стоп", навалить как можно больше душья»[12]. «Стоп», кстати, в итоге так и не сказали: перемирий во вторую войну не было. Случаи отказов и попытки отвертеться от участия в боевых действиях имели место. Однако в целом войска обладали высоким боевым духом, и моральный климат, судя по отзывам военнослужащих, был намного здоровее, чем в первую кампанию.

ТЁПЛАЯ КРОВЬ

Начало кампании оказалось более спокойным, чем ожидали. 2 октября русские буднично, даже рутинно заняли станицу Бороздиновская в нескольких километрах от границы с Дагестаном. К 5 октября войска уже стояли на Тереке. Все дороги, ведущие в республику, были заблокированы.

Солдатам навстречу уже двигались толпы беженцев. В отличие от первой войны, теперь все понимали: не следует дожидаться, когда бомбы начнут падать на дома. Чечня пришла в запустение. По данным МЧС, к середине ноября 1999 года из республики бежало уже 210 тысяч человек .

Люди скапливались перед КПП. МЧС начало создавать фильтрпункты для идущих через границу: вместе с настоящими беженцами просочиться в Россию мог кто угодно. Часть беженцев составляли семьи боевиков и активные сторонники Ичкерии.

---

https://www.1tv.ru/news/1999-11-16/291440-mchs_obnarodoval_novye_dannye_o_vynuzhdennyh_pereselentsah_iz_chechni

Вообще, хотя положение населения оставалось ужасным (вплоть до того, что иные от недоедания ели голубей), по сравнению с первой войной русские куда лучше наладили организацию выхода и приёма беженцев. До официального начала первой войны проблемы беженцев для государства, по сути, не существовало. Во время первого штурма Грозного на весь город работала мизерная группа МЧСовцев. На сей же раз были созданы гуманитарные коридоры, через которые люди могли уходить. Правда, постоянно происходили организационные накладки, когда беженцам приходилось ждать на границе. Вдобавок продолжались спорадические обстрелы дорог, а боевики постоянно пытались перемешаться с беженцами. Использование населения как ресурса входило в их обычную практику. Из толпы гражданских могла начаться стрельба — с трагическими последствиями для всех. Часто способа отличить машины с боевиками от беженского транспорта просто не было. При этом многие не могли покинуть зону боевых действий из-за возраста или болезней. МЧСовцы, по крайней мере начиная с декабря, непрерывно вывозили людей, но в целом организовать эвакуацию чётко и без сбоев так и не не удалось.

Жителями республики владели страх и апатия. В Наурском и Шелковском районах звучали предложения передать зону севернее Терека в состав Ставропольского края, причём эти идеи принадлежали не только русским, но и чеченцам. Война и период независимости настроили большинство населения против боевиков. Их врагами оказались и многие беженцы 1996–99 годов, и значительная часть гражданских, и даже, как вскоре выяснилось, некоторые полевые командиры.

Между тем нельзя сказать, что боевики просто ушли из северных районов Чечни. Русские части, расквартированные севернее Терека, стали подвергаться обстрелам. На русских блокпостах замечали наблюдателей боевиков. В начале второй войны боевики пытались вести подвижную оборону с жидкой, но полноценной линией фронта: цепочка отрядов постепенно отходила в глубину Чечни, стараясь трепать русских в стычках, мелких вылазках, засадах, при помощи минной войны.

Характерно, что, несмотря на войну, никуда не делась привычка вести хозяйство старыми способами. Вспоминает находившийся на чеченской стороне журналист Андрей Бабицкий:

«Меня крайне раздражала шутка, которая чеченцам казалась страшно остроумной и которую приходилось слышать ежедневно по многу раз, — они всё время приценивались и говорили: „За сколько тебя можно продать?" Как-то раз в Грозном я не выдержал и послал очередного шутника подальше. Он очень обиделся. Ему казалось, что, устанавливая высокую цену, он делает мне комплимент»[1].

К началу войны в Чечне по-прежнему содержалось несколько сот заложников. Наиболее крупная частная тюрьма находилась в Урус-Мартане, где располагалась резиденция братьев Ахмадовых. Всего на 1999 год в Чечне находилось не менее 700–800 граждан России, похищенных боевиками ранее, и некоторое количество иностранцев[2]. Например, в Урус-Мартановском районе содержались 24 грузина.

Заложников освобождали — и в результате специальных операций, и в ходе боевых действий. Кроме русских, в подвалах иногда обнаруживались иностранцы. После 912 дней плена получил свободу сербский бизнесмен Станимир Петрович, украденный в Назрани летом 1997 года. Серб потерял 30 килограмм веса, ему переломали рёбра, требуя выкуп, и только в феврале 2000-го его вытащили из подвала русские солдаты. Однако не всем так везло. 31 марта 2000 под Итум-Кале обнаружили тело генерала МВД Шпигуна, похищенного в марте 1999 года[13]. Зинданы для содержания заложников обычно выглядели примитивно. Корреспондент Андрей Кузьминов описал одну такую мини-тюрьму:

«Во дворе перед домом — покрышка от большого колеса. Сверху — лист железа. Лист отброшен в сторону — и вот перед нами глубокая земляная яма в форме кувшина с узкой горловиной. На поверхности — верёвка с узелками и крючком на конце — для подачи вниз пищи и воды.

---

https://www.warchechnya.ru/index/na_vojne/0-89

http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit02.php

> Указываю на яму: — Что это? — Бассейн! Возим воду издалека и сюда заливаем. — А солома на дне бассейна, чтобы вода в землю не уходила?»[13]

Впрочем, это самый простой вариант зиндана. В Грозном, например, обнаружился целый особняк с хорошо устроенным подвалом, включавшим камеры с решётчатыми дверями и нарами.

Один из пленников рассказал свою историю, которую едва ли нужно комментировать:

> «С нами сидел один весёлый тат, которому отрезали два пальца. Ещё было два парня, которые погибли: один спасатель из МЧС, другой из СВР, которого забили палками. Хоронили на наших глазах. Спасатель не выдержал и набросился на чеченца с ножом. Ударил, но нож о ребро загнулся. Ему отпилили голову двуручной пилой. Мы все при этом присутствовали. <...> Нас оставили в здании, где было окно, забитое ДСП. Мы её отодрали и сбежали. Увидели какого-то пожилого чеченца в папахе и с золотыми зубами и поняли, что это явный признак кавказской стабильности. Дед этот оказался одним из старейшин. Нас отвели в комендатуру. Омоновцы поставили перед нами 16 банок тушёнки и 4 банки сгущёнки, и мы всё это съели»[14].

Кстати, молодого человека, рассказавшего эту историю, украли прямо в Москве и вывезли в Чечню в грузовике. В кузове был сделан специальный тайник для похищенных людей.

Крупнейший рынок рабов находился на площади Дружбы Народов в Грозном. К концу 1999 года он прекратил работу, поскольку город был окружён войсками. Всего в течение кампании 1999-го русским удалось освободить около 400 заложников. Кроме частных тюрем по всей республике уничтожались «самовары» — кустарные

нефтеперегонные заводы. Как правило, заводик выводился из строя при помощи пары выстрелов из гранатомёта, после чего солдаты покидали место действия, оставляя за собой столб дыма и безутешных «бизнесменов». Впрочем, местные старательно восстанавливали порушенные объекты народного хозяйства.

Серьёзное сопротивление чеченцы начали оказывать в середине октября уже за Тереком. Боевики остались верны своей классической тактике: засады, нападения мелкими группами, минная война. Попытки противостоять российским войскам в открытом бою заканчивались для головорезов одинаково — ударами артиллерии и авиации и полным разгромом. Большинство этих боёв выглядели «скучно»: войска встречали сопротивление, несли потери, перемалывали противника ударами больших калибров, разбирали трупы и трофеи и двигались дальше.

В качестве не самого крупного, но типичного можно привести столкновение на Терском хребте с боевиками частей 245-го мотострелкового полка. Мотострелки вышли к высоте 465,8 и наткнулись на опорный пункт. Одна БМП подорвалась на мине, другая была подбита, после чего на головы противника вызвали артиллерию полка и огонь АГС. В течение дня погибли два мотострелка, боевики унесли своих убитых и раненых, но на оставленной к вечеру высоте русские захватили снайперскую винтовку, пулемёт и автоматический гранатомёт. Это косвенно говорит о больших потерях противника. Такое оружие стоит дорого, и его могли бросить только в одном случае: не хватало рук для эвакуации убитых и раненых.

Уже на этом этапе начались тяжёлые потери среди населения. С одной стороны, российские войска не всегда могли обеспечить точность ударов, с другой — боевики любили растворяться среди гражданских. Кроме того, зверства могли твориться в частном порядке. Например, в станице Мекенская боевик Ахмед Ибрагимов расстрелял 34 человека — русских местных жителей. Убийцу скрутили, и родственники погибших забили его палками на сельском сходе. Местный мулла запретил хоронить душегуба.

С другой стороны, бомбы и ракеты часто летели мимо цели. Например, 21 октября ракетный удар обрушился на центральный рынок Грозного.

Погибло более сотни людей. Кто отдал приказ о бомбардировке, установить так и не удалось. Военные тут же открестились от случившегося. В частности, генерал-майор Шаманов заявил, что у него нет под рукой ракетного вооружения такой мощности, и, не конкретизируя, предположил, что речь идёт о каких-то средствах, имеющихся в распоряжении «вышестоящего начальства»[1].

Официальная точка зрения гласила, что рынок накрыли в связи с торговлей оружием. Эти заявления раскрывают, по крайней мере, исходные мотивы удара. На грозненском рынке оружием действительно торговали[2]. Проблема в том, что вместе с оружием там, как на обычном городском рынке, продавали вообще всё — таковы были реалии Чечни 1999 года. В результате торговцы джинсами и куртками оказались погребёнными в одной воронке с продавцами патронов и автоматов.

Война разгоралась. Некоторое время в штабах обсуждали, останавливаться ли на Тереке, однако быстро сошлись на том, что нужно идти вперёд. Русские форсировали реку, артиллерия била по Терскому хребту. К концу октября военные находились на дальних подступах к Грозному. Продвижение было небыстрым, однако теперь, в отличие от первой кампании, никто не собирался лезть вперёд очертя голову. Обычная тактика «ударил-убежал» на тот момент приносила боевикам мало пользы.

В октябре русские перевалили за Терский хребет, хотя боевики и соорудили там нечто, напоминающее линию фронта. Но противопоставить что-либо тяжёлому оружию наступающих они не могли.

Положение террористов быстро становилось отчаянным. В конце октября русские окружили Гудермес, второй по величине город республики. Осада оказалась недолгой. После нескольких перестрелок у окраин братья Ямадаевы, возглавлявшие оборону города, не просто сдали Гудермес, но сменили сторону и перешли на службу к русским.

---

http://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2005/2005-093.shtml

http://bulletin.memo.ru/b14/5.htm

В Чечне начались конфликты между непримиримыми боевиками и населением — местным вовсе не хотелось оказаться под огнём. Из-за этого многие населённые пункты достаточно легко переходили в руки русских. Без серьёзных боёв пал Ачхой-Мартан. Самашки, ставшие символом грязной и жестокой первой войны, в этот раз сдались миром.

Уже в октябре русские подошли к Бамуту. Тот же генерал Шаманов, который брал село в 1996 году, стоял перед ним в 1999-м. Русский генерал, известный жёстким стилем ведения боевых действий, оправдал репутацию и на сей раз: Бамут подвергли сокрушительной бомбардировке, после чего зачистили руины. От села не осталось попросту ничего. Первые жители вернулись туда только в 2002 году. Крупный отряд боевиков ушёл из Бамута и позднее действовал в Грозном.

> «Когда банды, которые обороняли Бамут, были разгромлены и я прибыл туда, то он представлял примерно картину Грозного, — рассказывал Шаманов позднее. — И я попросил: давайте мы о Бамуте просто не будем вспоминать. Никак. И никакие средства массовой информации туда не надо посылать. У кого будет желание, потом пусть едут»[15].

На почве отношений с боевиками и чеченцами у Трошева и Шаманова произошёл заочный спор. Трошев, командовавший восточной группировкой российских войск, упирал на военно-полевую дипломатию и переманивание отрядов боевиков на российскую сторону. Желание Трошева разговаривать с людьми и действовать не только кнутом, но и пряником отмечали даже оппозиционно настроенные журналисты. Работавший на радио «Свобода» Андрей Бабицкий рассказывал:

> «Трошев часами разъясняет на сельских сходах, что армия пришла не с войной, а с миром и с гуманитарной помощью. Он вникает в самые мелкие детали быта тех населённых пунктов, которые берёт под контроль его группировка на севере Чечни»[1].

---

[1] https://www.svoboda.org/a/24218827.html

Шаманов исповедовал совершенно иной стиль. «Западный» генерал предпочитал пройти по любому встреченному узлу сопротивления паровым катком, оставив после себя голую землю.

> «Начались какие-то непонятные переговоры с боевиками. Гудермесский район держат братья Ямадаевы. Это наиболее одиозные фигуры. Они контролируют нефтяные и денежные потоки, у них свои отряды боевиков, естественно, разоружаться они и не думали. Одним словом, начала применяться какая-то непонятная тактика ведения переговоров, каких-то соглашательств и мирных уступок»[i], — негодовал Шаманов по поводу переговоров с Ямадаевыми.

Это действительно контрастировало со стилем Трошева. Впрочем, командующий «восточными» тоже имел, что сказать коллеге:

> «Кроме злобы к нам уничтожение населённых пунктов, безвинных людей под одну гребёнку с бандитами ничего вызвать не могло»[ii].

Шаманов, однако, имел свои резоны:

> «Главным был как раз диалог с местным населением, попытка привлечь на свою сторону авторитетных людей и духовенство. Но эти мероприятия не могут быть бесконечными. Сама жизнь неоднократно доказывала, что излишний диалог, когда ты постоянно пытаешься избежать боевых столкновений, ни к чему хорошему не приводит: ни для самого населения, ни для армии. Ведь история всех кавказских войн, действия Ермолова, Паскевича, генерала Вельяминова показывают, что только дозированное применение силы может заставить бандитов дистанцироваться от мирного

---

[i] http://zavtra.ru/blogs/2000-11-1431

населения и отступать в глубину территории» .

Универсального рецепта не было. В одних случаях переговоры заканчивались спокойной сдачей села и его зачисткой. В других — войска натыкались на сопротивление, а то и засады. Классическим случаем неудачного разрешения конфликта стала серия боёв за Алхан-Юрт. Этот посёлок к юго-западу от Грозного стал полем боя в конце ноября. Сначала во время попытки переговоров разведывательный отряд попал в засаду. Затем, когда бесперспективность переговоров стала ясной, военные перешли к осаде и штурму. Судя по известным данным, старейшины пытались договориться с боевиками об их уходе, однако те пригрозили старикам расстрелом, и они ретировались[2]. Среди оборонявших Алхан-Юрт было много иностранцев (арабов и уроженцев Средней Азии), так что для них местные были не более чем расходным материалом.

В ночь на 1 декабря авангардная рота смогла зацепиться за окраину Алхан-Юрта. Военные имели несколько дефицитных приборов ночного видения, что сыграло им на руку[3]. Последовал жестокий, тяжёлый штурм, в ходе которого кроме боевиков погибли гражданские.

События в Алхан-Юрте привлекли внимание прессы в качестве примера жестокости военных. Реальность оказалась прозаичнее. «После этого боя генерала Шаманова обвинили в жестокости, правозащитники сравнивали Алхан-Юрт с вьетнамской деревней Сонгми[4]. А там просто засели „духи", и их никак невозможно было выманить на открытое пространство. Немного постреляла артиллерия, немного пехота. Получили зачищенный населённый пункт с двумя кварталами разрушений»[5], — заметил по этому поводу подполковник Александр Куклев.

---

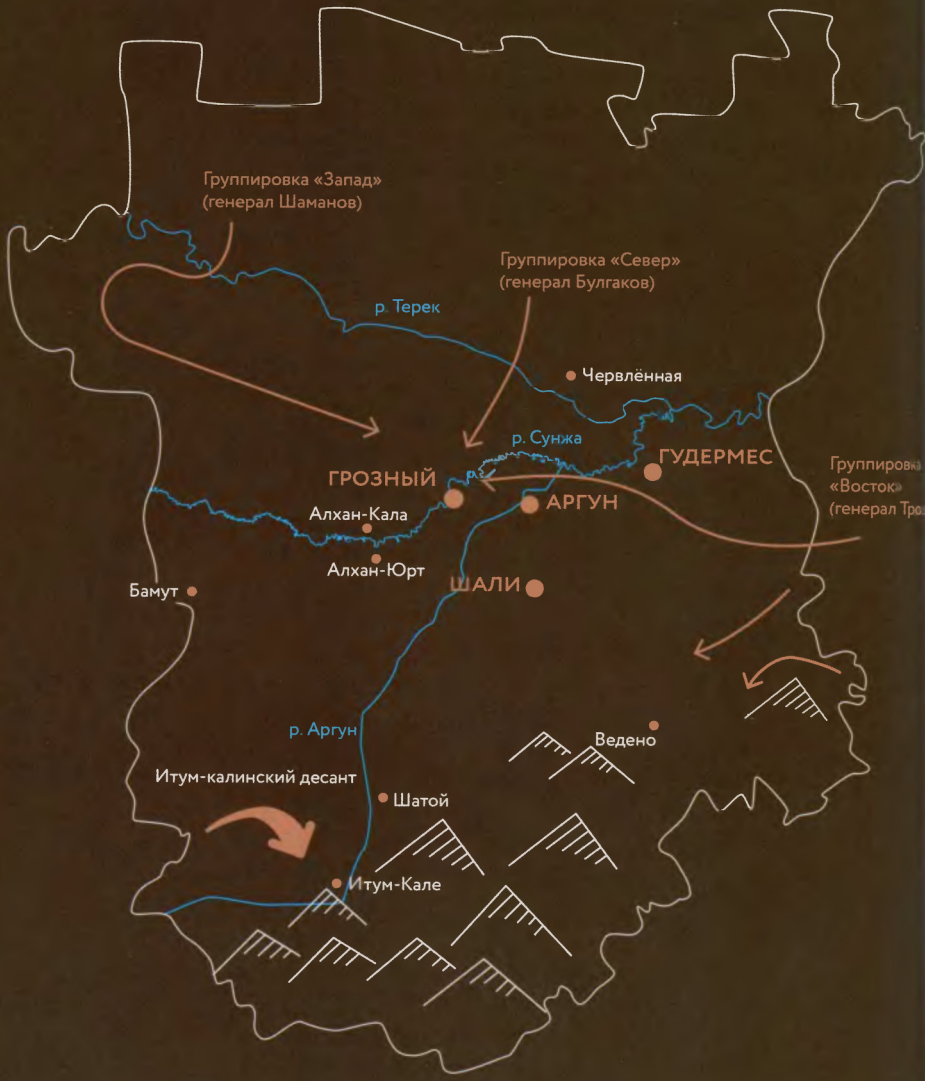
http://zavtra.ru/blogs/2000-11-1431

https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/2000/apr/intro.html

http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/pomnit-alxan-yurt/

В 1969 году во вьетнамской деревене Сонгми американскими пехотинцами были убиты более 500 гражданских лиц.

КАМПАНИЯ В ЧЕЧНЕ
1999 ГОД



Правозащитная организация Human Rights Watch опубликовала список из 17 гражданских, убитых в Алхан-Юрте[1], но это было не единое событие, а цепь слабо связанных между собой инцидентов, происходивших в течение трёх недель. Часть этих людей была убита во время боя и последовавшей зачистки, когда подозрительные дома и подвалы обстреливались и забрасывались гранатами. При этом, по версии HRW, за Алхан-Юрт почти не велись бои, и российские войска беспрепятственно прочёсывали его уже 1 декабря, хотя несколько военных независимо друг от друга описывают бои в Алхан-Юрте 2 декабря[2]. Кроме того, HRW утверждает, что никто из жителей не погиб непосредственно в ходе боя. Якобы все были убиты уже позднее.

Смерть остаётся трагедией в любом случае. Но между случайным попаданием мирных жителей под обстрел и их хладнокровным массовым убийством, очевидно, существует принципиальная разница. Люди, погибшие после перехода Алхан-Юрта под контроль военных, были убиты в разное время при разных обстоятельствах. Как минимум часть из них погибла от рук местных преступников[3]. При этом ответственность HRW возлагала на военных, в том числе когда их участие было совершенно не очевидно. К примеру, смерть одного из жителей Алхан-Юрта произошла без свидетелей, за пределами села, причём несчастному отрезали голову[4]. Единственным доводом в пользу его убийства солдатами было то, что труп обнаружили неподалёку от покинутых ими позиций. Но при всех проблемах российских Вооружённых Сил, обезглавливание как способ казни для них совершенно нетипично. Оно широко практиковалось как раз боевиками.

Часть погибших, судя по показаниям жителей, действительно на совести солдат и мародёров из числа военных. Но в большинстве случаев

---

https://www.hrw.org/legacy/russian/letters/russia/1999/1228.htm

К примеру, офицер артиллерии Борис Цеханович утверждал, что выпустил сто снарядов по боевикам в центре Алхан-Юрта 2 декабря: http://artofwar.ru/c/cehanowich_b_g/text_0070.shtml

https://www.pravda.ru/news/world/29-12-1999/902153-0/

https://www.hrw.org/legacy/russian/letters/russia/1999/1228.htm

отделить убийства от случайных жертв, а убитых солдатами от погибших от рук боевиков затруднительно. Убийства происходили бессистемно, в разное время, и с равным успехом могли объясняться деятельностью мародёров (неизвестной принадлежности) и трагическими случайностями. Вопрос о принадлежности погибших мужчин к боевикам никогда не выяснялся. Человеческая трагедия несомненна, но тезис о массовом убийстве в Алхан-Юрте выглядит откровенной натяжкой[1].

ФЕДЕРАТЫ

Вторая чеченская характерна куда более широким участием лояльных чеченцев. Сейчас шире всего известен клан Кадыровых, сменивший сторону ещё до начала боевых действий в самой Чечне. Однако на 1999 год большую роль играли также отряды Бислана Гантамирова, братьев Ямадаевых и Саид-Магомеда Какиева. Последний сейчас основательно забыт, а между тем он — один из замечательных персонажей этой войны. Какиев отличался от многих вставших на российскую сторону полевых командиров в первую очередь тем, что он никогда не был боевиком.

Уроженец Надтеречного района, одного из наиболее лояльных России, он воевал против Дудаева ещё в 1993 году. В 1993-м он даже пытался убить Дудаева, однако при выстреле гранатомёт разорвался. Какиев был тяжело ранен, потерял руку и глаз, но воинственный дух сохранил. В октябре 1999-го Какиев и его маленький отряд из 30 человек перешли под крыло ГРУ. Какиевцы действовали под контролем офицеров спецназа, вели разведывательные и диверсионные действия в районе Грозного. По мнению офицеров ГРУ, отряд Какиева оказался самым боеспособным из пророссийских чеченских формирований, и при этом абсолютно лояльным: бывших боевиков туда принципиально не брали. Сам командир отряда за время войны получил около 20 ранений и безусловно заслужил свою звезду Героя России. Интересно, что позднее совместно с его бойцами действовало специфическое формирование — отряд казаков-добровольцев. Этот опыт

---

[1] В качестве альтернативной точки зрения — полный доклад Human Rights Watch о событиях в Алхан-Юрте:
https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/2000/apr/

оказался гораздо удачнее попытки сформировать Ермоловский батальон в первую войну. «Казачье-чеченский» отряд позднее действовал в составе 22-й бригады спецназа ГРУ и отлично себя показал[17].

Бислан Гантамиров попал на войну непосредственно из колонии. В апреле 1999-го его осудили за хищение государственных средств, а уже осенью он возглавил отряды чеченского ополчения на стороне русских. Ополчение Гантамирова создавалось в декабре 1999 года при участии и помощи российских военных в районе Ачхой-Мартана. Многие из состава этого ополчения были ветеранами российской милиции и воевали на стороне русских ещё в первую войну[1]. Однако в отряде попадались и бывшие боевики. Гантамировцы успешно воевали в чеченских предгорьях, принимали участие в штурме Грозного, однако взлёт их лидера оказался недолгим, и к 2001 году звезда Гантамирова начала закатываться. Короткой и выразительной оказалась судьба лоялистского отряда в Ведено. Эту часть сформировал бизнесмен Супьян Тарамов, и поначалу на неё возлагались большие надежды. Батальон получил оружие и транспорт от Министерства обороны. Однако между батальоном и военными регулярно возникали конфликты[2]. В конце концов, по сообщениям СМИ, часть солдат отряда дезертировала к Басаеву[3].

В свою очередь, братья Ямадаевы сменили сторону скорее из конъюнктурных соображений. В первую войну они находились в лагере противника, но в межвоенный период рассорились сразу с несколькими крупными полевыми командирами, включая Бараева. Враждебность к ваххабитам оказалась неплохой гарантией лояльности, и после перехода на сторону России отряд Ямадаевых вполне успешно действовал против недавних товарищей. Также с началом второй войны был воссоздан чеченский ОМОН под командованием Мусы Газимагомадова. После первой войны Газимагомадов сохранил костяк примерно в 25 человек, договорившихся держаться вместе — хотя никакой помощи от государства им не поступало, и о чеченских омоновцах просто забыли.

---

https://nvo.ng.ru/wars/2000-05-12/2_militia.html

Воспоминания Владимира Порта публиковались в газете «Комсомольская правда». Единым текстом они доступны по адресу:
https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/vladimir-port

https://www.svoboda.org/a/24185510.html

САИД-МАГОМЕД ШАМАЕВИЧ КАКИЕВ

дата рождения:
22.02.1970

место рождения:
с. Кень-Юрт, Надтеречный район (северная Чечня)

Фото: Андрей Пилипчук, Владимир Мохов, «Красная звезда»

- 1989–1991: Служба в Советской армии в разведывательной роте.
- 1991: Участвовал в миротворческой операции в Нагорном Карабахе.
- 1992–1994: С самого начала деятельно поддержал антидудаевскую оппозицию. Был очень тяжело ранен в 1993 году при взрыве в руках собственного гранатомёта (потерял руку и глаз).
- Командовал отрядом вооруженной антидудаевской оппозиции, его группа считалась одной из наиболее боеспособных.
- 1994–1996: воевал на стороне российских войск. Участвовал в штурме Грозного в 1995 года, и в обороне города летом 1996 года. Отряд Какиева понёс очень тяжёлые потери в августовском сражении за город. Пленные из состава отряда Какиева были казнены боевиками.
- 1996–1999: жил в Москве.
- 1999: с началом второй кампании сформировал роту специального назначения из чеченцев. Действовал под патронажем российской военной разведки, активно участвовал

в боевых действиях. В состав роты принципиально не принимались бывшие боевики.

- 2002: удостоен звания Героя России.
- 2003: тяжело ранен при подрыве на фугасе.
- 2003: рота Какиева развёрнута в батальон спецназа «Запад» под управлением ГРУ. Батальон постоянно вёл боевые действия в горных районах, отличался высоким уровнем боеспособности и дисциплины.
- 2007: покинул активную службу, назначен заместителем военкома Чечни по патриотическому воспитанию молодёжи. Последнее воинское звание — полковник.

В 1999 году отряд вернулся в Грозный, сражаясь совместно с частями Российской армии, а в начале 2000 года ОМОН был восстановлен. Это подразделение после расширения штата Газимагомадову пришлось просеять частым гребнем от пытавшихся легализоваться боевиков, и в нулевые ОМОН был лояльной и эффективной силой среди пророссийских чеченцев[1].

Наконец, ключевой фигурой в северокавказской политике Кремля оказался Ахмат-Хаджи Кадыров. До распада СССР он уже был заметной фигурой в чеченском духовенстве, а обязанности муфтия исполнял с сентября 1994 года. Муфтий начинал политическую деятельность в первую войну с антироссийских речей. Однако в межвоенное время с салафитами он, как представитель традиционной версии ислама, сойтись не мог.

С началом новой войны он увидел в сотрудничестве с Москвой очевидные выгоды. Вскоре ему предстояло стать главой администрации Чечни. Сближение Кадырова и Москвы вызвало у боевиков бешенство, но неприятно изумлены оказались и некоторые чеченцы-лоялисты. Люди, воевавшие против Дудаева ещё до начала первой войны или по крайней мере не поднимавшие оружия против России, искренне недоумевали, почему избранником Кремля оказался человек, ещё недавно сидевший рядом с Басаевым и призывавший «убивать, сколько вы можете, русских»[2].

Свой расчёт у Кремля, конечно, был. Кадыров позволял расколоть боевиков, перетянуть на свою сторону хотя бы их часть. В то же время переметнуться к «вахам» Кадыров из-за своей принадлежности к традиционному духовенству не имел даже возможности, не то что желания. Он пользовался в Чечне существенным влиянием и связи с ней не потерял, в отличие от респектабельных московских политиков и бизнесменов чеченского происхождения вроде Руслана Хасбулатова. Кадыров обладал организаторскими способностями.

---

[1] Краткая история чеченского ОМОНа в двух частях.

[2] https://vk.com/@knyazlegion-oni-srazhalis-za-rodinu-chast-i-chechenskii-omon

https://vk.com/@knyazlegion-oni-srazhalis-za-rodinu-chast-2-chechenskii-omon

https://www.youtube.com/watch?v=vov3GQEcViw

Наконец, он не просто давал шанс на мирную жизнь, но и как духовный авторитет мог обосновать пророссийскую позицию с религиозной и идеологической точек зрения. Пророссийские настроения в Чечне были, конечно, не всенародными, но постепенно, в течение нескольких лет, лоялистам удалось набрать критическую массу влияния в республике.

КОНТРУДАР!

Общей целью наступающих русских стал Грозный. На чеченскую столицу выходили с севера, востока и запада. Бросается в глаза радикальное отличие от первой войны: если тогда на Грозный шли, оставив в тылу основную часть населённых пунктов, включая даже близлежащий Аргун, то на сей раз русские наступали, зачищая города и сёла в тылу и оставляя гарнизоны по всей равнинной Чечне.

В ходе этого наступления, под новый 2000 год, произошёл крупный бой в районе Дуба-Юрта. Это село находится на входе в Аргунское ущелье, делящее пополам южную, горную Чечню. К Дуба-Юрту выходила группировка Шаманова. Само село находится в горловине, окружённое горами с трёх сторон. Контроль над Дуба-Юртом был необходим для операций в горах.

Хотя в Грозном находились крупные силы боевиков, значительная группировка оставалась в горах. В лесах южнее Грозного сосредоточился едва ли не самый боеспособный из отрядов боевиков — группировка Хаттаба. Его люди получили хорошую боевую подготовку в лагерях, развёрнутых Хаттабом в 1997–1999 годах. Это была своеобразная «гвардия» террористов. Хаттаб расположил свой отряд в лесных массивах восточнее Аргунского ущелья. Там боевиков было трудно обнаружить, а сам отряд мог легко спуститься с гор и нанести удары по плохо охраняемым коммуникациям восточной группировки русских.

Под конец декабря 1999 года к Дуба-Юрту подошёл авангард западной группировки русских — 84-й разведбат, 664-й отряд спецназа ГРУ и танкисты — 160-й танковый полк подполковника Юрия Буданова. Всего — около 300 человек. Преимуществом русских было тяжёлое

оружие, в первую очередь танки 160-го полка, однако хаттабовцы располагали большим числом людей — около 300 штыков.

29 декабря у Дуба-Юрта начались стычки, в которых обе стороны понесли потери. Среди захваченного у боевиков оружия был миномёт, а на позициях противника позднее обнаружили множество следов, остающихся после кровавых потерь — обрывки бинтов, носилки, пустые шприцы от обезболивающих и даже остатки чьих-то мозгов. 30 декабря также прошло в перестрелках на подступах к высотам вокруг Дуба-Юрта. Однако куда более мрачная история произошла 31 числа. Боевики смогли результативно провести радиоигру и запросили помощи по радио от лица подразделения ГРУ, якобы окружённого южнее Дуба-Юрта. В попытке прорваться на помощь рота 84-го разведбата бросилась прямо через Дуба-Юрт. Село на тот момент считалось мирным: со старейшинами была достигнута договорённость о том, что боевиков внутрь не пустят.

В действительности Дуба-Юрт кишел боевиками. БМП, вошедшие в село, были немедленно обстреляны. Дальнейшие события вызывают горестные ассоциации с первой войной: высланный на помощь маленький отряд в 25 человек также попал под огонь и понёс серьёзные потери. Излюбленная тактика боевиков: засады на тех, кто спешит на помощь товарищам, попавшим в окружение.

Ход боя переломили два танка, присланные подполковником Будановым. Этот шаг регулярно рассматривают как нарушение приказа. В реальности ситуация несколько сложнее. 84-й батальон был подчинён как раз полку Буданова, так что он нёс прямую ответственность за ситуацию с приданной ему частью. Дуба-Юрт считался мирным селом, так что формально инструкции действительно были нарушены. Однако Буданов разумно рассудил, что после открытия огня село не может считаться мирным. В итоге 10 разведчиков погибло в Дуба-Юрте, остальные сумели отступить под прикрытием танков[1].

Подробные описания боя можно найти либо в работе Валерия Киселева , либо в видеоролике «Бой за волчьи ворота, Дуба-Юрт: 84-й разведбат в тени штурма Грозного», https://www.youtube.com/watch?v=V5FKCxOv31I

После серии провалов и отступлений боевикам пришла идея нанести русским сильный удар в тыл, который должен был привести к большим потерям. Успех позволил бы боевикам восстановить пошатнувшийся авторитет среди населения. Кроме того, Хаттаб вообще исходил из разумной мысли, что Грозный может стать ловушкой для основных сил Масхадова, Басаева и Гелаева, и хотел отвлечь крупные силы русских, чтобы те могли выйти из города. Сам саудовец описывал свой замысел следующим образом:

> «После того как русские окружили Грозный, муджахиды оказались под сильным натиском на фронтах. Колонны российских войск перемещались интенсивно. Я сказал каждому амиру групп приготовить 25 человек для проведения молниеносной операции. Я хотел, чтобы муджахиды вышли из Грозного, но они не восприняли моего сигнала, и я сказал Шамилю, что мы встретимся, но он не понял меня. Я хотел, чтобы они поднялись в горы»[1]

Ключевые события должны были разыграться в городках восточной Чечни — Шали и Аргуне и их окрестностях.

Основные силы русских в это время собирались вокруг Грозного. Уже шли бои на окраинах, а дороги были забиты техникой тыловых подразделений, которые подтягивались ближе к фронту. Эта аморфная масса колонн охранялась слабо, гарнизоны в занятых городах и посёлках разместились совсем недавно и контролировали территорию непрочно. Командование, судя по всему, полагало, что основные силы противника на равнине находятся в Грозном. Но за пределами чеченской столицы действовал мощный, хорошо подготовленный отряд Хаттаба и ещё два крупных формирования — группа Асланбека Арсаева и отряд работорговцев Ахмадовых.

Нельзя сказать, что никто из российского военного командования вообще не предвидел опасности для тянущихся по дорогам «ленточек». Распоряжения об усилении охраны и прикрытия колонн отдавались. Но, судя по ходу событий, эти приказы в большинстве случаев не выполнялись.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ШАМАНОВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
19.02.1957	Барнаул, Алтайский край

- В 1978 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.
- В 1989 году окончил Военную академию им. Фрунзе, в 1998 году — Академию Генштаба.

- В мирное время командовал различными десантными частями – взводом самоходно-артиллерийских установок, прошёл все ступени до заместителя командира 7-й гв. дивизии ВДВ (с июля 1994 по сентябрь 1995 года). Участвовал в вооружённом конфликте в Нагорном Карабахе.
- С марта 1995 г. воевал в Чечне. Отличился весной 1995 г. при штурме промзоны в окрестностях с. Чири-Юрт, а также при взятии Ведено. Командовал группировкой 7-й гв. ВДД. Ранен (подрыв на мине).
- С октября 1995 по 1996 год — заместитель командующего 58-й армией.
- Апрель-июль 1996 г. — командующий группировкой Министерства обороны в Чечне. Руководил взятием Бамута.
- С августа 1999 года командовал 58-й армией, руководил войсками при отражении нападения на Дагестан.
- С сентября 1999 по март 2000 года — командующий группировкой «Запад» во время наступления в Чечне. Участвовал в разгроме боевиков, отступающих из Грозного в феврале 2000 года.
- В 2000 года ушёл в политику, в августе заявил о намерении избраться губернатором Ульяновской области. В декабре выиграл выборы. Впоследствии занимал ряд должностей на гражданской службе.
- В ноябре 2007 года вернулся на военную службу.
- Участвовал в разгроме грузинских войск в ходе войны августа 2008 года.
- 2009–2016 — командующий Воздушно-десантными войсками. Участвовал в воссоединении Крыма и России, в этой связи внесен в санкционный список ЕС.
- Позднее — депутат Государственной Думы.

Ещё в начале января отряд Бараева совершил короткую вылазку западнее Грозного. Этот набег оказался для русских весьма болезненным. Бараев провёл отряд руслом Сунжи из Грозного и устроил засады в сёлах. Посёлки Краснопартизанский, Алхан-Юрт и Алхан-Кала на короткое время были вновь заняты боевиками, и в течение 3 января в серии засад к западу от чеченской столицы погибло до 30 солдат. Срочно вызванные с окраин Грозного отряды выбили бараевцев из посёлков, благо те не цеплялись за территорию. Но набег Бараева стал только разминкой перед серьёзнейшими боями к востоку от Грозного.

Один из солдат вспоминал:

«Либо 1-го, либо 2-го января (точнее не вспомню) на нашу бригаду вышла большая группа мирняка. Фактически — разведчики вахов, это типа тактика такая, ведь по мирняку стрелять не станут. Толпа людей, совершенно нагло прёт в расположение, в итоге начался кипиш, они же могли посчитать людей, оценить вооружение, готовность к обороне и пр. Таких провокаций было много, но вот толку от них (для чехов) было мало, к бою мы были готовы»[1].

Некоторые группы боевиков начали вступать в бой раньше других. 7 января под Герменчуком (недалеко от Шали) произошёл тяжёлый бой возле трубного завода.

Начался первый снегопад, и один из отрядов чеченцев потерял ориентировку. Боевики случайно вышли к промзоне у Герменчука и остановились там на днёвку. В РОВД Шали узнали, что на трубном заводе находятся боевики, которые вроде бы удерживают там заложников. Источник информации остался неизвестным, но к трубному выехал отряд ОМОНа из Ульяновска, Кирова и Якутии, якутский СОБР и мотострелки из комендатуры. Ожидалось скорее прочёсывание, чем бой.

---

[1] http://ветераны-чечня.рф/forum/9-135-1

Отряд разделился и начал проверять разбросанную на большой территории промзону. Одну из БМП отправили на прочёсывание без прикрытия, что предопределило её печальную судьбу. Боевики из засады легко уничтожили машину. Трое солдат погибли, трое легкораненых после короткого боя угодили в полон. Позднее двое из них погибли в плену. Смерть пяти человек стала результатом странной ошибки милицейского офицера, руководившего операцией: БМП послали кататься по промзоне в гордом одиночестве, солдаты даже не спешились[1].

В это время милиционеры также вели бой с террористами в развалинах завода. Из Аргуна выехала помощь, сражение возле промзоны длилось много часов. Окончательно разблокировать милиционеров удалось только вечером, когда темнота развела воюющих[2].

9 января началось полномасштабное контрнаступление террористов.

В Аргун боевики проникли под видом беженцев и мирных жителей, обойдя блокпосты. В город они входили ночью, а на 12 блокпостов в Аргуне имелось 2 прибора ночного видения. Бои начались сразу в нескольких точках: блокпост и дорога восточнее Аргуна, мост через реку Джалка далее на восток, отдел внутренних дел в восточной части самого городка, станция на севере и блокпосты на западе города у автомобильного и железнодорожного мостов через реку Аргун. Общее руководство нападением лежало на плечах Хаттаба. Численность отряда неизвестна, но речь идёт о нескольких сотнях человек.

Нельзя сказать, что активность боевиков стала полной неожиданностью: русский гарнизон был несколько усилен заранее. Но увы, взаимодействие в течение всей кампании было слабой стороной войск.

Подробности боя у Трубного и последующих событий под Аргуном с привязкой к карте см. в статье «Аргун, 9-е» — наилучшем из существующих разборов событий «контрудара Хаттаба»:
http://lostarmour.info/articles/argun-devyatoe-i/

Бой у Трубного с российской стороны снимался на камеру:
https://www.youtube.com/watch?v=WCyFmxHDR5U

АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Утром 9 числа из Гудермеса на Грозный (т. е. с востока на запад) через Аргун отправилась тыловая колонна Внутренних войск. Другая тыловая колонна шла с юга, от Шали. Проблем добавляли обычные для армии 1999 года технические трудности. Из-за поломок грузовиков колонны растягивались на дорогах, некоторые машины шли вообще поодиночке без прикрытия.

В девять утра в Аргуне начался бой. Если блокпосты и гарнизоны были более-менее готовы к бою, то транспорт оказался под ударом без помощи.

Наихудшим образом ситуация развивалась восточнее Аргуна, у реки Джалка. Там на перекрёстке находился русский блокпост. Речка протекает через лесополосу, за которой с блокпоста ничего не видно. В этой «слепой зоне» находился Хаттаб со своим отрядом. Ещё одна засада боевиков находилась южнее блокпоста. И третья — на элеваторе между блокпостом и Аргуном. В результате чеченцы перехватывали все три дороги, ведущие к блокпосту на перекрёстке.

Головная машина колонны Внутренних войск, шедшая из Гудермеса, подорвалась на фугасе, после чего её принялись поливать огнём стрелкового оружия. Несколько машин прорвалось на полном ходу, но повезло не всем. Экипажи подбитых машин (по крайней мере 3–5 единиц) отбивались, однако боевики быстро сломили сопротивление.

На отряд Хаттаба тут же насела подошедшая группа спецназа МВД. На головы хаттабовцев вызвали вертолёты, но в итоге они отошли по темноте. При этом ещё и повредили русский санитарный вертолёт, прилетевший за ранеными.

Именно к этим боям относится одна из самых тяжёлых видеозаписей второй чеченской войны: горящие на дороге «Уралы», Хаттаб, расстреливающий контуженого и не способного идти пленного[1]. Существует довольно обоснованное предположение[2], что этим расстрелянным был майор Сергей Колесников, артиллерист-зенитчик. Кроме того, попал в плен неизвестный солдат-срочник. Там он погиб.

---

[1] https://youtu.be/zcjuQCBr-N8?t=1580

[2] http://lostarmour.info/articles/argun-devyatoe-chast-tretya/

По схожему сценарию развивались события южнее. В засаду попала колонна, вышедшая из Мескер-Юрта и идущая к Аргуну с юга. Опять-таки часть машин проскочила опасный участок, но некоторые автомобили и БТР были подбиты, а их экипажи вели бой. Огонь вёлся с мизерной дистанции. На помощь попавшей в засаду колонне двинулся отряд, немного отставший от основных сил. Вечером к полю боя пробилась подмога, и боевики отступили.

Тем временем крупные силы салафитов штурмовали РОВД, комендатуру и вокзал Аргуна, паля по окнам даже противотанковыми ракетами. Хабаровский ОМОН у вокзала двенадцать часов непрерывно отбивал атаки. По словам бойца, «из здания палец нельзя было высунуть — такой был огонь». Боевики в мегафон призывали сдаться, обещая беспрепятственный выход. Осаждённые, разумеется, не поверили — и были правы.

Во время боя в Аргуне погиб комендант города полковник Кушнарёв. Утром он выехал из Аргуна в район Шали, но, услышав звуки боя, вернулся в город. Попасть в отдел внутренних дел он не смог и вышел на блокпост на окраине. Там он обнаружил три БМП с экипажами и парой стрелков в каждой и решил на этих БМП и одной автомашине выехать к комендатуре, выручать блокированных. Бесшабашная вылазка 15 человек на 3 боевых машинах предсказуемо закончилась гибелью людей и потерей техники — маленькую колонну разгромили. Вышла из боя и смогла выбраться на свой блокпост только одна БМП с экипажем. Ещё двое раненых бойцов вышли к своим отдельно, пробившись через частный сектор.

«Выскочили на одной БМП. Пришла машина. Пустой конвейер. Пустые пулемётные коробки. Расстреляли всё»[2], — описывал позднее выход остатков этой группы из боя полковник Кукарин.

Другой боец рассказывал:

«К нам выехала одна БМП с пробитием. Мы подбегаем, помогаем открыть, а там механ

---

https://novayagazeta.ru/articles/2000/01/27/9870-chto-sluchilos-v-argune

http://www.voskres.ru/army/publicist/noskov.htm

и оператор и ни одного мотострелка. Мы у них спрашиваем: мол, где все-то? Механ и говорит, что, мол, никого больше нет. У нас спирт нашёлся, мы их отпоили немного и выяснили, что броня с мотострелками ударила в тыл чехам, которые уже победу праздновали. В бою погибли все мотострелки, сгорел майор Кульков, а лейтенант Мулин подорвал себя гранатой Ф-1 в окружении вахов. Две бэхи сгорели вместе с экипажем. У уцелевшей бэхи закончился боекомплект, и она вышла из боя»[1].

Сам комментатор весь день не выпускал из рук пулемёта, отстреливаясь от наседающих боевиков на блокпосту у моста. Характерно, что эта БМП вскоре вернулась в бой: «загрузили боезапас и поехали счета оплачивать».

Разбив маленькую колонну помощи, боевики не отказали себе в удовольствии поиздеваться над телами погибших.

Тем временем продолжался бой с блокированным гарнизоном Аргуна. Боевики пытались использовать тактику изъятия боеприпасов, известную ещё по конфликтам времён холодной войны: группы террористов вели неприцельный огонь, устрашающе вопя при этом. Расчёт строился на том, что запаниковавшие солдаты примутся быстро расходовать боекомплект и через некоторое время их можно будет разбить без особых усилий. Но на блокпостах находилось много бойцов и офицеров с приличным боевым опытом, и подобные приёмы на них не действовали. Опорные пункты держались и успешно отбивали атаки. Боевики пытались объявить о захвате Аргуна. В действительности можно было говорить лишь о проникновении в город — на успешный штурм это не походило. Никакие значительные объекты в руки боевиков так и не перешли.

Вспоминает майор Владимир Палюх, командовавший опорным пунктом милиционеров с Дальнего Востока у станции:

---

[1] http://ветераны-чечня.рф/forum/9-135-1

«Я дал команду вести огонь одиночными выстрелами. Основная задача на этот момент – не дать противнику подойти на расстояние броска гранаты. Носимый боекомплект закончился через 40 минут боя, а весь остальной боезапас находился в здании вокзала в оружейной комнате. Юн и Зыков перебежками направились в оружейную комнату, и как только за ними закрылась дверь, прогремел сильный взрыв прямого попадания гранаты в эту комнату, железную дверь сорвало с петель, она пролетела по зданию станции метров пять. Из оружейной комнаты повалил густой дым. Всё это было на моих глазах, я подумал, что ребята погибли. Но через минуту из дверного проёма оружейной комнаты выбежал Олег Юн. Он сильно согнулся, держался обеими руками за уши, тряс головой, кричал: „Пожар в оружейной комнате!" – побежал на кухню, где была вода. Следом за Олегом – Зыков, он тоже закрывал уши руками. (Граната попала в решётку, оттого взрывная волна и осколки были направлены в потолок, с которого осколки падали уже без поражающей силы; но загорелся ящик с патронами.) Юн схватил на кухне таз с водой и разведённым в нём чистящим средством „Фейри" и таким вот „огнетушителем" одним движением затушил очаг пожара»[1].

Вскоре в Аргун пришёл русский бронепоезд, подтянулись подкрепления, и боевики покинули город, вывезя своих убитых и так и не сумев поколебать оборону.

Наиболее успешной для русских оказалась оборона комендатуры Шали. Когда туда вошли террористы, они сразу решили пополнить свои ряды новобранцами. Для этого затеяли на площади перед администрацией митинг, где раздавали оружие всем, кто был готов

---

[1] http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0080.shtml

присоединиться. В результате митинга, по оценкам милиционеров, боевики довели свою численность в городке до 400 бойцов.

Около полудня переговорщики от террористов отправились к милиционерам. После капитуляции боевики сулили беспрепятственный выход из города. Парламентёров отовсюду погнали, но те не смутились и объявили, что «менты перепугались и через час будут складывать оружие».

Лидер боевиков Асланбек Арсаев (он же «Большой Асланбек») требовал капитуляции, обещая в противном случае «море крови и огня». Крови и огня он вскоре получил даже с избытком. Пока на площади кричали лозунги, комендант Шали Александр Беспалов произнёс перед своими людьми энергичную, вдохновляющую речь, жизнерадостно заявив, что, если начнётся обстрел здания «Шмелями»[1], никто не будет мучиться. Обещание лёгкой смерти недостаточно вдохновляло бойцов, однако Беспалов уже готовил настоящую небесную кару для ваххабитов. Комендант бодро объявил: «Сейчас повоюем» — и запросил удар по площади тактической ракетой «Точка».

Через пятнадцать минут «Точка» взорвалась над площадью митинга и мгновенно наполнила её сотнями мёртвых и раненых ораторов. Потери оценивались в диапазоне от 130 убитых и раненых до более чем 200 одних только покойников[2]. В любом случае, планируемый лёгкий разгром «ментов» обернулся для боевиков катастрофой.

Взрыв впечатлил даже бойцов комендатуры, которая находилась в нескольких стах метров от площади. «Со стороны площади донёсся страшный грохот, как будто по земле-матушке с размаху врезали чем-то тяжёлым. Здание качнулось, из окон райотдела посыпались стёкла», — рассказывал Сергей Сваток, один из защитников комендатуры.

Один из полевых командиров сразу же разочаровался в предприятии и ушёл в горы. Ещё несколько часов с обескураженными боевиками шли вялые перестрелки. Вечером Арсаев попытался разгромить

Реактивный пехотный огнемет.

В работе «Грозный. Особый район» указывается, что на площади было подобрано 82 трупа боевиков. Вероятно, эту цифру в том, что касается убитых, можно считать наиболее точной.

комендатуру с помощью уцелевших боевиков, однако милиционеры успешно корректировали огонь работавших для них 152-мм самоходок «Акация». Контакт с командованием поддерживали при помощи станции спутниковой связи. Батарей хватило бы на трое суток, имелся запасной комплект оборудования, так что осаждённые чувствовали себя совершенно уверенно.

К 11 января боевиков такая война сильно утомила — выжившие либо ушли в горы, либо разошлись по домам, перейдя на нелегальное положение. Идея нанести русским неожиданный удар оказалась не самой блестящей[19]. Шалинская осада выглядит на фоне подобных эпизодов первой чеченской войны просто потрясающе. Отличная связь, чёткое взаимодействие с артиллерией, поддержка вертолётами и, как венец всего, ювелирная работа «Точки», истребившей основные силы неприятеля.

В целом контрудар боевиков оказался острым — по крайней мере, в Аргуне и окрестностям им удалось дать серьёзнейший бой. Что скверно, этот удар был полностью пропущен разведкой. Охрана колонн была организована небрежно — несмотря на действующие приказы об обязательном прикрытии их бронетехникой, инженерной разведке и прочих мерах предосторожности. Однако эффективность вылазки трудно назвать высокой. Русские понесли очень тяжёлые потери, несколько десятков человек (наиболее пессимистичные оценки — до 80 погибших), но кризис продлился недолго, и в боях с гарнизонами силы ваххабитов достаточно быстро иссякли. Террористам это сражение стоило дороже, чем русским, — у них столько же людей погибло только от ракетного удара в Шали, при несопоставимых людских резервах. Задержка наступления на Грозный на 3–4 дня в глазах чеченцев не стоила кровопускания в Шали и тяжёлых безрезультатных боёв за Аргун. А главное — никакого немедленного прорыва из Грозного, которого ожидал Хаттаб, не состоялось. Боевики покинули чеченскую столицу лишь несколько недель спустя, после тяжёлых и кровопролитных для себя боёв.

Отряд Хаттаба вышел из сражений и впоследствии соединился с боевиками, прорывающимися из Грозного. Русские же после этой кровавой серии столкновений смогли сосредоточиться на штурме ичкерийской столицы.

Гудермес
р. Аргун
р. Джалка
Джалкинский лес
Грозный
Аргун
Мескер-Юрт
Бой в промзоне
Герменчук
Шали
Блокпост
Засада Хаттаба
КОНТРУДАР ХАТТАБА

ГЛАВА 4

БЛАЖЕН, КТО ВОЗДАСТ ТЕБЕ

Российские морские пехотинцы на площади Минутка в Грозном, 4 февраля 2000 года. Фото Дмитрия Белякова.

В начале декабря русские обступили Грозный с трёх сторон. С запада подходила группировка Шаманова, с севера — войска генерала Булгакова, с востока — группировка под командованием Трошева.

С юга Грозный достаточно долгое время оставался открыт. Кольцо блокады не было плотным, и небольшие отряды боевиков имели возможность передвигаться туда-сюда. Ещё один коридор, на сей раз официальный, созданный армейским командованием, функционировал на северной окраине Грозного — через него эвакуировалось население. Подавляющее большинство покинуло город, в Грозном осталось около 15 тысяч человек.

Боевики стягивались в столицу со всех сторон. Часть отрядов отступила на юг, в горы, но основные силы Масхадова, Басаева и Гелаева остались в городе[*]. Командующим обороной Грозного считался Асланбек Исмаилов, заместитель командующего силами, подчинявшимися лично Масхадову. Это сравнительно малоизвестный для российского общества атаман, но у него было бурное и мрачное прошлое, включавшее налёт на Будённовск, бои за Аргун в 1995 году и летнюю битву за Грозный в 1996-м. Он имел немалый боевой опыт и был давно и хорошо знаком с Басаевым, что облегчало координацию их действий.

Ещё в середине декабря 1999 на российской стороне спорили о том, целесообразно ли брать Грозный штурмом. Армейский Генштаб полагал, что Грозный, без сомнения, следует штурмовать как можно скорее. Но командование Внутренних войск считало, что нужно дать передышку войскам, пополнить поредевшие пехотные части, отремонтировать технику и только после этого приступать к штурму.

В дебаты вмешался естественный ход вещей. Русские войска выходили к окраинам и постепенно втягивались в пригороды. Ещё в середине декабря в руки русских перешла Ханкала (пригород Грозного) и аэропорт.

«Официальный» штурм начался 26 декабря.

---

https://ria.ru/20191231/1562785519.html

Сам Масхадов находился южнее, в горной Чечне. Однако в Грозном оставались подчинявшиеся ему отряды.

Для наступления на Грозный была создана специальная группировка «Особый район г. Грозный». Командование ею принял генерал-лейтенант Владимир Булгаков. Как и Трошев с Шамановым, Булгаков участвовал в первой чеченской кампании и в отражении нападения боевиков на Дагестан; до этого воевал в Афганистане.

Штурм планировался более тщательно, чем в первую войну. Организовали коридоры для населения, причём на КПП жителей проверяли контрразведчики. Специально назначенные офицеры опрашивали грозненцев о системе обороны города. Никто не собирался повторять сомнительных подвигов первой войны.

Однако силу возможного сопротивления террористов опять недооценили. Поскольку операция считалась контртеррористической, а не военной, основную роль в штурме поначалу должны были играть Внутренние войска, СОБР, ОМОН и лояльные чеченские формирования Бислана Гантамирова[1]. Армейские подразделения сперва выступали в качестве поддержки[18].

Частям МВД предстояло выполнять крайне несвойственную для них задачу. Кроме того, им не хватало тяжёлого оружия и техники (в частности, своих артиллерийских дивизионов), а парк машин был сильно изношен. В наступающих частях МВД насчитывалось всего 5,5 тысяч человек, включая около полутысячи чеченцев-лоялистов[18].

Кроме того, неочевидную для стороннего наблюдателя, но в действительности колоссальную проблему создала система комплектования российских Вооружённых Сил. У многих призывников (а они, напомним, были не только рядовыми, но и занимали почти все сержантские должности) сроки службы истекали в ближайшее время. На практике это привело к тому, что прямо в ходе штурма оказалось, что многие бойцы имеют законное право ехать домой. Бойцы, которые бы их сменили, не имели надлежащего опыта и подготовки. Офицерам стоило немалого труда уговорить многих опытных солдат продолжать участвовать в боях хотя бы до момента взятия города. Что ставило самих солдат перед жутким выбором: многие в итоге оказались изувечены или убиты в тот момент, когда им полагалось уже быть дома.

Значительной частью это были кадры старой чеченской милиции, переподготовленные на базе российских Внутренних войск.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ БУЛГАКОВ

Фото пресс-службы Губернатора Ростовской области

дата рождения	место рождения
01.01.1949	Белая Калитва, Ростовская область

- В 1967 году окончил суворовское училище.
- В 1971 году окончил Ташкентское высшее танковое училище, в 1979 году — Академию бронетанковых войск.
- 1971–1985: служил в Советской армии на различных должностях в Восточной Европе и СССР.

- 1985-1987: участвовал в войне в Афганистане в качестве советника командира дивизии афганской армии.
- С 1993 года командовал 166-й мотострелковой бригадой.
- С 1995 года — заместитель командующего 58-й армией. Участвовал в первой чеченской войне, руководил операциями в горной части республики. В августе убыл на учёбу в академию Генерального штаба.
- В августе 1999 года участвовал в боевых действиях в Дагестане, руководил освобождением от боевиков Ботлихского района.
- С октября 1999 года командовал группировкой «Север» в составе войск, наступающих в Чечне.
- С декабря 1999 по февраль 2000 года — командующий группировкой «Особый район г. Грозный», руководил штурмом Грозного.
- С марта 2000 года — начальник штаба Северо-Кавказского военного округа.
- 2003-2006 — заместитель командующего Сухопутными войсками России.
- 2006-2009 — командующий Дальневосточным военным округом.
- В 2009 году отправлен в запас по возрасту.

Вдобавок многие воевали без перерыва ещё с августа и были уже серьёзно измотаны.

Численность боевиков представляли смутно: официально озвучивали данные о 2–4 тысячах боевиков в городе. Позднее Булгаков оценивал численность неприятеля в 7 тысяч штыков[18]. Грозный оставался для наступающих тёмным пятном. Штурм вновь собирались вести недостаточными силами. Правда, с учётом армейских частей, блокировавших город, численность осаждающих доходила до 20 тысяч, но оцепление отнимало очень много людей.

В течение декабря войска заняли позиции вокруг Грозного. Основной бой боевики собирались дать здесь, поэтому стычки вокруг города были хотя и ожесточёнными, но локальными.

В силу недостатка войск русские долгое время не могли как следует блокировать Грозный. К тому же из-за нехватки приборов ночного видения ночами боевики имели возможность перемещаться даже вплотную к нашим позициям. Булгаков с досадой писал:

«Солдата на каждом метре не поставишь. Зная местность, всегда можно найти брешь. Задача кольца вокруг города заключалась в том, чтобы не позволить боевикам уйти в горы и не допустить проникновения в город резервов, доставки боеприпасов, продовольствия и т. д. Правда, вначале мы не могли понять, по каким каналам идут эвакуация раненых и пополнение личным составом и материально-техническими средствами. А ларчик открывался просто. Оказалось, что боевики используют канализационные коллекторы. Это обнаружили разведчики. Срочно стали собирать материал по подземным коммуникациям города. Удалось составить схему этих коммуникаций, особенно их выходы за городом, которые были тщательно замаскированы и охранялись группами боевиков. После их блокирования сопротивление стало ослабевать»[1].

---

https://vpk-news.ru/articles/19628

Боевики, со своей стороны, серьёзно уступали русским в общей численности и почти не имели тяжёлого вооружения. Поэтому оборонять некую «линию фронта» они не могли и не желали. Гарнизон делал ставку на подвижную оборону с обходом флангов и выходом манёвренных групп в тыл наступающим русским, широко используя канализацию. Однако город всё же укрепляли: в домах сооружались огневые точки, наблюдательные пункты, хранилища боеприпасов, провианта и медикаментов. Тактически боевики действовали, как правило, небольшими мобильными группами по 5–10 человек с многочисленными снайперами и гранатомётчиками. Кроме того, использовались «кочующие» миномёты на автомобилях. Бронетехники на ходу ичкерийцы имели мизерное количество или не имели вообще.

Тем не менее решающим фактором для русских стала недооценка численности противника. Первая попытка прорваться в город окончилась тяжелейшим сражением.

БЛИН КОМОМ

Первоначально планировалось зачистить западную часть Грозного — Старые Промыслы. Основной ударной силой наступающих была 21-я Софринская бригада Внутренних войск. Задача захватить весь город не ставилась, предстояло углубиться в Грозный только на 3 километра и занять выдающийся на запад район. 26 декабря в город проникла разведка, но солдаты оказались в полуокружении под перекрёстным огнём боевиков. Авангард отступил на исходные. Похоже, разведать удалось только то, что район упорно обороняется.

На следующий день софринцы при поддержке соседей начали штурм Старых Промыслов. Два дня медленно наступали, а 29 декабря втянулись в беспощадную схватку. Разведка, как и до этого, велась не слишком успешно, и рубеж обороны чеченцев обнаружился, только когда первые группы пехоты оказались отсечены огнём в застройке в районе улицы 9-я линия. Боевики начали методично перемалывать атакующие подразделения.

Судьбы майкопцев в новогоднюю ночь 1995-го Софринская бригада всё же избежала. Сдаваться окружённые не стали, взводы в застройке

заняли круговую оборону и отбивались. Кое-что ценное о манёврах боевиков удалось выяснить, посадив к трофейной рации чеченца-лоялиста. Слушая переговоры, он выяснил, откуда неприятель подтягивает свежие отряды, и навёл на них миномёты.

К спасению блокированных софринцев подключились мотострелковый полк и бригада, находившиеся неподалёку. Софринцы и сами пробивали себе путь к свободе. Эти усилия по выводу окружённых уже не выглядели как попытки просто проехать к ним колонной, подобно отрядам, идущим к Майкопской бригаде в новогоднюю ночь 1995-го. Характерна операция по выводу небольшой группы софринцев из жилого сектора. Главную роль играли две БМП, в каждой из которых находились санитар с помощником. Танки резерва и артиллерия прикрыли спасителей огнём. Бойцы выставили дымовую завесу, и машины сквозь неё прорвались к окружённым. Таким образом, БМП в два приёма вывезли 13 раненых.

Однако софринцам бои в застройке стоили по крайней мере 35 погибших и пропавших без вести, ещё около десятка солдат погибли в предыдущие дни. Позднее служащие ГРУ утверждали, что сведения о противнике собирались, но командование бригады просто их проигнорировало:

> «Офицеры ГРУ, потратившие огромное количество времени и сил для сбора достоверной информации об обороне Грозного для того, чтобы минимизировать наши потери при штурме города, вполне естественно заинтересовались, почему софринцы сунулись между двух узлов обороны боевиков. Когда они прибыли на КП бригады и увидели рабочую карту командира, стало всё ясно. На карте синий цвет, обозначающий противника, отсутствовал начисто. Было всё, что положено: ближайшая задача бригады, дальнейшая задача, к какому времени каким рубежом требуется овладеть. Не было только противника!»[13]

Сам Фоменко утверждал[1], что информация о противнике так и не была ему передана командованием группировки. Этот довод звучит разумно: софринцев поставили перед необходимостью атаковать «с колёс», не давая времени на разведку своими силами, и они, таким образом, зависели от данных, спущенных руководством ОГВ, которых в итоге не получили. В Старых Промыслах реализовалась обычная для войны в Чечне печальная ситуация, когда наличие информации как таковой ещё не означает её наличия у тех солдат и офицеров, которым она необходима.

На Старых Промыслах войска застряли на заметный срок. Как упоминалось выше, в начале января отряд Арби Бараева устроил рейд в Алхан-Калу западнее Грозного, где поймал в засаду и сжёг несколько автомобилей и небольших колонн тыловиков. Чтобы отогнать их оттуда, пришлось снимать части, осаждавшие Грозный.

Осекшись на первой попытке, русские тщательнее принялись готовить следующий этап операции. До середины января позиции боевиков обстреливали и бомбили. «Каждое утро я выхожу на улицу и вижу изменения: нет или стены, или целой комнаты», — писал в дневнике боевик[2]. Русские вели бои на окраинах, постепенно сжимая кольцо.

Пока шли бои в Старопромысловском районе, другая группа очищала восточный пригород Грозного — Старую Сунжу. В отличие от северо-западной окраины, здесь были в основном небольшие частные дома, менее пригодные для укрытий боевиков. Зато через Старую Сунжу из города выходили мирные жители, поэтому батальонам 33-й и 101-й бригад ВВ, составлявшим основу осадного войска в этом районе, приходилось действовать аккуратнее. Командовавший здесь полковник Евгений Кукарин действовал осмотрительно, сумел переиграть противника и уничтожить заметную часть сил неприятеля. Боевиков вытягивали под огонь миномётов, бронетехнику использовали аккуратно, в качестве мобильных штурмовых орудий, и силы неприятеля в этом секторе медленно, но уверенно перемалывали превосходящей огневой мощью. Кукарина пытались подстёгивать,

---

1 https://expert.ru/russian_reporter/2020/02/ne-poslednie-soldaty1/

2 https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_chechne/rasskazy_uchastnikov/dnevnik_chechenskogo_shakhida_arsan_abubakarov/12-1-0-3756

чтобы на волне успеха прорваться поглубже в застройку, но полковник убедил Булгакова, что смысла в этом нет. Отряд Кукарина состоял всего из двух батальонов и просто потерялся бы в крупном городе. Вместо этого солдаты оседлали угловые дома, обложились минами, наладили взаимодействие с миномётчиками и начали методично отстреливать группы боевиков по мере появления. Кукарин отдельно озаботился организацией радиоперехвата, так что периодически мог прицельно посылать мины на головы засвеченным отрядам противника в глубине Грозного.

Не упускали ни одного способа насолить противнику. Например, график обстрелов старались подогнать под режим намазов — чтобы застать боевиков между молитвами и выходом на позиции. В конечном счёте тактика Кукарина принесла успех: при умеренных собственных потерях его группа перебила до 80 боевиков (по собственным заявлениям) и пленила ещё 68.

Наконец, последним направлением, с которого Грозный атаковали в декабре, стало северное. Там части МВД — 22-я бригада, отряды ОМОНа и т. д. — были немногочисленными. Батальоны не были как следует укомплектованы, «взводы» по 10–15 и «роты» от 30 до 50 солдат были обычным явлением. Все силы, непосредственно входившие в город с севера под командой полковника Игоря Груднова, насчитывали буквально 300 человек[6], хотя в ходе штурма приходило подкрепление. Наступление велось более-менее успешно за счёт превосходства в тяжёлом оружии.

Град снарядов не только уничтожал противника, но и давил на него психологически. В начале января на позиции военных начали постепенно выходить боевики, желающие сдаться. Разумеется, костяк отрядов Гелаева или Басаева капитулировать не стал бы. Основную массу пленных составляли молодые и не слишком фанатично настроенные люди. Наиболее идейных и подготовленных боевиков ещё только предстояло выбить.

Вскоре северная группа прочувствовала этот факт в полной мере. Дойдя до разрушенной в первую войну промзоны, она втянулась в изнурительные позиционные бои. Боевики попытались устроить даже химическую атаку, подорвав на пути военных несколько

ёмкостей с хлором[1]. Но военным хлор так и не нанёс вреда. Во-первых, его было мало, а чтобы убить человека — требуется большая концентрация вещества в воздухе. А во-вторых, ветер так и не подул в сторону наших позиций.

Бои в промзоне военных сильно выматывали. И без того малолюдная группа постоянно теряла бойцов убитыми и ранеными. Для штурма построек консервного завода в 22-й бригаде пришлось формировать группу из 21 человека, которая в подавляющем большинстве состояла из офицеров и сержантов: солдаты были физически и психологически вымотаны. К тому же у многих срочников уже вышел срок службы. Никого не радовала идея идти в бой и рисковать жизнью только потому, что из-за бюрократической неповоротливости смена ещё не прибыла. Эта специфическая проблема российских Вооружённых Сил в течение всего штурма создавала не лучший психологический фон. Солдаты, у которых выходил срок, хотели домой, а прибывающие им на замену новички не имели необходимого опыта.

В такой нервной обстановке «северяне» довоевали до генерального наступления на Грозный.

КРЕПОСТЬ С ВЫБИТЫМИ ВОРОТАМИ

До середины января войска готовились к общему штурму. Создавались штурмовые отряды из нескольких подгрупп: захвата объекта, разминирования, блокирования и огневой поддержки. Всего таких отрядов сформировали шесть. Любопытно, что армейские подразделения по-прежнему действовали в основном на периферии города: четыре из шести штурмовых отрядов состояли из частей МВД. Широко использовались дымы и взрывчатка, танки и БМП воевали не отдельно от пехоты, а во взаимодействии с ней. В отличие от предыдущей войны, от штурмовиков требовали идти не вдоль улиц, а через дворы и здания. Техника двигалась от укрытия к укрытию скачками под прикрытием пехоты, причём стрелки и бронетехника делили секторы обстрела: танкистам и наводчикам БМП доставались верхние этажи зданий, пехотинцы обстреливали нижние. Схема города имелась у каждого офицера начиная от командира взвода, а средства связи получили даже командиры отделений.

---

[1] https://lenta.ru/news/1999/12/30/hlor/

ШТУРМ ГРОЗНОГО

К каждому отряду прикреплялась группа технического обеспечения, включая тягач для эвакуации техники, установку разминирования, бронированный транспорт для эвакуации раненых и технику для доставки боеприпасов. Чтобы исключить сюрпризы, аналогичные недавним событиям в Аргуне, велись зачистки в уже взятых под контроль сёлах.

17 января начался решительный штурм. Одна группировка (ею командовал генерал-майор Малофеев) наступала с запада, отсекая путь на Старые Промыслы и в дальнейшем выходя к Сунже. Другая атаковала со стороны Ханкалы (с востока) в сторону площади Минутка. Для наступающих с севера войск серьёзных изменений не произошло: эта группа продолжала штурмовать консервный и молочный заводы, в которые упёрлась в первой половине января.

Штурм предваряли свирепая артиллерийская подготовка и удары с воздуха. Видевшие это люди описывали нечто в духе мировых войн — с землёй, ходящей ходуном, и выворачиванием домов наизнанку. Первоначальные успехи были довольно скромными. Наступление велось медленно. Однако общее превосходство в силах постепенно сказывалось.

На улицы вернулась классическая «ёлочка» из идущей вдоль края улиц пехоты и техники, которые прикрывали друг друга. Полевая разведка просачивалась впереди пехоты — чтобы утром, когда боевики покинут укрытия, наводить на них артиллерийские удары. Ваххабиты пытались повторить успех первой войны, используя снайперов и мобильные группы. Вражеские снайперы оставались крайне опасным противником, причём их численность и выучка выросли. По общему мнению, они действовали изобретательно и даже по-своему остроумно. К примеру, несколько раз обнаруживались «доты» чеченцев: снайпер пережидал обстрелы в укрытии прямо под бетонной плитой, которую во время атаки на несколько сантиметров приподнимал на домкрате. Но на сей раз от них часто удавалось защититься при помощи дымзавес и собственных стрелков. В качестве кадрового усиления в Грозный прислали отряд снайперов «Вымпела», который довольно быстро расправился с меткими стрелками ваххабитов в северной части города.

Правда, полностью решить проблемы с подготовкой солдат не удалось. Происходили прямо-таки курьёзные случаи. В один прекрасный день разведчики ГРУ залезли на крышу девятиэтажки и обнаружили беспечную

группу боевиков на расстоянии в 1,5–2 км. Спецназовцы вызвали на ваххабитов огонь артиллерии. Пока боги войны вели расчёты и наводку, прошло 20 минут, в течение которых «духи» переместились на новую позицию. Разведчики уже кусали локти от досады, когда артиллерийский удар, наконец, обрушился… точно на новую позицию боевиков.

Стороны слышали друг друга в эфире. Подполковник Фролов описал эти «нежности»:

> «Они всё это время боёв были у меня на связи. Так, посидим, пообщаемся, послушаем по рации друг друга, они рассказывали, как меня скоро будут резать…»[21]

Штурмовые отряды шли навстречу друг другу, рассекая порядки боевиков. За войсками подтягивались новые части, в тылу наступающих оставались блокпосты. В занятом квартале старались оставлять «заполнение» из частей ОМОНа и СОБРа для зачистки и закрепления. Благодаря мерам по охране флангов и тыла постоянные контратаки боевиков имели куда меньший эффект, нежели в первую войну, и приводили к большим потерям среди террористов. Постепенно возможности обороняющихся падали.

Впрочем, упорное сопротивление боевиков приносило тяжёлые потери и русским. Один из командующих операцией, генерал-майор Малофеев, погиб как раз в первый день общего наступления, 17 января, в западной части Грозного.

Боевики сообщили о гибели генерала первыми. Они использовали ситуацию для пропаганды по максимуму, заявив, что взяли генерала в плен и увезли в горы. На деле произошло нечто совершенно иное.

Один из штурмовых отрядов, наступавший в районе улицы Коперника, остановился под огнём, потеряв полтора десятка человек убитыми и ранеными. Малофеев выехал на передовую и лично возглавил атаку наступающей роты. Генерал проник с небольшим отрядом в одно из зданий, но боевики отсекли группу огнём, и атака захлебнулась. В ходе боя Малофеев был убит короткой очередью в голову. Вместе с ним погиб ещё один солдат.

Тела оказались на нейтральной полосе, причём неподалёку в заваленном бункере находилась группа боевиков. Бои вокруг этого места длились ещё два дня. В конце концов мёртвого генерала нашли — для этого пришлось при помощи бронетехники убирать плиты, которыми его придавило.

Почему Малофеев решил идти на штурм в первом ряду, точно сказать невозможно. Известно, что перед этим он имел разговор на повышенных тонах с Булгаковым, которого сильно нервировало медленное продвижение войск. Вероятно, именно нервное напряжение последних дней и разнос со стороны Булгакова спровоцировали такую реакцию. Как бы то ни было, Малофеев умер благородной смертью, но, конечно, только очень сильный всплеск эмоций мог заставить его лично командовать атакой отряда в 40 штыков. Впоследствии в гибели Малофеева обвиняли солдат Внутренних войск, которые якобы не пошли за ним из трусости, но в реальности ушедшие вперёд с Малофеевым лишь с огромным трудом выбрались из здания. Боевики поймали атакующих в огневой мешок, и, как бы цинично это ни звучало, с учётом обстоятельств боя гибель только двоих человек из сорока можно считать удачей.

После гибели Малофеева западную группу возглавил полковник Сергей Стволов.

Гибель командира одной из ударных группировок стала ощутимой пощёчиной, но постоянное давление на противника приносило эффект. 19 января в руки северной группировки перешли, наконец, бывшие консервный и молочный заводы. На следующий день софринцы ценой гибели семи человек за два дня всё же взломали оборону боевиков на западе. Противнику негде было брать боеприпасы, подкрепления просачивались в город только небольшими группами. Русские же, наоборот, постепенно наращивали свою группировку в Грозном. Постепенно к делу привлекались всё более крупные калибры, включая сверхтяжёлые 24-см миномёты[1]. Полное крушение обороны ичкерийцев было вопросом времени.

Правда, на удивление ограниченным было применение авиации. Впоследствии софринцы жаловались даже на полное отсутствие поддержки с воздуха. Главными причинами были плохая погода и малая дистанция до противника — боялись зацепить своих. Однако на практике это просто значило неиспользование важного козыря.

Русским способствовала и непростая внутренняя география Грозного. Даже неглубокое продвижение часто грозило путям отхода боевиков. Отсекались отдалённые районы, под огнём оказывались переправы через речки. Из-за этого ваххабитам приходилось периодически сворачивать фланги и отходить дальше в город, чтобы избежать окружения.

В последней декаде января восточная группа полковника Кукарина атаковала район площади Минутка. Булгаков не поскупился на средства усиления, а Кукарин ещё в декабре показал себя разумным, энергичным командиром. После декабрьских боёв и тяжёлых потерь у ваххабитов восточное направление защищалось слабее других, а град снарядов довершил картину: с востока продвижение шло неплохими темпами. Сопротивление давили огнём. Старший лейтенант Алексей Горшков описал подавление снайперской позиции:

> «Из шестнадцатиэтажки-„свечки" с левой стороны Минутки то и дело били снайперы... Полку придали два танка, и командир полка гвардии полковник Юдин приказал танкистам открыть по этому дому огонь прямой наводкой. Танк сделал несколько выстрелов, и эта „свечка" вместе со снайперами легла целиком. У русских появилась новая контрснайперская винтовка — [танк]„Т-72"...»[221]

От площади отходило несколько крупных улиц, а из зданий вокруг неё был хороший обзор во все стороны; важность контроля над этим сектором была очевидна для всех. Подойдя вплотную к Минутке, авангарды разворошили осиное гнездо.

Группа на восточной окраине усиливалась — 24 января ей «добросили» 245-й мотострелковый полк. Ещё в первую войну он несколько раз попадал в тяжелейшие трагические истории — Шатой, Гойское, Ярышмарды — и теперь снова втянулся в тяжёлый бой с большими потерями. Два батальона общей численностью примерно в 400 штыков получили приказ тут же пробиваться в здания перед Минуткой. Плохо подготовленная атака вылилась в ужасные потери — 19 убитых за ночь. Но к этому моменту на Минутку уже шли группы сразу

нескольких крупных частей — отряды 245-го и 506-го мотострелковых полков, 33-й бригады и 674-го полка Внутренних войск. Противодействовать такой массе людей и техники на узком участке чеченцам было просто нечем, несмотря на отчаянное сопротивление.

Вторая половина января стала моментом истины в битве за Грозный. Боевики контратаковали наиболее отчаянно за всё время штурма. Ждать было больше нечего, поэтому использовались все накопленные боезапасы и уцелевшие резервы. Остановить наступающих это не помогло, но бои оказались очень интенсивными и жестокими даже на общем фоне войны в Чечне.

В ночь на 25 января «северные» форсировали Сунжу и захватили два здания школ. Боевики в ответ контратаковали с предельным напряжением сил, а 27 числа басаевцы под прикрытием тумана попытались разгромить плацдарм. Они ворвались в одну из школ и едва не взяли её приступом. Трое наших солдат погибли на месте, ещё трое попали в плен[1].

На исход боя неожиданным образом повлиял буквально один-единственный человек — наш пулемётчик Раис Мустафин. Готовясь к боям, этот парень нагрузился как мул, взвалив на себя сразу две тысячи патронов к пулемёту. Когда началась атака, он остался один — но не растерялся и принялся буквально терроризировать неприятеля, изолировав огнём крыло здания, захваченное боевиками. Мустафин палил, пока от интенсивной стрельбы (полторы тысячи патронов за короткое время) у него не заклинило пулемёт. После этого пулемётчика взяли было в плен, но в кармане у него очень удачно оказалась граната. Гранату Мустафин подбросил в гущу боевиков и, воспользовавшись тем, что им стало не до него, убежал и пробрался к своим по канализационной трубе[2].

За это время к школе подошло вооружённое до зубов подкрепление, которое заставило басаевцев быстро отступать через частный сектор под огнём АГСа. Этот бой на плацдарме стал для «северных»

---

[1] Все трое пленных впоследствии погибли. Один умер от ран, двоих казнили, отрезав головы.

[2] Раис Рауфович Мустафин стал Героем России. К сожалению, он умер в 2020 году после долгой тяжелой болезни.

одним из самых тяжёлых, но Басаев лишился сразу двух десятков боевиков, что по меркам места и времени было серьёзными потерями.

Территория, удерживаемая террористами, сокращалась, поэтому артиллерийские и воздушные удары приносили всё больший эффект. Например, 26 января бомбардировка позиций чеченского отряда в Черноречье выбила сразу до полусотни человек. В рядах террористов накапливались раненые, непрерывные обстрелы изматывали, начались перебои с боеприпасами. Тонкий ручеёк перебежчиков и пленных, выходящих на русские позиции, оборачивался всё более густым потоком. По мере продвижения российских войск путей отхода становилось всё меньше, и в ближайшие дни можно было ожидать рассечения всех сил боевиков в городе. В конце января оставшиеся в Грозном лидеры ваххабитов оказались перед лицом катастрофы. Им требовалось быстро принять решение.

Январь завершился крупным поражением боевиков. 31 января штурмовые группы заняли площадь Минутка и прилегающие здания. От избытка чувств полковник Кукарин залез на высотку с флагом и выпалил из автомата в воздух. Но солдаты и офицеры, штурмовавшие развалины вокруг площади, не могли знать, что произойдёт буквально в ближайшие часы.

ГОНЯТ ВЕСЕЛО НА НОМЕРА. ПРОРЫВ ИЗ ГРОЗНОГО

Несмотря на то что подкрепления боевиков через неплотные заслоны вливались в Грозный, к концу января положение для них стало критическим. Разумеется, Басаев, Гелаев и Асланбек Исмаилов не собирались умирать в перепаханном снарядами городе. Однако теперь предстояло решить, как выбираться из Грозного.

Небольшие группы ещё могли проникать в город и выходить из него. Отряд Арби Бараева сумел более-менее благополучно уйти в середине января, проскользнув через заслоны. Маленькие отряды и одиночки при некотором везении продолжали выбираться в течение всего времени осады. Но там, где могли пройти малые группы,

Грозный пал. «Уголок психологической разгрузки» на площади Минутка. 4 февраля 2000, Грозный, Чечня. Фото Дмитрия Белякова.

трёхтысячную армию легко постигла бы катастрофа. Тем не менее других вариантов для моджахедов не было.

Связь с внешним миром они имели, снаружи окруженцев ожидал транспорт и склады со всем необходимым. В рамках подготовки к прорыву боевики передали своих раненых гантамировцам. Судьба этих людей оказалась очень разнообразной: кто-то отправился под суд, кого-то амнистировали, а некоторых ожидала только ближайшая стенка.

Для прорыва выбрали Алды — юго-западный пригород Грозного. Кольцо осады в этом районе было наименее плотным, небольшие отряды через него уже уходили, так что полевые командиры рассчитывали на то, что здесь удастся прорваться и более многочисленному войску.

Но русские будущий коридор заминировали. По обоим берегам Сунжи бегущих ожидали опорные пункты мотострелковых полков.

Минные поля начали выставлять ещё 25 декабря. Боевики быстро обнаружили работы и начали снимать мины, однако русские ставили новые «подарки», причём сложнее и изощрённее. Заочная дуэль сапёров шла некоторое время, пока в дело не вмешался новый фактор. В коридоре действовали некие, по словам артиллериста Бориса Цехановича, «московские снайперы». В этом секторе находилась смешанная группа «Альфы» и «Вымпела» — вероятно, речь именно о них. Спецназовцы вычислили и с километровой дистанции подстрелили боевиков, наблюдавших за будущим коридором. Следить за сапёрными работами русских стало некому[1].

В течение января бойцы соорудили на месте будущего прорыва три минных поля. Часть мин всадили прямо в русло Сунжи. Поля пристреляли миномётные батареи и артиллерия. К сожалению, централизованный подвоз снарядов осуществлялся только раз в две недели, поэтому к началу основных событий на батареях имелось от 0,2 до 0,7 боекомплекта. Вообще, утверждения о заранее спланированной операции «Охота на волков» выглядят натянутыми — действия наших войск в ходе прорыва гораздо больше походили

---

[1] Подробный рассказ Бориса Цехановича о прорыве боевиков из Грозного: http://artofwar.ru/c/cehanowich_b_g/text_0090.shtml.

на импровизацию. Традиционно плохо обстояло дело со средствами для ведения ночной войны: не хватало даже осветительных ракет, а ночных биноклей и прицелов имелись буквально единицы.

Чеченцы прорывались между двух русских мотострелковых полков. Расстояние между крайними опорными пунктами составляло почти полтора километра — о сплошном оцеплении речи не шло, русские могли только пресекать попытки прорыва огнём.

Боевики планировали прорыв ночью, так как любая попытка пройти днём закончилась бы неизбежным избиением артиллерией и авиацией.

31 января вечером от Алхан-Калы к Грозному попыталась двинуться «деблокирующая» группа в 50 человек с боеприпасами на санях. Её перехватили, когда боевики начали подрываться на минах. Незадачливых спасителей перестреляли из миномётов и зенитной установки, поставленной на прямую наводку.

Пока продолжался расстрел, боевики из города уже входили основными силами в стык между полками. За полчаса до полуночи наблюдатель вбежал в землянку командира крайнего опорного пункта и сообщил, что через поле из Грозного на Алхан-Калу движется толпа. Лейтенант, командовавший взводом, дал трассерами указания на эту группу и начал крупнейшее побоище второй чеченской войны.

На поле началась паника. Боевики заметались под огнём пехоты и артиллерии — и выскочили ровно на мины. Через несколько минут на участок прорыва подтянули АГСы и 23-мм автоматические пушки. По бегущим били в неверном свете осветительных ракет. Минное поле боевики преодолели людскими волнами. Попытка уничтожить ближайшие позиции русских кончилась провалом: атакующую группу растерзали автоматические зенитки. Часть бегущих пошла прямо руслом Сунжи по грудь в ледяной воде. Мины стояли и в русле. Раненые сразу тонули в реке.

Басаев шёл в авангарде прорыва. Как только первые боевики начали рваться на минах, он приказал рассредоточиться и тут же наступил на мину сам. Изодранного, его вытащили из боя и понесли к Алхан-Кале, прокладывая дорогу своими телами. Нужно отдать должное боевикам отряда Басаева: идя по минному полю под огнём мотострелков, они сумели

Кирург Хасан Баиев. Апрель 2013, Алхан-Кала, Чечня. Комментарий Дмитрия Белякова: Врач поселковой больницы Хасан Баиев, за время обеих войн оказавший помощь и спасший около 10 тысяч человек, в числе которых были как гражданские, так и бойцы из отрядов вооружённого чеченского сопротивления, а также (в период первой кампании) солдаты и офицеры федеральных сил. Тем не менее, несмотря на свою героическую и бескорыстную работу, Баиев вошёл в историю как «врач, отрезавший ногу террористу Басаеву» или «спасавший террориста Радуева». Действительно, в числе пациентов челюстно-лицевого хирурга были Радуев, Бараев, Басаев, многие другие. Но были и тысячи детей с диагнозом «заячья губа», «волчья пасть», которых Баиев лечит бесплатно. Хасан Баиев позирует в палате сельской больницы в Алхан-Кале, где он ампутировал ступню Шамилю Басаеву, сумев таким образом остановить продвижение гангрены и спасти жизнь известному террористу.
Фото Дмитрия Белякова.

вынести не только своего лидера, но и многих других раненых. Бой уходил к Алхан-Кале. Последних сопротивлявшихся добивали снайперы.

В Алхан-Кале боевиков ждал неприятный сюрприз: транспорт не прибыл. В местной больнице оперировали постоянно прибывающих раненых. Село обстреливала артиллерия и авиация. В Алхан-Кале оставалось около сотни раненых без ног, в селе накапливались толпы обмороженных и выдохшихся боевиков. Ногу ампутировали и Басаеву. Оперировал Хасан Баиев — в наши дни популярный московский пластический хирург. В своё время он восстановил расколоченный пулей череп Радуева. Хасана Баиева, с его слов, собирался расстрелять Бараев за оказание помощи российским солдатам, теперь этот же врач отпилил ногу Басаеву. По свидетельству хирурга, в Алхан-Калу боевики дотащили более 300 тяжелораненых[1].

Из сепаратистов, сумевших прорваться из Грозного, уцелели самые выносливые, пошедшие из Алхан-Калы на юг сразу же следующим утром. Тех, кто остался в селе, и тем более тех, кто не сумел выбраться из Грозного, схватили или перебили в ближайшие дни. На поле ночного расстрела и вокруг него, по данным российской стороны, подобрали до 600 трупов.

Французская журналистка описала Алхан-Калу после побоища:

> «Вокруг всё ещё стоящего белого здания больницы с пробоинами в стенах теперь нет ничего. Практически все жилые дома в радиусе пятидесяти метров лежат в развалинах. На улицах валяются трупы в тех позах, в каких застала их смерть. В палатах, где вчера ещё лежали раненые боевики, всё вверх дном. В коридорах пятна засохшей крови. По палатам бродят люди, собирают медикаменты, оружие, одежду. Порывы ветра доносят тошнотворный запах от костра, в котором сжигают одежду, а также ампутированные вчера или позавчера руки и ноги.

---

[1] https://expert.ru/russian_reporter/2015/13/ulyibka-volka/

Впервые за всё время конфликта я воспользовалась фотоаппаратом, который захватила с собой. Фотографирую всё, что вижу: на матрацах, положенных прямо на полу, боевики, явно погибшие при выходе из Грозного и оставленные во время обстрела. В одной из палат узнаю лицо молодого боевика, прибывшего с первой группой в понедельник 31 января. Он подорвался на мине, и ему ампутировали ногу в первый же день. И вот он лежит мёртвый, застывший, а ещё вчера он кричал мне, как он ненавидит русских. В единственной операционной, где хирург Хасан Баиев произвёл более восьмидесяти ампутаций боевикам и гражданским лицам, пусто; на окровавленном операционном столе лежит только мокрая простыня да жуткий инструмент — электрическая пила»[1].

В результате в Алхан-Кале попали в плен, по разным данным, от 130 до 300 боевиков, главным образом раненых и умирающих. Ещё одна крупная группа отставших оказалась перебита или пленена в Катыр-Юрте, последнем ауле на пути в горы.

Арсан Абубакаров, один из боевиков, вёл дневник, позже ставший достоянием печати, так что мы можем ознакомиться с описанием прорыва из первых рук. Следует сразу уточнить, что его версия хронологии несколько сбита.

«29 января. Мы шли на Ермоловку через минное поле. Шамиль Басаев, Леча Дудаев, Хункар-Паша Исрапилов, Жим Асланбек, Межидов Абдул-Малик шли впереди колонны. На мосту через Сунжу мы попали в засаду, понесли крупные потери. Нас начали обстреливать с двух сторон БМП, пулемёты, АГС. Мы, разбегаясь, наступали на мины.

[1] https://magazines.gorky.media/zvezda/2001/2/svolochnaya-vojna-perevod-s-franczuzskogo-1-czyvyana.html

Многим оторвало ноги. Один прямо лёг на мину, и ему разорвало грудь. Только с помощью Всевышнего нам удалось перебраться через мост. Но там стало много раненых и шахидов. Шамилю оторвало ногу, Абдул-Малик получил тяжёлое ранение. Леча Дудаев, Асланбек, Хункар-Паша — шахиды. И ещё очень много шахидов.

Этой ночью мы дошли до Ермоловки и заночевали там.

30 января. Ночью из Ермоловки мы двинулись на Закан-Юрт. Там нас тоже обстреляли из БМП и пулемётов. Один стал шахидом. Раненых мы тащили на санях.

1 февраля 2000 года. С наступлением темноты мы двинулись на Шауми-Юрт. Но в лесу нас заметили и обстреляли из „Града". Ещё несколько человек стали шахидами. Перейдя через реку (вода в ней была очень холодной), мы вошли в Шауми-Юрт. Здесь нас ещё раз обстреляли федералы и ещё четверо стали шахидами.

2 февраля. Нас осталось 45 человек. Ночью из Шауми-Юрта мы, как штурмовая группа, двинулись вперёд, чтобы пробить кольцо. Но не встретили ни одного солдата.

В Катыр-Юрт мы вошли в 4 часа утра. Там мы обстреляли „Урал" с солдатами. Больше нам никто не попадался. Целый день Катыр-Юрт бомбили самолёты и обстреливали из всех видов оружия. Мы должны продержаться до темноты, а потом выйти на Шалажи.

Во все сёла, куда мы заходили, нас очень хорошо встречали местные жители. Нас кормили, отогревали, сушили одежду. Нам этого никогда не забыть!

А следующая группа, которая шла за нами, попала в засаду. Самое обидное, что тогда, когда почти вошла в Катыр-Юрт. И всё из-за чего? Курили и разговаривали...

3 февраля. В Катыр-Юрте у нас идут контактные бои. Двое стали шахидами, двое ранены, а один попал в плен. Среди русских много убитых, одного удалось взять в плен.

К вечеру федералы отступили и опять начали обстреливать село из всех видов оружия. Катыр-Юрт горит. Много домов разбито.

4 февраля. Бои в Катыр-Юрте продолжаются.

5 февраля. Мы опять уходим дальше, в Валерик. Ночью, при выходе на Валерик, нас обстрелял „Град". И опять есть раненые.

6 февраля. Мы вошли в Гехи-Чу. Мирные жители нас очень хорошо приняли. Даже зарезали по этому случаю несколько коров...»[1]

На этом записи обрываются. 7 февраля автор дневника погиб.

Несмотря на успех, операцию по уничтожению боевиков, прорывавшихся из Грозного, едва ли можно назвать тщательно спланированной. Преследование велось недостаточно энергично и малыми силами. Однако военные организовали само сражение за Грозный так, что даже такое полууспешное бегство стоило боевикам беспрецедентных потерь. Владимир Шаманов утверждал, что всего удалось перебить до трёх тысяч боевиков. Возможно, эта оценка несколько преувеличена, но с тем, что потери боевиков были чрезвычайно тяжёлыми, согласны все комментаторы. Более сдержанные оценки — около полутора тысяч убитых (плюс неизвестное число

[1] Дневник Абубакарова приводился в нескольких публикациях. См., напр.: «По волчьему следу»[22].

пленных). Хотя все досадовали, что многим боевикам удалось уйти, гора мёртвых моджахедов говорила сама за себя.

Хотя самые «медийные» полевые командиры остались живы, среди погибших при бегстве оказались знаковые атаманы. Например, Хункарпаша Исрапилов. Он находился в тени своего шефа Басаева, но был одним из ключевых организаторов теракта в Кизляре с массовым захватом заложников в 1996 году. При прорыве он, как и многие другие боевики, подорвался на мине и истёк кровью. Та же судьба постигла Асланбека Исмаилова, считавшегося командующим обороной Грозного.

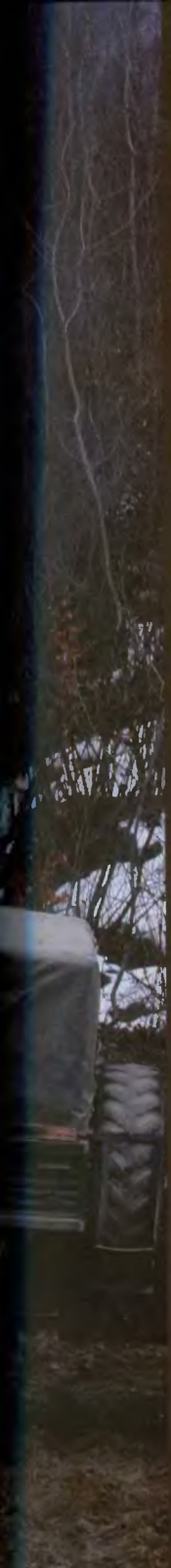
Русские добились успеха дорогой ценой, хотя Грозный в 2000 году забрал не такое огромное число жизней, как в 1995-м. В общей сложности битва за Грозный, включая контрудар Хаттаба под Аргуном, Шали и Алхан-Калой, стоила нашим войскам 368 жизней[1]. В любом случае, потери были высоки, но на сей раз противник был не выдавлен из города, как паста из тюбика, а действительно разбит наголову.

Чеченские боевики получили самый страшный удар за обе войны. Кошмар штурма Грозного в 1995 году был отомщён.

---

https://ria.ru/20191231/1562785519.html

Грозный пал. Улица Мира, 4 февраля 2000.
Фото Дмитрия Белякова.



ГЛАВА 5

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ РАСТАЕТ СНЕГ

Бойцы пророссийского батальона «Восток» ведут огонь из спаренной зенитной установки Зу-23, прикрывая продвижение поисковых групп в ходе горного рейда, целью которого является уничтожение группы боевиков из числа непримиримых. Март 2007, Веденский район, Чечня. Фото Дмитрия Белякова.

Падение Грозного поставило чеченские отряды в крайне опасное положение. Они откатывались в южную часть Чечни, тащили с собой множество раненых, а сразу разойтись по районам и перейти на нелегальное положение у них возможности не было. К тому же именно на юге Чечни располагались склады, там же содержались пленные и заложники, и, наконец, связь с внешним миром шла через границу с Грузией.

Строго говоря, бои в рамках наступления на горную Чечню начались ещё во время сражений вокруг Грозного.

Осенью дороги и тропы вдоль реки Аргун стали весьма оживлённым местом. Через перевалы на территорию Грузии уходили беженцы. Многие перебирались в Панкисское ущелье — район Грузии, населённый кистинцами — грузинскими чеченцами. Впоследствии туда начали отходить и боевики. По состоянию на 2000 год оценочно в Панкисском ущелье находилось до 8000 местных чеченцев, около 6500 беженцев[1] и до 2000 боевиков. Навстречу уходящим из Чечни везли боеприпасы, продовольствие и медикаменты.

Трудно сказать, насколько хорошо грузинская администрация знала о происходящем. На деле правительство Шеварднадзе при всём желании не могло бы упорядочить движение через границу, да и попытки пресечь манёвры боевиков были чреваты непредсказуемыми последствиями. Беженцев пропускали официально, но, попав в Грузию, они становились предоставлены сами себе. В качестве тыловой базы Грузия становилась незаменимой. В авангарде процесса шли братья Ахмадовы. Они озаботились созданием базы в ущелье ещё в конце 1999 года, когда стало ясно, что в «своём» Урус-Мартане они уже не удержатся.

Между тем русские готовили операцию по прерыванию снабжения чеченцев через верховья Аргуна. Её, без затей, так и назвали — «Аргун».

Целью наступления стал небольшой аул Итум-Кале. Поскольку действовать предстояло в глубине Чечни, операцию вели десантные

---

[1] https://web.archive.org/web/20041105125832/http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Archive/2000_123_crime_text_vignanskii1.html

части совместно с пограничниками, которых перебрасывали в горы вертолётами. Десант подготовили тщательно. Высадку возглавлял генерал-майор погранвойск Виктор Золотухин, имевший опыт войны в Таджикистане в 90-е годы, где вертолётные десанты в тыл исламской оппозиции часто помогали добиться решительного успеха. После десанта объединённые усилия направлял генерал Ашуров, ещё один «таджик». Богатый опыт, полученный командирами в Средней Азии, пришёлся весьма кстати: сложнейшую операцию вели аккуратно и эффективно[33].

17 декабря на господствующие высоты (более 2000 метров) спустился авангард — отряд 56-го полка ВДВ. Через два дня высадились пограничники. Вертолёты прикрывали десантирующихся, разгоняя небольшие отряды боевиков. Каждое подразделение могло при необходимости самостоятельно вести бой, располагая трёхдневным запасом продовольствия, боеприпасами и тяжёлым оружием, включая автоматические гранатомёты и миномёты. Русские тут же принялись окапываться, прикрылись пикетами и были готовы встретить любую неприятность. Среди древних башен разворачивались современные опорные пункты. Пограничники не ограничивались устройством опорных пунктов в районе высадки, а постепенно перекрывали всю южную границу Чечни.

Сражаться приходилось не столько с врагом, сколько с дикой местностью. Вертолётами приходилось возить всё, необходимое для жизни, к тому же почти не было своего наземного транспорта — в лучшем случае использовали трофеи. Впрочем, трофеев оказалось много. Боевикам южные горы казались надёжной тыловой базой. Поэтому, хотя самих террористов было мало, русские постоянно находили схроны с оружием, взрывчаткой, снаряжением и техникой. Одно из подразделений, к примеру, выставило заграждения вокруг своих позиций, целиком состоящие из трофейных мин.

Как обычно, в горах находились и рабы. К маю 2000 года в комендатуре Итум-Кале их было 15. В основном их использовали как пастухов и разнорабочих. Обнаруживали их во время рутинного прочёсывания территории. Некоторые из них не знали даже о распаде СССР: рабство на Северном Кавказе существовало даже до 1991 года.

БРАТЬЯ АХМАДОВЫ

Девять родных и двоюродных братьев, клан похитителей людей и полевых командиров. Первоначальный лидер — Рамзан Ахмадов.

Источник фото — Википедия. 6 родных братьев Ахмадовых, все убиты в ходе второй войны.

- Участвовали в первой войне в Чечне.
- В 1996 году создали криминально-религиозную группировку «Урус-Мартановский джамаат» салафитского толка.
- В межвоенный период находились в оппозиции режиму Аслана Масхадова. Были близки к арабским террористам, в частности Хаттабу.
- Основной источник прибыли клана в 1996–1999 годах — похищения людей ради выкупа. Среди похищенных — корреспондент ИТАР-ТАСС Владимир Яцина (убит в плену), женщины-экологи из Польши Ева Мархвинская-Вирвал и Зофия Фишер-Малановская, банкирша Екатерина Михель, сотрудник организации «Врачи без границ» Кеннет Глак. Похищения отличались дерзостью и совершались зачастую в глубине России.
- Крайне жестоко обращались с заложниками: так, сотруднику МЧС Дмитрию Бобышеву после попытки побега отрезали голову двуручной пилой.
- 1999: участвовали во вторжении в Дагестан.
- 2000: участвовали в «контрударе Хаттаба» в районе Аргуна. Вели бои в Аргунском ущелье. Непосредственно

руководили боем с 6-й ротой псковского десанта в ночь на 1 марта 2000 года.

- Рамзан — первоначальный амир джамаата, лидер клана. Участвовал в нападении Хаттаба на Буйнакск в 1997 году. Уничтожен 25 февраля 2001 года подразделением спецназа ГРУ в Старых Атагах.
- Ризван — руководитель клана после гибели Рамзана. Вместе с Зелимханом организовал теракт против чеченского ОМОНа весной 2002 года, когда погибли 18 человек. Уничтожен 26 июня 2002 года в Мескер-Юрте.
- Зелимхан — уничтожен в сентябре 2002 года при туманных обстоятельствах, труп обнаружен в машине на просёлочной дороге под Урус-Мартаном. Одна из версий гибели — месть со стороны сотрудников чеченского ОМОНа.
- Апти — уничтожен в ночь на 1 марта 2000 года в бою с псковскими десантниками при попытке убедить их сдаться.
- Хута — уничтожен 5 сентября 1999 года во время вторжения в Дагестан под Новолакским.
- Руслан — финансист клана. Арестован в 2001 году в Азербайджане и выдан России, приговорён к 10 годам лишения свободы.
- Тагир — уничтожен в мае 2001 года.
- Увайс — во время второй войны скрылся за границей, на 2011 год проживал в Турции.
- Имран — представлял интересы клана в Грузии; в частности, отвечал за закупку вооружения. В настоящее время скрывается за границей.

К началу февраля численность пограничников уже составляла около 800 человек. На Итум-Кале наступали части ВДВ. Десантники охватывали Итум-Кале, выбивая миномётным огнём пытавшиеся сопротивляться группы боевиков. К 10 февраля село удалось взять.

Бои были нечастыми, но драматичными. Так, на окраине села Ведучи солдаты заметили дом, на забор которого постоянно вывешивали красное одеяло, когда мимо шли патрули. Пограничники разгадали эту нехитрую шараду и в один прекрасный туманный день неожиданно посетили особняк силами небольшой штурмовой группы. Внутри нашлись двое мужчин с автоматами и гранатами.

В самом Итум-Кале войска встречали развалины: село сильно пострадало от бомбардировок. На месте осталось только 18 жителей, остальные бежали в Грузию. Один из местных насельников — глубокий старик — выехал навстречу русским на коне и, можно сказать, сдал аул.

Вообще, отношение к военным было разным. В одном занятом схроне нашли письмо, в котором масхадовский чиновник из Итум-Кале детально расписывал, как его односельчане гордятся тем, что нога российского агрессора не топтала священную землю гор и т. п., и венчал эпистолу просьбой выделить 500 тонн муки[23]. Что ответил Масхадов и изыскал ли он в закромах муку, неизвестно. Зато в ауле Ведучи русских военных встречали как родных, зазывая на чай и даже с плачем умоляя взять под защиту. На пылкость гостеприимства влиял тот факт, что пограничники раздавали консервы, макароны, крупу и муку. Как это часто бывает, в годину испытаний простой народ искреннее всего поддерживает тот политический режим, при котором бывает еда.

Потери обеих сторон в боях на юге Чечни оказались невелики. В Итум-Кале нашли дюжину мёртвых боевиков. Пограничники потеряли за всё время четверых человек убитыми и сами уложили два десятка боевиков. Однако перестрелки случались регулярно, а в ущелье приходилось вести труднейшую кропотливую боевую работу, отыскивая арсеналы, склады продовольствия, снимая мины, захватывая или уничтожая маленькие отряды противника. Спокойных ночей гарнизон Итум-Кале не знал. Итак, Аргунское ущелье закуporивалось с юга. Высадка в глубоком тылу салафитов оказалась

сильным ходом. Чеченские формирования получили неожиданный удар и теперь из некогда надёжного опорного района отступали на север, к Шатою — в географический центр Аргунского ущелья.

В это время с другой стороны к Шатою отходили отряды, разбитые в Грозном. От Итум-Кале на север двигалось около тысячи боевиков. В район Шатоя через Аргунское ущелье отступало и двухтысячное войско Хаттаба. В юго-восточной части Чечни, между Ножай-Юртом и Ведено, скопилось около 1400 боевиков из отрядов, подчинявшихся Басаеву, которого после тяжёлого ранения вывезли в горы. Остальные террористы рассеялись или перешли на нелегальное положение в равнинной Чечне.

Пока пограничники и десантники заходили в тыл боевикам, на фронте шли жестокие сражения. Авиация обрабатывала базы боевиков в горах, делая по 200 вылетов в сутки. Радиоперехват подтверждал эффективность ударов — в эфире постоянно звучали призывы вывезти раненых и жалобы на урон. Бомбёжки изматывали мятежников, подрывали боевой дух и в итоге заставляли многих «голосовать ногами», покидая ряды боевиков.

Проблема была в том, что боевики не бежали из отрядов, а просто переходили на нелегальное положение. Агентурная работа была налажена плохо, и раствориться среди населения бандиту чаще всего ничего не стоило. Дома он какое-то время отдыхал и отъедался. Оружие хорошо прятали. Через некоторое время уже рассеянные отряды восстанавливались в виде партизанской ячейки. Возможностей комендантских подразделений обеспечить контроль территории хронически не хватало. Тем более, зачистки велись зачастую формально. Иной раз милиционеры даже не заходили в дома, ограничиваясь проверкой документов. К тому же «дипломатические» усилия по созданию отрядов лояльных чеченцев приводили к тому, что вместе с пулемётом омоновцы часто находили разрешение на хранение боевого оружия, выданное администрацией.

Войска постепенно прорывались и с запада, через горы, и с востока, через Веденский район. Юго-восточная Чечня представляет собой дикие, поросшие лесом горы — крайне неудобная для наступления местность. Однако военные подготовились к экспедиции куда лучше,

чем в первую войну, а боевики имели мало сил, чтобы прикрыть ещё и этот район. Поэтому старый мятежный край, родину Басаева, вошедшие из Дагестана военные (в основном части десанта и морская пехота) прошли достаточно быстро, хотя и с тяжёлыми боями.

Перелом в этом секторе наступил, когда морские пехотинцы в серии кровавых боёв захватили командные высоты вокруг Ведено. Для боевиков небольшое сражение с морпехами под Ведено обернулось катастрофой: чеченцев выбили из отлично устроенного укрепрайона в скалах. Одна из групп попалась благодаря любви к приёму пищи в комфортных условиях. Командир разведывательной группы морской пехоты капитан Карпушенко обнаружил, что боевики регулярно уходят поесть в село, и во время одной из этих отлучек разместился прямо на позициях чеченцев. Когда они возвращались с обеда, морпехи их перестреляли. По крайней мере, эти боевики умерли сытыми.

Морские пехотинцы действовали в горах инициативно и решительно. Всего через несколько дней тот же капитан Карпушенко, гроза любителей сытного обеда, взял врасплох ещё один отряд боевиков. Пока основные силы батальона атаковали неприятеля в лоб, группа Карпушенка взяла их под перекрёстный огонь. Кроме трупов и полутора десятков автоматов на поле боя нашли ценнейший трофей — ПЗРК.

Ничего похожего на генеральное сражение на юго-востоке Чечни не произошло, но в небольших боях победа чаще оставалась за российскими частями.

После прорыва под Ведено военные начали быстро продвигаться на запад, изолируя основные силы моджахедов. В течение февраля наши части прошли сквозь районы, ещё не затронутые боями второй кампании. 10 февраля в руки военных попал Сержень-Юрт к юго-востоку от Шали. Это означало, что вокруг Аргунского ущелья сжимается петля из 20 тысяч военнослужащих, наступавших с разных сторон. Общей целью стал Шатой — последний райцентр под контролем боевиков и географический центр Аргунского ущелья.

Другая группировка российских войск вошла в ущелье Мартан-Чу, расположенное западнее Аргунского и идущее параллельно. Это одна

из самых диких зон Чечни, глухие горные районы. Для разведки вперёд выслали отряды спецназа ГРУ. Планируя операции, командиры далеко не всегда учитывали специфику войны в горах и характер работы групп специального назначения. Здесь, у села Харсеной, произошла очередная трагедия этой войны.

Харсеной находится всего в 10 километрах по прямой на запад от Шатоя и в 18 километрах на север от Итум-Кале. Проблема состояла в том, что никакой прямой дороги в этих горах быть не могло: любой марш превращался в кружение по горным склонам, спуски и подъёмы. Разведчики выявили небольшую группу боевиков, разбили её, а затем решили, что находятся в безопасности, расслабились и расположились лагерем. После чего внезапно попали под удар боевиков, имевших множество гранатомётов, а по некоторым данным — ещё и 120-мм миномёты. В результате разведгруппа практически полностью погибла в коротком бою, хотя совсем недалеко находились мотострелки. Причиной такого ужасного финала стала беспечность командира группы. Этот офицер расположил свой отряд так, что боевики смогли подобраться на короткую дистанцию, а охранение не сумело их обнаружить. Отряд настолько потерял бдительность, что даже начал жечь костры, что в таких операциях категорически запрещено. Командира, разрешившего сушиться и готовить пищу у огня во время разведывательной операции, трудно оправдать. Утрата дисциплины привела к гибели сразу 33 человек[122].

Однако эта локальная неудача не повлияла на ход наступления. Пехота благополучно добралась до места назначения и блокировала Харсеной. Это означало, что русские уже подходят к Шатою с запада, севера, северо-востока и даже юго-запада. Наступающие охватывали Аргунское ущелье со всех сторон.

Следующим шагом стал непосредственно удар по Шатою. В этом районе находилось около 3000 боевиков, и русские старались не лезть

---

[122] Подробности боя под Харсеноем:
http://blog.zaotechestvo.ru/2010/02/13/неравный-бой-майор-а/
https://vk.com/@vzbyorient-rassledovanie-boya-specnaza-gru-v-raione-sela-harsenoi

в контактные бои, переложив работу на плечи авиации и артиллерии. Шатой превратили в развалины и взяли 29 февраля. Аргунское ущелье на глазах превращалось в мешок.

ПРОРЫВ. 6-Я РОТА НА ПУТИ ХАТТАБА

Закупорив Аргунское ущелье, русские создали хорошие условия для разгрома значительных сил боевиков. Отряды общей численностью в несколько тысяч штыков оказались зажаты на ограниченном пространстве. Боевики были истощены длительными маршами. Раненые постепенно умирали, колонны отступающих несли потери умершими ещё и от переохлаждения .

Однако события развивались совсем не так, как планировалось. Чтобы навязать боевикам решительное сражение, русским элементарно не хватало людей. Это может прозвучать странно, учитывая общее превосходство в силах, однако здесь следует вспомнить о некоторых важных деталях.

Российская армия сохраняла многие черты советской, ориентированной на большие общевойсковые сражения. На практике это значило, что солдаты и офицеры были сильно привязаны к технике, которая, в свою очередь, оказывалась прикована к дорогам. Пехота плохо умела вести самостоятельные действия в отрыве от основных сил и своих «коробочек». Поддержка небольших отрядов вертолётами требовала отдельного согласования. На недостатки тактической подготовки накладывались условия местности. Сражение шло зимой в поросших лесом горах, при ограниченной видимости. Чтобы контролировать территорию, здесь требовалось куда больше людей, чем на равнине. Погода и раннее наступление темноты ограничивали действия авиации. Ночные операции даже в наше время не являются сильной стороной российских Вооружённых Сил, а во вторую чеченскую качество оснащения войск для ночных боёв находилось ниже всякой критики. Наконец, значительную часть русских войск в Чечне составляли не имевшие полноценной подготовки хотя бы в качестве мотострелков части МВД. В результате формально многочисленных сил Объединённой группировки в реальности было

---

http://судебныерешения.рф/25780616/extended

катастрофически недостаточно для того, чтобы навязать противнику сражение на выгодных условиях.

В результате на пути террористов стояла достаточно редкая цепь заслонов. Блокированные под Шатоем боевики не собирались дожидаться своей участи. Отряды чеченцев разделились. Часть сил во главе с Хаттабом пошла на прорыв в восточном направлении, в сторону Ведено.

Местность им благоприятствовала. Этот район покрыт густыми лесами с плотным подлеском, и обнаружить там хорошо маскирующийся отряд крайне трудно.

На линии прорыва находились части двух воздушно-десантных дивизий, 7-й Новороссийской и 76-й Псковской. В этот район десантников перебросили незадолго до начала боёв. Взаимодействие с воздушной разведкой было налажено плохо. Даже если её кто-то и вёл, командиры на местах сведений о противнике не получали. Разведка силами самих войск запрещалась за пределами зоны артиллерийского огня, а позиции псковских десантников находились буквально на краю радиуса стрельбы своих орудий. То есть стоявшие на высотах роты оказались ослеплены. Разведку своими силами им запретили, а разведка другими средствами или не велась, или её данные не доходили до окопов. Разведотряды у русских в этом районе имелись (группы из состава «Вымпела» и 45-го полка ВДВ), но они выполняли сугубо свои задачи, о положении дел у десантников не знали и указаний им помогать не получали. Например, разведка мотострелков нашла крупную базу чеченцев под Улус-Кертом, но до десантников эти новости просто не дошли, застряв где-то в штабах.

Как бы то ни было, десантники спешно занимали рубеж. Среди прочих, на пути боевиков встала 6-я рота из состава 104-го парашютно-десантного полка 76-й Псковской десантной дивизии. Псковские десантники должны были занять позицию на горе Истыкорт у села Улус-Керт. Улус-Керт находится в ответвлении Аргунского ущелья: рядом сливаются речки Абазулгол и Шароаргун, после чего Шароаргун впадает уже в сам Аргун.

Вообще, рациональное зерно в этом запрете имелось. Командиры не хотели выпускать разведывательные части в те районы, где их нельзя оперативно поддержать огнем. Однако это решение имело очевидные скверные последствия — ухудшение качества собственно разведки.

БОИ ШЕСТОЙ РОТЫ

ПДР — парашютно-десантная рота

ПДР — парашютно-десантная рота

ПДП — парашютно-десантный полк

движение 6 ПДР

движение 1 ПДР и разведвзвода

движение войск Хаттаба

движение взвода 4 ПДР

Конкретно эту роту спешно собрали лишь незадолго до отправки на войну. Её пополняли контрактниками и прикомандированными из других частей бойцами, доукомплектовывая буквально перед трапом самолёта. Командира роты назначили всего за месяц до командировки. Готовность всего батальона перед выездом в Чечню проверка признала неудовлетворительной. Однако 3 февраля батальон уже прибыл в Чечню и находился сначала в Грозном, затем охранял базы в районе села Октябрьское (восток Чечни).

28 февраля 6-я рота выдвинулась к месту выполнения боевой задачи. Комбат Евтюхин первоначально собирался поставить на этот участок усиленную 4-ю роту, подготовленную к операции лучше 6-й. Однако 4-я рота страдала из-за поломок транспорта, поэтому вместо неё на высоту отправилась 6-я, которая находилась ближе к месту действия. Евтюхин, понимая слабость роты, отправился с ней сам. Кроме того, в этом же марше участвовали взвод 4-й роты, разведвзвод и группа офицеров батальона.

Рота выдвигалась к назначенной высоте пешком. Бойцы были перегружены. Кроме оружия и боеприпасов они тащили на себе походное имущество, поэтому шли очень медленно. Решение нести его с собой оказалось худшим из возможных. Марш налегке позволил бы быстро прибыть в пункт назначения. Тяжёлое вооружение и дополнительные боеприпасы помогли бы отбиться. Но, перегрузив себя печками и палатками, 6-я потеряла манёвренность, не прибавив в огневой мощи[1].

Между тем появившиеся в окрестностях Улус-Керта боевики уже вели бой с частями, успевшими выйти на назначенные рубежи раньше.

Колонна Хаттаба насчитывала на выходе из Шатоя, по его собственным словам, 1250 человек. Боевики тащили с собой солидный запас оружия и боеприпасов, вели несколько сот вьючных животных и, кроме того, упорно вели с собой некоторое число заложников и пленных. По дороге довольно много людей было потеряно от бомбардировок и небоевых причин, но по крайней мере 1100 человек к моменту

---

[1] У этого решения также имелись свои основания. В этот период в горах очень холодно, в войсках были даже отдельные случаи гибели от обморожений. Поэтому 6-я рота так упорно и несла с собой печки-буржуйки.

прорыва ещё имелось. План Хаттаба состоял в том, чтобы прорваться в юго-восточную Чечню и мелкими группами переходить к партизанской войне. Территория была занята русскими недавно и удерживалась неплотно, имелось множество посёлков, где можно отсидеться. Однако в этот «партизанский рай» ещё предстояло пробиться.

Первая встреча с боевиками случилась в половине одиннадцатого утра 29 февраля на позициях 3-й роты капитана Васильева. Боевики связались с капитаном по рации и, назвав по имени, предложили уходить, обещая денег. В противном случае — смерть. Однако капитан вызвал им на головы артиллерийский удар, и противник отошёл, оставив перед позициями несколько тел. У Васильева был ранен только один офицер.

3-я рота успешно отбила чеченскую разведку боем и произвела впечатление крепкого орешка, который лучше не пытаться колоть. Васильев шёл налегке, имущество добралось до его позиций позднее, но к прибытию передовых отрядов боевиков он уже успел окопаться, выставить минное поле и наладить связь с артиллеристами — попытка пройти позиции 3-й роты выглядела явным самоубийством. Но Хаттаб не уставал прощупывать оборону русских в поисках слабых мест. Севернее Улус-Керта и южнее, вдоль Шароаргуна, стояли другие такие же опорные пункты, и поиск «форточки» был последним шансом араба на вывод основных сил своего отряда.

6-я рота шла к Истыкорту через речку Абазулгол. Абазулгол перешли утром 29 февраля. Поскольку река небольшая, но с крутыми берегами, было потеряно несколько часов[*].

Обременённые палатками и печами десантники медленно втягивались на высоту 776. Несколько южнее, на высоте 787, находился взвод 4-й роты. Разведвзвод 6-й и управление роты достигли высоты 776 первыми (были не так нагружены) и столкнулись с разведкой чеченцев. Майор Молодов, командир 6-й роты, почти сразу был смертельно ранен снайпером и в дальнейших событиях не участвовал. Насколько известно, ротный выделялся внешним видом — шёл

---

[*] При этом один из бойцов дезертировал, еще трое солдат и офицер отправились его искать. Удивительно, но в итоге все благополучно выплутали к блокпостам на входе в Аргунское ущелье.

налегке и без бронежилета, так что снайпер легко выделил его и убил именно командира. Роту возглавил лично комбат Евтюхин.

С этого момента достоверность данных по поводу событий на высоте 776 резко падает. Поскольку официальных документов в открытом доступе нет, все описания события так или иначе представляют собой реконструкции, основанные на неполных и косвенных данных.

Боевики отошли, но продолжали наблюдать. Некоторое время они не атаковали, поскольку над полем будущего боя находились вертолёты, которые обнаружили небольшую группу чеченцев и рассеяли её огнём. Однако вертушки неизбежно должны были уйти с наступлением сумерек.

В этот момент, судя по всему, Евтюхин ещё не рассматривал ситуацию как по-настоящему опасную. Солдаты даже не начали окапываться и занимать позиции для круговой обороны. Вероятно, у 6-й роты вообще не имелось достаточно шанцевого инструмента. В пользу этого предположения говорит тот факт, что уже позднее, когда начался бой, серьёзных попыток окопаться так и не было предпринято.

Боевики, в свою очередь, понимали, что других вариантов, кроме прорыва через позиции 6-й роты силой, у них уже не остаётся: кольцо быстро уплотнялось, и уже на следующий день террористы могли оказаться в безвыходном положении.

Колонна 6-й роты растянулась на склоне. 3-й взвод всё ещё взбирался на высоту.

Трудно сказать, понимал ли Евтюхин своё положение, но оно уже стало критическим. Измождённая рота без окопов. Огневая поддержка — только слабая артиллерия десантного полка. Помочь мог лишь разведвзвод 4-й роты, который ушёл на соседнюю высоту.

Вечером началась атака против 6-й роты. Боевики действовали эффективно и решительно. 3-й взвод, всё ещё взбиравшийся на склон, оказался взят врасплох и разбит практически сразу. Сама рота на высоте понесла тяжёлые потери. Боевики вели очень плотный огонь из гранатомётов и успешно подавляли огневые точки снайперами.

Возможно, атака велась при поддержке миномётов[1]. Путь отхода оказался блокирован, а корректировать огонь было трудно из-за темноты. Разгром 3-го взвода на склоне сам по себе сильно уменьшил возможности роты. Десантники отчаянно отстреливались сверху, на боевиков навели огонь дивизиона «Нон»[2], поэтому чеченцы понесли ощутимые потери и на несколько часов отошли. Но теперь 6-я рота оказалась в ещё более тяжёлом положении: огня развести нельзя, множество раненых, вокруг темнота, а впереди накапливается ударная группа боевиков.

Для боевиков этот бой тоже не оказался лёгким. Надо отметить, что как сам Хаттаб, так и его боевики характеризовали огонь артиллерии русских как мощный и достаточно действенный[3]. Однако они владели инициативой, имели полное численное превосходство и могли спокойно готовить последний удар.

На компункте 104-го полка, судя по всему, ещё не слишком чётко понимали, насколько серьёзна ситуация. Рота понесла тяжёлые потери, но вечером бой затих, террористы разорвали контакт, не ведя даже беспокоящего огня. Как бы то ни было, резерв полка состоял только из одной усиленной роты (1-й).

Сергей Ба́ран, начальник разведки 104-го десантного полка, в который входила 6-я рота, возглавил 1-ю роту и отправился к Абазулголу. Однако уже за речкой он остановился. По словам самого Барана, после этого у него состоялся разговор по рации с Евтюхиным. Тот заявил, что контролирует ситуацию, и идти на помощь нет смысла[4]. За 15 минут до полуночи отряд

Кстати, спорным остается вопрос о наличии у боевиков минометов и их использовании. По словам переживших бой солдат, минометный обстрел высоты террористами все же велся. С другой стороны, сами боевики в доступных свидетельствах о действиях своих минометчиков не упоминают. Это очень важное обстоятельство, о значении которого будет сказано ниже.

«Нона» — 120-мм самоходная установка, штатная самоходка огневой поддержки десантных подразделений.

Взгляд со стороны боевиков приводится в воспоминаниях Хаттаба , а также в воспоминаниях группы боевиков отряда братьев Ахмадовых («Сопка у нас, дорога чиста»).

https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_chechne/stati/my_shli_na_pomoshh_shestoj_rote/8-1-0-327

Барана развернулся и по приказу командира полка вышел на позиции 1-го батальона, где и остался до рассвета.

Этот манёвр нуждается в дополнительном объяснении, однако нужно заметить, что объяснение Барана выглядит достаточно убедительно. Во-первых, на КП 104-го полка определённо не расценивали ситуацию как смертельно опасную. Об этом говорит хотя бы тот факт, что полк не пытался подключить к делу никакие силы сверх собственных — хотя по хаттабовцам могла бы работать разнообразная артиллерия, включая реактивную. Во-вторых, о чём Баран не упоминал, впоследствии на пути его группы обнаружили пулемётные гнезда чеченцев, и засада на деблокирующую группу могла сильно увеличить количество жертв. Воевать ночью российская армия образца 2000 года не умела, нужного снаряжения не имела, а впереди роту ждала тысяча боевиков... Так что нерешительные действия колонны помощи вполне объяснимы. Хуже, что ни командование полка, ни командование 6-й роты, судя по всему, не осознавали, насколько опасна ситуация.

Как бы то ни было, история 6-й роты приближалась к развязке.

Около трёх ночи к десантникам вышел разведвзвод с соседней высотки под командой майора Доставалова — единственная помощь. На высоте оставалось не более 40–50 живых бойцов, многие из которых были уже ранены. По понятным причинам, на высоте не могли развести огня, так что от холода страдали и здоровые. Позднее некоторых убитых обнаружили в простреленных спальных мешках, и, вероятнее всего, это именно раненые, укутанные от мороза и погибшие в конце боя.

Хаттаб мог спокойно готовить последнюю атаку. Для финального штурма в предрассветном сумраке боевики сформировали группу добровольцев около 70 человек. Учитывая численность людей на высоте и недостаток боеприпасов после длительного боя, этого вполне хватало для создания численного и огневого перевеса. На высоте было слишком много раненых, обмороженных и уже умирающих, чтобы успешно отбиться.

Атака чеченцев шла под огнём русской артиллерии, но боевики упорно продвигались к позициям израненных десантников. Две атакующих группы прикрывали друг друга и давили защитников

высоты 776 массой огня. Во время этого последнего боя произошло одно из самых важных событий той ночи. В ходе боя позиции 6-й роты подверглись опустошительному удару тяжёлого оружия — миномётов или артиллерии. Впоследствии оказалось, что более половины десантников погибли от взрывных травм и осколочных ранений[1].

На высоте шёл беспощадный ближний бой. И со стороны боевиков, и со стороны выживших солдат описания крайне похожи: безумная схватка со стрельбой в упор. По словам боевиков, полевой командир Апти Ахмадов (один из братьев-работорговцев Ахмадовых) в какой-то момент привстал и крикнул, чтобы десантники сдавались в плен, — он тут же был убит пулей в грудь.

Система огня роты под миномётным обстрелом развалилась, и с высоты уже стреляли кто во что горазд. Боевики имели возможность сосредоточить огонь нескольких стволов на каждой ожившей огневой точке.

Около шести утра Евтюхин вызвал огонь артиллерии на себя.

В 06:10 он в последний раз вышел на связь.

Где-то к 7 часам утра 1 марта 2000 года 6-я рота псковского десанта перестала существовать. Марк Евтюхин был убит пулей в лицо в последние минуты боя.

Лишь несколько солдат спаслись — двое скатились с обрыва, ещё одного оглушили прикладом в рукопашной и приняли за мёртвого.

Бой ещё не закончился. Рация Евтюхина замолчала, но капитан Виктор Романов, артиллерийский корректировщик 6-й роты, был убит очередью в грудь одним из последних и до конца давал целеуказания. Можно было бы думать, что «арта» била в белый свет, но признание заслуг пушкарей пришло с неожиданной стороны. Именно воспоминания уцелевших в бою террористов, а также Хаттаба позволяют утверждать, что артиллерийский обстрел, в том числе уже после гибели 6-й роты, оказался действенным. Как замечал Хаттаб,

---

[1] http://судебныерешения.рф/25780616/extended

«после того как мы перебили всех русских в этом бою, нас начали интенсивно бомбить и обстреливать из артиллерии, и погибло много братьев. Мы передвигались большими группами. Я впервые в жизни увидел, как раненых муджахидов оставляют, а убитых не закапывают»[1].

После боя основные силы Хаттаба двинулись на Сельментаузен. Часть отряда оставалась в районе села, чтобы рассредоточиться и перейти к партизанским действиям. Другая ушла дальше на восток.

Наутро рота Барана вернулась к высоте. Солдаты обнаружили троих бойцов — Александра Супонинского, Андрея Поршнева и Евгения Владыкина. Все были ранены и контужены. Они и стали первыми вестниками гибели 6-й роты. Днём 1 марта артиллерия и авиация активно обстреливала район прорыва боевиков. Эти удары нашли цель, но помочь 6-й роте уже не могли. На высоте нашли 84 тела. В общей сложности шестеро солдат разными путями вышли к своим[1].

Потери боевиков определить точно достаточно сложно. Официально российская сторона заявила о гибели пяти-шести сотен сепаратистов. Такой результат, быть может, несколько подсластил бы пилюлю, однако это явное преувеличение. Если боевиков погибло так много, непонятно, кто же всё-таки добил 6-ю роту — у Хаттаба, если учесть обычное соотношение убитых и раненых, при таких потерях не осталось бы людей на ногах. К тому же 500–600 трупов было бы некому вынести, и уж точно такое множество тел не могло потеряться. Действительные потери противника, очевидно, скромнее. На поле боя нашли 14 трупов чеченцев. По данным боевиков (в том числе по показаниям пленных), непосредственно в бою с 6-й парашютно-десантной ротой «стали шахидами» 20–25 человек, убитых на месте. Кроме того, Хаттаб назвал потери от артиллерийских ударов по идущим на прорыв — примерно 30 убитых.

---

[1] Подробное, хотя и неполное описание событий: https://6-rota.livejournal.com/, перепечатка наиболее подробного на данный момент разбора всего боя 6-й роты: https://feldherrnhalle.livejournal.com/12087.html

Ещё примерно столько же умерших и раненых насчитала на своём пути разведгруппа 45-го полка, шедшая по следам хаттабовцев после гибели 6-й роты. Наконец, преследуя чеченцев, русские пленили, по разным данным, от 200 до 400 боевиков, значительная часть которых была ранена. Это были в том числе раненные в бою против 6-й роты. В частности, организованно капитулировал полевой командир Махмуд Адаев. Он сдал весь свой отряд в 30 человек и указал, где находятся его раненые подчинённые.

Таким образом, потери чеченцев непосредственно на высоте 776 оказались умеренными, но в целом прорыв в районе Сельментаузена стоил Хаттабу до 300 человек погибшими и пленными и хорошо проредил его людей, прежде чем им удалось рассеяться по лесам и посёлкам.

Через год командир 104-го десантного полка полковник Мелентьев, в который входила 6-я рота, умер от болезни сердца. Он так и не оправился после гибели его части.

АНАТОМИЯ КАТАСТРОФЫ

6-й роте не удалось остановить выход отряда Хаттаба из окружения. Потери чеченцев оказались ощутимыми, но не фатальными, и основные силы из ловушки выбрались. 6-я рота 104-го полка до конца выполнила свой долг и, несмотря на катастрофическое развитие событий, легла костьми на пути противника, нанеся ему серьёзный ущерб.

Однако мёртвыми героями не стоит прикрывать промахи живых. Основной причиной трагедии 6-й роты оказались ошибки в организации операции и общие пороки тогдашней Российской армии. Во-первых, она не имела навыков и технических средств для эффективного ведения ночной войны, а основные события на высоте произошли как раз в тёмное время суток. Во-вторых, была полностью провалена разведка: движение нескольких сот боевиков оказалось никак не отслежено.

---

https://feldherrnhalle.livejournal.com/12087.html

Конечно, не следует забывать, что и Хаттаб имел огромный опыт и отличные навыки партизанских действий. Маскировку марша он организовал эффективно, а чеченцы действовали в бою умело и решительно. Вообще, боевики времён начала второй чеченской — это, без преувеличения, самый подготовленный и мотивированный враг из всех, с кем русским пришлось сталкиваться за всю постсоветскую историю.

Говоря о причинах трагедии в ночь на 1 марта 2000, стоит подчеркнуть ещё раз: 6-я рота и все наши силы в этом районе оказались «слепыми», в то время как противник, напротив, был неплохо осведомлён о силах и расположении русских частей. Никто, кроме командования ОГВ и непосредственных командиров, ответственности за эту ситуацию нести не мог. Основные усилия по разведке местности и сил противника были брошены на Шатой и Итум-Кале, а собственные усилия десантников оказались парализованы распоряжениями свыше. Распоряжениями, заметим, отданными из самых лучших побуждений: не давать разведчикам выходить из зоны, куда добивает артиллерия, чтобы в случае чего их прикрыть. Поддержка с воздуха не могла прийти: ни ночных, ни всепогодных вертолётов у русских не было.

Кроме того, никто кроме командования не мог отвечать за то, в каком виде 6-я ПДР убыла к театру боевых действий. Рота к участию в боях была просто не готова. Военнослужащие не прошли никакого боевого слаживания, а командир не имел — и не мог иметь! — чёткого понимания возможностей своей части. Естественно, возникают вопросы о том, почему управление подразделением оказалось быстро потеряно. Но ведь невозможно ожидать от только-только назначенного ротного, что он сможет мгновенно освоиться в незнакомой части и покажет свои лучшие качества в острой ситуации. А ситуация оказалась не просто острой, а сопряжённой с чудовищной опасностью: на порядок численно превосходящий противник, ночь, отсутствие эффективной поддержки.

Не следует забывать о том, как развивались события с точки зрения командования. До самой ночи на КП не имели вообще никаких данных о том, что происходит на высоте 776. А когда начался бой, положение из штаба не выглядело критическим. Катастрофа стала очевидной только наутро — когда 6-й роты уже не было.

Наконец, по причинам и субъективного, и объективного свойства события на высоте развивались быстро. Рота была атакована внезапно, один из взводов перебили на марше ещё на склоне — тяжёлые потери начались даже не в первые минуты, а в первые секунды боя. В этих условиях потери боевиков в несколько десятков убитых и неизвестное число раненных в бою с 6-й ПДР — не умаление подвига, а, напротив, свидетельство отчаянного сопротивления русских солдат. В ситуации, когда события стремительно развивались от плохого к худшему, а управление ротой рухнуло, десантники продолжали отстреливаться и делать всё, что от них зависело. При этом с чеченской стороны ни один участник того боя позднее не упоминал даже о попытках русских сдаться. Более того, у нескольких погибших десантников были обнаружены характерные взрывные травмы правых рук — они подорвали себя гранатами[1]. Псковские десантники продемонстрировали личное мужество и готовность защищаться до последней капли крови. Остаётся только сожалеть, что лучшего применения этой храбрости — например, похоронить Хаттаба прямо в окрестностях Улус-Керта — так и не нашлось.

Некоторые боевики, участвовавшие в бою с 6-й ротой, были задержаны много лет спустя, и их приговоры оказались в открытом доступе[2]. Среди прочих сведений там содержалась детальная роспись причин гибели солдат и офицеров 6-й роты.

Как оказалось, около половины погибли от взрывных травм и множественных осколочных ранений. Судя по характеру и тяжести этих ран, речь не идёт о ручных гранатах или лёгких ВОГах подствольников и АГС-17. В этой связи появилась версия об ударе своей артиллерии как первопричине гибели 6-й роты[3].

Эта версия имеет очевидное обоснование (такое количество осколочных и взрывных ранений должно быть как минимум объяснено), но не является бесспорной. Во-первых, неясен вопрос о том,

---

http://sudact.ru/regular/doc/1hIV6PppXj1a/

https://sudact.ru/regular/doc/TdGEmroGImYQ/

https://rostislavddd.livejournal.com/380330.html

имелись ли миномёты у колонны Хаттаба. Снаряды «Нон» 104-го полка ВДВ и артиллерийские мины калибра 120 мм очень близки по мощности взрыва. Российская официальная версия однозначно указывает на миномётный обстрел, о чём говорили также выжившие солдаты.

Кроме того, у нас вообще нет на руках полных результатов судебно-медицинской экспертизы: то, что попало в приговор, может представлять собой не ранения, непосредственно ставшие причиной гибели, а просто наиболее очевидные, несовместимые с жизнью. Наконец, все согласны с тем, что ближе к концу боя Евтюхин вызвал огонь на себя. Значительная часть раненых, но ещё живых десантников была, скорее всего, добита огнём артиллерии, как и часть ещё не пострадавших от огня противника.

Поскольку данные радиообмена 6-й роты нам недоступны, как и полные материалы уголовных дел по поводу её гибели, точку в этом вопросе поставить мы не можем.

Прорыв под Улус-Кертом принёс, среди прочего, один приятный сюрприз. Во время марша с боями некоторые пленные, которых боевики волокли с собой, воспользовались неразберихой и сумели бежать. В их числе был офицер ГРУ Алексей Галкин. Его захватили осенью 1999 года во время выполнения задания в Чечне всего в полукилометре от российских аванпостов. Пленного использовали в основном для пропаганды. Этим вопросом занимался Абу Мовсаев, бывший начальник ДГБ[1] при Дудаеве, известный по истории с пленением отряда спецназа ГРУ в 1995 году. Галкина пытками и угрозами заставили рассказывать журналистам о подготовке им «взрывов против мирного населения» и подготовке ГРУ и ФСБ взрывов домов в Москве осенью 99-го[2]. Для пущей сговорчивости Галкину демонстрировали казни пленных срочников.

Когда боевики отступали из Грозного, они потащили сильно отощавшего Галкина с собой и использовали для прорыва через минное поле. Вместе с ним был также офицер по фамилии Пахомов.

---

[1] Департамент государственной безопасности Ичкерии.

[2] «Пресс-конференция» Галкина: https://novayagazeta.ru/articles/2002/12/02/12927-nasha-gruppa-gotovila-diversii-v-chechne-i-dagestane

Галкину повезло, он выжил и с боевиками дошёл до Улус-Керта. В плену он всячески демонстрировал лояльность и, как утверждали боевики, «коварно» принял ислам. На ночь пленных приковывали к стволам деревьев. В ночь прорыва был ранен мелкий полевой командир, отвечавший за пленных, контроль ослаб, и тогда Пахомов и Галкин сумели бежать. По дороге они нашли несколько трупов боевиков и сняли с них оружие, тёплую одежду и провиант. После стычки с небольшим отрядом террористов, Галкин и Пахомов сумели выйти на пост разведчиков рязанского десанта[1].

ВТОРОЙ ПРОРЫВ. ГЕЛАЕВ ВЫХОДИТ НА КОМСОМОЛЬСКОЕ

Другим путём из окружения выходили отряды под общим руководством Руслана Гелаева. 4 марта они направились в сторону Урус-Мартановского района, то есть на северо-северо-запад.

Изначально Гелаев планировал всё-таки провести некоторое время в Аргунском ущелье, чтобы дать отдых своим крайне измученным людям. У него имелся лагерь в урочище Раздольное — целый городок землянок и блиндажей. Однако 2 марта на его лагерь неожиданно и для себя, и для противника вышел батальон майора Игоря Тимофеева из 56-го десантного полка. По численности отряд Тимофеева напоминал усиленную роту — 95 человек. Разгромить такими силами группировку боевиков хорошо за тысячу террористов было очевидно невозможно. Однако в пользу русских сыграл «туман войны»: десантники смогли навязать противнику бой, агрессивно нажимали на гелаевцев. А главное, для противника время было главным ресурсом: боевики понимали, что каждый лишний час в бою повышает вероятность мощного артиллерийского или воздушного удара. Гелаев решил бросать лагерь и уходить.

Надежды на то, что удастся провести спокойно хотя бы несколько дней и подлатать раненых, рухнули. Однако сдаваться противник

---

[1] Интервью с Галкиным после освобождения: https://novayagazeta.ru/articles/2002/12/02/12928-priznaniya-o-vzryvah-domov-v-moskve-i-dagestane-ya-dal-pod-pytkami

не собирался. Общий смысл плана Гелаева был тем же, что у Хаттаба: прорваться к сёлам, рассеяться и перейти к партизанской войне. Уходить на юго-запад Чечни он не хотел: там попросту отсутствовало достаточное количество населённых пунктов, где можно было бы отлежаться. Поэтому целью Гелаева стали предгорья — деревни Урус-Мартановского района. В любом случае требовалось найти хоть какое-то место, где можно отдохнуть несколько дней.

Из Аргунского ущелья полевой командир решил прорываться руслом реки Гойта. Гелаев нуждался в укрытии, чтобы передохнуть: измотанным боевикам требовалось время на восстановление сил и лечение. Для полуторатысячного отряда прорыв стал вопросом жизни и смерти.

Первая маленькая группа террористов попыталась выйти на Комсомольское ещё 29 февраля. Группу встретили огнём, убив и пленив нескольких человек. Одного из пленных заставили говорить. Кроме эмоциональных характеристик полевых командиров пленный сообщил, что в этом районе находится отряд по меньшей мере в 500 бойцов. Это была первая ласточка наступающей группы Гелаева.

На дороге у рвущейся к Комсомольскому орды стояли лишь небольшие посты 503-го мотострелкового полка. В мемуарах Геннадия Трошева указывается только то, что чеченцам удалось «миновать» позиции стрелков. В действительности на берегах Гойты произошёл тяжёлый бой. Под удар попали позиции роты лейтенанта Вершинина. Сам ротный погиб в начале боя, успев сообщить, что «духов немерено»[1]. В ущелье гранатомётный взвод буквально лёг костьми на пути гелаевцев (из 18 человек четверо попали в плен, остальные погибли), однако те людской волной смели опорный пункт. Оголодавшие боевики первым делом набросились на сухпай погибших.

Собирать оставшихся в живых солдат роты Вершинина и прикрывать их отход послали отряд разведки 19-й мотострелковой дивизии с танком. Боевики встретили отряд огнём, танк оказался обездвижен на нейтральной полосе. Командир танковой роты самостоятельно попытался прорваться на помощь подбитому, но только потерял ещё один танк. Разведрота, которая поддерживала огнём отходящих, отступила после того, как исчерпала боеприпасы.

---

[1] http://old.redstar.ru/2004/10/23_10/2_01.html

Несколько облегчило положение прибытие группы снайперов «Альфы». В течение часа они перебили несколько чеченских «коллег», чем оказали неоценимую услугу остальным бойцам. А вот у экипажа подбитого танка шансов на спасение уже не было: боевики плотно его окружили. Танкисты продолжали вести переговоры с командиром своей роты. Трудно представить, что чувствовал бессильный что-либо сделать офицер, которому из танка сообщали: «Я подбит, по мне ходят», а потом — «Духи пытаются открыть люки»[25]. Через некоторое время машину расстреляли «Мухами» в упор. Единственного выжившего танкиста чеченцы увели с собой, командиру танка лейтенанту Луценку отрезали голову. Позднее его часы нашли на трупе боевика[1].

В самом Комсомольском до входа туда террористов благополучно шли зачистки.

«Мы зачистили аул до последнего перекрёстка. Арьергард нохчей откатился без боя, обстреляв нас. Или свои — тяжело было понять. По лесосопкам отработала артель и АГС с БТРов. И нас сняли. Парни были возмущены, так как по уму нужно было закрепиться на той окраине, где мечеть, и не пускать в аул бойчин»[2].

Комментировал ситуацию один из собровцев. Майор Евтух из службы ГУИН описывал деятельность своего отряда таким образом:

«Целую неделю перед штурмом мы зачищали село. Утром заходим в него, вечером, как начинает темнеть, выходим. Проверка так проводилась: мы блокируем дома, а чекисты в них с населением работают — паспорта проверяют. Если там кто-то подозрительный, то его забирают в комендатуру Урус-Мартана для проверки. И так было каждый день целую неделю, пока боевики не дали нам жару»[3].

Замечание одного из военных в личной беседе: «Часы нашли на живом. Трупом он стал как раз из-за этого».

http://spec-naz.org/index.php?/topic/3538/

http://blog.zaotechestvo.ru/tag/махотин/

Остановить Гелаева не удалось даже ценой гибели более трёх десятков солдат и офицеров на подходах к Комсомольскому. Закрепиться в самом селе военные по неясным причинам и не попытались.

Аргунское ущелье должно было стать могилой для основных сил боевиков, но не стало. Их массовый исход из ловушки — серьёзная неудача армии, стоившая позднее большой крови. Безусловно, это было следствием ошибок планирования и руководства операцией. Боевики не должны были получить численного преимущества над российскими войсками, и уж совсем странно выглядят попытки объяснить, почему на пути людской волны гелаевцев оказалось так мало людей. По словам Шаманова, командование планировало открыть боевикам дорогу в какое-нибудь село, чтобы там их блокировать и уничтожить. Заявлялось даже, что Гелаеву открыли проход на соседнее с Комсомольским Алхазурово, но тот прыгнул за флажки и пошёл именно на Комсомольское. Однако эта версия не объясняет, почему попыткам чеченцев прорваться активно сопротивлялись. Шаманов считает, что приказ пропустить противника просто не успели передать. Есть одно «но»: на следующий день после захвата Комсомольского войска попытались зачистить село с лёгким стрелковым оружием в руках, что просто хоронит версию о целенаправленном пропуске основных сил противника в аулы — командование ещё понятия не имело о его реальной численности. Владимир Шаманов сделал очень многое для разгрома ичкерийских формирований в обеих чеченских войнах, но приходится признать, что в этом случае он выдаёт действительное за желаемое.

Боевики вышли из ущелья, но радовались этому недолго. Командование Объединённой группировки спохватилось и начало активно принимать меры по блокированию и разгрому хотя бы одного из двух основных отрядов боевиков.

ДЕРАТИЗАЦИЯ. ШТУРМ КОМСОМОЛЬСКОГО

Пока шёл бой с мотострелками 503-го полка, чеченцы большими группами входили в Комсомольское. Им противостояли явно недостаточные силы, хотя танки, мотострелки и снайперская группа «Альфы» на подходах к селу сумели собрать с боевиков кровавую дань. В рядах самих гелаевцев царил хаос, и 5 марта плотного

контроля над Комсомольским ещё не было. Однако в ночь на 6 марта в селе уже находилось до полутора тысяч боевиков. Российская сторона, как и все военные мира, часто склонна завышать численность (и потери) противника, но в данном случае эта оценка выглядит близкой к реальности — Комсомольское оказалось набито террористами. Пока вооружённые люди заполняли село, оттуда спешно уходило гражданское население. Тем не менее до сотни мирных жителей осталось. В основном старики[1].

Беглецов разместили в наспех устроенном лагере на голой земле. Вместе с населением из Комсомольского выбралось несколько раненых боевиков. Вытаскивать их оттуда должен был отряд спецназа ГУИН Минюста[2] и патрульные милиционеры. Обычно при арестах боевиков террористы устраивали шумные демонстрации из женщин и детей, создававших страшный шум и пытавшихся психологически давить на военных, а в идеале вообще сорвать арест и дать боевикам время уйти (в некоторых случаях из-за спин женщин вообще стреляли). Поэтому спецназовцы устроили маленькую операцию с расчётом на эффект неожиданности — внезапно ворвавшись в лагерь, они похватали лежащих на матрасах и одеялах раненых и удалились прежде, чем кто-то успел среагировать.

Гелаев решил дать измождённому войску отдых, и это решение предопределило дальнейшие события. Пока чеченцы отсыпались и отогревались, к Комсомольскому стягивались войска. Руководство ОГВ недооценило численность противника, поэтому осада началась с попытки провести зачистку, хотя русские имели вокруг села только 800 человек. Отряд, собранный из различных милицейских частей, попробовал проникнуть в село — как утверждает Геннадий Трошев, с целью разведки боем. Там они встретили жёсткое сопротивление. Части МВД понесли потери и отступили. Снаружи пришлось высылать помощь, так как боевики грозили вовсе отрезать отряд милиционеров у мечети. По неясным причинам, первоначально считалось, что в селе только 30 боевиков[3]. Это действительно странно — гелаевцы буквально только что прорвались через

---

http://www.voinenet.ru/prestupleniya-na-voine/drugie-prestupleniya/21655.html

Главное управление исполнения наказаний Министерства юстиции.

http://www.voinenet.ru/prestupleniya-na-voine/drugie-prestupleniya/21655.html

позиции 503-го полка, уже были взяты первые пленные, и генералы должны были располагать как минимум информацией вида «боевиков очень много». Жестокий бой, в который ввязались части МВД, наглядно продемонстрировал, что противник силён.

К Комсомольскому стягивались подкрепления, село постепенно обкладывали. Операцию по штурму возглавил будущий начальник Генерального штаба генерал Валерий Герасимов.

Из-за сложного рельефа его так и не удалось блокировать полностью — только перекрыть огнём попытки войти или выйти из села. Начались непрекращающиеся обстрелы Комсомольского из всех видов тяжёлого оружия, включая РСЗО «Буратино»[1] и установки разминирования, используемые здесь для разрушения полевых укреплений.

Чеченцы прекрасно понимали, что перспектив у них нет, но не имели возможности пробиться наружу большими отрядами. Тем не менее вырваться на свободу они пытались. Первую попытку выйти предприняли уже 5 марта. Однако группа в 35–40 боевиков была встречена огнём разведроты и отброшена назад в село. Разведчиков попросили быть «поаккуратнее»: с собой гелаевцы тащили пленных. Это и спасло их от полного разгрома. 9 марта крупная группа боевиков скопилась на окраине, планируя пробиться из села вечером по темноте. Русские расстреляли её прямой наводкой из танков и «Шилки»[2]. Вскоре чеченцы попытались выручить товарищей снаружи, но неудачно — авангард вместе с проводником погиб в бою, и деблокирующая группа отступила.

Тем не менее среди немногих вышедших из села 9 марта был Руслан Гелаев. Он предпочёл не умирать в Комсомольском и позднее сумел добраться горными тропами через безлюдную юго-западную Чечню аж до Грузии во главе маленького отряда[3].

Авиация постоянно висела над селом. Старший лейтенант 245-го полка наблюдал её в действии:

Тяжелая установка залпового огня.

Зенитная установка с четырьмя автоматическими пушками.

По другим данным, он ушел из Комсомольского в ночь на 14 марта через поле и перелески восточнее Комсомольского.

«Впервые тогда видел, как работает наша авиация... Сначала на Комсомольское заходят вертолёты — по ним боевики открывают огонь. Наши цели засекли — летят штурмовики. Цель поразил и свечкой вверх. Два-три дня они так работали»[21].

На окраинах села постоянно шли жестокие бои. Трудно сказать, для чего Комсомольское так отчаянно пытались взять штурмом, а не раздавить предварительно артиллерийским огнём и ударами авиации, но тяжесть боёв ложилась на плечи пехоты. В развалинах шли бои накоротке, перетекавшие почти в рукопашные. Бойцы перемешивались, порой за спинами у русских оказывались отряды чеченцев. Один из офицеров потом вспоминал:

«Там меня чуть не застрелили, а я так и не понял, свои это были или чужие! Вот как всё было. Соседи сидели в доме неподалёку. Захожу во двор и вижу, что в метрах двадцати мимо сарая бегут какие-то фигуры в камуфляже. Обернулись на меня, посмотрели — и как дадут очередь из автомата в мою сторону! Прямо скажем, неожиданно... Спасибо и за то, что попали только в стену рядом. Отличить своих от чужих было действительно очень трудно — все были вперемешку. Ведь все выглядят одинаково: камуфляж, все грязные, с бородами»[1].

Вероятно, военных подгоняло политическое руководство страны. Но это едва ли может оправдать командиров, требующих быстрого успеха даже ценой жизней штурмующих. Полковник Махотин из отряда спецназа ГУИН приводит просто вопиющий эпизод:

«Офицера удмуртского отряда „Кречет" Ильфата Закирова вызвали в штаб. Александр Баранов, начальник штаба Объединённой группировки

---

[1] http://blog.zaotechestvo.ru/2010/01/14/комсомольское-хроника-штурма/

федеральных войск на Северном Кавказе, заслушал его доклад и тут же несправедливо обвинил его во всех грехах, прилюдно назвал трусом, пригрозил судом. А позже со слов Баранова генерал-полковник Геннадий Трошев написал в своих известных мемуарах, что в спецназе Минюста оказались трусы, которые комфортно расположились в спальных мешках в укромном месте и не хотели воевать, и лишь после вмешательства доблестного генерал-полковника Баранова взялись за ум. Для Ильфата обвинение в трусости стало ударом. Он, когда вернулся с совещания на позиции, был весь белый. Говорит отряду: „Вперёд!" Я просил его успокоиться, дать мне час забрать Широкова, обещал поддержать огнём. <...> Поискал по рации Ильфата. Он не отвечает. А наш генерал по рации мне говорит: „Я отстраняю вас, «Циклон», от командования сводным отрядом Минюста. Командовать будет старший лейтенант Закиров". Выйдя к дому, куда ижевцы подошли, спросил их: „Где командир?" Они показали в сторону дома. Я — туда. Врываемся во двор, забрасываем гранатами, стреляем во все стороны. Видим — во дворе около дома лежат два тела, полностью изуродованные, одежда — в клочья. Это Ильфат со своим заместителем. Погибшие. Оказалось, Ильфат со своим замом вошёл во двор, и они схватились с боевиками практически врукопашную. Нескольких боевиков Ильфат со своим замом застрелили, а оставшиеся их самих гранатами забросали»[1].

Правда, частые удары имели и свои преимущества: силы противника таяли быстрее, в рядах чеченцев накапливались раненые.

[1] http://artofwar.ru/f/farukshin_r_n/mahotin.shtml

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГЕРАСИМОВ

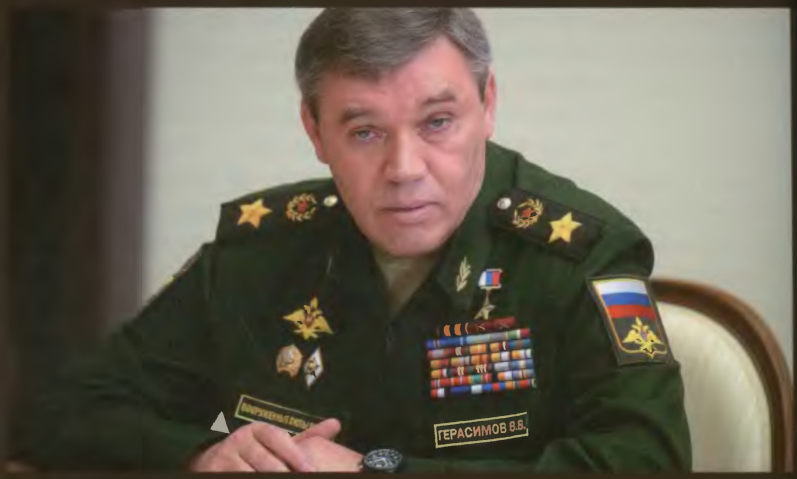


Фото: Минобороны РФ, ТАСС

дата рождения	место рождения
08.09.1955	Казань

Образование:

- 1973: окончил суворовское училище.
- 1977: окончил Казанское высшее танковое командное училище
- 1987: окончил Военную академию бронетанковых войск.
- 1997: окончил Академию Генштаба.

Карьера:

- 1977–1998: служил в вооруженных силах, на должностях от командира взвода до заместителя командующего танковой армии.

- 1998–2001 — начальник штаба 58-й армии, расквартированной на Кавказе.
- 2001–2003 — командующий 58-й армией.
- С августа 1999 года участвовал в боевых действиях в Дагестане и Чечне, наступал в составе группировки «Запад». Лично руководил взятием Бамута, позднее командовал группировкой в южной Чечне, руководил штурмом Комсомольского.
- 2003–2012: начальник штаба и командующий рядом военных округов.
- С 2012 года по настоящее время — начальник Генерального штаба Вооружённых Сил России.
- 2015–2016: осуществлял общее руководство операцией российских войск в Сирии.

И всё же трудно объяснить попытки давить и без того обречённого неприятеля живой силой. Тем более село штурмовал не элитный спецназ, а обычная для чеченских войн сборная солянка подразделений, включавшая даже отряд спецназа ГУИН Министерства юстиции, предназначенный подавлять бунты в колониях и в принципе не приспособленный к штурмовым операциям. Однако штурмовые группы упорно пробивались к центру села, одновременно отбивая новые попытки вырваться наружу. Из-за попыток обязательно взять село как можно скорее пехотным штурмом регулярно происходили трагедии. Так, в самом начале наступления, 6 марта, погиб отряд «Росич» Внутренних войск под командованием лейтенанта Джафяса Яфарова. Его небольшая группа попала в засаду на улицах. Всё началось с того, что два бойца подорвались на мине-ловушке, после чего по оставшимся открыли огонь. Несколько человек были блокированы в доме и отстреливались до исчерпания боеприпасов. Уцелевшие попытались прорваться к позициям СОБРа по соседству, но это им не удалось — группа погибла при прорыве[1]. Вскоре удалось выменять тела погибших при посредстве оставшихся в Комсомольском жителей. Группа во главе с сержантом Илларионовым вышла на переговоры. Они шли нервно: бойцам угрожали оружием, Илларионову разбили лицо рукоятью пистолета, а с другой стороны по ошибке открыли огонь мотострелки, которые несвоевременной пальбой чуть не сорвали обмен. Однако русские всё же эвакуировали погибших и одного живого пленного. В обмен на это боевикам позволили эвакуировать в Гойское убитых и тяжелораненых[2].

Кстати, спецназ ГУИН показал себя исключительно хорошо: пятеро бойцов стали Героями России (трое из них, увы, посмертно). По словам участников штурма, их постоянно подстёгивали генералы с командного пункта, при этом обвиняя в трусости — и это несмотря на тяжёлые потери и без того не слишком многочисленных отрядов. Наряд сил

---

https://www.soldati-russian.ru/publ/vojna_v_chechne/rasskazy_uchastnikov/komsomolskoe_za_dve_nedeli_do_pobedy/12-1-0-3597

https://web.archive.org/web/20141229125211/http://www.bratishka.ru/zal/1_69.php

http://rslovar.com/content/комсомольское-брали-бойцы-отряда-росич

на штурм вызывает, мягко говоря, недоумение. «Мне ещё дали пятнадцать человек пэпээсников. Но я им велел вообще не стрелять и идти сзади нас»[1], — замечал командир ударной группы гуиновцев. Другой милиционер сравнил наступление на укреплённые позиции с «психическими атаками» в полный рост без стрельбы белогвардейцев в Гражданскую войну.

Постоянные попытки боевиков выбраться из Комсомольского, напротив, как раз легко понять. Правда, проскочить большинству из них не удалось. По прорывающимся использовали очень разнообразный арсенал, включая тактические ракеты «Точка». Под огнём некоторые предпочитали сдаться: так, 9 марта подняли руки сразу 11 иностранных боевиков.

Шансы оставшихся в селе на успешный прорыв таяли. Буквально через несколько дней после бегства Гелаева попытался бежать и подорвался на мине Хамзат Идигов, сменивший его в роли коменданта.

Уже 9–10 марта боевики начали постепенно сдаваться. Они не имели оснований надеяться на милость со стороны вконец осатаневших солдат, но оставаться в горящем селе, на которое ежечасно сыпались снаряды, было ещё страшнее. Заканчивались медикаменты, и раненые обрекались на мучительную смерть. Характерный эпизод произошёл во время зачистки. Один из офицеров бросил в подозрительный подвал гранату, спустился и неожиданно обнаружил там спокойно сидящего боевика. Военный выпрыгнул из подвала и тут же забросил внутрь ещё одну гранату. Потом выяснилось, что боевик уже плохо соображал из-за гангрены и мог только сидеть и смотреть, как его убивают.

20 числа началась агония обороны Комсомольского. Около 50 оставшихся на ногах боевиков попытались в последний раз выбраться из обречённого посёлка по руслу ручья, но их заметили и перебили практически поголовно. Отрадно было обнаружить на месте избиения четверых пленных русских — живыми.

Бои за Комсомольское шли крайне тяжело. Официальные российские потери составили около 50 человек убитыми. По неофициальным

---

[1] Там же. «Пэпээсники» — служащие патрульной милиции.

данным, количество павших солдат и офицеров может доходить до 80. Многих потерь, по мнению участников сражения и наблюдателей, можно было избежать. Посёлок полностью разрушили в ходе штурма, при этом сам Гелаев смог просочиться через заслоны. Но даже действуя грубо и поспешно, русские нанесли боевикам страшное поражение. Оборона Комсомольского увенчалась для ичкерийцев настоящей бойней, сравнимой с разгромом в Грозном. По данным МЧС, в конце марта в селе и ближайших окрестностях лежало неубранными более 800 трупов. Учитывая, что почти все мирные жители заранее покинули Комсомольское, абсолютное большинство из них — боевики. Этой цифре довольно точно соответствуют трофеи: русские захватили в селе около 800 стволов оружия. В ходе боёв оказалось перебито или взято живьём заметное количество иностранных боевиков. Среди убитых и пленных значились арабы, уйгуры и даже один мусульманин из Индии.

В плен, по разным оценкам, попало в общей сложности до 150 человек, из них 74 — в самые последние дни, после окончательного надлома обороняющихся. Командир отряда спецназа ГУИН поставил принимать пленников своим тыловикам: разъярённые бойцы первой линии могли просто перестрелять сдающихся. Предосторожность разумная, но в итоге всё равно напрасная. Боевикам обещали амнистию, но до неё мало кто дожил: по дороге в СИЗО и в самом изоляторе умерло большинство пленных, взятых в Комсомольском.

Женщины-снайперши, если верить солдатским байкам, действуют везде и всюду, но в Комсомольском одну такую действительно удалось изловить. По крайней мере, это она утверждала на допросе. Известная видеозапись, на которой пришибленная женщина рассказывает, как ей дали «снайперу»[1], сделана именно после взятия Комсомольского. Вместе с последней группой боевиков тогда сдалось две женщины, в том числе предполагаемая снайперша Липа Билуева[2]. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Суровость, даже жестокость победителей легко объяснить. Среди пленных находился, например, Салаудин Тимирбулатов. Этот полевой

---

https://www.youtube.com/watch?v=X7VRLQJUI2I

По словам бойцов, еще одна, вооруженная мелкокалиберной спортивной винтовкой, была убита несколькими гранатами из подствольников.

командир в 1996 году прославился казнью четверых русских пленных под камеру. Одного бойца он расстрелял лично, ещё троим перерезали горло его подчинённые. Тимирбулатов один из немногих остался в живых и сейчас отбывает пожизненное заключение под Оренбургом.

В феврале–марте 2000 года члены НВФ активно сдавались в плен по всей Чечне. Например, в районе Мартан-Чу в середине марта русские захватили несколько небольших групп боевиков общим числом в 20 человек. Пленников забрали в ФСБ, и многих из них больше никто никогда не видел. По мнению людей, по-видимому, хорошо осведомлённых, они получили амнистию от щедрот российского государства.

Подобные мини-капитуляции шли повсеместно. Метания между Грозным и Аргунским ущельем быстро истощали боевиков, а раненым оставалось умирать или сдаваться.

Наконец, отрадный результат: в Комсомольском удалось освободить минимум восьмерых пленных, а также неизвестное количество рабов. Некоторые невольники находились в заточении уже несколько лет.

Кстати, версию чеченской стороны о кровавой резне мирного населения в Комсомольском можно смело отмести. Даже прочеченски настроенные правозащитники оказались вынуждены признать, что население в подавляющем большинстве покинуло село, и трескучие фразы о 2000 погибших мирных жителей приходится оставить на совести ораторов.

Напоследок в селе, как и по всей стране, прошли выборы президента России. Полковник Махотин оставил колоритное описание события:

> «Я работу организовал, и поэтому мне оставалось только проверять, посещая время от времени участок. Приезжаю к вечеру, чтобы забрать избирательную урну. Хотя поздно вечером передвигаться было опасно, но на ночь оставлять урну и охранять её в участке было ещё опасней. В соответствии со всеми

демократическими процедурами опечатанную урну в сопровождении бронетранспортёра мы благополучно доставили в комендатуру. А закончилось голосование тем, что мы с главой Комсомольского распили бутылку водки. Он говорит: „Я понимаю, что ничего личного в том, что произошло, не было. Вы — солдаты". Мы — ему: „Конечно, у нас никакой вражды к жителям нет. У нас враги — боевики". Результат выборов по этому участку сразил всех наповал. Восемьдесят процентов голосов — за Путина, процентов десять — за Зюганова. И процента три — за чеченца Джабраилова. И могу свидетельствовать, что никаких признаков фальсификаций на участке не было. Так проголосовали главы чеченских родов Комсомольского. Вот такие вот расклады...»[1]

Комсомольское после штурма представляло собой мешанину причудливо перекрученных арматурин, терриконы каменных обломков и мусора. В беспорядке валялись человеческие останки, припорошенные кирпичным и цементным крошевом. Трупы, лежавшие на поверхности, убрали, но две сотни тел оставалось под развалинами ещё в апреле.

СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО!

Основная масса убитых и пойманных до марта 2000 года полевых командиров относилась, что называется, ко второму ряду. Однако в марте спецназу удалось поймать одного из самых известных лидеров боевиков — Салмана Радуева. Его пленение стало образцом блестяще проведённой спецоперации.

В один прекрасный момент ФСБ удалось схватить человека из окружения Радуева. Его смогли завербовать и забросить назад. Агент должен был сообщить место и время появления главаря террористов.

---

[1] http://blog.zaotechestvo.ru/2010/01/14/комсомольское-хроника-штурма/

Ожиданий он не обманул и сообщил, что 12 марта Радуев окажется в посёлке Новогрозненский. Туда тотчас выехал отряд группы «Альфа». На месте агент прояснил кое-какие подробности. Радуев остановился с телохранителем и финансистом в одном из домов на окраине села, в других разместились его подручные. Альфовцы решили захватывать полевого командира во время утреннего намаза. Командир группы разбил подчинённых на три подгруппы. Одна блокировала нужный дом, пулемётчиками и снайперами прикрывая действующих внутри. Другая проникала на женскую половину на случай, если там окажется кто-то, кроме дам. Третья же заходила на мужскую половину дома и задерживала либо уничтожала всех террористов, которых она там обнаружит.

В 5 часов утра два УАЗа подъехали к дому Радуева. Спецназовцы группы захвата высадили дверь и ворвались внутрь. В одной из комнат обнаружили троих молящихся. Воспользоваться оружием богомольцы не успели — их скрутили без единого выстрела, хотя Радуев пытался спрятаться под диваном. Пленников выволокли во двор, бросили в машину и умчались на ближайший блокпост. Все действия внутри дома заняли 20 секунд. Когда остальные члены радуевского отряда узнали о случившемся, спасать главаря стало уже поздно.

В конце 2001 года Верховный суд Дагестана закончил рассмотрение дела, уместившегося в 129 томов. Радуев был признан виновным в убийствах, терроризме, захвате заложников и других преступлениях. Его приговорили к пожизненному заключению.

Некоторое время террорист провёл в соликамской колонии «Белый лебедь», где давал напыщенные интервью журналистам и занимался другими полезными делами. Надзиратель «Белого лебедя» описывал последние месяцы жизни террориста:

> «Здесь нет ни крутых, ни „авторитетов". Радуев по первости этого не понял. Пришлось воспитывать. Зато смотрите, как теперь сверкает унитаз»[1].

[1] https://www.kp.ru/daily/22620/19976/

В конце 2002 года Радуев умер — по официальной версии, из-за множественных внутренних кровотечений. Версия об убийстве Радуева охраной или сокамерниками отрицается. Учитывая прежние ранения и суровый режим, он действительно мог умереть и без посторонней помощи. После тяжёлого ранения в голову в 1996 году и вживления в череп титановых пластин, ему постоянно требовалось квалифицированное медицинское обслуживание, которого в тюрьме никто, разумеется, не мог и не собирался ему предоставлять.

Салман Радуев стал единственным полевым командиром первого ряда, которого схватили и судили. Прочие крупные знаменитые вожди так или иначе погибли.

ПО ДЕЛАМ РУК ИХ ВОЗДАЙ ИМ

Манёвренный этап второй чеченской окончился неожиданным образом. Привыкнув к поражениям и унижениям, страна теперь наблюдала совершенно новую картину. Бои в Дагестане завершились тактической неудачей ваххабитов, но не разгромом. Теперь же чеченские боевики, ранее наводившие ужас, предстали в новом виде. Подавленные пленные, ковыляющие к месту сбора с руками за головой, мёртвые арабы среди развалин — однозначно демонстрировали, кто вышел победителем из жестокой кампании конца 1999 — начала 2000-го. Грозный, ставший символом беды в первую войну, теперь обернулся местом жестокого избиения неприятеля.

Даже симпатизирующая боевикам западная пресса описывала происходящее в совершенно определённом ключе: «Разбитая повстанческая армия бежит из поверженного Грозного»[1]. Образцовой эту операцию назвать трудно: значительная часть боевиков и большинство их лидеров сумели унести ноги, а русская армия понесла тяжёлые потери. Однако ваххабиты уже не могли претендовать на захват и удержание территории. Самые крупные вооружённые формирования оказались разгромлены. Точно подсчитать их потери нереально, но можно смело говорить о нескольких тысячах убитых

---

[1] Джанинди Джованни. Battered rebel army flees fallen Grozny // The Times. Русский перевод опубликован в газете «Коммерсантъ» 3 февраля 2000 года.

и захваченных в плен боевиков. Позднее Радуев уже в заключении жаловался журналистам: «Федеральные войска навязали нам позиционную войну. Это была ошибка Масхадова — у чеченской армии нет авиации, ракет, пушек...»[1] Да, многие операции проводились неаккуратно, многие замыслы редко удавалось реализовать полностью. Вторая чеченская война была выиграна скорее на характере военнослужащих и техническом превосходстве над противником, чем за счёт чётко работающей военной машины. Имелось множество недостатков организационного свойства. Часть техники до Чечни успела повоевать ещё в Афганистане. Связь оставалась ахиллесовой пятой армии, взаимодействие часто оставляло желать лучшего, личный состав мог пренебрегать мерами безопасности (например, бойцы регулярно не носили шлемы, несмотря на частые ранения в голову). Случались трагедии из-за дружественного огня, самой известной из которых стал обстрел Сергиево-Посадского ОМОНа 2 марта. Тогда погибло более двух десятков милиционеров. Колонна омоновцев была принята за отряд боевиков и обстреляна своими, и то, что «междоусобная» перестрелка велась долго и стоила жизни 22 омоновцам, вызывает вопросы уже к организации марша и взаимодействия.

Но если русские могли жаловаться на упущенные шансы и недостаточно полные победы, то для боевиков война превратилась в серию жестоких избиений. Войска сумели добиться такой оперативной обстановки, что даже тактические достижения террористов оборачивались для тех высокими потерями. В результате война перешла в новое качество: противнику пришлось бороться исключительно партизанскими методами. Кровавые бои случались и в дальнейшем, но ни мучения засадной войны, ни зверства террора уже не приносили таких тяжёлых потерь силовикам. Контртеррористическая операция официально длилась девять с половиной лет. Из них наиболее высокие потери пришлись на 1999 и 2000 годы. Всего со 2 августа 1999 по 10 марта 2000 года русские лишились 1836 солдат и офицеров убитыми, из них 1556 на территории Чечни (остальные — погибшие в Дагестане)[2]. К 23 декабря 2002 года этот скорбный счёт вырастет

---

[1] http://kulichki.com/svetlana/novosti/el605

[2] https://lenta.ru/news/2000/03/10/poteri/

до 4852 человек (с учетом боёв за Дагестан)[1]. То есть «партизанский» период войны в Чечне обошёлся военным и милиции в 3016 погибших. Это тяжёлый урон, но «плотность» потерь в период партизанщины, по сравнению с активной фазой, снизилась более чем вдвое.

Настроение военных и милиционеров было самым решительным.

> — Этот беспредел надо кому-то останавливать, — объяснял свою позицию майор Николай Евтух. — После Первой кампании мирная чеченская женщина мне говорит: «Мало вас там, русских, резали». Мы не на войне с ней встретились, в мирное время. И как после этого мы должны себя вести? Когда тебе показывают снимки, на которых парням молодым отрезают головы? Я б посмотрел, если бы ей её сына так показали, как она выла бы. Я ей тогда ответил — почему вам не живётся спокойно? У вас земля есть, крыша над головой есть. Что вам ещё надо? Зачем грабить поезда, зачем брать в рабство?[2]

Здесь, конечно, сыграла не только ситуация в самой Чечне и далеко не только всемогущество СМИ. Чувство глубочайшего национального унижения русские пронесли через все 90-е годы, и к концу десятилетия сформировался чёткий запрос на более решительную государственную политику, не только в отношении Чечни.

В 2000 году русские добились качественного изменения ситуации на Северном Кавказе. Однако теперь предстояла кровавая и тяжёлая боевая работа в условиях партизанской войны. Многие её приёмы оказались в новинку, и в каком-то смысле вторая чеченская только начиналась.

---

[1] https://ria.ru/20030217/322058.html

[2] http://blog.zaotechestvo.ru/2010/01/14/штурм-комсомольского-николай-евтух/

ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ В ПЕРВУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ

российские войска	чеченские боевики
5552 человека погибшими (официальные данные, независимые подсчёты дают сходные результаты)	до 3800 человек, по данным боевиков; не менее 17 000 человек убитыми и пленными, по официальным российским данным
гражданское население	
точные подсчёты отсутствуют, оценочно — до 30 тыс. человек погибшими и умершими в результате боевых действий, включая косвенные потери	

ОЦЕНКИ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ ВО ВТОРУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ

российские войска	чеченские боевики
более 6 тыс. человек погибшими в период 1999–2002, впоследствии потери известны фрагментарно	точные потери неизвестны, оценочно – до 14 тыс. убитыми в период 1999–2002
гражданское население	
точные потери неизвестны, оценочно — до 5,5 тыс. человек в период 1999–2002	

Декабрь 2005. Дети играют в руинах разбитой школы
в Старопромысловском районе Грозного.
Фото Дмитрия Белякова.

ГЛАВА 6
ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ

Боец спецподразделения МВД «Витязь» стоит в цепи блокирования улицы в селе Кулары, в котором ведётся поиск боевиков. Апрель 2002. Фото Дмитрия Белякова.

В марте 2000 года казалось, что с Ичкерией практически покончено. Эйфория охватила многих, включая генералов. Крупные силы боевиков полегли в Грозном и Комсомольском, небольшие отряды террористов сдавались в плен. Однако у чеченцев остался испытанный метод борьбы, отлично сработавший в предыдущую войну, — партизанщина. Первые восемь месяцев оказались лишь кровавым прологом к настоящей войне.

ЗАСАДНАЯ ВОЙНА

Новый этап боевых действий начался с трагического боя пермского ОМОНа в Веденском районе. 29 марта отряд омоновцев при поддержке солдат Веденской комендатуры на двух грузовиках и БТРе отправился зачищать село Центорой[1]. Формально цель экспедиции находилась недалеко, но рельеф и бездорожье сильно удлиняли путь через поросшие густым лесом горы. Неподалёку от пункта назначения, возле села Джани-Ведено, у ЗИЛа закипел двигатель, и колонна встала. Майор Симонов, командир отряда, решил на всякий случай проверить заброшенный дом неподалёку. Как оказалось, не зря. Вблизи от места, где встала колонна, расположился крупный отряд террористов. Омоновцы не въехали прямо в осиное гнездо только из-за поломки машины.

В доме, который пошёл проверять майор, находились трое боевиков — видимо, наблюдательный пост. Симонов открыл дверь и тут же наткнулся на бандита. Майор приказал ему бросить оружие, но получил пулю от товарищей «духа». Началась стрельба. Поскольку омоновцы не вышли из машин, когда колонна остановилась, несколько человек погибли и получили ранения в первые же секунды боя. Уцелевшие попытались уничтожить противника в доме, где погиб Симонов, но с разных сторон подходили всё новые боевики, и русским пришлось занять круговую оборону. БТР подожгли в самом начале схватки, наводчик погиб за пулемётом. Отряд лишился самого мощного своего оружия — крупнокалиберного КПВТ бронетранспортёра. Милиционеры отстреливались из автоматов. Бой шёл на короткой дистанции, один из выживших потом рассказывал, как им кричали: «Сдавайтесь! Мы вас убьём не больно...»[2]

Речь не о малой родине Рамзана Кадырова, а о маленьком селе к северо-востоку от Ведено.

http://www.perm.kp.ru/daily/22543/9162/

Уже утром на помощь омоновцам вышел отряд милиционеров и солдат комендантской роты из Ведено. Эта колонна, не добравшись до поля боя около полукилометра, сама попала под обстрел. Из-за плотного огня спасатели не могли продвинуться дальше, в отряде быстро набралось 16 раненых. Чеченцы подожгли ещё одну машину. Деблокирующая группа так и не пробилась к тому месту, где погибали омоновцы.

Окружённые защищались, пока была возможность, а после попытались прорваться. Выжившие приняли последний бой на переправе через речку. Здесь у них кончились патроны. Двенадцать человек попали в плен. Вскоре боевики их казнили. Обезображенные тела удалось найти только 1 мая.

Усилия деблокирующего отряда всё же не остались напрасными: во время второго боя шестеро бойцов выскочили из окружения по руслу реки. Через два дня обнаружили ещё одного бойца, раненного в ногу. Погибли в общей сложности более 40 человек. Из них более 20 были из одного города — Березников на севере Пермской области.

Офицер Веденского ВОВД Владимир Порт писал:

> «Ребята лежали под обстрелом и ждали помощи. Ганьжин по рации просил братишек потерпеть, держаться, говорил, что помощь уже рядом. Но ОМОН всё реже выходил на связь.
>
> Подошли „вертушки", в район боя выехал комендант и возглавил руководство боем. Связи с „вертушками" не было, целеуказание давать нечем. Не хватало зелёных ракет для того, чтобы обозначить своё место.
>
> „Чех" по рации заглушал переговоры наших групп, и приходилось постоянно менять каналы. Но у него сканер, и снова его собачий голос с угрозами забивал эфир.

В 14.40 ОМОН в последний раз вышел на связь. Команда была следующей: „Все, кто ещё может стрелять, — огонь одиночными по склонам горы". Всё. Патроны у ребят кончились, снайперы не давали поднять головы.

<...> Приближается ночь, и надежда на то, что ребят спасут, тает с каждой минутой. „Вертушки" уже в темноте наносят последние удары в районе боя. Без конца бьют миномёты. Тяжёлые снаряды самоходов с урчанием проносятся над нами в сторону гор. Ночь предстоит бессонная. Это невозможно ещё осмыслить и тем более смириться с мыслью о том, что молодые ребята лежат в ущелье и над ними издеваются бандиты. Может, кто и жив ещё, а как помочь? Я, здоровый и крепкий мужик, сижу в дежурке, обвешанный гранатами, снаряжёнными магазинами, ракетами и ещё чёрт знает чем, и ничего не могу сделать, чтобы помочь землякам. Дико, обидно и стыдно»[1].

Позднее Марина Мальцева, офицер пресс-службы милиции, рассказывала, как прочёсывали место злополучного боя:

«Разделившись группами, мы приступили к работе. Пройдя несколько десятков метров по дороге вперёд, мы увидели тела ребят. С нами были омоновцы из Перми и Березников, они помогали опознавать погибших. Первым было обнаружено тело Миши Ломакина из Березников. Рядом с ним лежал Вася Коньшин — наш пермский омоновец со стажем. На дороге стоял сожжённый „Урал", около которого находилось ещё несколько тел. Порядок нашей работы заключался в том, что осматривать всё приходилось последовательно. Поэтому с дороги

[1] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/vladimir-port

мы поднялись на сопку, на которой стояла какая-то хибара. В „предбаннике" обнаружили командира березниковского ОМОНа Валентина Симонова. Когда одно из тел „кошкой" сдвигали с места, раздался взрыв — под парнишкой оказалась граната. Трудно сказать, была ли она заложена умышленно, или боец погиб, не успев её бросить, а сорванную чеку прижало упавшим телом...»[26]

Гибель пермского ОМОНа продемонстрировала убийственные организационные проблемы. Немногочисленный отряд с единственным БТРом в качестве тяжёлого оружия отправился на зачистку в самом опасном районе Чечни. Никакого прикрытия милиционеры не имели. Контрзасадные мероприятия дорогой не проводились. Разведка понятия не имела, что в селе и зелёнке вокруг него находится крупный отряд боевиков. Омоновцы погибли даже не в спланированной засаде — будь атака боевиков заранее подготовлена, всё кончилось бы за несколько минут. И это происходило не в первые дни войны, а после множества засад, от Ярышмарды в 1996 году до засад под Аргуном в январе 2000 года. Гибель ОМОНа стала пощёчиной для начальников, поверивших, что война закончилась и впереди только полицейская работа.

Война приобрела классический партизанский характер. Многие отряды боевиков пережили зиму и теперь готовились к активным действиям. Атаки на колонны, подрывы и налёты на лагеря военных случались с удручающей регулярностью. Под Урус-Мартаном «ожил» отряд Арби Бараева, Гелаев собрал остатки своего разбитого в Комсомольском войска, горы на юго-востоке республики кишели боевиками.

После гибели ОМОНа возникло искушение списать трагедию на неподготовленность милиционеров к общевойсковому бою или на неудачное стечение обстоятельств. Тем более вскоре отряд ОМОНа из Ханты-Мансийска в похожей ситуации отбился сравнительно малой кровью — благодаря наличию тяжёлого оружия и своевременной поддержке с воздуха. Поначалу оптимистический настрой

---

[26] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/marina-maltseva

командования Объединённой группировки не могло поколебать ничто. 20 апреля замначальника Генштаба Валерий Манилов объявил о завершении «войсковой части» операции. Однако уже 23 апреля в засаду у Сержень-Юрта попадает колонна 51-го десантного полка. Боевики покусились на сильный отряд из 23 машин с бронетехникой, шедший под прикрытием вертолётов, — и вдобавок напали не в глуши, а прямо у опорного пункта Внутренних войск. Тем не менее на радиоуправляемых фугасах и в двухчасовом бою погибло 15 десантников. Даже завзятым оптимистам стало ясно, что ничего ещё не кончилось.

Война постепенно выходила за пределы Чечни. 11 мая колонна Внутренних войск попала в засаду на дороге между Северной Осетией и Ингушетией. Нападавшими командовал ингуш — Руслан Хучбаров, который в 2004 году печально прославится терактом в Беслане. В дальнейшем роль боевиков не из Чечни только возрастала.

Обычные меры предосторожности могли уменьшить жертвы в колоннах, но мало что давали в смысле ослабления боевиков. Успех могли принести только активные действия. В роли охотников на партизан выступали спецподразделения. Например, 12 мая под тем же Сержень-Юртом, где сражалась колонна десанта, засаду организовали уже русские. Разведотряд Внутренних войск перехватил группу боевиков из трёх десятков бойцов и перебил её неожиданным ударом. Несколько дней спустя отряд спецназа ГРУ во время рейда уничтожил известного полевого командира Абу Мовсаева вместе с десятком его подчинённых.

В горах началась смертельно опасная игра змей, ловивших друг друга за хвост. Мобильные части русских пытались поймать боевиков и уничтожить их — своими силами или наведённым артогнём. Боевики изо всех сил старались перемешаться с населением и нападать не на вооружённые до зубов боевые части, а на тыловые колонны, комендатуры. Ситуацию осложняло огромное количество оружия, ходившего по республике. «Автомат в райцентре можно купить так же легко, как и паспорт. Стволов у народа немерено», — замечал офицер Внутренних войск.

Характерная история произошла с группой этого офицера на окраине посёлка Шалажи. Это маленький аул в западной части Чечни,

одной стороной выходящий на равнину, а другой — на дикую и безлюдную горную часть республики. Решив во время разведывательного рейда случайным образом проверить несколько строений на окраине, вэвэшники обнаружили в одном из домов небольшой арсенал — одноразовые гранатомёты, гранаты к подствольнику и патроны от СВД. Хозяин без тени смущения объявил, что каждый джигит должен иметь оружие. Владельца арсенала вывезли в РОВД Урус-Мартана, а у дверей уже ждала обогнавшая военных толпа родственников, приехавших жаловаться на беспредел солдат, похитивших мирного пастуха[27].

Впрочем, эта экспедиция прошла сравнительно спокойно. Далеко не каждый выход закачивался столь же безмятежно. Пример более брутальной акции — рейд, который в августе 2000 года провело подразделение спецназа военной разведки. Отряд выехал на неприметном УАЗе по указанному агентурой адресу в горном селе под Курчалоем (юго-восток Чечни). Когда разведчики окружили нужный дом, укрывшиеся внутри дома боевики их заметили и попытались скрыться в кукурузных посадках. Как раз на этот случай на противоположную сторону здания уже навели пулемёт. Живым не ушёл никто: пулемётчик прижал неприятеля к земле, а остальные разведчики закидали боевиков гранатами. Ещё двое попытались укрыться в доме. Чтобы не убить вместе с ними женщин и детей, русские закинули внутрь дымовые шашки и затем спокойно подстрелили выбежавших террористов. В здании и в поле нашли спутниковый телефон, запас радиостанций и батарей, агитационные листовки и балаклавы. Для погрузки найденного оружия и боеприпасов пришлось вызвать «Урал». Ещё нескольких вооружённых чеченцев подстрелили солдаты комендантской роты, приехавшие по случаю поднявшейся тревоги. Боевики сообщали, что под Курчалоем «стали шахидами» в общей сложности 16 человек, а потери русских оценивали в 87 убитых[24]. В это трудно поверить, поскольку разведотряд состоял всего из 11 бойцов.

Такой круговорот взаимной охоты стоил дорого. За неделю погибало и получало ранения несколько десятков солдат. Почти все — в сравнительно небольших столкновениях. Стычки происходили часто, и суммарные потери оказывались высокими даже при отсутствии крупных военных провалов.

Боевики неплохо наладили разведку. Пастухи, торговцы, водители использовались как ценные информаторы. Военные постоянно замечали то чабанов, пытавшихся пасти овец на лысых как колено холмах, с которых просматривались опорные пункты, то мелких торговцев, чьи лавки располагались у воинских частей и у которых при обыске обнаруживались рации. Всё это крайне затрудняло операции – о начале рейда боевики могли узнать почти сразу.

Контроль над посёлками чаще всего был довольно условным. Комендантские части успешно охраняли сами себя, но даже собственных симпатизантов едва ли могли защитить. Конечно, бандиты не могли шататься по сёлам с оружием днём, но ночь становилась их временем. Посёлки и города превращались в выморочные зоны, которые полностью не контролировала ни одна из сторон.

Военные далеко не всегда видели результаты собственных усилий. Противник мог понести серьёзные потери, но всё равно казаться неуязвимым. Боевики даже после серьёзных неудач старались унести тела, поэтому итог успешных операций часто оказывался неочевиден. Об успехах победителей рассказывали только свежие могилы «шахидов» в сёлах.

Однако по сравнению с первой войной русские серьёзно поднаторели в организации войны против партизан. Хаттаб во время инструктажа отмечал:

> «Русские постарались учесть свои промахи в прошлой войне. Сегодня они взяли на вооружение другую тактику ведения войны, используя следующую схему: везде выдвигается и используется пехота, как основная сила, а бронетехника — как вспомогательная; быстрая высадка десанта и спецназа с вертолётов в места предполагаемого нахождения моджахедов и прочёска местности при поддержке вертолётов; внезапные облавы и налёты силами ОМОНа и спецназа на населённые пункты по адресным наводкам своих осведомителей. Эти группы быстро реагируют на любые слухи и информацию

о нахождении моджахедов. Вопреки прежней тактике русские выдвигают свои отряды ночью и делают засады возле баз моджахедов и на дорогах их передвижения или же окружают дом и выжидают до утра. <...> В ряде случаев русские используют беспечность моджахедов и слабую тактику слежения за противником. Мало незаметно стеречь улицу или переулок — русские могут обойти незаметно охраняемую улицу, если догадываются, что она под наблюдением. Моджахедам необходимо постоянно наблюдать за базами противника и вовремя оповещать своих. Много раз нас заставали врасплох, и, кроме как отстреливаться из автоматов, никакого сопротивления не было, самые удачные варианты, когда успевали убить одного-двух русских. Известно, когда в один день 6 моджахедов стали шахидами. Это очень беспечная тактика»[1].

Он же сетовал на само отношение своих младших командиров к потерям:

«Основная проблема в командирах, их умении чётко организовать военную операцию, где врагу наносят ощутимый урон при минимальных потерях среди моджахедов. Наши командиры, наоборот, чуть ли не гордятся тем, что в их группе много шахидов и много раненых. Они не задают себе вопрос — как и по чьей вине это случилось»[28].

Боевики не ограничивались булавочными уколами и пытались проводить крупные операции. Например, осенью 2000 года большой отряд вошёл в Гудермес и несколько часов вёл бой. После долгой перестрелки нападавшие бесславно откатились.

[1] http://www.vrazvedka.ru/main/learning/last-conf1/hattab-01.shtml

Время устойчивых отрядов в сотни боевиков уходило в прошлое. Спрятать в горах диверсионную группу чеченцы могли, но к орде размером в батальон, если она пыталась долго действовать единым кулаком, неизбежно прилетал пакет «Града». Теперь крупные силы собирались только для разовых акций. Для координации действий небольших групп был создан общий совет — «Высший военный Маджлисуль Шура Объединённых сил моджахедов Кавказа». Это означало сильный удар по позициям лично Масхадова, который пытался управлять войной через «Государственный комитет обороны». В рамках «Шуры» он был всего лишь одним, причём далеко не самым сильным командиром. В один прекрасный момент Масхадова вообще отстранили от должности главнокомандующего. Наиболее авторитетным лидером «Шуры» был Шамиль Басаев; кроме того, в состав совета вошло до 40 полевых командиров.

Иногда нападавших разбивали ещё до атаки, прямо на исходных позициях. Джихадисты в ответ переходили к минной войне и небольшим диверсиям. В таком виде боевые действия могли продолжаться очень долго. Партизанский отряд, усеивающий фугасами целый район, часто состоял всего из десятка человек. Его бойцы были дешевле собственной экипировки, а проблем такая группа доставляла множество. Им сильно помогали проблемы с дисциплиной среди самих военных: боеприпасы часто хранились небрежно. К примеру, после автомобильной аварии машина с боеприпасами ещё долго могла лежать прямо у обрыва, и к моменту, когда её обломки эвакуировали, содержимое успевали растащить.

Русских минная война заставляла действовать очень аккуратно, учитывая множество разнообразных нюансов, — или расплачиваться кровью за невнимательность. Жизни могла стоить любая тонкость. К примеру, однажды группа сапёров подорвалась прямо на месте развёртывания. Причина — в шаблонных действиях: солдаты всегда спешивались и начинали прочёсывать ту же местность с одной и той же точки. Военным приходилось блюсти величайшую осторожность и при этом не повторяться. Сапёры каждый день прочёсывали маршруты. Только в Грозном на пике активности боевиков подрывали по нескольку фугасов **ежесуточно**.

Часто чеченцы использовали не классические мины, а артиллерийские боеприпасы и самоделки. Из-за отсутствия армейской культуры

они обычно не утруждались составлением документов на свои инженерно-подрывные шедевры и не привязывали их к карте. Это в итоге создавало огромную опасность не только для солдат, но и для обычных селян, ходивших теми же дорогами. Но это обстоятельство никого не останавливало, террористы продолжали засеивать Чечню минами и фугасами. Некоторые ловушки были весьма остроумными. Например, один из сапёров столкнулся с фугасом, вкопанным на большую глубину для спасения от миноискателя — адскую машину активировал деревянный колышек, на который для маскировки сверху положили камень.

Офицер-сапёр рассказывал о своих буднях под Старыми Атагами:

> «В плане минирования тот район считался страшным участком. Мы это поняли буквально сразу, как только начали располагаться лагерем в стороне от дороги. Ещё не успели тогда принять под ответственность свой участок маршрута. То есть дорогу ещё не проверяли, только прибыли. А тут уже звонят — подрыв на таком-то участке, срочно прибыть сапёрам! Понеслись туда. Стоит „Урал", взрывом фугаса оторвано колесо. Жертв, к счастью, нет. Сразу начинаем тщательно проверять окружающую местность на наличие взрывоопасных предметов (ВОП). „Закладок" больше не было. Старший начальник приказал нам ждать вышедшие к нам танк и БМП, чтобы оттащить „Урал" на базу. Оттащили. Тут опять вызов — уже на другом участке подорвалась БМП. Несёмся туда — фугас. У БМП вырван ведущий каток. Без жертв. Пока мы проверяли участок, пехота погналась по следам подрывника. По проводам нашли его „лёжку", самого же „духа" отыскать не удалось. Стали эвакуировать БМП. И всё это, можно себе представить, в первый же день! Таким было наше знакомство с вверенным участком. Мы сразу тогда поняли, что нас ждут „великие события". Их развитие не заставило себя ждать.

Апрель 2002 года, сапёры на инженерной разведке.
Шоссе Ханкала-Грозный.
Фото Дмитрия Белякова.

Буквально на второй день, когда приступили к проверке маршрута, вновь подрыв. На небольшом „кусочке", причём в стороне от трассы, — его мы ещё не успели проверить. Прибыли на место — там МТЛБ, подорвавшийся на фугасе. На этот раз был тяжело раненный — механику-водителю оторвало ногу. Остальные были целы. И в дальнейшем фугасов было много. Очень много. Только подрывов на нашем пятнадцатикилометровом участке с того времени, как мы полностью приняли маршрут, не было. Ни одного. Все фугасы удалось обезвредить. А находились мы в том районе больше трёх месяцев. Нашей основной задачей была проверка маршрута перед выходом колонн. Что касается взрывных устройств, приходилось иметь дело с разными. Вначале в основном закладывали фугасы, управляемые по проводам. Потом пошли радиоуправляемые, причём стабильно, — видно, у бандитов прогресс тоже не стоял на месте... Старались уничтожать взрывоопасные предметы накладными зарядами. Правда, случалось по-разному. Нередко приходилось и разминировать»[1].

Любопытно, что к разминированию Чечни подключили датскую группу по разминированию[2]. Датчане приехали в республику в 2000 году, когда на дорогах можно было натолкнуться на кого угодно, а территория очень плотно была усеяна минами, самодельными бомбами и невзорвавшимися боеприпасами. Датчане обучали беженцев обращаться с найденными минами и боеприпасами.

---

[1] http://www.modernarmy.ru/article/273/saperi-v-chechne

[2] Фрагмент, посвящённый работе в Чечне, есть в воспоминаниях датского сапёра: Thomas Rathsack. Elitesoldat. Vigmostad & Birch, 2009. Неофициальный русский перевод: http://www.gearguide.ru/phpbb/viewtopic.php?f=36&t=144.
Краткий доклад организации Landmine and Cluster Munition Monitor о минной обстановке в Чечне: http://archives.the-monitor.org/index.php/publications/display?url=lm/2005/chechnya.ru.html

Правда, из-за ограниченных масштабов программы её эффект едва ли был заметен.

Кстати, датчане были не единственными экзотическими по меркам времени и места участниками событий. Так, в 2003 году в Чечне на стороне боевиков был убит Томас Фишер, немец, принявший ислам и получивший имя Хамза. К идеям исламистов он пристрастился в родном Ульме и отправился в Чечню в качестве подрывника. Финал истории предсказуем: маленький отряд террористов под Сержень-Юртом, затем — рейд спецназа ГРУ и смерть немецкого джихадиста вместе с шестью приятелями[1].

Зато во вторую войну удалось справиться со снайперским террором боевиков — не сразу и не вдруг, но проблему решили. По итогам первой кампании командование сделало очевидный вывод: снайперская война была проиграна. Снайперами у русских работали обычные срочники, получившие СВД. Офицеры часто не понимали, как бороться с вражескими снайперами, посылая роты «поймать снайпера» или вызывая огонь артиллерии по площадям, чтобы «накрыть гада».

Во вторую войну боевики, разумеется, тоже попытались использовать старый добрый приём, но на сей раз им противостояли куда лучше обученные стрелки. В Солнечногорске после первой войны открылась специальная школа подготовки армейских снайперов. К тому же в Чечне активно работали стрелки «Альфы» и «Вымпела». В результате уже летом 2000 года армейский снайпер замечал:

> «О борьбе со снайперами противника в настоящее время говорить не приходится, поскольку их просто нет. Была одна группа из четырёх юнцов, вооружённых СВД и автоматами. Но действовали они весьма примитивно, каждый раз выполняя один и тот же манёвр. Против них мы сработали просто как наблюдатели и в конце концов накрыли группу сосредоточенным огнём подствольных гранатомётов»[29].

[1] Детали истории: https://www.mn.ru/long/internaczionalnyj-dzhihad

Говорить о полном уничтожении чеченских снайперов к этому времени нельзя, но в целом наша армия могла позволить себе более системный подход, чем противник, и развернуть инфраструктуру для подготовки метких стрелков. Сами снайперы имели такую роскошь, как прикрытие со стороны артиллерии и пехоты с тяжёлым оружием. В результате мяч перешёл на другую сторону: русские в этой области смогли эффективно и достаточно быстро нанести противнику поражение.

ВОЗДУШНЫЕ РАБОЧИЕ ВОЙНЫ

Для ВВС РФ вторая чеченская стала тяжёлым конфликтом. Нищая армия очень бедной страны едва могла поддерживать боеспособность воздушных сил. Авиация находилась в прискорбном состоянии, большая часть техники летала на молитвах и одном крыле, тренировки проводились редко, поэтому квалификация экипажей часто оказывалась недостаточной. Типичный налёт авиатора в 20–30 часов в год не давал уверенности даже в безопасности полётов, не то что в успешном выполнении боевых задач. При этом лётчикам приходилось действовать в самых трудных условиях — в горах, часто при плохой погоде, над противником, вооружённым ПЗРК.

После перехода боевиков к партизанской войне основную часть работы в воздухе вели вертолёты. Из-за нехватки опытных пилотов вертолётчики работали «за себя и того парня»: заменить человека, способного эффективно использовать машину, зачастую было просто некем. Между тем работы для ударных «Крокодилов»[1] и транспортных «Восьмёрок» и «Коров»[2] оставалось множество. На вертолёты ложились и снабжение, и разведка, и патрулирование местности, и прикрытие колонн, и эвакуация раненых и убитых, и свободная охота.

По сравнению с первой кампанией у боевиков ощутимо выросло количество переносных зенитных комплексов, купленных на чёрном рынке. Поэтому каждый вылет становился смертельно опасным. К тому же пилоты, уклоняясь от огня, старались вести машины как можно ближе к земле, ежесекундно рискуя врезаться в гору или зацепить провода высоковольтных линий. Вообще, рельеф регулярно

---

[1] Ударный вертолет Ми-24.

[2] Транспортный вертолет Ми-8 и тяжелый транспорт Ми-26 соответственно.

ставил лётчиков перед нетривиальными задачами. Как-то раз «вертушки» эвакуировали раненых зимой из глубокой котловины, которая образовалась оттого, что в одну точку веками била струя мощного водопада. Из-за этого на дне её толстым слоем лежала ледяная пыль. Когда вертолёт начал снижаться в котловину, он поднял пыль лопастями, и она полностью ослепила экипаж. Пришлось снижаться «на ощупь». Экипаж спустил лебёдку и аккуратно загрузил раненых в машину, при этом едва-едва видя очертания скал сквозь пелену.

Помимо обычных бед и проблем вертолётчики столкнулись с новой угрозой. В Грозном, наполненном небольшими отрядами партизан, в 2001 году завелась группа боевиков, вооружённых множеством «Игл»[1], приобретённых в Грузии. Неформально их называли «ПВО Ичкерии» — за два года эта ячейка сбила несколько российских вертолётов.

17 сентября 2001 над Грозным в районе площади Минутка был сбит «Иглой» транспортный вертолёт Ми-8 с комиссией Генерального штаба. Погибли два генерала и восемь старших офицеров.

На этой истории успехи «ПВО Ичкерии» не закончились. В 2002-м целью «зенитчиков» стал тяжёлый транспортный вертолёт Ми-26. Огромная грузоподъёмность машин этой модели имела свою обратную сторону — она становилась желанной мишенью. Практика массовой перевозки людей и слабая защита «Коров» — Ми-26 — от зенитного огня рано или поздно должны были привести к трагедии. 19 августа 2002 она произошла.

Ми-26 вылетел из Моздока в Грозный после четырёх часов пополудни. На борту находилось сразу полторы сотни человек. До этого несколько дней стояла нелётная погода, поэтому на «попутку» после долгого ожидания нагрузилось множество людей сверх нормы. Последними в перегруженную «вертушку» попытались погрузиться четверо бойцов СОБРа из Томска. Командир вертолёта не пустил их, чем и спас от гибели. Около пяти часов вертолёт достиг Ханкалы и начал маневрировать, заходя на посадку. Здесь его и подловили из засады боевики, вооружённые ПЗРК. Группа из пяти человек засела в двухэтажном здании на окраине Грозного. По одной из версий, в паре с расчётом «Иглы» действовал ещё и гранатомётчик.

---

[1] «Игла» — модель ПЗРК.

Как бы то ни было, террористы поразили один из двигателей «Коровы» на высоте около 200 метров. Экипаж немедленно пошёл на вынужденную посадку. Погибающий вертолёт жёстко приземлился в 300 метрах от взлётно-посадочной полосы — точно на минное поле.

От удара оземь машина развалилась. Повсюду начал разливаться горящий керосин. В салоне рвались ящики с патронами.

Рядовой Роман Дубров рассказывал журналистам:

«Сначала пошёл запах гари, а потом мы просто начали падать. Кто-то открыл аварийный люк. В грузовой отсек стала литься горящая горючка, мне попало на голову и шею, загорелся рюкзак. Я скинул его и попытался выбраться из вертолёта, но чуть не упал и повис на локтях. Еле-еле забрался внутрь. Мы были ещё в воздухе, до земли было метров пятьдесят. Потом мы шлёпнулись на землю. Падали на хвост, видимо, лётчики до последнего пытались вытянуть машину. Мы даже не приземлились, мы упали на „задницу", ещё нас протащило по полю. Всё было в дыму, всё горело. Мне повезло — я сидел слева, у боковой двери.

На мне горела одежда, — я стал кататься по земле. Потом отполз подальше. Повернул голову и остолбенел: стена огня, горючка течёт и крики... Мы с парнями попытались подбежать к вертолёту, чтобы помочь остальным. Но нас остановил пилот, он кричал: „Бегите отсюда! Сейчас всё рванёт!"

Мины были справа от вертолёта, а я вылез слева. Один парень на моих глазах выбежал через правую дверь и подорвался на мине. Но он остался жив, у него были только травмы ног и головы»[1].

[1] http://www.kp.ru/daily/22618/19890/

В Ми-26 погибли 127 человек — крупнейшие разовые потери армии за всю вторую войну. Можно смело сказать, что это кульминационный успех «чеченского ПВО». Проблему позже сумели решить, постепенно уничтожив или изловив «зенитчиков» с несколькими оставшимися у них «Иглами».

В целом во вторую войну авиация показала себя куда лучше, чем в первую. Часто она становилась главным доводом в противостоянии с боевиками. Время от времени попадали по своим, техника непрерывно ломалась, но того безумного количества «дружественного огня», какое было в первую войну, не было и близко.

Один из вертолётчиков вспоминал:

> «15 января 2001 года моему экипажу была поставлена задача вылететь в район Борзоя и деблокировать три окружённые группы 700 ООСПН (позывной Кит). Мы экипажем пошли одни на колокольчике (с установкой громкоговорителя, борт № 66).
>
> Врубив аппаратуру на полную, мы использовали музыку „Полёт валькирий". Несколько раз выходили на боевой и подавляли работающие точки боевиков. После деблокирования, спецы уже на точке делились, что даже им было жутковато от громких звуков музыки, несущихся со всех сторон ущелья, и вдруг пролёт НАРов в сторону противника: „Мороз по коже", вот такой эффект был на боевом.
>
> Внутри мы отлично слышали музыку, а после того, как у нас закончился БК, подошла и пара боевых. Мы встали в круг за бугром, а „барабаны" метелили под музыку; я думаю, что боевикам это запомнилось надолго»[1].

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина.
http://twower.livejournal.com/753415.html

ТИХАЯ ГАВАНЬ. БОЕВИКИ В ГРУЗИИ

Пока в Чечне гремела достигшая своего пика партизанская война, любопытные события происходили по соседству, в Грузии.

После разгрома основных сил отряда Гелаева в Комсомольском большинство уцелевших укрылось на территории Грузии. Вместе с гелаевцами туда отошёл также менее крупный отряд Абдул-Малика Межидова. Кроме того, на приветливых грузинских холмах обустроили себе тыловую базу работорговцы братья Ахмадовы. Боевики обосновались в Панкисском ущелье, где компактно живут местные чеченцы-кистинцы. Грузинская центральная власть на тот момент слабо контролировала собственную территорию и помешать созданию этой небольшой сухопутной Тортуги не могла. С точки зрения Гелаева, уход в Грузию выглядел идеальным решением: на территорию соседнего государства Россия не хотела влезать по политическим соображениям, а Грузия вовсе не жаждала воевать с до зубов вооружённым и решительно настроенным чеченским отрядом. Тем более что Гелаев заверил грузин в своих мирных намерениях и намекнул на возможную помощь в конфликте с Абхазией.

В своём небольшом княжестве отряд Гелаева мог отдохнуть, пополнить основательно прореженные весной 2000 года ряды и подготовиться к новому раунду войны. В 2000 году Гелаев серьёзно поссорился с Масхадовым из-за тяжёлых потерь в Комсомольском, но президент без государства отлично понимал, что людей у него не так много, не стал разбрасываться ценными кадрами и примирился с одним из лучших своих атаманов.

Через некоторое время под ружьём у Гелаева имелись уже сотни людей. На пике численности в Грузии собралось аж 2000 боевиков. По меркам основательно помятых формирований, оставшихся в Чечне, это очень крупные силы.

Грузия имела на Гелаева свои планы. Местные чиновники не могли своими силами вернуть контроль над восставшими Южной Осетией и Абхазией и мечтали использовать для этого гелаевских боевиков. Чеченцы по уровню боеспособности на голову превосходили грузинскую армию, а в случае проблем от них можно было легко откреститься.

БАЗЫ И МАНЁВРЫ БОЕВИКОВ В ГРУЗИИ

Панкисское ущелье

Насление до 8000 чеченцев-кистинцев в 16 сёлах. По состоянию на 2000 год — 6500 беженцев из чеченцев, до 2000 боевиков.

В Панкисском ущелье находились базы Гелаева, Межидова, Абу Хафса (арабские боевики) и братьев Ахмадовых.

Движение отряда Гелаева из Грузии (сентябрь 2002 г.)

Неудачная попытка Гелаева пробиться в Чечню (июль 2002 г.)

Рейд Гелаева (сентябрь 2001 г.)

Сам же Гелаев резонно полагал, что в сложившейся ситуации выбирать не приходится и если можно повредить интересам России в Абхазии, это следует сделать.

Для вторжения в Абхазию выбрали Кодорское ущелье. Этот уголок населён маленьким народом — сванами. В начале 2000-х эти места представляли собой странное явление – де-факто самоуправляемую территорию внутри непризнанной Абхазии. Местный военный вождь Эмзар Квициани согласился поучаствовать в предприятии[1].

С лета 2001-го в ущелье происходили спорадические стычки, а с конца сентября гелаевцы пытались прорваться в Гулрыпшский район Абхазии. Как раз тогда чеченцы сбили из ПЗРК вертолёт ООН — видимо, приняв его за абхазский или русский.

Однако против затеи с походом на Абхазию сыграло несколько факторов. Во-первых, в Москве на эту эскападу отреагировали с холодной яростью. В Кодорском ущелье отмечались даже авиаудары с самолётов «неизвестной» принадлежности[2]. Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе был интриганом, но не самоубийцей, и ввязываться в кровавый конфликт с неясными перспективами не желал. Во-вторых, гелаевцы встретились с организованным сопротивлением абхазов при негласной поддержке РФ. Без большой крови прорваться в непризнанную республику боевики бы не смогли, а Гелаеву совершенно не улыбалось тяжёлое сражение за чужие интересы. В-третьих, внутри грузинской элиты далеко не все хотели воевать в союзе с чеченцами против Абхазии, за спиной которой маячила Россия. Даже в рядах боевиков идея Гелаева не нашла абсолютной поддержки. В результате после недолгих боёв Гелаев свернул операцию и вернулся в Панкиси, не дождавшись поддержки грузин. Эта история сильно охладила отношения грузинских и чеченских «борцов с российским империализмом», но выгонять гелаевцев из «Панкисистана» никто, конечно, не собирался[3].

---

[1] http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/100475/

[2] https://lenta.ru/vojna/2001/10/28/kodor/

[3] Подробнее о похождениях боевиков в Грузии можно прочесть в книге Ислама Сайдаева «Убрать свидетеля». Это своеобразнейший труд – мемуары гражданского функционера боевиков Ичкерии.

Впрочем, идиллия в Грузии не могла продолжаться вечно. В 2002 году в Тбилиси занервничали. После грандиозных терактов 11 сентября 2001, совершённых арабскими террористами в США, позиции России и Штатов по вопросам борьбы с терроризмом сблизились, и президент Грузии боялся попасть в жернова большой мировой политики. Поэтому в Панкисском ущелье провели демонстративную «операцию против „Аль-Каиды"». Разумеется, и на чеченской, и на грузинской стороне прекрасно понимали, что вся «Аль-Каида», имевшаяся в Грузии, находилась там с ведома Тбилиси. Однако обозначить смену курса требовалось, поэтому грузины арестовали нескольких человек, связанных с чеченскими боевиками. На этом борьба с мировым терроризмом закончилась, но Гелаев и Межидов почувствовали себя неуютно и начали прощупывать пути отхода назад в Чечню.

Столкновения на границе бывали и раньше. Например, летом 2001-го отряд численностью примерно в 60 штыков Магомеда Цагараева, полевого командира средней руки, перешёл границу в районе Шароаргунского ущелья. Некоторых боевиков удалось уложить при преследовании, но основная масса ушла. Позднее под Шароем разведгруппа обнаружила и застрелила двоих вооружённых боевиков, прятавшихся в разрушенном доме. Покойники были прекрасно оснащены — рации, спутниковый телефон, автоматы, снайперская винтовка — и, что интересно, военный билет армии Азербайджана[23].

Гелаев всё же решил проникнуть в Чечню напрямую. Для прорыва он избрал ущелье Кериго. В конце июля несколько небольших отрядов попытались пройти в Чечню через границу на участке заставы Гроздхой — случилась короткая серия напряжённых боёв на высотах. Пограничный патруль заметил стоянку боевиков, и на место тут же вылетели две группы на вертолётах Ми-8. Гелаевцы имели ПЗРК и не стеснялись активно их использовать, но благодаря удаче и умению пилотов вертолёты уцелели. Отряды с «вертушек» тут же отправились в бой. Ценным козырем пограничников оказались миномёты, дававшие превосходство в огневой мощи.

Пограничники отмечали высокий уровень подготовки противника. «Один при мне по хорошему, крутому склону вверх пёр с ускорением в полной выкладке! Первый раз в жизни такое увидел»[1], — рассказывал один из бойцов.

[1] https://iz.ru/news/265333

Подготовка «духов» способностью к спринту не исчерпывалась. Одна из групп пограничников попала в засаду и потеряла четверых убитыми. Однако солдаты сами неплохо умели действовать в горах, а вертолёты и тяжёлое оружие давали им преимущество. Кульминацией небольшого сражения в ущелье Кериго стал удар штурмовиков по собравшейся на склоне горы группе боевиков. Всего погибло несколько десятков гелаевцев.

Деталь, возмутившая пограничников: убитые боевики были экипированы лучше них. Особую ярость у солдат вызвало изъятие прокуратурой трофейных портативных раций как вещественных доказательств. Бойцы резонно полагали, что трофейные «Кенвуды» пригодились бы им самим. Другой трофей пограничники не смогли бы использовать, но его важность трудно переоценить — с трупов боевиков было снято сразу пять ПЗРК.

Несмотря на ощутимые потери у пограничников, прорваться в Чечню на этом участке у гелаевцев не получилось. Потрёпанный авангард, оставив несколько трупов и пленных, вернулся в Грузию. В итоге домой Гелаев и Межидов решили идти окружным путём — через Северную Осетию, затем Ингушетию.

Отряд примерно в 200 человек вышел из Грузии 2 августа. Характерная черта второй войны: кроме чеченцев Гелаев вёл группу арабов, кистинцев (грузинских чеченцев), дагестанцев, карачаевцев. Панкисское ущелье находится в восточной части Грузии, поэтому гелаевцам пришлось заложить крюк. Шли пешком, с вьючными животными. Грузинская сторона не мешала этому походу, но и не поддерживала его. На территорию России боевики проникли, перевалив через горы трёхкилометровой высоты. Гелаев организовал марш хорошо, и отряд долгое время оставался незамеченным.

Оказавшись в Осетии, чеченцы повернули на восток. Ингушетию они собирались преодолевать через лесистый горный участок у села Галашки. В этом месте республика в ширину составляет только два десятка километров, причём всё это — лесистые горы.

Возле осетинского села Тарское гелаевцы столкнулись с двумя российскими солдатами, которых взяли в плен и расстреляли. После той

стычки отряд был обнаружен: крестьяне заметили боевиков и сообщили властям.

20 сентября под Тарским с боевиками вступили в бой местные милиционеры. Генерал Герасимов, командующий 58-й армией, поднял в ружьё подразделения в этом районе и в Ингушетии. Компункт Герасимова поначалу находился на окраине Тарского. В окрестностях села действовали части 58-й армии, включая её разведбат. В качестве проводников разведчики использовали владикавказских казаков.

Боевики поняли, что обнаружены, и укрылись в лесном массиве, откуда в ночь на 22 сентября вышли в сторону Ингушетии. Вскоре сводный отряд подмосковного ОМОНа и спецназа ГРУ обнаружил покинутый полевой лагерь. Данные, собранные разведчиками, не оставляли сомнений, что идёт крупный отряд: на покинутой стоянке насчитали три сотни лежачих мест. В действительности боевиков, вероятнее всего, было больше: какая-то их часть в любом случае вела наблюдение и несла караул.

24 сентября отряд Гелаева удалось перехватить у села Галашки. Вскоре пролетавший над районом операции Ми-8 был обстрелян из ПЗРК, но лётчики сумели уклониться от ракет.

Интересно, что даже в таких условиях некоторые командиры вели себя как бюрократы в погонах. 25 числа в Ингушетию выехала группа Мобильного отряда МВД. Солдаты резонно попросили довооружить группу подствольниками и РПГ-7, на что командир отряда, по выражению одного из бойцов, «в ужасе отказал», поскольку отряд едет «оказывать практическую помощь», а не воевать. Даже дополнительные патроны к стрелковому оружию и ручные гранаты омоновцы забрали с базы неформально.

Сектор, где обнаружили боевиков, начали обрабатывать воздушными и артиллерийскими ударами. К этому моменту в стычках были уже взяты пленные боевики, сообщившие о направлении движения своего отряда.

Наибольшего накала бои в Ингушетии достигли 26 сентября. В этот день боевики прорвались в Галашки. Как и в прошлые разы, гелаевцы

палили во все стороны из ПЗРК, и на сей раз удачно: им удалось сбить вертолёт огневой поддержки и повредить ещё один. В самом посёлке кипел бой. Солдат ОМОНа, участвовавший в этом сражении, писал:

«По дороге мы столкнулись с подразделением разведбата 58-й армии, оттаскивавшим двоих своих раненых. Они рассказали, что двигались по улице и лоб в лоб столкнулись с прорвавшейся группой боевиков. Был короткий огневой контакт, и обе стороны откатились, оттаскивая раненых (у „духов" их тоже было 2-3 человека). На перекрёстке сельской улицы стоял брошенный „жигулёнок". Местные сказали, что часть боевиков приехала на нём. Дверь у него была приоткрыта, и я, заподозрив ловушку, стал вытаскивать сапёрную „кошку", чтобы сдёрнуть дверь на расстоянии.

В это время послышались выстрелы дальше, впереди по улице. Мы бросили возиться с машиной и, выстроившись „шахматным порядком", двинулись вдоль улицы к мосту, туда, куда показали местные жители. Метров через 300 заметили следы волочения, кровь, брошенное снаряжение. Следы тянулись по улице, сворачивали вправо, к реке, через забор-„рабицу", по склону, через огороды, вели в сторону металлического моста через Ассу. Выйдя к спуску, мы оставили в кустах наверху склона группу огневого прикрытия (пулемётчик, 2-й номер ПК, снайпер) и начали спускаться по склону через огороды, до дороги, идущей вдоль реки. Спускаясь по склону, я перепрыгнул через поваленный забор и в полном снаряжении („лифчик", РД-54, вооружение) неудачно приземлился на колено. Сказать, что было больно, — ничего не сказать. Я первый раз в жизни действительно

увидел небо в алмазах (как потом выяснилось — порвал мениск и связку на колене, колено вышло из сустава). Пока приходил в себя, ребята меня обогнали. Догнал их уже на дороге. Тут мы увидели, что за рекой, метрах в 150–200, стоят 2 человека в камуфляже. Первая мысль была, что это свои либо местные: уж больно спокойно стояли. Затем разглядели бороды и автоматы, закинутые за спину, рассыпались цепью и открыли огонь. Не знаю, завалили или нет, но оба упали.

И тут началось... Оказывается, весь покрытый „зелёнкой" склон кишит „духами". Они таким шквалом огня нам ответили, что только и успели разбежаться и попадать за укрытия, кто где нашёл. Место открытое, на дороге, идущей вдоль реки. „Гном" с „Волком" упали за толстое поваленное дерево, „Жужа" заскочил за группу тонких деревьев, стоявших рядом (да так весь бой, несколько часов за ними и простоял, только под конец боя смог перебежать ко мне). Я упал за бетонный столб у дороги и понял, что попал: он шириной сантиметров 20-25, аккурат только голову прикрывает, а всё остальное — снаружи.

Видимо, „духовский" пулемётчик решил гарантированно меня достать: начал лупить по мне. Уже потом „Гном" мне рассказал (мы с ним уже вторую войну вместе разменивали), что в этот момент он со мной мысленно попрощался, и есть отчего. Я лежу за столбом, вокруг меня облако придорожной пыли, фонтанчики от пуль, столб гудит и шатается от пулемётных попаданий, из облака пыли только мои ноги торчат. Тут меня и зацепило два раза, в руку и в ногу. Сам не знаю, как додумался отползти назад, кувыркнуться вправо

и с низкого старта ломануться в огород – за кучу брёвен. С простреленной левой ногой и с разбитым правым коленом, успел добежать до кучи брёвен, упасть за неё, и только после этого пули замолотили по дереву. Огонь боевиков был очень плотным. Уже после боя мы посмотрели: весь берег рядом с нами был изрыт пулемётными очередями, в деревьях – точные пулевые пробоины на равном расстоянии — снайпер работал.

Судя по всему, „гелаевцы" поняли, что прорваться в село снова они не смогут, переправиться по мосту на ту сторону мы им тоже не дадим, и стали, оттаскивая раненых, отходить влево, вдоль берега.

Я смог первый раз наспех перевязаться, где-то часа через полтора после начала боя. Меня периодически окучивали навесной стрельбой из подствольника (во всяком случае, гранаты падали больше рядом со мной, чем с другими). Когда они начинали рваться очень близко, приходилось перекатываться из-за брёвен в кусты, росшие вдоль огорода. Защиты от них никакой, зато меня не было видно (я даже смог использовать при стрельбе монокуляр, чтобы выпасать позиции боевиков). На одном месте успевал сделать выстрелов пять, не больше, потом начинали пули ложиться близко, приходилось менять позицию.

Когда вернулись на КП, там (мама дорогая) не протолкнуться от ФСБ России, ФСБ Ингушетии, Прокуратуры России, Прокуратуры Ингушетии и боги его ведают кого еще. Все деловые, боевые, бегают чего-то с умным видом, на фоне трупов боевиков фотографируются (их прямо

в центре положили, да прикрыли ветками, чтоб мухи не роились). Меня отправили в госпиталь на машине „Медицины катастроф" (в вертолёте места не хватило), а наши ребята остались работать ещё на 10 дней. По их рассказам, на следующий день они, по личной просьбе „грушников", ходили с ними в „зелёнку", забирать три тела погибших ребят-спецназовцев, напоровшихся на засаду. Их два раза обстреляли из „зелёнки", кто — неизвестно. Ребят нашли, принесли в лагерь. КП ещё несколько дней постоянно обстреливали снайпера.

Надо отдать должное генерал-лейтенанту Герасимову. В отличие от многих других генералов, он, посылая людей на смерть, сам от неё не прятался в спокойном месте, всегда был рядом, всё помнил. Было очень приятно, когда перед отъездом группы он не поленился и не забыл, сам пришёл к нам в лагерь, пожал руки, поблагодарил, сказал тёплые слова, чувствовалось — от души.

Остальная работа оставшейся группы за другие дни — проведение засадных действий. Они прошли относительно спокойно, потому что войск к тому времени нагнали — море, да и боевиков частью уничтожили, частью рассеяли»[1].

Ремейка трагедии 6-й роты не случилось. Гелаевцы небольшими группами прорвались сквозь неплотный заслон в районе Галашек и ушли в глухие дебри юго-западной Чечни, понеся серьёзные потери. На этом их мытарства не окончились. В юго-западной Чечне моджахедов ожидали поисково-разведывательные группы русских, наводившие на них вертолёты и «Грады». Этот район безумно сложен для боевых действий — ни населённых пунктов, ни нормальных дорог там нет,

---

Автор выражает огромную благодарность бойцу ОМОНа ГУВД Московской области за подробный рассказ о его участии в бою под Галашками.

а в горах было легко погибнуть без всякой войны. Из-за крайней трудности поисков эта операция достигла лишь ограниченного успеха, и гелаевцы постепенно оторвались от преследования.

Результаты прорыва Гелаева из Грузии в Чечню выглядят двойственно. С одной стороны, боевиков серьёзно потрепали. В каждом крупном столкновении они теряли людей и вьючных животных. Часть драгоценных зенитных комплексов досталась русским. Но назвать эту серию боёв настоящим успехом язык не поворачивается: на театр боевых действий прорвался крупный отряд, и остановить его не сумели. Чеченцы продемонстрировали высокие боевые качества. Характерно, что Гелаев оказался чуть ли не единственным полевым командиром боевиков, о котором русские военные отзывались с уважением. Конец его рейдам удалось положить только в 2004 году.

В Ингушетии среди трупов боевиков нашли мёртвого британского подданного — журналиста Родди Скотта. Он оставил небольшой фотоархив похода через Грузию в Чечню. Именно ему принадлежит знаменитая серия снимков, на которых запечатлены гелаевцы на марше. Увы, ракета не отличает журналистов от боевиков, так что фотограф остался в одной воронке с теми, кого он снимал.

БОЕВИКУ ЗАПЛАТИТЕ ЧЕКАННОЙ МОНЕТОЙ

У партизанской войны две основы — внутренняя поддержка и внешняя помощь. Чеченские лидеры изначально обеспечили себе прочный тыл и надёжное финансирование. Ещё до второй кампании они располагали поддержкой извне и теперь использовали давно натоптанные тропы.

Непосредственно на месте, при планировании стратегии и основных вооружённых акций, чеченские лидеры всегда «весили» значительно больше любых гастролёров из других стран. Басаев оставался самым авторитетным полевым командиром, Масхадов — формальным президентом, и ни Хаттаб, ни его приближённые никогда не могли претендовать на лидерство в чеченском или общекавказском движении.

Главным источником казны боевиков стали разнообразные «гуманитарные фонды». Подобные организации активно создавались ещё до Чеченской войны. Им жертвовали и мусульмане западных стран, и сторонники из стран Персидского залива, и чеченская диаспора на Ближнем Востоке. Часть жертвователей искренне считала, что их деньги пойдут на смягчение участи больных, беженцев, обездоленных и прочих нуждающихся братьев по вере.

Главным источником поступлений оставались организации, базирующиеся в странах Ближнего Востока[1]. Для шейхов война в Чечне превратилась в часть глобального джихада. Созданные на Аравийском полуострове, в Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре, Иордании фонды вроде «Дома двух святынь», «Всемирной исламской лиги» и др. открывали свои филиалы в других странах, где могли рассчитывать на поддержку, и прокачивали через них деньги на снабжение вооружённых отрядов. В руки российских военных иногда попадали бухгалтерские книги боевиков с записями о финансировании из Пакистана, Иордании, Турции. Открытым остаётся вопрос о том, насколько эту деятельность направляли соответствующие правительства и спецслужбы.

С чеченской стороны движение денежных потоков курировал, в частности, Зелимхан Яндарбиев. Этот лидер боевиков изначально относился к религиозным радикалам, именно его тень маячила за некоторыми громкими терактами. В роли дипломата Яндарбиев преуспел — он наладил не только финансовые, но даже дружеские контакты со многими влиятельными людьми. В частности, его связи в Катаре вели на самый верх местного истеблишмента. Чеченские боевики нуждались в значительных, но не грандиозных суммах, то есть шейхам не приходилось снимать последнюю рубашку. В огромном мусульманском мире хватало радикалов, в том числе с многомиллионными банковскими счетами, желавших помочь собратьям по вере. МВД и ФСБ РФ насчитали десятки международных организаций, занимавшихся сбором помощи боевикам[2].

См., напр.: «Время Юга»[13с], с. 93–100.

https://rg.ru/2011/07/06/extremism-dok.html — полный список организаций безумно огромен, но общий смысл — «благотворительный фонд», фактически финансирующий терроризм, был единым.

О каких суммах шла речь? По понятным причинам, данные отрывочны, часто их нельзя восстановить из-за гибели нужных документов (если эти документы вообще были). По данным из открытых источников, например, некий «Исламский центр» (Кувейт) передал в адрес Масхадова 13,5 миллионов долларов, в Катаре только к декабрю 1999-го собрали 8 миллионов, организация «Братья-мусульмане» набрала 20 миллионов в Иордании[1].

Часто помощь шла натурой — обмундированием, провиантом, средствами связи, экипировкой, медикаментами и т. п. Например, под видом «гуманитарной» одежды могло скрываться натовское обмундирование. Одна такая партия камуфляжа шла в Чечню через Грузию и весьма обрадовала местных силовиков: таможенники, солдаты и полицейские брали взятки модной экипировкой[31].

Отдельную категорию составляла помощь со стороны сочувствующих из других кавказских республик. Подпольные и полуподпольные джамааты слились в одно движение с чеченскими боевиками не одновременно, это был довольно сложный процесс. Однако материальную помощь «братьям» салафиты начали оказывать быстро. Так, ещё 24 июля 1999 года в Кабардино-Балкарии была перехвачена машина, в которой нашлись 150 комплектов униформы и 213 пар армейских ботинок[2]. Грузы шли через лидеров местных салафитов — Анзора Астемирова и Мусу Мукожева. Ещё один перехваченный груз, шедший через кабардинских салафитов в Чечню, содержал более сотни раций со вспомогательным оборудованием и камуфляж. Как легко догадаться, перехватывалось далеко не сто процентов грузов.

Боевики не чурались и простой организованной преступности. В Астраханской области местный руководитель общества чеченской культуры собрал на джихад незатейливым способом — взял кредит в банке и передал в Чечню наличными. Другой жертвователь, действуя под видом предпринимателя, украл деньги, выделенные на ремонт муниципального здания. Впрочем, это скорее маргинальные примеры; как правило, схемы финансирования

---

https://rg.ru/2011/07/06/extremism-dok.html

http://web.archive.org/web/http://www.gazetayuga.ru/archive/2003/34.htm

были затейливей. Или же, наоборот, сводились к старому как мир рэкету. Чаще всего данью обкладывали представителей чеченского землячества в России. Закрытость чеченского общества, обилие родственных связей, которые можно использовать, — всё это вело к тому, что на коммерсантов чеченского происхождения было проще давить.

Подпольные нефтеперегонные заводы, покрывавшие Чечню, волновали воображение журналистов, но существенной выгоды боевикам не приносили. Разумеется, сами они «чёрное золото» не добывали, ограничиваясь рэкетом. Учитывая ужасное качество сырья и варварские способы добычи, значение «самоваров» — кустарных нефтеперегонных заводиков — обычно оказывалось локальным. Продажа плохого бензина, вывозившегося в автоцистернах, а то и просто трёхлитровых банках, едва ли покрыла бы нужды самого маленького отряда. «Договорняки» между коррумпированными офицерами и чиновниками, с одной стороны, лидерами боевиков, с другой, и кустарями-нефтяниками, с третьей, существовали, но этот бизнес всегда оставался локальным делом. «Самовары» регулярно подрывали во время зачисток, что снижало их и без того невысокую производительность. В целом, в Чечне, как утверждается, крали около 300 тонн нефти в сутки[1], то есть до 110 тысяч тонн в год. Для сравнения, в Удмуртии столько добывают за четыре дня: в год этот не самый нефтяной регион России добывает 10 миллионов тонн. К тому же многое терялось при облавах и подрывах. Кроме того, разумеется, никто не стал бы покупать контрабанду по мировым ценам.

Важнейшим финансовым узлом боевиков стала Турция. Турецкие спецслужбы лояльно относились к чеченскому подполью, рассматривая джихадистов как возможных агентов влияния. В стране функционировали фонды помощи Ичкерии, а представители чеченцев могли использовать турецкую территорию для совершения банковских операций.

Кроме того, чеченское подполье с удовольствием разворовывало настоящую гуманитарную помощь. При посредничестве коррумпированных чиновников (например, грузинских) появлялись «фонды»,

---

[1] https://www.novayagazeta.ru/articles/2001/04/09/11934-dym-goryaschih-millionov

Комментарий Дмитрия Белякова: Кустарная добыча нефтяного конденсата в Заводском районе - один из распространённых способов заработка для выживания. Такая работа считалась относительно прибыльной, но чрезвычайно опасной из-за высокого риска отравиться скопившимися в колодце парами бензинового дистиллята и задохнуться насмерть либо погибнуть от случайного взрыва горючих испарений. Декабрь 2005, Грозный.
Фото Дмитрия Белякова.

присваивавшие гуманитарку из ЕС и Америки. Например, груз тушёнки из Австралии на 300 тысяч долларов бравые гелаевцы попросту съели[31].

Несъедобная помощь расползалась по базарам Западной Азии. Например, поступившая по линии гуманитарной помощи одежда шла на мировой рынок секонд-хенда. Речь идёт о довольно больших объёмах материальных ценностей и средств. Датский совет по делам беженцев за неполный 2000 год одарил страждущих 700 тысячами долларов, «Польская гуманитарная акция» — 75 тысячами, ещё полмиллиона выделил Норвежский совет по вынужденным переселенцам[1].

Наконец, существовал своеобразный «внутренний» источник финансирования. Боевики активно пользовались фальшивыми долларами. В роли чеченской версии ФРС США выступали типографии, многие из которых оборудовали ещё до второй войны. Например, в Герменчуке с 1998 года было напечатано 2,5 миллиона фальшивых долларов. Главой этого горного гознака был саудовец Абу аль-Валид, соратник Хаттаба. Милиционеры закрыли мастерскую и пересажали фальшивомонетчиков, но аль-Валид возобновил печать долларов на нужды джихада в соседнем Дагестане. Качество изготовления банкнот было прекрасным — их удавалось всучить даже в некоторых банках. Часть денег продавали обычным преступным группировкам, причём на редкость дорого — за 70–80% от номинала. Прикрывали всю эту деятельность на высоком уровне — один из ключевых участников банды был ни много ни мало помощником депутата Госдумы[2]. Разросшийся и начавший печатать заодно и рубли монетный двор аль-Валида в итоге почти в полном составе арестовала ФСБ. Но это была только вершина айсберга. Типографии, в которых боевики печатали деньги, накрывали регулярно. Фальшивых долларов по Чечне ходило больше, чем настоящих. Зелёную бумагу с изображением американских президентов, отпечатанную в Грозном, Шали или Махачкале, изымали по всей стране, от Москвы до Сахалина.

Турция стала финансовым центром чеченского джихада, арабские страны — основным источником финансирования, а ключевым узлом

---

https://vpk-news.ru/articles/645

https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/72249/

логистики сделалась Грузия. Маленькая страна, где государство функционировало с большими перебоями, превратилась для боевиков в ворота во внешний мир. Именно через Грузию в Чечню доставляли снаряжение и людей. Там же покупали оружие и экипировку. Причём, как утверждает политолог Ислам Сайдаев, ранее работавший на стороне «Ичкерии», грузинские силовики за мзду не просто закрывали глаза на происходящее, но и привозили заветное железо в Панкиси собственным транспортом. Со слов чеченцев, к процессу подключился даже грузинский министр по делам беженцев — в обмен на право регулярно припадать к истокам полноводной гуманитарной реки [31]. В советское время в Грузии хранились богатые запасы вооружения, далеко перекрывающие потребности собственно грузинской армии. Теперь всё это оружие шло на чёрный рынок. Так, по словам одного из офицеров Российской армии, все ПЗРК, отбитые его частью у боевиков, имели грузинское происхождение.

Через границу доставлялись и наличные. Курьеры буквально тащили мешки с валютой на себе. Как-то раз оперативная группа ФСБ изловила такого «инкассатора» с тремя миллионами долларов в рюкзаке.

Спецслужбы подпитывали атмосферу «большой игры». В Грузии прописались представители не только ближневосточных, но и западных разведок. Вряд ли можно говорить о поддержке чеченских боевиков со стороны ЦРУ или МИ-6, но сведения о происходящем такие структуры собирали охотно и тщательно. Тем более что ПЗРК, мины и прочие боеприпасы могли уехать в не слишком удобные для западных стран места — например, в Афганистан.

В таком виде система снабжения боевиков продержалась достаточно долго. По крайней мере, в первые годы войны внешняя помощь удержала террористов на плаву.

ОТЛОВ И ОТСТРЕЛ

Несмотря на активную поддержку боевиков извне, русские постепенно зачищали их главарей. Если в девяностые из ключевых командиров удалось настичь только Дудаева, то теперь охота приобрела размах.

23 июня 2001 года русские расправились с одним из самых омерзительных полевых командиров. В Ермоловке (Алхан-Кала) удалось обложить и уничтожить Арби Бараева. В отличие от религиозных фанатиков или обычных свирепых вояк, которых на стороне боевиков хватало, Бараев был попросту маньяком и садистом[1]. Например, одним из его преступлений стало похищение тринадцатилетнего мальчика, причём к письму с угрозами отцу сразу приложили палец ребёнка[2]. Он пользовался репутацией неуправляемого головореза даже у сторонников Ичкерии. Бараев, в отличие от многих других командиров, спокойно «топил печь ассигнациями» и по капризу убивал ценных заложников, за которых можно получить большой выкуп. Ходили смутные слухи, что он представляет в Чечне турецкие спецслужбы, от которых и получает деньги[3].

Бараев вёл себя хитро и осторожно. Он постоянно перемещался по Чечне, подготовил несколько десятков укрытий в разных районах республики, а внутри своего отряда регулярно устраивал чистки, беспощадно казня мнимых и настоящих информаторов российских спецслужб. Однако до поимки полевого командира довела как раз репутация злобного демона.

Бараева имели основания ненавидеть не только русские, но и многие чеченцы. Поэтому, несмотря на всю подозрительность боевика, информация о его перемещениях быстро попадала в ФСБ. Пока Бараев метался по республике, его командиров среднего звена и рядовых бойцов постепенно выбивали. Некоторые из боевиков попадали в плен и доставались спецслужбам. Вокруг Бараева постепенно затягивалась петля. Попытки сбежать из Чечни и отправиться в Турцию через Грузию провалились, и к лету 2001-го головорез почувствовал, что погоня уже совсем близко.

Произошло слишком многое, чтобы душегуб мог рассчитывать на снисхождение. «Никто и не планировал брать его в плен, — комментировал операцию по его поимке офицер военной разведки. —

По данным МВД, Бараев лично казнил около 170 человек.

https://www.kommersant.ru/doc/272808

https://www.kommersant.ru/doc/164615

http://www.compromat.ru/page_9567.htm

В этом качестве он никому не интересен. Как информатор он вряд ли мог быть полезен. А возиться с захватом, рисковать людьми для того, чтобы в последующем расстрелять, никому не нужно».

Русским было известно, что чаще всего Бараев останавливается в своей родной Алхан-Кале. В июне жители села сообщили, что он с двумя десятками боевиков опять появился там[2].

В операции задействовали до 500 бойцов разных ведомств. По времени её не ограничивали: Бараева собирались искать до победного результата. Алхан-Калу оцепили и начали методичную зачистку. Не найдя никого в первый день, русские перетасовали подразделения и на вторые сутки обнаружили и застрелили троих вооружённых людей. Третий день трудов принёс ещё больше плодов: пятеро моджахедов обнаружили себя и погибли, одного удалось взять живьём. Пленного опознали как приближённого Бараева. Стало ясно, что вожделенная добыча совсем близко. Уйти сквозь оцепление Бараев не мог. Алхан-Калу методично переворачивали вверх дном. В селе изъяли несколько десятков автоматов и миномёт, но достать главный приз пока не удавалось.

Вечером 22 июня жители указали на несколько домов — Бараев мог скрываться в одном из них. К тому же служба РЭБ перехватила призыв — кто-то просил о помощи, чтобы выбраться из села.

В одном из домов солдаты отряда спецназа Внутренних войск «Русь» обнаружили кучу деревянного мусора — ящики, старую мебель. Капитан Сергей Шахов на всякий случай опустошил автоматный магазин в деревянные отходы и приказал двум бойцам разобрать завал.

Внезапно из-за кучи мусора поднялась стрельба. У боевиков не выдержали нервы. Один из бойцов, рядовой Евгений Золотухин, был смертельно ранен в шею, зацепило ещё двоих. Солдаты выбрались из здания, вытащив умирающего бойца, и принялись поливать

---

http://www.compromat.ru/page_9567.htm

https://statehistory.ru/books/S--Kozlov-i-dr-_Spetsnaz-GRU-2--Voyna-ne-okonchena--istoriya-prodolzhaetsya/96

здание из стрелкового оружия и крупнокалиберного пулемёта. В окна несколько раз выстрелили из гранатомётов, после чего пальба изнутри прекратилась. Дом загорелся. Позднее под развалинами обнаружили три тела. Одно из них приняли за Бараева, но опознание затрудняло отсутствие головы. Однако два трупа принадлежали телохранителям Бараева, «Пантере» и «Гиббону», так что было ясно, что Бараев совсем рядом.

Спецназовцы ФСБ, приехавшие к полю боя, продолжили поиски и в конце концов обнаружили следы крови. Неподалёку в тайнике отыскали и самого Бараева. Он погиб от внутреннего кровотечения и множественных разрывов внутренних органов. Труп спрятал местный житель. Смертельно раненный боевик сумел выползти из расстрелянного спецназовцами дома по темноте и вскоре умер [3.2].

Жители Алхан-Калы отказались хоронить покойного на своей территории. Свирепого полевого командира в селе не любили, к тому же постоянные попытки его поймать приводили к частым зачисткам в Алхан-Кале. Так что труп увезли в другое село, где Бараев не успел испортить себе репутацию. Гибель чеченского главаря с облегчением воспринял даже хирург Баиев, когда-то вытащивший у него пулю из-под сонной артерии. Дело в том, что благодарный пациент угрожал доктору расстрелом — тот «предательски» оперировал ещё и русских военных. Теперь один из самых патологических типов Чеченской войны возможность расстреливать утратил. Гибель Бараева стала безусловным и серьёзным успехом русских — после захвата Радуева боевики такого ранга охотникам ещё не попадались.

А 20 марта 2002 года ФСБ удалось добраться до одного из самых влиятельных и опасных лидеров боевиков. Русские, наконец, достали Хаттаба.

Детали уничтожения Хаттаба до сих пор точно не известны. В 2001–2002 годах русские понемногу разбивали подчинённые ему отряды, и он постепенно начал сходить со сцены. Постоянные сообщения в СМИ о гибели очередной «правой руки» полевого командира вызвали многочисленные шутки по поводу «десятой правой руки, отрубленной за последний месяц». Но самому Хаттабу было не до смеха — командиры среднего звена гибли один за другим. Отряд уменьшался в числе, схорониться от вертолётов и рыщущих по лесам разведгрупп

становилось всё сложнее. Хаттаб метался по Чечне. Меры предосторожности он довёл до предела: радиомолчание, постоянная смена позиций, тотальное недоверие и почти никаких боёв. С товарищами по борьбе он обменивался записками через тайники и цепочку курьеров.

Именно страсть к эпистолярным упражнениям и свела его в итоге в могилу. ФСБ, потратив массу времени и сил, сумела завербовать одного из приближённых Хаттаба. Тот и провёл экзотическую операцию.

Письмо, адресованное Хаттабу, пропитали сильнодействующим ядом, действующим при контакте с кожей. Взяв его в руки, араб вскоре почувствовал себя плохо и через некоторое время умер в мучениях. Состав яда, подробности операции и прочие детали до сих пор неизвестны, а сама история обросла множеством слухов, в том числе довольно диких. Например, одна газетная статья пресерьёзно излагала версию, достойную бульварного романа. В этой повести роковое послание убивало всё новых и новых людей и в итоге сделало инвалидом самого чекиста-отравителя. Как бы то ни было, земной путь Хаттаба подошёл к концу. Он начал воевать против «шуравi» ещё в Афганистане, участвовал в нападениях на пограничников во время таджикского кризиса, организовал побоище под Ярышмарды в 1996 году и умер, обложенный со всех сторон, от неизвестного яда.

Другой вариант истории выглядит иначе. Якобы завербовать удалось курьера, благодаря которому эксперт ФСБ обработал письмо ядом. Боевики решили, что их командир отравился грибами, и поняли, что произошло, только когда умерло ещё несколько человек, контактировавших с письмом. В этой версии письмо умертвило «всего» пять человек[1]. Проверить всю эту детективную историю нет никакой возможности.

Существует также ещё одна версия гибели Хаттаба. Согласно ей, террорист также был ликвидирован при помощи яда, однако отраву подбросили в пищу. Для этого завербовали повара, который подмешал отраву в продукты. Кроме Хаттаба, умерли ещё 12 человек, сам он скончался в страшных мучениях, однако повар не бежал вовремя, что его и сгубило: Басаев провёл внутреннее расследование и казнил трёх

---

[1] http://www.rosbalt.ru/moscow/2018/01/08/1671873.html

человек, подозревавшихся в отравлении[1]. Кроме того, боевики организовали несколько убийств реальных и предполагаемых агентов российских спецслужб — один человек был казнён даже в Азербайджане[2]. Вопреки утверждениям официальных лиц, особого влияния на противника сама по себе гибель Хаттаба уже не оказала. Из-за устроенной на него облавы он уже несколько месяцев только спасал сам себя. Его место в иерархии боевиков уже перехватили, арабские моджахеды собирались в отрядах других командиров. Как бы то ни было, устранение Хаттаба оказалось достойным финальным аккордом в серии операций по разгрому его маленького войска джихада.

[1] http://www.russianamerica.com/archive/gz-article.php?id=20827

[2] https://www.kommersant.ru/doc/323875

ГЛАВА 7
БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК

Российские сапёры направляются на поиски мин и невзорвавшихся боеприпасов. Апрель 2002, дорога между Грозным и Ханкалой. Фото Дмитрия Белякова.

ОТТЕНКИ ГРЯЗНОГО. ГРОМКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВТОРОЙ ВОЙНЫ

Вторая война в Чечне ознаменовалась рядом резонансных уголовных дел против российских военных. Эти дела и стоящие за ними трагедии интересны и сами по себе, и как характерные примеры ситуаций, в которых могли оказаться солдаты и офицеры. Чечня стала тяжким испытанием — для армии, для судебной системы, для психики и морали самих бойцов.

Дело Буданова

Суд над Юрием Будановым стал первым из громких дел подобного рода. На скамье подсудимых оказался не простой солдат, не обычный уголовник, а полковник, воевавший долго и успешно, имеющий награды и ранения. Обвинение тоже не укладывалось в обычные рамки: офицеру вменяли изнасилование и убийство юной девушки. Эта история привела и к новым смертям. Ультраправые радикалы убили адвоката потерпевших вместе со случайно оказавшейся рядом журналисткой, а некоторое время спустя жертвой убийцы пал и сам Буданов.

За эти годы полковник стал иконой для одной части общества и воплощением кошмара и ужаса для другой.

До марта 2000 года Буданов уже обращал на себя внимание — именно в качестве боевого командира. Он командовал 160-м танковым полком и в составе группировки Шаманова «Запад» участвовал в кампании 1999/2000 года. Наиболее известным сражением с его участием была серия столкновений под Дуба-Юртом (так называемые «Волчьи ворота» у входа в Аргунское ущелье) в декабре 1999 – январе 2000-го. В кульминационный момент Буданов использовал свои танки для поддержки подчинённого ему разведбата, что хорошо повлияло на ход и исход боя. Вообще, полк Буданова страдал от обычного некомплекта и насчитывал куда меньше людей и техники, чем полагалось по штату, однако воевал в целом успешно.

Впоследствии сторонники Буданова сделали из него эпического героя, с противоположной стороны его объявляли ничтожеством.

Если говорить о его чисто военных способностях, мы видим адекватного, решительного командира, выполнявшего боевые задачи при острой нехватке ресурсов. Потери будановского полка были ощутимыми, но не выходящими за рамки — 16 погибших в ходе кампании[1].

В марте 2000-го 160-й танковый полк располагался у села Танги, в предгорьях к юго-западу от Грозного. Вечером 26 числа командир полка Юрий Буданов и его начштаба Иван Фёдоров приехали на позиции подчинённой разведроты возле Танги. Ротой командовал старший лейтенант Роман Багреев. Оба старших офицера были в этот момент сильно пьяны. Фёдоров решил проверить боеготовность роты и приказал обстрелять Танги. Багреев отказался выполнять приказ, не вызванный боевой обстановкой. Буданов и Фёдоров в ответ избили Багреева ногами, связали и бросили в яму, где тот просидел до утра.

Из показаний солдата Ивана Макаршанова:

> «...По команде командира полка личный состав комендантского взвода связал командира разведроты. Багреев, командир разведроты, лежал на земле. Буданов и Фёдоров нанесли Багрееву по телу не менее трёх ударов ногами каждый, всё происходило очень быстро. После этого Багреева поместили в яму — так называемый „зиндан". Через некоторое время, когда уже стемнело, услышал крики, стоны и вышел из палатки. Увидел, что в яме, куда поместили Багреева, находятся Буданов и Фёдоров. Фёдоров наносил удары по лицу Багреева. Буданов находился рядом»[2].

---

[1] В прессе, особенно сетевой, можно встретить тезис о потере Будановым лишь одного человека, но это не так: на памятнике погибшим солдатам полка перечислены 16 бойцов. http://safe-rgs.ru/162-vechnaya-slava-pavshim-tankistam-160-tankovogo-polka.html

[2] Цитируются материалы уголовного дела по: https://novayagazeta.ru/articles/2001/04/02/12005-odin-den-polkovnika-budanova

Роман Багреев нашёл в себе достаточно мужества, чтобы не выполнять неадекватный приказ, который мог привести к гибели случайных людей — несмотря на то что его непосредственные командиры откровенно безумствовали. Героем в глазах широкой общественности этот человек в итоге не стал, хотя в ту ночь он-то и проявил и рассудительность, и храбрость.

После этого Буданов выехал в Танги на БМП, сказав экипажу, что едет задерживать снайпершу. Танги нельзя было назвать спокойным местом, но стычки тогда не случилось. В доме мнимой снайперши оружия не обнаружилось, зато нашлось несколько гражданских, в основном несовершеннолетних. Старшую, восемнадцатилетнюю Эльзу Кунгаеву, командир полка приказал увезти. Девушку поместили в вагончик, где жил сам Буданов. Он остался с Кунгаевой, а затем вызвал солдат и велел им закопать мёртвое тело задушенной Эльзы.

О случившемся сообщили наверх, и наутро за Будановым приехал генерал Герасимов, и. о. командующего Западной группировкой. Начальник штаба полка Фёдоров поднял в ружьё солдат, те окружили полковника. Отдавая Герасимову пистолет, Буданов выстрелил в землю. Однако запала хватило ненадолго. В тот же день полковник написал заявление о явке с повинной.

Дальше начался долгий и запутанный судебный процесс. Сначала Буданову инкриминировали не только убийство, но и изнасилование. Изнасилование он отвергал, доказать его обвинению не удалось. Правда, так и не было найдено внятного объяснения одной детали. В свидетельских показаниях и акте судебно-медицинской экспертизы 124-й лаборатории указано, что труп Эльзы Кунгаевой был обнажённым — и в вагончике, откуда солдаты забрали тело для похорон, и в яме, откуда труп выкопали для экспертизы. Тем не менее суд определил, что изнасилования не было.

В деле остаются и другие вопросы. Например, разбирательство сильно затянули попытки выяснить психическое состояние полковника. В июле 2001-го Буданова направили на обследование в институт Сербского. Там он прошёл первую из целой серии экспертизу разных специалистов. Первый диагноз звучит так:

Органическое поражение головного мозга травматического генеза с психопатизацией личности, сочетающееся с посттравматическим стрессовым расстройством, состояние неустойчивой компенсации[1].

Все эксперты сошлись на том, что у Буданова тяжёлое психическое расстройство. Спор начался вокруг вопроса о его вменяемости. Человек подлежит уголовной ответственности в случае, если он вменяем, то есть в состоянии осознавать обстановку и руководить своими действиями. Это не исключает психических расстройств как таковых, но не каждое расстройство делает человека невменяемым.

Мнения специалистов принципиально расходились. Одна из экспертиз признала Буданова невменяемым в момент совершения убийства. Другая — ограниченно вменяемым, совершившим убийство в состоянии аффекта. Обвинение настаивало на применении статьи 22 УК, описывающей уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Ещё один серьёзный вопрос — была ли погибшая девушка снайпершей. Никаких доказательств этого предположения представлено не было. Характерные признаки работы со снайперской винтовкой — запах, следы от приклада на плече и др. — у Эльзы отсутствовали. О причастности жертвы или её матери к вооружённым формированиям известно только со слов самого Буданова. Уже потом, во время следствия и на суде, возникли новые подробности — полковник говорил, что Кунгаева попыталась забрать у него пистолет и обещала расправиться с его семьёй. Но и об этом известно только со слов подсудимого, причём версия с пистолетом и угрозами появилась поздно, на первых допросах Буданов ни о чём подобном не упоминал. Вообще, от допроса к допросу показания полковника становились всё более странными, и в конце концов он начал приписывать Эльзе Кунгаевой самые витиеватые оскорбления и угрозы. Обещания же найти вещественные доказательства, в частности фотографию Кунгаевых с оружием, повисли в воздухе.

---

[1] http://milprob.narod.ru/4.06.02novisv92-1.htm

Менялась и личность предполагаемой снайперши — то сама Эльза, то её мать. Уже на суде солдаты, участвовавшие в набеге на Танги, показали, что в дороге Буданов называл снайпершей именно старшую Кунгаеву. То же самое он написал в явке с повинной и говорил на первом допросе. То есть, согласно первым показаниям, Буданов задушил дочь предполагаемой снайперши, а не её саму. При этом, возможно, полковник действительно верил, что едет ловить снайпера. На дом Кунгаевых указал (опять-таки со слов самого Буданова) некий местный житель. Причём произошло это так: чеченца поймали с приличным арсеналом, и тот в обмен на свободу согласился показать дома, где живут боевики. Какие именно дома он отметил, проверить теперь невозможно. Заметим только, что выдача личного врага за врага государства — старый как мир сюжет. Однако личность информатора не установлена, что вызывает сомнения в самом его существовании.

Судя по материалам дела, Буданов действительно верил в то, что говорил. Характерна его реплика, когда тело Эльзы выносили из кунга[1]: «Это тебе, сука чеховская, за погибших ребят»[2]. Легко себе представить, как развивались события: убеждённость в том, что все чеченцы одним миром мазаны, отказ девушки отвечать (скорее всего, она просто не могла ничего ответить), алкоголь в крови, убийство.

Самый странный эпизод связан с фотографиями погибшей девушки. Известно только одно прижизненное фото Эльзы и одно посмертное. Единственная фотография живой Эльзы, которую Виса Кунгаев демонстрировал, и фото тела, сделанное экспертами, явно различаются, причём на прижизненной фотографии женщина явно старше заявленных 18 лет. Внятного объяснения эта ситуация не получила.

25 июля 2003 года Буданова признали виновным в превышении служебных полномочий, похищении человека и убийстве. Он получил 10 лет тюрьмы с лишением званий и наград. В конце 2008-го полковник вышел на свободу досрочно, но отсидев почти весь назначенный срок с учётом времени, проведённого в СИЗО. За несколько лет до того

---

[1] Кунг — «кузов универсальный», по простоте и распространенности такие часто использовались военными в качестве бытовки, временного жилья и т. д.

[2] https://www.kommersant.ru/doc/356939

Буданов превратился в любимый объект для пламенных обвинений Кадырова-младшего. Тот говорил, например, такое: «Если это [помилование Буданова] произойдёт, мы найдём возможность воздать ему по заслугам»[1].

Цепочка убийств в связи с делом Буданова продолжалась. В январе 2009 года был убит адвокат семьи Кунгаевых Станислав Маркелов. Вместе с ним погибла гражданская активистка Анастасия Бабурова. В убийстве обвинили Никиту Тихонова и Евгению Хасис — участников ультраправой экстремистской организации БОРН. Правда, прямой связи с делом Буданова не обнаружилось. Летом 2011-го самого Буданова застрелили на улице в Москве. В 2013 году в соответствии с вердиктом присяжных в этом убийстве был признан виновным чеченец Юсуп Темерханов, чей отец погиб в ходе боевых действий. Темерханов получил 15 лет лишения свободы и пять лет спустя умер в заключении.

Фигура полковника до сих пор остаётся спорной для российского общества. Между тем, если отрешиться от эмоций, в сухом остатке мы видим следующее. Буданов совершил преступление — в том смысле, который предусмотрен Уголовным кодексом. То, что он сделал с Кунгаевой, на любом языке и с любой точки зрения называется убийством. Он убил не мужчину, и убил не в бою. Действия полковника в мартовскую ночь 2000 года дискредитируют его и как офицера. Неадекватные приказы, избиение собственного офицера, выезд в Танги на единственной БМП без инструктажа и плана. Наконец, стрельба при генерале Герасимове. Судя по всему, именно сопутствующие обстоятельства и привели к тому, что дело не оказалось аккуратно заметено под коврик, а получило широкую огласку, увенчалось уголовным делом и длительным сроком заключения.

Следует также напомнить, что суд вправе руководствоваться при вынесении приговора только Уголовным кодексом и материалами дела. С учётом обстоятельств, приговор Буданову для такой категории дел вполне типичен. Суд не вправе мыслить категориями политической целесообразности, как её ни понимай, и с учётом колоссального давления на суд со всех сторон приговор можно признать логичным и обоснованным.

---

[1] https://iz.ru/news/294312

Есть и другая сторона дела, о которой не нужно забывать. Буданов не родился преступником, и его биография до той роковой ночи — это жизнь хорошего, честного солдата. Семья, карьера, опыт, хорошие профессиональные качества — всё говорило о том, что на скамье подсудимых оказался человек, известный до своего преступления не как маньяк и асоциальный тип, а нормальный член общества и боевой офицер. Характерно, что даже избитый им Багреев на суде заявил, что Буданов показал себя на войне грамотным и достойным командиром.

Увы, к концу марта 2000 года полковник был тяжело болен. Ему ещё до убийства требовалась не новая звезда на погоны, а психотерапевт, чтобы не сказать психиатр. Война всегда оказывает разрушительное влияние на психику. Буданов же успел получить за время службы не просто ранения, а серьёзные черепно-мозговые травмы. Тем более что партизанская война сама по себе провоцирует нервные срывы, да и легко доступный алкоголь не добавляет психического здоровья.

Ситуация, когда обезумевший от войны, крови, травм и спирта ветеран калечит и убивает окружающих или самого себя, — кошмарна, но типична. Удивительно, что этого предпочли не заметить ни обвинители, ни люди, пытавшиеся оправдать и прославить полковника. Кстати, впоследствии Фёдор Кондратьев, эксперт института Сербского, сделавший вывод о невменяемости полковника, настаивал, что его заключение было правильным[1].

В деле Буданова и убийствах, последовавших за ним, осталось очень много неясностей крайне скверного свойства. Вряд ли их удастся полностью разрешить. Ключевые участники жуткой истории марта 2000 года мертвы, и полковника судит теперь другая инстанция. Не дающая отчётов.

Дело Ульмана

Если в деле Буданова речь идёт о безумии, то история Ульмана имеет иную природу. Операции спецназа имеют свою специфику и приводят к своим коллизиям.

---

[1] http://www.pravmir.ru/ekspert-po-prestupnym-dusham/

11 января 2002 года восточнее Шатоя группа специального назначения ГРУ под командой капитана Эдуарда Ульмана устроила засаду на отряд Хаттаба. В какой-то момент прямо на них на большой скорости выехал уазик. Бойцы Ульмана попытались остановить машину, но водитель дал по газам. Ульман среагировал естественным образом: по уазику открыли огонь, убив одного пассажира, ранив другого и подстрелив водителя. Никаких вопросов к капитану нет — не мог же он отпустить подозрительную машину просто так. Собственно, стрелять в такой ситуации не сразу на поражение, а сперва предупредить — уже царский подарок[1].

Обыскав машину, спецназовцы оружия не нашли. В живых осталось пятеро пассажиров. Солдаты отвели их в сторону, оказали раненым медицинскую помощь, капитан доложил наверх о случившемся. Важный нюанс: Ульман не просто сообщил об инциденте, а запросил эвакуацию пострадавших и продиктовал в центр паспортные данные задержанных людей[2].

Из штаба группу перевели «в режим блокпоста», и некоторое время отряд Ульмана стоял у дороги, пропуская другие машины. Через несколько часов, уже вечером, оперативный дежурный майор Перелевский по рации объявил: «У тебя шесть „двухсотых"». То есть убитых.

Ульман отреагировал, как любой нормальный человек. Услышав эту фразу, он сначала решил, что неверно интерпретировал приказ. Ульман передаёт: «Я не понял, повтори» — и слышит в ответ: «Повторяю: у тебя шесть „двухсотых"». Изумлённый капитан спрашивает: «Я не понял, мне что, всех их убить?!» — «Да»[3].

Последние реплики слышали в эфире все солдаты группы. Сомнений после этого не осталось: капитан решил, что захватил разведгруппу противника, эвакуировать которую нет возможности[3].

Об обстоятельствах захвата машины:
http://www.newsru.com/russia/21dec2006/ulmann.html

О событиях на дороге в этот день: «Дело Ульмана» , «Спецназ ГРУ-2»
http://zavtra.ru/blogs/2006-05-1752

Из чего исходил Ульман, принимая окончательное решение? Разведгруппы боевиков почти всегда маскировались под мирное население. Старик и женщина ничего не доказывали — наоборот, как раз смахивали на стандартное прикрытие. К тому же уазик пытался сбежать. Ульман, конечно, знал об опыте Афганистана и первой чеченской — даже настоящие мирные жители, отпущенные русскими разведчиками из человеколюбия, возвращались, ведя за собой «духов».

Обратим внимание: капитан действует не как робот, готовый по первому слову истреблять всех подряд. Даже получив приказ, он упорно добивается формулировки, исключающей любую двусмысленность. Естественно, офицер считал, что у командования есть основания отдать приказ о расстреле — тем более что паспортные данные захваченных людей он передал.

Что касается уничтожения пленных, которых невозможно увести с собой, то это не соответствующая нормам морали и права, но обычная — и повсеместно применяемая — тактика диверсионных отрядов. Она не укладывается в нормы Женевской конвенции и Нагорной проповеди, но это объективная реальность, в которой живут все войска специального назначения в мире.

По возвращении на базу полковник Плотников поблагодарил спецназовцев за службу и отправил на отдых. А 14 января Ульмана, лейтенанта Калаганского, прапорщика Воеводина (бойцы, непосредственно совершившие расстрел) и майора Перелевского (передавал приказ) арестовали.

Дальше начались чудеса. С одной стороны, спецназовцы оказались под судом за выполнение приказа. С другой стороны, виновность офицеров, отдавших этот приказ, никто не обсуждал. Полковник Плотников, допрошенный в качестве свидетеля, заявил, что не знает, кто руководил операцией. Наконец, следствие попало в правовую ловушку: формально операция в Чечне уже не считалась войной, бойцов судили по «мирным» законам, но фактически в Чечне 2002 года шли именно боевые действия.

Было очевидно, что спецназовцам досталась печальная и малопочётная роль стрелочников. Поэтому первый вердикт был оправдательным:

присяжные решили, что нарушить приказ группа Ульмана не имела права. Этот судебный акт отменила военная коллегия Верховного суда, основываясь на процедурных нарушениях. 19 мая коллегия присяжных вновь единогласно признала подсудимых невиновными по всем пунктам: спецназ выполнял свои прямые обязанности. Человек, отдавший приказ, — другое дело, но его на скамье подсудимых как раз не было.

Однако следствию ничего не мешало прокрутить дело до нужного результата. Второй оправдательный вердикт присяжных тоже отменили — снова по процессуальным мотивам. К этому моменту Конституционный суд уже принял положение[1], лишившее Ульмана и его людей права на суд присяжных. Теперь присяжных полагалось набирать в регионе, где совершено преступление, а в Чечне это было невозможно — там не работали нужные органы.

КС преподнёс общественности очаровательную «вилку»: либо Ульмана судят чеченцы (которые любым составом при любых обстоятельствах вынесли бы обвинительный вердикт), либо профессиональные судьи. Заодно КС одним махом перечеркнул право на суд присяжных для всех солдат, воюющих в Чечне. До этого военная коллегия Верховного суда комментировала предложения адвокатов чеченской стороны так:

> «Принимая во внимание, что Вооружённые Силы РФ являются федеральной силовой структурой, выполняющей задачи на территории различных субъектов страны, и тот факт, что Федеральным конституционным законом „О военных судах Российской Федерации" установлена подсудность уголовных дел в отношении военнослужащих независимо от административного деления на территории Российской Федерации, назначение судебного заседания Северо-Кавказского окружного военного суда по данному делу с участием присяжных заседателей не противоречит требованиям закона.

[1] http://www.rg.ru/2006/04/12/a105376.html

Назначение судебного разбирательства дела в ином составе суда явилось бы существенным нарушением уголовно-процессуального закона и конституционного права подсудимых на формирование состава суда в соответствии с их волеизъявлением и права на защиту»[1].

Теперь этот довод не имел значения. Профессиональные судьи вынесли решение: виновны. Но 4 апреля 2007 года, когда группу Ульмана приговорили к лишению свободы (все получили от 9 до 14 лет), находящиеся под подпиской о невыезде спецназовцы скрылись. Местонахождение капитана и его людей неизвестно до сих пор.

Российскую Фемиду ждало ещё более серьёзное испытание.

Дело Аракчеева и Худякова

От прочих «чеченских» судебных процессов дело лейтенанта Сергея Аракчеева и старшего лейтенанта Евгения Худякова отличается радикально. В других случаях вопрос состоит в степени вины, но сами подсудимые действительно совершали некие конкретные действия. Аракчеев и Худяков, насколько можно судить, не совершили вообще ничего. Их просто принесли в жертву политическим интересам.

12 марта 2003 года старшего лейтенанта Евгения Худякова, командира роты Внутренних войск, обвинили в убийстве гражданских лиц. 24 марта младший лейтенант Сергей Аракчеев, командир сапёрной роты, был арестован по тому же делу.

Обвинение считало, что 15 января 2003 года Аракчеев и Худяков, обряженные в чёрные маски, остановили легковушку, вытащили из неё четырёх пассажирок и водителя и расстреляли автомобиль. Шофёра они якобы загрузили в БТР, а через несколько минут остановили КамАЗ и убили троих чеченцев. Затем они якобы подорвали КамАЗ, увезли водителя легковушки в расположение части, несколько часов изобретательно пытали, а потом вернули обратно на место расстрела машины.

---

[1] https://www.lawmix.ru/jude/2034?page=3

Этот набор ужасов выглядит очень странно. Офицеры совершают бессмысленные манёвры и не менее бессмысленные жестокости, а потом во внезапном приступе гуманности оставляют жизнь изувеченному шофёру.

Точно известно одно: 15 января водителя и двоих пассажиров КамАЗа действительно кто-то убил. Все остальные тезисы обвинения вызывали серьёзные вопросы.

Уже на суде свидетели обвинения из числа российских солдат отказались от своих показаний, данных во время следствия, объявив, что на них оказывали психологическое и физическое давление — держали за решёткой, избивали, не кормили, обещали посадить в одну камеру с боевиками и незаконно оставить в Чечне. Зато один чеченец «опознал» Аракчеева и Худякова по глазам и бровям, хотя видел их в масках единственный раз и в темноте.

Вину офицеров опровергало множество документов воинской части. Действия Аракчеева строго зафиксированы — в момент убийства он по приказу командира полка находился в другой части Грозного на инженерной разведке. Худяков и Аракчеев выполняли две разных задачи в двух разных районах города. Журнал боевых действий подтверждал выполнение приказов. Выход БТРов с группой Аракчеева также был зафиксирован. Никакими документами встреча Аракчеева и Худякова не подтверждалась. Три десятка свидетелей в званиях от рядового до подполковника показали, что Аракчеев действительно был на инженерной разведке и не расстреливал там никаких грузовиков. На новых процессах защита прибавляла всё новых и новых очевидцев, показаний уже не менявших. Баллистическая экспертиза гильз показала, что убитых чеченцев расстреляли не из автоматов обвиняемых.

Более того, некоторые свидетели обвинения, как выяснилось на суде, повторяли показания друг за другом слово в слово вместе с фактическими ошибками — например, двое солдат одинаково исказили фамилию сослуживца. Ещё один свидетель заявил, что проверял некий задний отсек кабины, которого вообще не было в сгоревшей машине. Трёх из четырёх женщин, якобы находившихся в «Волге», просто не нашли.

Обвинение привлекло эксперта-взрывотехника Тасуханова. На суде этот «эксперт» пояснил, что закончил Грозненский педагогический институт по специальности «учитель труда» и больше никакой квалификации не имеет.

Суд отказал также в эксгумации трупов — это якобы могло вызвать протесты населения, а чеченские власти не брались обеспечить безопасность процедуры. Защита же была уверена, что в одном из тел находится пуля иного калибра, которая в принципе не могла быть выпущена из оружия Аракчеева и Худякова.

Обвиняемые потребовали суда присяжных. Учитывая сокрушительное превосходство защиты по качеству доводов, результат не вызывал сомнений. В 2004 году присяжные вынесли оправдательный вердикт. Но дело этим, конечно, не кончилось. Военная коллегия Верховного суда отменила приговор, заявив, что большая часть присяжных включена в список заседателей на 2003, а не 2004 год. Дело отправилось на новое рассмотрение, однако вторая коллегия, уже в 2005 году, вновь признала Аракчеева и Худякова невиновными[1].

Один из присяжных позднее рассказывал журналистам «Комсомольской правды»:

— Я не помню, давно было, но на третий день, кажется, я понял, что дело очень мутное. Начали все от своих показаний отказываться. Серёга [Аракчеев] сказал, что из него выбили всё. Обещали, что он пропадёт, к чеченцам в СИЗО посадят. Потерпевший этот мутный какой-то. Ему ногу прострелили в трёх местах, радиатор прострелили. Пытали. А потом обратно привезли, в «Волгу» посадили и отпустили. Причём по материалам дела всё это время ребята были в чёрных масках. А этот чеченец их потом опознал

---

[1] Материалы дела: https://web.archive.org/web/20190216205252/http://www.arakcheev.info/case

по глазам и бровям! Скажите мне, как можно опознать по бровям?![1]

Заметим, что этот человек в начале процесса как раз не сомневался в виновности офицеров.

После второго суда решил высказаться Рамзан Кадыров. Он заявил по поводу вердикта буквально следующее:

«Коллегия присяжных вновь, по непонятным мне и всему здравомыслящему обществу причинам, вынесла оправдательный вердикт, который не соответствует объективной картине происходящего. На мой взгляд, первопричиной тому послужило отправление правосудия не на территории Чеченской Республики, отсутствие в коллегии присяжных жителей Чечни, недопонимание присяжными по данному уголовному делу воли моего народа»[2].

Присяжные вместо «воли чеченского народа» продолжали упорно руководствоваться действующим законодательством, и дело пришлось отдать профессиональному судье. Судья Цыбульник понял устремления чеченской нации сразу. Для начала он взял Аракчеева и Худякова под стражу в зале суда (ранее оба находились под подпиской о невыезде). Позднее их освободили до окончания процесса отдельным актом Верховного суда. Все экспертизы, на проведении которых настаивала сторона защиты, отклонялись. Не произвели даже вскрытие и внутреннее исследование трупов, только наружный осмотр, причём через четыре месяца после смерти. Пристрастность суда отмечали даже комментаторы, никакой любви к российским войскам не питавшие.

Характерно, что защита даже просила проверить Аракчеева на детекторе лжи. На вопрос журналиста о том, почему он так хотел провести процедуру, лейтенант с обезоруживающей простотой ответил: «А потому что я никого не убивал».

---

[1] https://www.kp.ru/daily/24048/101956/

[2] https://regnum.ru/news/525224.html

Лишить подсудимых права на суд присяжных, пройтись катком по их конституционным правам, ну и просто третий раз судить людей за одно и то же преступление — всё это напоминало театр абсурда. Однако суд уже ничто не могло остановить: в декабре 2007 года Аракчеев получил 15 лет лишения свободы. Худяков, находившийся под подпиской о невыезде, скрылся.

Отметим, что Аракчеев никогда не вёл себя как преступник. Имея возможность бежать, он предпочёл довести дело до конца. Приговор уже не вызывал сомнений, но лейтенант явился в суд. Офицер Внутренних войск продемонстрировал более высокий уровень правосознания, чем судейский корпус РФ.

В 2015 году Аракчеев был частично реабилитирован — с него сняли обвинения в разбое и превышении должностных полномочий. Но главный пункт обвинения сохранился, и лейтенант по-прежнему официально считается убийцей.

Дело Худякова и Аракчеева оставляет исключительно сильное впечатление. На глазах у всей страны судебную систему скрутили в бараний рог и продавили демонстративно несправедливый приговор. Одна из газетных статей по этому поводу называлась «Торжество дышла», и трудно подобрать делу Аракчеева–Худякова лучшую характеристику.

К настоящему моменту Аракчеев уже освобождён. Худякова схватили в 2017 году и отправили отбывать заключение. Настоящие убийцы до сих пор ходят на свободе. Судя по репликам Кадырова, воля чеченского народа состояла не в том, чтобы посадить в тюрьму убийц, а в том, чтобы посадить в тюрьму каких угодно русских солдат. Дело Аракчеева — позор государства. И юридически, и с точки зрения простой справедливости.

Процессы над воевавшими в Чечне солдатами получили очень разную степень огласки. Абсолютно без шума закончился процесс Алексея Кривошонка, обвинённого в убийстве троих человек. На периферии общественного внимания осталось дело Сергея Лапина — милиционера из Ханты-Мансийска, которого обвинили в пытках чеченцев.

До сих пор скрываются подполковник Валерий Минин и майор Александр Прилепин, бывшие командиры Лапина. Многие дела, почти идентичные описанным, просто не попали в фокус внимания общества. К концу 2000 года в связи с преступлениями против населения было заведено 35 уголовных дел — из 748 дел против военнослужащих в общей сложности.

При этом нелогичность поведения следствия и суда принимала иногда гротескные формы. Характерный пример такого подхода — события в посёлке Новые Алды (южный пригород Грозного), происшедшие в феврале 2000 года. 4 февраля посёлок был занят войсками, а на следующий день там прошла неожиданно жестокая зачистка. Армейские части, по описанию очевидцев, вели себя корректно, но подразделения МВД действовали с ничем не оправданной свирепостью и убили десятки людей просто из хулиганских побуждений[1]. Алды позднее сравнивали с зачисткой в Самашках в 1995 году, но эти события в реальности имеют мало общего. Самашки были заняты с боем и потерями после долгих попыток со стороны чеченцев заверить русских, что село мирное. При зачистке военные имели реальные основания для опасений. В Новых Алдах было совершено, безусловно, тяжкое военное преступление. Зачистка слишком сильно выходила за рамки обычных превратностей войны и вызвала длительное расследование российскими властями. В конечном счёте дело спустили на тормозах, и родственники пострадавших смогли только получить компенсации через Европейский суд по правам человека. Однако ход следствия выглядит изумительно. В розыск объявили прапорщика-сапёра Сергея Бабина, который на момент зачистки, по словам свидетелей, находился в Ножай-Юртовском районе, на другом конце Чечни[2]. Бабин не стал дожидаться скорого суда и суровой кары, скрылся и не найден до сих пор[3]. В результате у человека, очевидно не имеющего отношения к событию, навсегда изломана биография, а люди, действительно убившие жителей Алдов, благополучно ходят на свободе.

---

http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Restamirovcase.html

http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/03/19/198600-saper-otpuscheniya.html

https://lenta.ru/articles/2011/06/21/dossier/

Трудно отделаться от чувства, что главным мотивом следствия и суда в процессах над военными было полное отсутствие желания искать реально виновных. Солдат были готовы сажать в тюрьму из соображений сиюминутной политической конъюнктуры. Ульману на предварительном следствии впрямую сказали, что он будет «новым Будановым». Повторять реплики Кадырова по поводу Аракчеева нет нужды. В последнем случае есть ощущение, что ради укрепления авторитета чеченских союзников и межнациональной дружбы некоторые чиновники были готовы бросить им на расправу кого угодно. Публичное унижение судебной системы оказывалось в этом случае даже на руку: чеченскому обществу показывали, что «воли народа» в лице Кадырова достаточно, чтобы посадить любого, независимо от наличия доказательств и фактических обстоятельств дела.

МУТНЫЕ ВОДЫ

Контрпартизанская борьба между тем продолжалась и шла тяжело. Попытка разрешить одну проблему тут же вытаскивала на свет множество новых — от чисто военных до этических, правовых и политических.

Зачистки на несколько лет стали привычной для Чеченской войны историей. Формально они чаще всего рассматривались как простые проверки документов и досмотр. На практике во время такой акции могло произойти всё что угодно. Обычная точка зрения чеченцев состояла в том, что зачистка — нечто среднее между грабежом и этнической чисткой. Операции действительно регулярно велись предельно сурово. Захваченные во время них люди либо оказывались убиты на месте, либо бесследно пропадали, либо обнаруживались мёртвыми позже. Грабежи происходили регулярно, что также делает мало чести их участникам. Более того, события, происходившие во время зачисток, плодили кровников. Сложно ожидать, что человек, потерявший во время боевой операции дом, имущество или родственников, исполнится любви к государству или начнёт разделять «хороших» и «плохих» русских солдат. Из ста прошедших мимо его дома бойцов ему запомнится тот единственный, кто «профилактической» очередью кого-то убил. Вся русская армия будет восприниматься через призму именно этого события. Во время злополучной

зачистки Алдов убийства гражданских довольно чётко локализуются по месту и подразделению, их совершившему. Солдаты других частей вели себя адекватно. Но легко догадаться, что пострадавшие после зачистки судили обо всех русских силовиках именно по тому единственному неадекватно жестокому подразделению.

Однако военные имели, что сказать в ответ на обвинения в жестокости. «Правозащитная» версия имеет один очевидный недостаток — она полностью выводит за скобки деятельность боевиков. Они оказываются как бы вовсе не участвующими в событиях и не влияющими на происходящее. Между тем приходится напомнить об очевидных обстоятельствах. За первое полугодие 2001 года в Чечне изъяли более тысячи автоматов, 839 гранатомётов, 2000 мин, 10,4 тонны взрывчатки, 10 миномётов, 27 винтовок, 65 пулемётов, тысячи снарядов[1]. Значительная часть этого добра обнаружилась именно в домах, где боевики отдыхали от трудов неправедных. Зачистки всегда велись с серьёзным риском для участников. Проверка паспортов в любой момент могла обернуться автоматной очередью в грудь милиционеру и перерасти в полноценный бой. Проверяющий очередной дом солдат понятия не имел, сидит в соседней комнате древняя старуха, лично Шамиль Басаев или оба сразу. Обычай заходить в помещение после закинутой гранаты возник не сам по себе, а эмпирически: бережное отношение к здоровью и имуществу обитателей аулов оборачивалось собственными высокими потерями.

Активные сторонники боевиков никогда не были большинством. Но боевики всегда были плотно повязаны с местными жителями. Даже полный изверг обычно имел родственников и близких, которые не стали бы сдавать его властям ни при каких условиях, и всегда мог нагнать достаточно страха, чтобы никто иной не бежал докладывать о нём в комендатуру. В этом смысле показательна смерть Арби Бараева. В Алхан-Кале он не пользовался ни малейшей любовью, но несколько дней всё же прятался в селе вместе с вооружённой бандой сторонников, и никто не стал сообщать о том, где именно они сидят. Боевики, в том числе работорговцы и детоубийцы, не являлись какой-то внешней силой по отношению к населению. Более того, они целенаправленно старались затеряться среди обывателей.

---

[1] http://old.memo.ru/hr/hotpoints/chechen/jzl20/index.htm

В домах могли найтись и ямы для заложников (или то, что приняли за такую яму), и вещи, ранее принадлежавшие военным. Например, одному из чеченцев стоили дома найденные у него солдатские ботинки. Сам он утверждал, что купил их на базаре, с точки зрения солдат — наверняка снял с убитого или пленного. В итоге дом просто сожгли.

Милиционер Дмитрий Кулаков оставил живописное описание такой операции в Грозном:

> «В пять утра выехали на зачистку. Словно издеваясь над нами, нам выделяют машину без сидений, и мы едем стоя, держась за тент, раскачиваясь в такт движению и падая на ухабах. Приезжаем в бандитский район „Тухачевского", откуда каждый день долбят по марийскому ОМОНу.
>
> Там, куда ушла группа Прокопьева, раздаётся сильный взрыв и стрельба. Когда они выходили из подъезда, наткнулись почти в упор на двух молодых чеченцев, один из которых был с автоматом, второй с ручным пулемётом. Нохчи выстрелили в шедшего впереди прапорщика, но тот успел отпрыгнуть назад в подъезд и дать по ним очередь, ранил одного в ногу. Они побежали на первый этаж дома и оттуда начали вести по нашим огонь, а какой-то дед, который за несколько минут до этого говорил разведчикам, что бандитов в этом доме и в этом районе нет, таскал им воду. Вызвали БТР, и он из КПВТ начал обстрел дома. Нохчи ушли в подвал и продолжали вести огонь, крича: „Русские свиньи, всё равно будем вас резать!" Они держали оборону почти четыре часа.
>
> Вызвали СОГ, которая вместе с разведчиками начала выкуривать героев из подвала. Ранили в голову нашего опера (слегка зацепило).

Апрель 2002. Спецподразделение МВД «Витязь» выдвигается на зачистку сёл Кулары, Алхан-Кала и Алхан-Юрт.
Фото Дмитрия Белякова.

Прокопьев утащил его в машину. Прапорщик бросил в подвал гранату Ф-1, но бандиты успели её выбросить обратно, и прапорщика ранило в ногу. Местные мирные жители, главным образом женщины, стояли тут же, не обращая внимания на бой, и, завывая, просили: „Не убивайте мальчиков, они вовсе не бандиты!" В конце концов „мальчиков" забрасывают гранатами, и разведчики, а вслед за ними и Прокопьев врываются в подвал и окончательно расстреливают этих храбрых джигитов.

По подвалу разбросаны денежные купюры достоинством в 50 р., которые разведчики берут как свои премиальные. Задерживают того деда, который оказывал им посильную помощь. В квартире на 1-м этаже, где они ошивались, нашли запасы продуктов питания, пистолет ПМ и глушитель.

Затем нас отправляют на расположенное неподалёку „поле чудес", там уже никого нет. Задерживаем трёх работяг, копающих колодец[1]. Начинается на поле светопреставление, ибо после произошедшего милиционеры очень сердиты. Бочки с бензином безжалостно расстреливаются, колодцы подрываются, или в них бросают горящие факелы, и нефть горит. Поле окутывается чёрным густым дымом горящих скважин, оглашается автоматными очередями и разрывами гранат. Жаль, что такое не каждый день. Трое придурков из ППС получают ожоги физиономий, так как, бросая факелы в колодцы с нефтью, смотрели в глубину скважины, и поднимающийся столб пламени ударял в их симпатичные лица»[2].

---

[1] Имеется в виду нефтяной колодец.

[2] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/dmitriy-kulakov-2001

Ожидать от военных, что они в подобной ситуации не начнут видеть угрозу повсюду, просто наивно. Тем более, что столкновения происходили не в каждом дворе, а наоборот — спонтанно и стремительно. Легко представить нервное напряжение, которое испытывал военный, запомнивший, как после ста проверенных домов, в которых не оказывалось ни одного террориста, огонь открывали из сто первого. Выучка, дисциплина и специальная подготовка позволили позднее сделать операции намного более адресными, и в 2010-е годы на Северном Кавказе с террористами расправлялись гораздо аккуратнее, чем в Чечне начала нулевых. Однако в 2000–2004 годах, во время наиболее жестокой партизанской войны, требуемый уровень подготовки большинства рядовых бойцов просто не был, да и не мог быть обеспечен — это касается как тактических навыков, так и психологической устойчивости. Апелляции к гуманистическим ценностям и правовым нормам хороши ровно до того момента, когда их начинали прикладывать к конкретным солдатам и офицерам. Для них требования открывать огонь, лишь убедившись, что перед ними точно боевик, в конечном счёте означали только призыв «умирайте почаще». Неудивительно, что гуманитарные нормы ведения войны выглядели для бойцов схоластикой, пригодной разве что для проповедей в пустыне.

Офицер армейской разведки в интервью заявлял:

> — Чеченское общество надо просеять. Они выступают против зачисток, жалуются, что у них пропадают родственники. Но это же не просто так. Нормальные люди в Чечне не пропадают. Пропадают уроды, которых нужно уничтожать, вычищать.
>
> — Это вы похищаете по ночам людей и потом уничтожаете?
>
> — Процентов 30 из них похищены и убиты в результате криминальных разборок между самими чеченцами. 20 процентов — на совести боевиков, которые уничтожают тех, кто сотрудничает с федеральными властями. А процентов 50 уничтожаем мы. С нашим продажным

Конвоирование задержанного во время зачистки.
Апрель 2002, Алхан-Кала.
Фото Дмитрия Белякова.

судом просто нет другого выхода. Если пойманных боевиков, как положено, ловить и отправлять в следственный изолятор «Чернокозово», их очень скоро родственники выкупят. Такими методами мы стали действовать, когда основные группы боевиков в горах были уже уничтожены. Войска встали. Поприезжали прокуроры, стали заниматься ерундой, типа мир устанавливать. Всё должно быть подкреплено доказательствами и т. д. Допустим, у нас есть оперативная информация, что человек бандит, руки по локоть в крови. Приезжаем к нему с прокурором, а у него дома ни одного патрона нет. За что его арестовывать? Поэтому уничтожать боевиков под покровом ночи — это самый эффективный способ войны. Они этого боятся. И нигде не чувствуют себя в безопасности. Ни в горах, ни дома. Крупные операции сейчас не нужны. Нужны операции ночные, точечные, хирургические. С беззаконием можно бороться только беззаконными способами[1].

Ремарка по поводу «криминальных разборок» не лишена оснований. Кроме военных и боевиков в Чечне действовали бандиты без политической окраски. Для них униформа милиционеров и военных была отличным прикрытием. Доступность оружия и свойственное войне упрощение нравов вели к тому, что главную опасность для людей часто представляли даже не боевики или солдаты, а обычные бандиты. Скажем, в 2011 году в Грозном судили некоего Ханзаева. В 2001-м Ханзаев и его товарищи купили на чёрном рынке милицейскую униформу, автоматы, пулемёт, гранатомёт — и начали чинить разбой под видом милиции. Кроме вооружённых налётов банда Ханзаева украла по крайней мере трёх человек (двух русских и одного чеченца), которых держали в лесу, надеясь на выкуп[2]. Несчастных освободили

---

[1] http://www.compromat.ru/page_12922.htm

[2] Приговор Верховного суда Чеченской республики от 18 апреля 2011 года по уголовному делу № 29074.

только в 2002 году, причём во время штурма лесного лагеря, где держали пленных, погибли трое солдат комендатуры. Трудно сказать, сколько ещё было случаев, когда за «беспределом силовиков» скрывались обычные бандиты в омоновском камуфляже, купленном на базаре.

Более того, пропажа без вести могла в реальности оказаться прикрытием для ухода в лес. Уже на излёте войны в Чечне под Ножай-Юртом спецназ МВД расстрелял из засады группу из восьми боевиков. Один из покойников, Махмуд Эльмурзаев, считался пропавшим без вести с прошлого года. Такой человек мог выполнять двойную функцию — в качестве боевика он воевал, а в качестве исчезнувшего мирного жителя считался примером «беспредела силовиков». Если такого воина джихада убивали — «оказывалось», что силовики его похитили, убили и подбросили труп на место перестрелки. Родственники таких мнимых похищенных обычно обращались в правоохранительные органы, чем создавали им «алиби»[1].

В начале нулевых в Чечне продолжались убийства оставшихся русских. Из республики не уехали главным образом старики, которые и становились мишенью преступников — очевидно, недостаточно храбрых для стрельбы по солдатам.

Создался замкнутый круг насилия: гибель людей во время зачисток и боёв порождала недоверие и ярость чеченцев, которые выливались в подрывы и засады — и вызывали недоверие и ярость уже самих военных. Главным содержанием «партизанской» фазы Чеченской войны стало более или менее успешное отделение агнцев от козлищ, которое велось по смутным критериям и обычно имело фатальные последствия для признанных виновными. Некий порядок в работу был внесён в 2002 году после издания командующего войсками в Чечне генералом Молтенским приказа № 80. Этот приказ упорядочивал ведение зачисток, регламентировал их и стал некоей точкой отсчёта в смягчении нравов этой войны. Было запрещено «без оперативной необходимости» проводить зачистки в скрывающих лицо масках, старшие досмотровых групп должны указывать свои фамилии жителям домов, в которых проводят обыск. Нельзя сказать, что приказ Молтенского выполнялся всегда, но в целом потери населения с течением времени падали, зачистки становились менее кровавыми и более избирательными.

---

[1] https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/160251/

Чеченцы, разумеется, гибли не только из-за действий силовиков. Множество гражданских подорвалось на взрывных устройствах, поставленных самими боевиками. К тому же моджахеды практиковали террор против «предателей». Убивали не только силовиков, но и чиновников, и тех, кто мог помочь в устройстве нормальной жизни в республике. Хаос был необходимым условием для выживания отрядов боевиков.

Отношения между населением и солдатами редко бывали по-настоящему тёплыми. Стороны часто не афишировали свои акции, и это только подливало масла в огонь. Предполагаемые боевики пропадали, «коллаборационистов» находили без голов. Человек при этом мог исчезнуть по самым разным причинам: попасться русским, уйти к боевикам или угодить в яму к ним же. В тех случаях, когда людей точно забирали российские солдаты (на БМП никто кроме них приехать не мог), местным обычно не давали никаких объяснений, а от исчезнувших часто не оставалось даже тел. После задержания возможных боевиков доставляли в фильтрационные пункты. Самым известным из них стал изолятор в Чернокозове в северной Чечне, но таких учреждений было не меньше полудюжины, в том числе за пределами республики. Чеченцев задерживали в изобилии. Наиболее характерным признаком причастности к подполью считались синяки от приклада на плечах и запах пороха. После прочёсывания села в изоляторы доставляли десятки людей. Многих освобождали очень быстро. Режим содержания тех, кого не признавали невиновным сразу, был предельно жёстким.

Боевиками себя из попавших в изоляторы не признавал практически никто, в том числе с оружием в руках. Один из задержанных, например, описал свою историю так:

— Я жил в подвале недалеко от Минутки, дежурил по ночам. Но в боевых действиях не участвовал.
— А что же делал?
— Просто жил с боевиками.
— Но оружие у вас было?
— Мне его выдавали на время дежурства.
— Вы себя считаете боевиком?
— Нет. Я никого не убивал.

Комментарий Дмитрия Белякова: Семья Гамаевых купает младенца на краю обрушившейся кухни. Инцидент произошёл ночью, через несколько дней после возвращения семьи в разбитую ударами артиллерии многоэтажку (к счастью, никто не пострадал).
Декабрь 2005, Грозный, Чечня.
Фото Дмитрия Белякова.

— Как вы оказались среди них?

— Когда в нашем селе Долинское авиация разрушила все нефтяные вышки и скважины, на которых мы работали, мы были вынуждены отправиться в город на заработки. Боевики обещали нам хорошо заплатить.

— В каком отряде вы находились?

— У Салмана Радуева. Но видел его только один раз. Как-то ночью он построил нас и объявил, что завтра раздаст всем личное оружие и деньги. Автомат выдал, а деньги почему-то нет[1].

Сведения добывались самым грубым методом — допросами с пристрастием. Об эффективности таких расследований судить сложно, но непохоже, чтобы она была высокой. Судя по тому, что известно о чеченских фильтрпунктах, они страдали всеми обычными пороками российских мест заключения, и эти пороки радикально усиливались военным временем и безнаказанностью тюремщиков. При этом критика в адрес фильтрационных лагерей звучала не только со стороны правозащитников, но и со стороны военных. Если чеченцы обвиняли тюремщиков в пытках и насилии, то русских волновала коррупция. Характерна процитированная выше ремарка: «Если пойманных боевиков, как положено, ловить и отправлять в следственный изолятор „Чернокозово", их очень скоро родственники выкупят»[2]. Основную массу задержанных рано или поздно отпускали, изобличённых в преступлениях отправляли отбывать наказание в глубину России.

Как и любые другие «полевые тюрьмы», рассыпанные по горячим точкам планеты, фильтрационные лагеря в Чечне не могут составлять предмета национальной гордости. К середине нулевых годов ситуация серьёзно изменилась в лучшую сторону, однако работа пенитенциарной системы на Кавказе, как и вообще в России, далека от идеала.

---

https://www.kommersant.ru/doc/141542

http://www.compromat.ru/page_12922.htm

Помимо полевых частей против боевиков, разумеется, действовали органы контрразведки и госбезопасности. И тем, и другим приходилось держать в голове массу местных нюансов. Боевики успешно переходили на легальное положение, и пойманные бывшие «ваххабиты» иногда оказывались местной администрацией. Обойтись без чиновников из числа местных было, разумеется, невозможно — в разгромленной республике требовалось наладить хоть какую-то мирную жизнь.

Нельзя сказать, чтобы военных ненавидели все чеченцы поголовно. В основном, как это обычно происходит на войне, обыватели жили по принципу «моя сакля с краю». Многие вполне искренне стремились жить по-человечески и просто хотели, чтобы их не трогали. Часть чеченцев (включая бывших боевиков, закопавших «калаш» войны) предпочитала социализироваться и вернуться к нормальной жизни. Кто-то видел свою выгоду в присоединении к российскому государству. Были и люди, дравшиеся за русских с оружием в руках по убеждению.

Но боевики, так или иначе, имели несколько тысяч бойцов и десятки тысяч сочувствующих. Чеченское общество оставалось очень закрытым, и отделить забитых крестьян от упорных радикалов было очень тяжело. К тому же террористы старательно проникали в новые силовые структуры республики.

По сути, в Чечне началась внутренняя гражданская война. Создаваемые при участии Гантамирова части чеченской милиции, ямадаевцы и отряд Какиева всё активнее участвовали в операциях. Преимущества лояльных чеченцев были очевидны: понимая местную специфику, зная многих боевиков лично, пророссийские отряды могли добиться неплохих результатов. Российская власть стремилась по мере сил «чеченизировать» конфликт, позволив местным истреблять своё подполье самостоятельно. В моральном смысле лоялисты находились в самом сложном положении. Население воспринимало их как помощников «федералов», боевики ненавидели и рассматривали как предателей, для русских же они не могли стать полностью своими — слишком многое произошло в Чечне за последние годы. При этом должность чеченского милиционера трудно назвать синекурой. Например, Магомед Цагараев, воспитатель террористок-смертниц, погиб во время убийства именно чеченского милиционера-лоялиста.

Любителя шахидок застрелил пятнадцатилетний сын убитого участкового. Лоялисты играли заметную роль до первой войны, ушли в тень в 1996 году и теперь снова становились заметной силой в республике. Пройдёт всего несколько лет, и их роль станет ключевой. Правда, во вторую войну это были уже ощутимо другие люди, чем до 1996-го.

В новые силовые структуры активно набирали бывших боевиков, и среди чеченских «сипаев» действовала масса агентов подполья. Военные регулярно попадали под обстрелы или наезжали на управляемый фугас именно после контактов с формальными союзниками. Понятно, какие отношения после этого складывались между чеченцами и русскими — даже действующими вроде бы на одной стороне.

Кроме террористической агентуры дело осложняла банальная коррупция. Огромной проблемой стали неработающие блокпосты — транспорт постоянно пропускали за мзду. Боевики, словно гангстеры эпохи Капоне, покупали милиционеров и чиновников и могли свободно ездить по республике. Страдали как раз те блокпосты, где несли службу добросовестно, — перед ними скапливались пробки, каждое задержание кончалось долгим и часто бесплодным разбирательством, а то и боем с человеческими жертвами.

Местные жители и силовики контактировали куда плотнее, чем в первую войну. Комендатуры, ОВД и блокпосты обустраивались всерьёз и надолго, чеченцы и русские проводили много времени в не слишком приятном соседстве. Население жаловалось на грабежи во время зачисток (и часто не врало). Солдаты считали, что обыватели у них за спиной помогают боевикам — и часто оказывались правы.

Мародёрство один из русских бойцов описывает так:

> «Как обычно, куча морализаторов, которые цокают языком и говорят „Нехорошо! Мародёрство! Подлость!". Всегда очень хочется отправить подобных „чистоплотных" граждан на войну, в условия, когда никакой цивилизации нет. Чтоб на своей шкуре почувствовали, что такое настоящая ж...па.

Я не стесняюсь того, что брал в чеченских домах матрасы и одеяла — была зима и ничего из казённого имущества у нас не сохранилось, спать на земле очень холодно; брал книги — потому что неоткуда было взять что-либо почитать; брал еду — потому что в Грозном за нами не успевало снабжение и приходилось питаться практически только вареньем и солёными помидорами из подвалов; брал посуду — потому что котелки давно пришли в негодность и были потеряны; ломал стулья для костра — потому что был короткий привал и надо было погреться; брали старые дребезжащие магнитофоны — чтобы послушать немного музыку, подсоединив его к аккумуляторам; разбирали дома на стройматериал — потому что нас поставили в чистом поле и надо было чем-то накрыть землянку. Да много чего брали и использовали в своих нуждах.

Только в тех домах, где находились владельцы, мы ничего не забирали. Мне их жалко было, люди просто пытались выжить, к чему их трогать? Одной чеченской семье в Грозном оставили большой кус масла, хлеб и несколько консервов — большую часть того, что у самих было. Так вот»[1].

Иной раз налаживались и торговые связи. Другой солдат повествовал:

«Для связи с селом у нас есть и „чех" Саид, который тайно ходит к нам на ВОП для коммерции: выполняет заказы на покупки, делает обменные операции. Человек он немногословный, но однажды рассказал, что тоже служил в армии — только пятнадцать лет назад и на Дальнем Востоке. Минёры специально

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина.
http://twower.livejournal.com/215048.html?thread=3905800

для Саида оставили проход в минных полях, лишь утыкав его „спотыкалками". Я однажды спросил Саида, как относятся в селе к его походам к нам, на что он ответил: грозятся, мол, убить, но семью-то кормить надо. Однажды Саид принёс на обмен „НАТОвский комок". Ношеный, но ещё в хорошем состоянии. На подкладке фуражки была надпись: „Шамиль". Мы смеялись: не с царского ли плеча самого Басаева „комок"? Кто-то из „контрабасов" его купил. Пропадая без культурной жизни, мы пытались у „чехов" продукты на книги выменять, но оказалось, что в Чечне чтением не увлекаются и во всём селе книжек просто нет»[1].

Кстати, торговля как раз стала сближающим фактором. Военнослужащие, даже контрактники, были небогаты, но по меркам разорённой Чечни часто выглядели ротшильдами. Возможность продать на блокпост сигареты смягчала страхи перед проверками на том же блокпосту.

Жизнь на блокпостах протекала в спартанских условиях. Казармы и укрепления сооружали из подручного материала, часто — в порушенных огнём зданиях. На передовых испытывали нехватку всего необходимого, вплоть до чистой воды. Тыловые подразделения работали отвратительно. Солдаты часто болели, скверно питались. По воспоминаниям многих из них, бытовые условия причиняли мучений больше, чем противник. Особенно людей донимала вездесущая антисанитария. Даже аэродром Ханкала, главный перевалочный пункт Объединённой группировки, за покрывавшую всё вокруг липкую густую грязь получил неформальное именование «пластилиновая страна»[2].

Майор милиции Владимир Порт оставил подробный рассказ о своей обычной трёхмесячной командировке в Ведено:

---

[1] https://www.kp.ru/daily/22592/18994/

[2] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/dmitriy-kulakov-2001

«На рынке одни женщины и дети. Мужчины собираются на противоположной стороне улицы группами по 6-10 человек, покуривают. Рынок дикий. Мелочь тут не в ходу. Цены в 2-3 раза выше, чем в России. Так ведь и тут Россия. Купили лаваш, семечек и минералки.

Ведено сильно разрушено. Ходим, соблюдая все меры предосторожности. У меня рация, ребята бдительно смотрят по сторонам. По улицам летают помятые легковушки с чеченскими номерами либо вовсе без них.

Село было богатое. Дома основательные, каменные. Заборы металлические, узорчатые. Ресторан, кафе, почта, дом культуры — всё разбито.

Наши тыловики с собой привезли массу ненужных вещей: щиты, палки резиновые, игрушки и велосипеды для детей. А вот одеял не хватает, вёдер нет, тазиков тоже. Печек мало, фонарей керосиновых даже на дежурку не дали, хорошо, с собой привёз. Вообще тыловая служба работает только на себя. Дров нет, топить нечем, дизель сломан, сидим без света. Федералы вообще оголодали. Перестреляли и съели всех наших собак в городке»[1].

Отношения с широкой публикой и журналистами у военных также не особенно ладились. Силовики не всегда могли внятно объяснить свою политику. Борьбу за иностранное общественное мнение руководство силовой операции, как и в первую войну, проиграло полностью, если вообще вело. Это в России теракты и показная жестокость боевиков создали им прочную репутацию людоедов. Западное общество все эти взрывы и похищения не трогали. Европейских и американских авторов практически всегда заботили лишь страдания чеченцев. Эти страдания были вполне реальны — войны вообще приносят в мир

[1] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/vladimir-port

мало счастья, но деятельность боевиков просто оставалась за пределами внимания западного журналиста. По прочтении типичного европейского газетного текста, посвящённого Чечне, можно было сделать вывод, что войска ведут войну исключительно против населения, а боевики, если они вообще существуют, занимаются в горах исключительно созерцанием буколических пейзажей и фотосессиями с оружием. Теракты против населения в общем и целом игнорировались. Понятно, что для общества и прессы Франции или Британии постоянные взрывы где-нибудь во Владикавказе не были значимым информационным поводом, хотя бы в них и погибали десятки людей зараз. Однако при игнорировании этого фона крупнейшие теракты вроде взрывов домов в Москве или позднейшего захвата заложников на Дубровке выглядели как некие одномоментные вспышки отчаяния угнетённых, по которым нельзя судить о подполье в целом. На деле теракты против населения начались задолго до начала второй войны, не останавливались никогда и продолжались даже в период полного отсутствия российских военных в Чечне. Террористические атаки были не выходками отдельных полевых командиров, а одним из ключевых методов борьбы чеченского подполья. Всего этого «защитники угнетённых» предпочитали просто не замечать.

А вот чеченцы научились эффективно работать с прессой и продавать ей образы маленького народа, страдающего от произвола и притеснений российского империализма. Причём на разные аудитории транслировалась разная картинка. Фронтменом подполья для западной публики работал Масхадов. Ему — во многом благодаря импозантному представителю в Европе Ахмеду Закаеву — создали имидж политика европейского образца, легитимного президента и наилучшего кандидата для переговоров о мире. В реальности Масхадов был просто полевым командиром, причём не самым сильным, и уж конечно не мог приказывать никому из непримиримых. Его главным активом оставалась репутация, причём именно на Западе. Для внутренней аудитории имелся Басаев с образом настоящего воина. Наконец, с арабским Востоком и вообще мусульманским миром работал Зелимхан Яндарбиев — не самый влиятельный полевой командир, но успешный политик и идеолог. Идеи джихада в его исполнении вряд ли впечатлили бы университетские кампусы Европы, зато для аравийских миллионеров разговоры о легитимно избранном народом президенте Масхадове звучали бы бессмысленно.

БОРЬБА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ

Вторая чеченская познакомила Россию с новым явлением — атаками смертников. Сомнительную славу первой шахидки завоевала юная Хава Бараева, племянница Арби и двоюродная сестра ещё не известного никому Мовсара. 6 июня девушка села за руль УАЗа, набитого взрывчаткой и, по собственным словам, «поехала на газават». Час спустя машина на полной скорости врезалась в КПП комендатуры Алхан-Юрта. Двое дежурных омоновцев погибли на месте. От самой Хавы не осталось почти ничего, следователям пришлось буквально соскребать уцелевшие части смертницы с асфальта.

Смертники, и особенно смертницы, — новое для Чечни явление. В традиционные представления чеченцев такой способ войны не укладывался, и в первую войну «шахидов» не использовали. Ко второму конфликту успело подрасти поколение, начисто лишённое тормозов, а с точки зрения салафитов смертницы были отличным инструментом. Националистическую по своему характеру первую войну сменил джихад.

Бараева стала лишь первой в длинном ряду самоубийц. Смертники 2000–2002 годов торили дорогу для «конвейерной сборки» камикадзе. Боевики экспериментировали со способами атак. Менее чем через месяц после гибели Бараевой начинённый взрывчаткой «Урал» протаранил ОВД Аргуна. Погибло 26 милиционеров и работников прокуратуры. Одновременно таким же образом атаковали русских в Урус-Мартане. Кроме нескольких солдат и офицеров Объединённой группировки от атаки камикадзе погибли 17 местных жителей, но террористов это не смутило. Удивительно, но водитель грузовика-бомбы умер не сразу, в страшных мучениях.

Новатором по части использования смертников выступал до своей гибели Арби Бараев. Салафиты выбирали на роль шахидок женщин, максимально открытых для манипуляций — убитых горем вдов либо юных девушек, влюблённых в боевиков. Смертельные акции имели успех не всегда, иногда террористке удавалось подорвать только себя. Первую шахидку захватили живой в конце 2000 года. Юная Марета Дудуева пыталась протаранить грозненскую комендатуру, но смертницу успели подстрелить часовые. Боевики-мужчины, наблюдавшие за терактом со стороны, сбежали. Незадачливая террористка выжила, провела цветущие годы в Мордовии

и вышла на свободу, расхотев взрываться. Причина попытки вознестись на небо вместе с личным составом грозненской комендатуры банальна: любовь. Шестнадцатилетняя подрывница была влюблена в полевого командира Магомеда Цагараева, а тот уговорил романтичную особу совершить теракт. Прекрасная история о мужественных борцах за свободу и веру, вместо которых взрываются девушки-подростки. В данном случае история имела почти благополучный финал. Увы, большинство самоубийственных атак заканчивалось гораздо хуже.

Именно вторая война стала подлинной эпохой террора. Массовые захваты заложников и регулярные удары в глубине России начались далеко не сразу, но уже в начале 2000-х впереди замаячил призрак «Норд-Оста» и Беслана. Террористы подорвали военнослужащих в Волгограде, самодельной бомбой был взорван рынок во Владикавказе, взрывы гремели в Невинномысске, Пятигорске и Будённовске. Удивительно, но спецслужбы оказались совершенно не готовы к размаху террористической войны.

В рядах террористов всё чаще попадались уроженцы соседних с Чечнёй республик. Организатор одного из самых крупных терактов за пределами Чечни, Раппани Халилов, был дагестанцем. 9 мая 2002 года он подорвал праздничную церемонию в Каспийске, убив более 40 человек.

В 2001 году вновь начались захваты заложников. Правда, пока они не производили сильного впечатления. Сначала террорист-одиночка угнал Ту-154, улетел на нём в Израиль и сдался властям. В марте 2001-го трое боевиков захватили ещё один самолёт и увели его в Саудовскую Аравию. При штурме саудовские спецназовцы убили одного из террористов, пассажира-турка и стюардессу; двое джихадистов ненадолго отправились за решётку. Попытка террориста-одиночки с автоматом и гранатой захватить автобус под Невинномысском закончилась просто — его после недолгих переговоров застрелили снайперы «Альфы». Все эти акции выглядели менее страшными, чем тот же Будённовск, но впереди ждал «Норд-Ост».

Партизанщина казалась бесконечной. Год сменялся годом, отряды боевиков несли потери, иногда гибли их лидеры, но с Кавказа продолжали приходить вести о засадах, обстрелах, терактах. Специфика конфликта

состояла в невозможности поставить зримую точку: перспективы войны выглядели неясными, и казалось, что армия топчется на месте, хватая зубами воздух. Между тем поток новостей о взрывах, налётах, убитых и раненых замыливал прозаический факт — война шла по нисходящей. Интенсивность боевых действий медленно, но неуклонно сокращалась. Крупные отряды распадались на мелкие, мелкие — погибали, или переходили в ряды новой чеченской милиции, или самораспускались. Вдобавок менялся характер войны: всё большую роль в столкновениях стали играть местные пророссийские формирования. Клану Кадыровых впоследствии позволили очень многое, однако сама по себе ставка на «законно вооружённые формирования» работала. Лидеры боевиков тенденцию прекрасно видели — куда лучше, чем российская общественность. Перед ними маячила угроза нескорого, но неотвратимого разгрома. Публике у телевизоров мало что говорил длинный ряд фамилий истреблённых «бригадных генералов», «министров» и «правых рук», но в действительности он впечатлял куда больше, чем труп Хаттаба — в условиях хаотичной партизанской войны разгром отрядов боевиков удалось поставить на поток. Погиб любитель девушек-смертниц Цагараев, пуля снайпера убила Бакуева — одного из лидеров похода на Дагестан, погибли или попали в тюрьму семеро из девяти знаменитых людокрадов братьев Ахмадовых, был уничтожен брат Шамиля Басаева Ширвани. Масхадов издал по этому поводу приказ, в котором чувствуется почерк бывшего кадрового военного: «Из-за халатности и личной беспечности, недооценки противника... некоторые командиры, члены правительства попали в засады, героически погибли в неравной схватке или захвачены в плен»[1]. Менее рафинированный Хаттаб незадолго до своей смерти выразился проще: «Нас мочат».

Постепенно Чечня становилась всё менее привлекательна для зарубежных спонсоров. Война затягивалась, и разнообразные «гуманитарные фонды» сбавляли активность. Зато увеличивались возможности боевиков внутри страны. Басаев, в частности, налаживал работу с растущей и богатеющей чеченской диаспорой в России, представителей которой либо склонял, либо сгибал к сотрудничеству.

Характерно, что российская публицистика 2000–2002 годов полна пессимизма. Снижение накала боевых действий на тот момент было

---

[1] http://nvo.ng.ru/wars/2001-09-07/1_list.html

вовсе не очевидным, ситуация казалась статичной, и призывы вести переговоры с «умеренными террористами» казались осмысленной идеей. В реальности дела боевиков были из рук вон плохи.

Однако лидеры сепаратистов сдаваться просто так не собирались.

Переломить ситуацию в свою пользу они могли двумя способами. Во-первых, войну следовало распространить как можно шире за пределы Чечни. Почва для этого оказалась благодатной. Кавказ представлял собой настоящий котёл религиозных, этнических и социально-экономических проблем, большинство из которых не разрешено и по сей день. К тому же ячейки радикалов там создавались ещё в 90-е годы, так что салафитское подполье пришло далеко не на пустое место. От национальных лозунгов лидеры боевиков сильно отдрейфовали к религиозным. Они имели внятный образ будущего — теократическое исламское государство на Кавказе, поэтому чётко знали, что именно собираются предлагать другим горцам. Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия — Чечня теперь становилась только частью в цепи джамаатов — подпольных религиозно-террористических групп. За пределы Чечни выводилась и часть инфраструктуры подполья — базы, центры подготовки и группы боевиков. Вскоре от этих семян ожидали буйного роста. Чечня становилась «первой среди равных», Кавказ — фронтом глобального джихада.

Второй способ, который мог помочь террористам выгодно изменить ситуацию, состоял в принципиальной смене основной мишени. Достать военных становилось всё сложнее, к тому же российское общество попросту привыкло получать сводки о потерях среди солдат. Но Басаев с Масхадовым по опыту знали, что теракты против населения действуют на общество как удар током. Поэтому в ближайшие годы основной целью боевиков станут органы власти на Кавказе и население самой России. Переход от партизанской борьбы к террору, к воздействию на психику общества как основному методу — это в действительности не активизация движения, а следующая ступень деградации. Но для жителей России война вновь перестала быть просто картинкой в телевизоре. Летом 2002 года на совещании полевых командиров было решено резко изменить направление борьбы. Акции против гражданского населения, доведённые до уровня масштабной террористической кампании, стали ключевым методом борьбы подполья.

НОРД

ГЛАВА 8
ДАР АЛЬ-ХАРБ

Подразделения МВД рядом с театральным центром на Дубровке в Москве после операции по освобождению заложников. 26 октября 2002 года. Фото Дмитрия Белякова.

В 1999 году взрывы домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске вызвали вместо страха бешенство и желание покончить с противником. Однако все хорошо помнили и другой эффект от террористических атак: в 1995 году в Будённовске массовый захват заложников подарил боевикам месяцы передышки и в конечном счёте позволил чеченскому подполью оправиться от ударов и устоять. Теперь лидерам террористов требовался не единичный акт устрашения, а серия громких атак, парализующих волю и ломающих готовность сражаться.

Ключевым элементом в этой стратегии становился персонально Аслан Масхадов. Простое запугивание не дало бы никакого эффекта, кроме призывов сплотиться и раздавить гадину окончательно. Выиграть войну, нанеся русским поражение на поле боя, чеченцы не могли. Поэтому в пару к «злому следователю» требовался «добрый» — политический лидер, представляющий умеренное крыло движения (каким бы виртуальным оно ни было), который мог бы призывать к остановке кровопролития, с которым могли бы говорить российские политики и который устроил бы Запад. В этом смысле Масхадов выглядел наилучшей из возможных фигур — как человек, пришедший к власти в результате выборов, не имеющий стойкого имиджа убийцы в глазах интеллигенции, благосклонно принимаемый за рубежом. Как полевой командир Масхадов обладал не самым мощным отрядом, но в качестве политического деятеля он был для чеченцев попросту незаменим. Вместо него никто не смог бы вести переговоры и даже принять у России чаемую капитуляцию, не преподнося миру монстра с имиджем второго «Талибана».

Удивительно, но множество общественных деятелей и в России, и за рубежом купилось на разглагольствования о «политическом решении» конфликта путём переговоров с легитимным президентом Чечни. Масхадов и Басаев друг без друга не могли существовать и вести целенаправленные действия, это были два лика одного Януса. Однако никому из рассуждающих о том, как Масхадов может остановить войну, не пришло в голову простейшее соображение: если Масхадов мог отдать Басаеву и другим полевым командирам приказ о прекращении террора, но этого не делал, то оказывался таким же руководителем террористов, как и прочие. Если же он не мог отдать такого распоряжения и добиться его выполнения, то его ценность в качестве партнёра по переговорам оказывалась мизерной. Тем более

опыт переговоров с Масхадовым у России уже имелся в 1995 (ещё при Дудаеве) и 1996 годах. Первая попытка о чём-то договориться с Масхадовым закончилась покушением на генерала Романова — партнёра Масхадова по переговорам (генерал остался инвалидом), вторая увенчалась вторжением Басаева и Хаттаба в Дагестан. Просто удивительно, что после этих двух блестящих дипломатических успехов российские власти потеряли всякий интерес к переговорам с Масхадовым.

Интересно, что Масхадов сообщил о готовящемся повороте буквально впрямую:

> «Западные лидеры вынуждены заигрывать с Россией для разрешения своих глобальных проблем, таких как Балканы, Афганистан, Грузия, а теперь и Ирак. Теперь, когда война продолжается, мне нечего терять от того, что я связываюсь с такими людьми, как Басаев, Удугов или Яндарбиев — главными радикальными лидерами», -

заявив это, Масхадов уточнил, что его сторонниками готовится некая «исключительная операция»[1]:

> «Мы практически от методов партизанской войны перешли к методам наступательных операций, — заявил он. — Я уверен, у меня нет никаких сомнений, на заключительном этапе мы проведём ещё более уникальную операцию, подобно „Джихаду" (операция „Джихад" — захват Грозного летом 1996. — Прим. авт.), и этой операцией освободим нашу землю от российских агрессоров»[2].

К слову, для Масхадова не было ничего нового в руководстве заведомыми террористами. Назначение им Басаева на официальные посты

---

[1] http://www.bbc.com/russian/russia/2012/10/121019_dubrovka_hostage_crisis

[2] https://www.gazeta.ru/2002/10/26/i4kerijskiel.shtml

внутри Ичкерии общеизвестно, но им дело не исчерпывалось. Назначенный Масхадовым министр внутренних дел времён независимости Чечни Айдамир Абалаев[1] был одним из основных участников захвата заложников в Кизляре, как и Турпал-Али Атгериев, который руководил у Масхадова избирательным штабом, а позднее возглавлял министерство госбезопасности[2]. Хункарпаша Исрапилов лично участвовал в захвате заложников в Будённовске и руководил захватом заложников в Кизляре, при Масхадове отвечал за антитеррористическую деятельность. Так что осуждение террористических методов войны для Масхадова было не более чем позой. Он окружал себя людьми, которые лично командовали массовым захватом заложников.

Стратегия Масхадова и Басаева имела специфическую черту — она требовала постоянного накручивания угрозы. После серии взрывов в общественных местах последующие акции уже не производили столь сильного впечатления. Общество оказывалось потрясено один раз, другой, третий, но постепенно страна привыкала даже к такому ужасу. Поэтому логика этой войны требовала непрерывно наращивать масштаб злодеяний, делать их более кровавыми. Прижать Россию к стенке взрывами в Москве в 1999 году не удалось. Но у руководителей чеченского подполья ещё оставался резерв для увеличения степени кошмара.

СУДНАЯ НОЧЬ

Вечером 23 октября 2002 года журналистка Александра Королёва вышла из театрального центра на Дубровке, где шёл мюзикл «Норд-Ост» по «Двум капитанам» Каверина. Женщина досадовала, что ей пришлось уйти после первого акта под мерзкий осенний дождь. Вскоре оказалось, что неотложные дела спасли ей здоровье, а может, и жизнь. «В фойе было многолюдно, и атмосфера была праздничная»[3], — рассказывала она потом. Таким театр на Дубровке ей и запомнился.

---

[1] https://www.svoboda.org/a/24219731.html

[2] https://www.kommersant.ru/doc/222096

[3] https://www.kommersant.ru/doc/348245

В начале второго акта на сцену вышли вооружённые люди. Поначалу зрители приняли людей в камуфляже за элемент шоу, но стрельба в потолок и истошные крики «Это захват!» не оставили сомнений. Актёров сбросили со сцены. «Стрельба, крики, всё как в кино», — вспоминал один из артистов. Кто-то не мог поверить, что это действительно теракт. Удары прикладов убедили их в серьёзности происходящего. Очереди в потолок добавляли страха, снаружи здания многие даже решили, что внутри идёт бой. В заложниках в тот вечер оказались 916 человек.

Что за люди вошли в дом культуры на Дубровке осенним вечером 2002 года? Состав отряда, захватившего заложников в Москве, радикально отличался от групп, напавших на Будённовск и Кизляр в 1995–1996. Отряды Басаева и Радуева были очень боеспособными группами, они могли самостоятельно вести общевойсковой бой, а прикрывшись заложниками, успешно сопротивляться даже «Альфе» и «Вымпелу». Но на захват Дубровки отправились совсем другие люди. Возглавлял отряд Мовсар Бараев, племянник покойного Арби. Этот молодой человек 23 лет имел огромные амбиции, но организационными способностями не блистал и авторитетом не пользовался. Его отряд состоял из 40 человек, половину которых составляли женщины-смертницы — самое массовое применение террористок-самоубийц в истории. Подавляющее большинство участников теракта были совсем молодые люди — 20–23 лет. Кроме полудюжины опытных боевиков, в захвативший ДК отряд вошли одноразовые террористы. Басаев не желал расходовать опытных диверсантов, поэтому на Дубровку отправилась малоценная молодёжная банда.

ДК на Дубровке выбрали, последовательно рассмотрев несколько вариантов. Сперва планировалось захватить Большой театр, но в итоге избрали более простую цель, почти лишённую охраны. Террористы несколько раз ходили на предыдущие сеансы того же мюзикла, изучая внутреннее устройство здания и меры безопасности — фактически отсутствующие. В урочный час преступники подъехали к зданию на микроавтобусах и начали захват.

Террористы действовали чётко, слаженно, аккуратно. Охрану — полдесятка человек с газовыми пугачами — скрутили сразу же. В зал втащили фугас на основе артиллерийского снаряда крупного калибра.

Снаряд был обложен металлическими шариками для вящего умножения осколков при подрыве. Ещё одно такое же устройство поместили на балконе. По залу распределили несколько более мелких взрывных устройств. По бокам расположились в шахматном порядке женщины-смертницы с поясами шахидок. Разработчики плана знали своё дело — подрыв всей этой массы взрывчатки неизбежно приводил к обрушению колонн зала и поражению осколками и ударной волной всех, кто находился внутри. Вдобавок зона поражения разных бомб перекрывалась. В случае активации хотя бы нескольких фугасов всех накрывала взрывная волна. Никто не смог бы избежать попаданий осколками, а сверху на выживших упал бы потолок. Всего в зале разместили 110–120 кг взрывчатки в тротиловом эквиваленте.

Особый ужас появление на сцене террористов вызвало у нескольких сидевших в зале чеченок. Больше всего они боялись, что в них опознают соплеменниц. Такого страшного предательства, как поход с русскими в один театр, террористы могли бы и не простить. Вообще, заложники потом описывали чувство глубокой ирреальности происходящего. Некоторые успели сделать звонки домой. «Я позвонила мужу, — писала позднее одна из заложниц, — и даже не помню, какими словами сообщила ему о том, что произошло. По-любому построенная фраза звучала абсурдно»[34].

Около 50 человек сумели убежать в первые минуты после захвата. Пока террористы не заблокировали подходы к зданию, несколько работников ДК связали одежду и спустились по ней, как по верёвке. Один из них упал и сломал ногу, зато остался жив. Семеро техников заперлись в монтажной. МЧСовцы вскоре, рискуя жизнью, незаметно для боевиков перепилили оконную решётку и помогли техникам покинуть здание. Милиционерам кто-то позвонил почти сразу, поэтому первые патрули прилетели на место мгновенно. Снаружи подтащили лестницу, по которой выбрались ещё несколько прятавшихся на втором этаже людей. Одна из работниц ДК заперлась в маленькой комнатушке и всё время осады просидела там, тише воды ниже травы. Её боевики не нашли, но трудно вообразить, что женщина пережила за эти три дня.

Несмотря на подготовку, террористы достаточно плохо знали устройство здания. ДК на Дубровке изобилует разнообразными внутренними

помещениями и коммуникациями. Бандитов недоставало ни для того, чтобы контролировать здание целиком, ни даже чтобы его как следует обыскать. Поэтому многие люди, находившиеся за пределами зрительного зала, сумели спастись.

Когда оцепление ещё не было установлено, произошла первая трагедия «Норд-Оста». В зал прошёл подполковник, служащий военного суда Константин Васильев. Узнав о захвате, он тут же пошёл в театральный центр, решив попытаться обменять себя на нескольких женщин и детей. Порыв благородный, но увенчался он ожидаемо: террористы расстреляли офицера. Вскоре произошла аналогичная трагедия. Ольга Романова — обычная девушка, узнавшая о захвате, — явилась в ДК и начала публично укорять Бараева. Поразившиеся такому поведению террористы решили, будто она пьяна, хотя ею просто двигал искренний эмоциональный порыв. Ольгу также расстреляли.

Как ни странно, боевики не сразу начали отбирать у заложников телефоны и документы, а многие сохранили мобильники до самого конца. Один из зрителей оказался офицером ФСБ, и ему хватило ловкости и самообладания, чтобы незаметно передать наружу несколько эсэмэсок со сведениями о террористах.

Один заложник оказался в здании, можно сказать, к счастью. Георгий Васильев, один из авторов мюзикла, не воспользовался имевшейся возможностью бежать и сумел разрешить несколько неожиданно возникших проблем:

> «Естественно, проблемы начались почти сразу же. К примеру, они вдруг обнаружили, что из тех больших тяжёлых штук, которыми они забарри-кадировали двери сцены, повалил густой дым, и они не знают, что это такое. А это были машины для сценического дыма. Террористы были вынуждены обратиться в зал: кто, мол, тут знает, что с этим делать? К счастью, я был, я знал, и вообще мне кажется, моё присутствие помогло избежать многих опасностей. И уже следующий эпизод показал, что из них можно было вытягивать какие-то уступки.

Начали дымиться и гореть светофильтры. Световой компьютер завис в режиме ожидания, а фильтры не рассчитаны на такое долгое воздействие мощных ламп. Пошёл запах горелого, люди перепугались. Террористы сначала храбрились, но я им описал, как это страшно, когда горит театр, и что они даже не успеют выдвинуть свои политические требования и бессмысленно погибнут вместе со всеми за несколько минут. Под таким прессингом удалось выбить из них рации, у меня появилась связь с нашими людьми внутри театра, я даже смог на некоторое время связаться с людьми, находившимися вне здания. В частности, с нашим техническим директором Андреем Яловичем, который был за пределами театра и очень много сделал для нашего освобождения. О таких эпизодах можно рассказывать бесконечно — все трое суток состояли из них»[1].

Бараев старался действовать по образцу терактов в Будённовске и Кизляре. Успешный теракт подобного рода должен был стать не столько массовым убийством, сколько кровавым шоу. Потому захват «Норд-Оста» прошёл под знаком непрерывной работы с общественным мнением в России и за рубежом.

Отечественные журналисты не всегда были на моральной и профессиональной высоте. С самого начала корреспонденты принялись охотиться за удачными кадрами, постоянно выдавая в эфир информацию о расположении частей спецназа и работе штаба операции. Тем временем Мовлади Удугов, ведавший у боевиков вопросами пропаганды, давал интервью BBC, рассказывая о том, как террористы хотят остановить войну. Зарубежные же СМИ главным образом акцентировали внимание на страданиях чеченцев. И если официальные лица на Западе теракты осуждали, то значительная часть прессы говорила о доведённом до отчаяния чеченском народе, вынужденно пошедшем на крайние меры. Российская печать,

[1] http://www.nord-ost.org/terakt/rasskazyvaet-zalozhnik-georgiy-vasilev_ru.html

впрочем, тоже отметилась сомнительными выходками вроде аршинного заголовка в одной из газет: «Боевики требуют решить вопрос мирным путём».

Попытки войти в здание для переговоров Руслана Хасбулатова и Асланбека Аслаханова окончились ничем, разговаривать с ними Бараев отказался. Зато он записал заявление граду и миру по поводу своих целей, требуя вывести войска из Чечни. В ходе осады террористы постоянно имели сношения с внешним миром, даже успев поговорить с Яндарбиевым. От российских властей в качестве переговорщиков бараевцы потребовали различных оппозиционных политиков — в частности, Бориса Немцова, который в здание так и не пошёл. Зато на переговоры вызвался Иосиф Кобзон, отправившийся к террористам вместе с корреспондентом Sunday Times Марком Франкетти. Бараев и его заместитель передали, что, если через неделю их требования не выполнят, они подорвут здание вместе с заложниками. То ли Кобзон ловко вёл переговоры, то ли Бараев решил показать великодушие, но певец выхлопотал женщину и трёх девочек — двух её дочерей и чужого ребёнка, которого дама для террористов объявила своим.

Безудержное желание общаться с прессой в некотором роде навредило боевикам. Когда Франкетти взял интервью у Бараева, тот в простодушии брякнул, что захват «Норд-Оста» — это совместная акция Масхадова и Басаева[1]. Учитывая, что Масхадова изображали умеренным лидером, такое признание сажало пятно на мундир «легитимному президенту».

> «Мы действуем по приказу военного верховного военного эмира, — заявил Бараев. — Военный эмир там у нас Шамиль Басаев, вы его все хорошо знаете. Масхадов, он наш президент... Хотя мы неоднократно слышали, что Масхадов никому не подчиняется, с ним никто не считается, это я не знаю, как сказать по-вашему, это, как говорится, ложь и клевета. Мы очень даже подчиняемся и очень даже мы с ним считаемся. И наши переговоры

[1] https://www.newsru.com/russia/25oct2002/franketti.html

с Масхадовым — наверное, моя задача приехать сюда. То, что мы хотели с помощью Аллаха, мы это сделали»[1].

Это не была случайность. В интервью азербайджанской газете «Зеркало» ещё один террорист на вопрос о том, знал ли Масхадов о планах теракта, заявил:

«Конечно. Это конкретно подготовленный план. И это самый лучший по тактике план. Целое лето мы это готовили. И вот мы сюда приехали по воле Аллаха. Иншаллах, мы добьёмся своего <...> [Масхадов и Басаев] всё знают, они звонят и в курсе всей обстановки»[2].

Журналиста, видимо, удивила эта откровенность, и он несколько раз на разные лады повторял вопрос о Масхадове, пока не убедился, что президент Ичкерии действительно участвовал в подготовке теракта.

В захваченный зал после этого регулярно наведывались парламентёры. Кроме Кобзона внутри с переменным успехом вели переговоры депутатка Ирина Хакамада, доктор Леонид Рошаль, иорданский врач Анвар Эль-Саид, политик Григорий Явлинский. Во время переговоров чуть не случилась беда с Рошалем. Как раз когда он находился в ДК, две девушки, которых отпустили в туалет, сбежали через окно. Взбешённый Бараев принялся орать на Рошаля, обвиняя в том, что побег подстроил он, но когда тот прооперировал раненного во время бегства девушек боевика, успокоился и позволил оказать помощь заложникам. Весьма своевременно, так как несколько человек в зале нуждались в немедленной помощи из-за обострившихся болезней.

Заложники находились в очень скверных условиях. Их недокармливали (террористы подбрасывали продукты только из буфета), остро не хватало воды, к тому же сотни людей в одном зале дышали одним воздухом. Для отправления естественных надобностей людям, запертым в партере, террористы разрешили использовать только оркестровую яму.

---

[1] https://www.gazeta.ru/2002/10/26/i4kerijskiel.shtml

[2] http://www.nord-ost.org/terakt/intervyu-po-telefonu-u-zam.-organizatora-gruppy-chechenskih-smertnikov-movsara-baraeva-abu-saida-2_ru.html

Помимо чудовищной унизительности этой идеи, легко представить, как миазмы влияли на атмосферу в зале, ведь сотни людей безвылазно находились там три дня. Георгий Васильев рассказывал:

«...Они стали настаивать, чтобы в качестве туалетов использовать оркестровую яму. Для меня сама эта мысль была невыносимой, я даже не знаю, как это объяснить... Я предлагал другой вариант: снять часть планшета сцены и сделать две выгородки для мужского и женского туалетов. Там на сцене есть люки, через которые нечистоты могли бы уходить вниз на трёхметровую глубину. Но они отказались и от этого, опять же ссылаясь на трудности контролировать сцену. И пришлось всем, мужчинам и женщинам, использовать оркестровую яму, дальнейшее вы можете себе представить. Через несколько часов там творилось что-то несусветное. Это были невероятные моральные и физические мучения»[1].

Для психологической обработки заложников террористы периодически устраивали демонстративные намазы в зале, включали на магнитофонах песнопения и постреливали в воздух. По словам заложницы, это были «странные для нас песнопения на русском и нерусском — и уж лучше — пусть на нерусском, потому что когда понимаешь, о чём поют, ощущение бреда возрастает многократно»[35].

Психологическое давление песнопениями не исчерпывалось. Примерно половина террористов играла роль «злых следователей», избивая и проклиная заложников, другие, наоборот, жаловались на жизнь и утешали собственных пленников. Бараев, обращаясь к заложникам, даже как-то договорился до фразы «В переговорах я ваш представитель».

Бараев продолжал ковать железо общественного мнения. Новое требование террористов состояло в проведении антивоенного митинга,

---

[1] http://www.nord-ost.org/terakt/rasskazyvaet-zalozhnik-georgiy-vasilev_ru.html

причём даже сообщили необходимое количество людей — не менее тысячи. Для этого заложникам велели звонить родственникам и просить выйти на улицы. Тысячи, конечно, не собрали, но митинг людей, подавленных угрозами расстрела родных, всё же состоялся.

Между тем в оперативном штабе готовили штурм. Все прекрасно понимали, что исполнение требований террористов куда опаснее, чем даже самая рискованная атака. В 2002 году пожинали плоды успешных террористических атак 1995/96, и никто не собирался повторять прежние провалы. Прошло уже два дня с момента захвата, многие заложники находились в состоянии глубокого физического истощения, не говоря о моральных страданиях. К тому же, что ещё опаснее, нервы постепенно сдавали у боевиков. Несмотря на браваду, террористы редко когда действительно хотят погибнуть, чаще рассчитывая на успешное для себя разрешение кризиса и капитуляцию властей. Что могло прийти им в голову, никто предсказать не мог. В последние часы террористы стали более нервными и пообещали начать расстрелы, если их требования не выполнят. Так что у групп спецназа был далеко не бесконечный запас времени.

Незадолго до штурма в ФСБ нашли в районе Профсоюзной улицы почти идентичный дом культуры, так что «Альфа» и «Вымпел» получили возможность отрепетировать атаку. Всё время осады снайперы вели наблюдение, уточняя позиции террористов. Отдельную работу вели под землёй — коммуникации ДК на Дубровке разведывали при помощи дигеров. Благо, здание достаточно крупное, и террористы не контролировали его целиком.

Одной из последних на переговоры пришла Анна Политковская. Журналистка «Новой газеты» отличалась редкостной некритичностью к любым словам чеченцев, но чего у неё невозможно отнять, так это желания помочь тем, кого она считала угнетёнными и обездоленными. Ей не позволили накормить заложников, но разрешили принести воды, дав на всё 15 минут. Удивительно, но у оперштаба не оказалось под рукой воды, поэтому на драгоценную минералку аврально скинулись журналисты, спасатели и военные из оцепления.

— Они не отдали мне никого. Я разговаривала с заложниками. Они очень подавлены и между собой уже считают себя мёртвыми[35].

Заложники находились в крайней степени изнурения. Они очень долгое время провели в неудобных позах без движения, практически не ели и почти не пили. Одним из факторов, приведших к массовой гибели людей, стало как раз обезвоживание. За трое суток осады люди получили не более чем по 400 мл воды. Наконец, клоака в оркестровой яме отравляла воздух, даже за десяток рядов от неё было физически тяжело находиться. Фактически террористы неспешно морили заложников.

В ночь на 26 октября у одного из заложников произошёл нервный срыв. Мужчина бросил в террористов бутылку и побежал по залу. Террористы принялись стрелять и тяжело ранили некоторых заложников, одного — смертельно.

В это время уже шла подготовка к штурму. Атака не была спонтанной. По крайней мере за полчаса до начала операции на площади перед зданием выключили прожекторы, что наблюдатели снаружи сочли признаком готовящегося штурма. Около 180 офицеров «Альфы» и «Вымпела» незаметно приближались к зданию. Из-за своей малочисленности террористы не могли полностью контролировать периметр, поэтому штурмовые группы, соблюдая величайшую осторожность, могли не дать себя обнаружить. Один атакующий отряд вошёл в технические помещения на первом этаже, другой пробрался в пристройку. Для штурма было решено использовать усыпляющий газ. По утверждению ФСБ, при штурме использовалась некая смесь на основе фентанила.

Решение применить газ остаётся самым спорным во всей эпопее «Норд-Оста». Газ по-разному действует на людей, а среди заложников, физически и психически сдавших за последние дни, могли появиться массовые жертвы. Но альтернативы, видимо, не существовало. ДК на Дубровке идеально заминировали, и без вывода из строя хотя бы части террористов непосредственно в зале о решительном штурме нечего было и думать.

АННА СТЕПАНОВНА ПОЛИТКОВСКАЯ

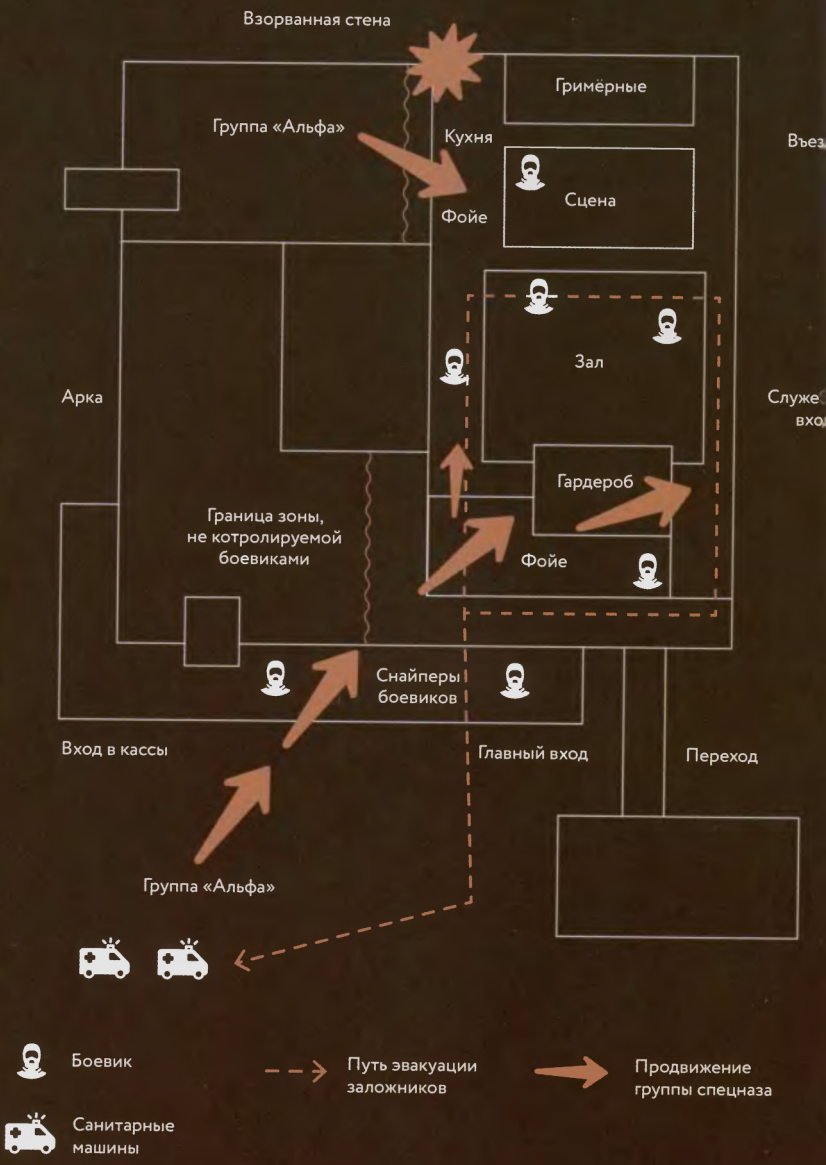
Фото: Epsilon/Getty Images

дата рождения	место рождения
30.08.1958	Нью-Йорк

- Родилась в семье советского дипломата Степана Мазепы.
- 1980: окончила факультет журналистики МГУ.
- 1982–1999: работала в различных изданиях.
- 1999–2006: работала специальной корреспонденткой «Новой газеты», основная тематика репортажей — событияна Северном Кавказе. Большинство публикаций были выдержаны в резко негативном тоне по отношению к российской операции на Кавказе, содержали обвинения в совершении преступлений российскими военными и государственными органами.

- 2002: участвовала в переговорах с террористами, захватившими театральный центр на Дубровке в Москве.
- 7 октября 2006 года была застрелена из пистолета в подъезде своего дома в Москве.

ШТУРМ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ГПЗ-1



Около 4 часов ночи в здание стали закачивать газ через вентиляцию. Снаружи начали демонстративно перемещаться две группы спецназа. Террористы-мужчины сбежались стрелять по ним и отвлеклись от зала. В этот момент в зал через аккуратно пробитые заранее лазы из подвала вошли спецназовцы и перебили спящих или засыпающих смертниц. Тех террористов, кто ещё оставался на ногах и пытался вести огонь, быстро перестреляли. Попытка захватить живым человека, на котором висит пояс со взрывчаткой, выглядела опасной затеей, так что пленных не брали. Не все смертницы заснули. Для активации пояса им требовалось вставить туда батарейку и сомкнуть провода, и батарейку некоторые даже сумели вставить[1]. Многие шахидки просто растерялись и, видимо, ждали приказа на подрыв, в результате чего их вовремя успели нейтрализовать. Позднее на этом не акцентировали внимания, но «Норд-Ост» находился в полусекунде от гибели всех — и террористов, и заложников, и спецназовцев. Только скорость реакции, хладнокровие и меткость снайперов «Альфы» и «Вымпела» не позволили смертницам уничтожить всё здание. В конечном итоге две смертницы всё-таки совершили самоподрывы, но за пределами зала, где никому не могли угрожать.

Впоследствии спецназовцев часто упрекали в отсутствии пленных, полное уничтожение бандитов даже породило конспирологические теории: «есть что скрывать». В действительности такую роскошь, как сохранение жизни кому-то из террористов, группы «А» и «В» позволить себе просто не могли. Одно неловкое движение — и все гибнут.

В это время другие отряды спецназа со всех сторон врывались в ДК. Террористы, отправившиеся отражать демонстративную атаку, вышли к окнам и тут же были застрелены снайперами. Здание наполнялось солдатами, попытки сопротивления тут же подавляли.

Бараев пытался отстреливаться из комнаты, где красовался перед камерами, но внутрь бросили гранату, и на этом его карьера окончилась.

· Эта деталь иногда кажется людям малоправдоподобной, но в действительности террористы не заинтересованы в том, чтобы бомбы срабатывали нештатно. Такой теракт — это демонстративная акция, а не спонтанная попытка убить побольше людей, поэтому все же пояса смертников стараются подстраховать от несанкционированного подрыва.

Сопротивление окончательно сломили в течение менее чем четверти часа. Террористы не сумели подорвать здание и не успели убить вообще никого, а их самих перебили поголовно.

К огромному сожалению, спасательная часть оказалась организована хуже. Фатально хуже.

К зданию ДК неслись «скорые». Солдаты спецназа вышибали стёкла, выводили тех заложников, кто мог идти своими ногами, и выносили потерявших сознание от газа. Вопреки популярному заблуждению, врачи изначально знали, какой препарат использовать для нейтрализации отравления[35], однако в суматохе выноса тел никто не озаботился организовать обработку пострадавших потоком. В результате кому-то не вкололи антидота вовсе, кому-то вкололи по два-три раза, что стало смертельной дозой. На фоне сильного обезвоживания, обострения болезней и стресса многие заложники умирали даже при правильном оказании помощи. Организация подхода «скорых» и оказания помощи на месте оказалась на недопустимо низком уровне. Машины подходили с запозданием. В Будённовске радиопереговоры машин скорой помощи предупредили Басаева о начале штурма, поэтому в случае с «Норд-Остом» медикам дали команду двигаться к ДК в последний момент, и это имело весьма скверные последствия.

В результате теракта погибло и умерло 130 заложников, почти все — от действия газа в сочетании с ослаблением организма в течение нескольких часов после операции. Если бы взаимодействие ведомств и эвакуация были организованы лучше, многие из этих людей могли остаться в живых.

Полковник Сергей Шаврин, заместитель командира «Вымпела», уволившийся через год после Дубровки, изложил прямо-таки чудовищную причину такого раздрая:

> «Поймите, на уровне штаба прогнозировалось: будут потери, убитые и раненые, будет стрельба, будет подрыв, будет много человеческих жертв. А тут что произошло: штурм прошёл, взрыва нет, и восемьсот с лишним человек надо выводить из этого состояния. К этому оказались не готовы.

Если бы был подрыв, в живых осталось бы меньше 10 процентов. Но все осознавали, что мог быть такой вариант: террористы пустят спецназ в зал, а потом кто-то снаружи с помощью радиосигнала подорвёт зал. Тогда был бы конец»

Оперативный штаб исходил из предположения о всеобщей гибели, спецназовцы полагали, что идут прямиком на заклание, а МЧС готовилось не принимать живых, а вывозить трупы — такая ситуация многое объясняет, но вряд ли кого-то оправдывает. Тем не менее исход теракта официально рассматривался не иначе как крупный успех. Учитывая, от какой катастрофы удалось в последний момент отвернуть, у этой позиции есть основания, но никто из лиц, отвечавших за оказание первой помощи заложникам и их доставку в больницы, так и не ответил за плохую организацию процесса.

«Норд-Ост» произвёл смешанное впечатление. Власти не умели взаимодействовать с общественностью и журналистами, а главное — спасательную операцию организовали с чудовищными ошибками и накладками, которые стоили жизни и здоровья множеству людей. Взаимодействие ведомств было полностью провалено, что привело к трагедии огромного масштаба — при том, что военную часть спецоперации удалось провести выше всяких похвал.

В истории с «Норд-Остом» никак не обойти вопроса о поведении людей как внутри, так и снаружи рокового здания. Не сказать, что абсолютно все оказались на высоте положения, но в целом москвичи продемонстрировали выдержку, солидарность, благородство и мужество. Русское общество показало себя куда более психически здоровым и мужественным, чем привыкло само о себе думать.

На фоне Будённовска и Кизляра даже такая неуклюжая операция выглядела совершенно по-новому. Больших потерь избежать не удалось, но на этот раз захватчики отправились после теракта не на интервью, а на вскрытие. Никаких мирных переговоров с «умеренными террористами», несмотря на призывы прогрессивной общественности, не началось. Трудно сказать, задумались ли над этим фактом Басаев с Масхадовым. Но их вывод, вероятно, состоял в том, что «Норд-Ост» провели недостаточно жестоко и нужный террористам градус кошмара достигнут не был.

«ТАМ ЖДУТ МЕНЯ ДЕВЫ, ОНИ ВСЕ БЕЗ ИЗЪЯНА...» ТЕРРОРИСТКИ-СМЕРТНИЦЫ

В 2002–2004 годах атаки смертниц пошли каскадом. Арби Бараев, отправивший на смерть свою родственницу, стал первопроходцем, но для настоящей террористической войны боевикам требовалось наладить «промышленное производство» шахидок. Северный Кавказ в этом смысле был благодатным местом. Патриархальный образ жизни, глубоко традиционные нравы — всё это породило тип женщины скромной, послушной мужчинам, легко внушаемой. Особенности кавказского общества боевики использовали на полную катушку. К тому же война сама по себе порождала вдов, главным образом молодых, или девушек-подростков, влюблённых в брутальных лесных «робин гудов». В совокупности эти обстоятельства и породили феномен кавказских женщин-смертниц. Хотя их готовили к исчезновению в пламени взрыва, некоторые из этих девушек и женщин по тем или иным причинам выжили и смогли рассказать о том, как становятся камикадзе.

Зарема Инаркаева шестнадцати лет пыталась взорвать ОВД в Старопромысловском районе Грозного. Бомба, которую она туда пронесла, не взорвалась целиком. Рассказ этой девушки рисует чудовищную картину и нравов общества, и поведения самих боевиков:

> — Всё началось задолго до этого. Шамиль Гарибеков за мной ухаживал. Улыбался, говорил, какая я красивая. А потом — это в декабре было — я как-то иду по улице, останавливается его машина, оттуда парни выскакивают и заталкивают меня в машину. Я и опомниться не успела. Что я тогда подумала? Ну как что. Подумала: ну всё, похитили, теперь женой буду. Я стала говорить Шамилю, что не хочу замуж, что маму надо предупредить. Потом меня покормили, и я уснула. Мне так кажется, что они что-то в еду добавили, потому что у меня в голове всё закружилось, руки-ноги стали тяжёлыми и я уснула, хотя спать до этого не хотела.

Просыпаюсь — моя одежда уже здесь. Они ко мне домой съездили, сказали, что я замуж вышла и мама им всё отдала.

Я говорю: а когда к маме можно будет? А Шамиль мне отвечает: никогда, забудь про маму, ты теперь с нами будешь. Я плакала сидела, меня девочки успокаивали.

А потом вечером ко мне пришёл Шамиль. И я с ним спала. Ну, как жена. Когда я плакала, его люди на меня кричали. А потом всё чаще стали что-то в еду добавлять, какие-то таблетки мне давать, от которых так спокойно становилось. Даже как-то всё равно. Я поняла, что мне оттуда не выбраться уже. Потом я стала еду готовить, стирать для всех мужчин, что в этой квартире жили.

Сначала обстирывала, потом стала спать с ними со всеми. Они так говорят: он мой брат, и сегодня я дарю тебя ему. Меня, думаешь, кто-то спрашивал, уговаривал? Зашёл, дал по лицу, на кровать бросил — и всё. А этот день — 5 февраля, понедельник — был для меня концом.

С утра мы ждали того человека, которому я должна была передать сумку. Его всё не было на работе. Шамиль психовал, ругался, мы кружили по городу, и я молила Аллаха, чтобы он подольше не появлялся. Это же были последние часы моей жизни. Я понимала, что в сумке что-то не то, она такая тяжёлая была. Понимала, зачем они меня до этого на видеокамеру снимали, просили какие-то слова сказать. Что-то про Аллаха. Я уже ни живая, ни мёртвая была. Бежать некуда. Смерть — и там, и там. Потому я, когда

в РОВД зашла, всё-таки сумку сняла с плеча и шла медленно, чтобы поменьше народу погибло вокруг.

Иду и думаю: сейчас! Вот сейчас! Интересно, я боль почувствую или не успею? И что от меня останется? И кто меня похоронит? Или вообще не похоронят — как убийцу. Как страшно, мамочка! Пока я думала, оно и рвануло. Шамиль в машине взрывчатку привёл в действие.

Такой шум поднялся, крики, нога болит, кровь хлещет из меня. Но я-то жива! Милиционеры сразу поняли, что, если меня вывезти в больницу, меня там убьют. Я реву, пытаюсь что-то объяснить. Врачей мне прямо в милицию и привезли. Там меня и прооперировали — в отделении.

Потом перевезли под охраной в УВД, освободили для меня какой-то кабинет, кровать поставили, и вот тут я и живу уже четыре месяца. Потом мне сообщили, что Халед — тот, что приказал Шамилю послать меня, — подорвался на фугасе[37].

В Старопромысловском тогда не пострадал никто, кроме самой девушки. Уровень моральной деградации подполья просто поражает. Даже на фоне богатой истории кавказского террора использование смертниц выделяется как невероятно постыдное явление.

«Они всё равно борются за деньги и за власть, — раздражённо говорил офицер группы „Альфа" Алексей Филатов, — а этих людей они просто используют как пушечное мясо»[1].

В качестве смертниц старались использовать женщин, испытывающих какие-либо психологические проблемы, позволяющие легче склонить к суициду. Две женщины, погибшие в «Норд-Осте», находились

Смертницы. Документальный фильм: https://www.youtube.com/watch?v=j3AiwJ4RF6U

на учёте в психиатрической лечебнице из-за беспричинных истерик и сильных головных болей. Из-за их недугов обеих никто не желал брать замуж, пока не нарисовались женихи из джамаатов. В других случаях использовались женщины, потерявшие мужей и других близких родственников.

«Девчонки, которые живут нормально, у которых есть родители, которые учатся, никогда в жизни на это не пойдут», — замечала самая известная смертница Зарема Мужахоева .

Зачастую хорошей мишенью вербовщиков (и вербовщиц) были юные девочки. После подрывов многих шахидок характеризовали как скромных и послушных, изрядно романтичных, почти детей (в некоторых случаях — и не «почти»). Вопреки возвышенной национально-религиозной риторике, основная масса «шахидок» изначально вовсе не имела желания умирать. Даже в «Норд-Осте» смертницы вовсе не собирались взрываться. Предполагалось, что теракт закончится для террористов благополучно и после капитуляции России пояса можно будет снять.

Настоящие фанатички или убеждённые мстительницы вроде сестры полевого командира Луизы Бакуевой составляли лишь небольшую часть самоубийц. В большинстве случаев работало безыскусное накачивание психотропными веществами и прямолинейная, как дубина, психологическая обработка в стиле тоталитарной секты. Девушкам старательно объясняли, что после смерти их ждёт рай, что они — избранные. Представления о небесах изысканностью не отличались: девицам обещали в буквальном смысле сад с цветами, в котором им предстояло обслуживать мужчин-шахидов. По словам упомянутой выше Мужахоевой, ей предложили свидания с дочерью (не в реальной жизни, а во сне) и списание долга на том свете .

Агитация выглядит не слишком утончённой, но учитывая запуганность, а часто — инфантилизм и дремучесть целевой аудитории, неудивительно, что многих кандидаток удавалось убедить покончить с собой. Девушки были вовсе не избалованные. Запугивание перемежалось увещеваниями, и даже минимум ласки мог заставить чеченку таять.

---

https://www.youtube.com/watch?v=YlnNmDHwOwQ

Комментарий Дмитрия Белякова: Мадина, военно-полевая жена чеченского «бригадного генерала» Хусейна Исабаева. Девушку выдали замуж в самом начале войны для хозяйственного обеспечения исабаевского батальона. Перед тем как отступить из Итум-Кале в Шатой, 39-летний «бригадный генерал» с 17-летней женой развёлся, сделав её, по сути, никому не нужной. Таких военно-полевых жён в Ичкерии было огромное количество. Декабрь 1999, Итум-Кале, Чечня.
Фото Дмитрия Белякова.

Одна из шахидок перед самоподрывом впервые купила себе изящный халатик. Перед тем как взорваться, девушки радовались, что на подруге хорошо сидит пеньюар.

Впрочем, не всегда у девушки спрашивали, хочет ли она убивать себя. За продажу дочери или сестры родственникам платили. Гонорары доходили до десятков тысяч долларов[1]. Достаточно многодетная и жестокая семья могла сколотить неплохой по меркам нищей Чечни капитал.

Пик активности самоубийц пришёлся на конец 2002 и 2003 год. Один взрыв следовал за другим. Вскоре после «Норд-Оста» террористы атаковали комплекс правительственных зданий в Грозном. Одним из смертников на сей раз был мужчина, который в своём фанатизме дошёл до того, что обманом похитил собственную маленькую дочь — от русской, кстати, женщины — и убил девочку и себя. В том теракте погибли более 70 человек, около 600 были ранены.

12 мая 2003 года две женщины на автомобилях разгромили здание администрации Надтеречного района в Знаменском — ещё почти 60 трупов. Уже через день новый взрыв вблизи Грозного — 16 убитых. А в июле мишенью смертниц вновь стала Москва.

На рок-фестиваль «Крылья» в Тушине явились две шахидки. Первая — Зулихан Элихаджиева — сумела убить только себя. Милиционер из охраны обратил внимание на явно беспокоящуюся девушку, говорящую по телефону на непонятном языке, и попытался отвести её в сторону. Здесь у террористки сдали нервы, и она подорвала свою бомбу. К счастью, взорвался только детонатор, развернув смертнице живот. Килограмм пластида и два кило металлических шариков и рубленых гвоздей, которыми обычно начиняли пояса, так и остались лежать мёртвым грузом. Ошарашенный милиционер обратился к умиравшей рядом с бутылкой из-под пива смертнице: «Как твоя фамилия? Откуда ты приехала?» — «Уйди, — отвечала

---

[1] «Невесты Аллаха» . Впрочем, не всем доставались большие деньги. Так, Рустам Ганиев продал двух сестёр в шахидки за полторы тысячи долларов каждую: https://lenta.ru/news/2003/08/18/sister/
Обе были убиты в «Норд-Осте». Семья Ганиевых вообще активно занималась вербовкой самоубийц, включая Зарему Мужахоеву.

та. — Я не смогла... Теперь не попаду к Аллаху» . Через несколько секунд она умерла.

Вторая живая бомба достигла цели через 10 минут. Она подорвала себя у кассы.

«Вначале я бросился к мужчине, отброшенному в сторону взрывной волной, — рассказывал доктор, одним из первых оказавшийся на месте. — Он звал на помощь. Я подбежал к нему, ещё, помню, обрадовался: живой, спасём. А потом увидел, что шариком ему пробило насквозь шейную артерию и кровь хлещет как из трубы. Он прожил несколько секунд, мы сделать ничего не могли».

Вторая смертница, Зинаида Алиева, к 26 годам была замужем уже 8 раз — её по очереди выдавали за разных боевиков, но она каждый раз оставалась вдовой .

На рок-фестивале погибло 16 человек. Власти и организаторы приняли, пожалуй, единственно верное решение. Сотовую связь отключили, людей снаружи отправили по домам. Тем, кто уже прошёл внутрь, ничего не сообщали. Паника и давка убили бы куда больше народу, чем две смертницы, а начаться волнения могли очень легко, учитывая, что на фестивале находились десятки тысяч не шибко трезвых людей. Наружу выпускали всех, обратно не впускали никого, и праздник продолжался. Люди внутри попросту не имели понятия о случившемся. На Волоколамском шоссе собрали 200 автобусов, чтобы развезти людей к станциям метро. Нельзя не признать, что на сей раз организаторы рок-концерта и власти действовали правильно и не допустили катастрофы.

Ещё через пять дней в Москве смертница попала в руки властей живьём. Это была самая знаменитая из живых бомб современной России – Зарема Мужахоева. Охрана кафе на Тверской-Ямской обратила внимание на девушку, держащую руку в сумке. Она то приближалась к заведению, не решаясь войти, то отходила. Охранники вызвали милицию. Приехавший на вызов сержант Михаил Гальцев спросил, что в сумке... и Зарема сказала правду: «Пояс шахида».

https://www.kommersant.ru/doc/394019

Документальный фильм «Антология антитеррора. Дорога в один конец».

Дальше версии расходятся. Сама шахидка утверждала, что сдалась. Присутствовавшая при этом женщина-милиционер говорит, что смертница несколько раз пыталась нажать на кнопку бомбы, но та почему-то не сработала. Перепуганную Мужахоеву тут же запихнули в машину, сумку с бомбой оставили на месте. Сапёрный робот не смог вскрыть сумку, и тогда к поясу смертницы отправился живой сапёр — майор ФСБ Георгий Трофимов, опытный специалист, шесть лет занимавшийся разминированием, участвовавший в деактивации фугасов и поясов, взятых на Дубровке. Как только он склонился над бомбой, произошёл взрыв, убивший взрывотехника на месте.

Мужахоева, хотя и не хотела умирать, со следствием сотрудничала не слишком охотно. На базу в посёлке Толстопальцево, где жили смертницы перед взрывом, она привела агентов ФСБ только несколько дней спустя. Остальные участники группы уже успели эвакуироваться, так что безопасникам достались только шесть снаряжённых поясов шахида.

Выяснилось, что шахидки приехали в Москву по отдельности. На месте их уже встречали организаторы теракта. Для будущих смертниц сняли частный дом в Подмосковье, там же хранились пояса. Оттуда две самоубийцы отправились в Тушино, а Мужахоева — к кафе. Группа состояла всего из нескольких человек, которые мало контактировали с внешним миром. Судя по обилию поясов, осечка с самоподрывом Мужахоевой прервала целый конвейер по заброске шахидок в Москву.

Насчёт личности и поведения Мужахоевой существуют разные версии. Сама она изложила трогательную историю, изображавшую её невинной жертвой обстоятельств. По её словам, к участию в теракте её вынудили шантажом и вели под плотным контролем. Однако весной 2004-го были опубликованы откровения её сокамерницы по СИЗО . Написавшая текст, что и не скрывается, была осведомительницей тюремной администрации, да и сам материал явно обрабатывался. Кто и зачем слил эту информацию, неизвестно, но, по заявленной версии, Мужахоева командовала группой шахидок. Некоторые детали истории для поведения смертницы действительно нетипичны. Например, взрывчатку она тащила не закреплённой на себе, а в сумке — не совсем обычно

http://izvestia.ru/news/289540

для смертницы, но вполне логично, если она хотела бомбу передать. Поведение Мужахоевой в заключении явно свидетельствовало, что в руках спецслужб оказалась не обманутая деревенская дурочка, а вполне сознательный, жестокий и изворотливый враг. Новостям о новых терактах неудачливая смертница откровенно радовалась.

В эту версию хорошо ложится и долгое молчание Заремы о местонахождении базы террористов. Подруги уже взорвались, кого ей было выводить из-под удара — мужчин, отправивших её на смерть? Действия Мужахоевой никак не укладываются в образ обманутой несчастной. Она активно перемещалась по Москве, а не просто доехала от лёжки до места взрыва.

Короче говоря, в рассказах Заремы слишком много необычных деталей, чтобы спокойно брать их на веру. С учётом всех этих моментов легко понять присяжных, дружно признавших её виновной и не заслуживающей снисхождения.

Зарему Мужахоеву приговорили к 20 годам лишения свободы. После оглашения приговора она закричала: «Я выйду из тюрьмы и всех вас взорву!» В 2009 году суд отклонил её просьбу о помиловании. В 2014-м она вновь дала интервью. На этот раз несостоявшаяся гурия производила впечатление истощённой и надломленной, и взрывать уже никого не обещала.

Теракты в Москве поставили страну перед мрачным фактом: российские силовые ведомства неспособны обеспечить безопасность граждан. Отсутствие или крайняя слабость агентуры в среде боевиков, неспособность адекватно противостоять подполью даже в собственной столице — со времён терактов 1999-го прошло три года, но спецслужбы оказались так же беспомощны перед серией террористических атак. Попытки внедрить агентов в ряды боевиков в начале 2000-х обычно кончались плохо. Более того, террористы могли поощрять мнимые вербовки. «Завербованные» боевики поставляли дезинформацию и при этом были защищены от обысков и досмотров на блокпостах.

При этом сами боевики располагали своими людьми среди силовиков и чиновников на Кавказе. В записных книжках погибших боевиков случалось обнаружить переписанные слово в слово донесения

агентов спецслужб, всё-таки внедрённых в их среду[1]. Наконец, катастрофические последствия имела обычная низовая коррупция. Через подкупленных милиционеров и мелких чиновников террористы могли получить регистрацию в городах, включая Москву, освободить машину от досмотра, проехать блокпост даже в зоне боевых действий. В итоге общество раз за разом оказывалось беззащитно.

Атаки самоубийц без перерыва шли весь 2003 год. Террористы таранили госпиталь в Моздоке, взрывались на остановках общественного транспорта, подрывали электрички... В будущем 2004-м им предстоял ещё более внушительный кровавый бенефис.

ИГРИЩА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

По мере того как падала интенсивность стрельбы, в Чечне росло количество самостоятельных лоялистских группировок. На политику они влияли в разной степени. Одним из самых боеспособных и при этом самых аполитичных формирований стал батальон «Запад» Саид-Магомеда Какиева. Этот отряд формировался и действовал под патронажем ГРУ. Подразделение, куда принципиально не брали бывших боевиков, показало отменные боевые качества, а его командир ни разу не дал повода усомниться в своей лояльности. Фраза «Клянусь Аллахом, я готов умереть за Россию» в устах этого человека звучала очень серьёзно. Какиев был офицером и героем войны — в первую, вторую и третью очередь. Вкуса к политике он не имел никакого. Автомат в руках и противник на линии огня привлекали его куда больше любого кресла. В послевоенной Чечне он получил должность почётную, но не связанную ни с какой реальной властью.

Интересно, что Какиев яростно критиковал саму идею массовых амнистий бывших боевиков:

> «Амнистия лично у меня вызывает массу вопросов. Как можно безоговорочно прощать тех, кто воевал против нас? Говорят все подряд,

---

[1] http://expert.ru/expert/2004/34/34ex-beslan2_28832/

что они невинные, они не ваххабиты, не убивали духовных лидеров и так далее. А куда девать души 18-летних пацанов-срочников, которых они казнили? Поэтому я не понимаю такую амнистию. Да, прощать надо тех, кто попал в банду случайно, по ошибке, кого заманили или запугали под угрозой смерти. А амнистировать тех, кто столько воевал, – это мина замедленного действия»[1].

Несколько иначе складывалась история чеченского ОМОНа под началом Мусы Газимагомадова и Бувади Дахиева. Командир этого отряда, как и многие его подчинённые, имел кровавый счёт к боевикам, поэтому воевал ОМОН не за страх, а за совесть. Однако лояльность ОМОНа и вообще чеченского МВД президенту республики была под вопросом. Министра внутренних дел Чечни Руслана Цакаева назначили на должность из Москвы в начале 2003-го. Ахмат Кадыров — муфтий, а затем президент Чечни — сопротивлялся этому назначению, и позднее его отношения с Цакаевым не сложились. Министр затеял реформу чеченской милиции, выдавливая оттуда бывших боевиков. Кадыров, напротив, настаивал на максимально активном привлечении вышедших из леса к службе в милиции. Регулярные амнистии привели к тому, что на легальном положении оказались тысячи бывших рядовых и мелких командиров моджахедов. Большинство из них уже не хотело и не могло выпустить из рук автомат, а некоторые просто шпионили для подполья. Как бы то ни было, Кадыров хотел использовать их для строительства новых силовых структур, но у руководства чеченского МВД эта идея не вызывала ни малейшего восторга.

В апреле 2003-го Цакаев «по собственному желанию» ушёл в отставку. Незадолго до этого Муса Газимагомадов попал в странную автокатастрофу — его автомобиль на полном ходу протаранил КамАЗ, выехавший на встречку. Газимагомадова срочно вывезли в госпиталь Бурденка, но он скончался от тяжелейших травм. Цакаев написал заявление об отставке вскоре после этой аварии и буквально за несколько часов до смерти Газимагомадова.

---

[1] https://utro.ru/articles/2004/03/24/291127.shtml

Новый командир ОМОНа был человеком Кадырова, но бойцы и офицеры долго не могли наладить с ним отношения. Возмутителем спокойствия выступил Бувади Дахиев — второй известный предводитель чеченских омоновцев и тоже совершенный лоялист, никогда не воевавший против русских. ОМОН и клан Кадыровых смотрели друг на друга волком до 2006 года, когда Дахиева убили в перестрелке на ингушской границе. Отношения между чеченскими и ингушскими милиционерами были сложными, и командира ОМОНа во время спецоперации случайно или намеренно застрелили коллеги.

Наконец, самое известное самостоятельное формирование лояльных чеченцев, не связанное с кланом Кадыровых, составлял отряд «Восток» братьев Ямадаевых. Ямадаевы имели политические амбиции и деловые интересы в Чечне. Руслан, один из братьев, вошёл в местную «Единую Россию» и с 2003-го был депутатом Госдумы. Сулим стал заместителем военного коменданта Чечни и поступил в военную академию им. Фрунзе. «Востоковцы» действовали эффективно и жёстко, работая противовесом влиянию Кадыровых в республике. Впрочем, до сих пор два клана в открытую не сталкивались.

Сам Ахмат Кадыров первоначально опирался на собственную службу безопасности, вскоре разросшуюся до размеров небольшой армии. Его подразделения в составе МВД понемногу умножались — части патрульно-постовой службы, «нефтяной» полк (охранявший инфраструктуру по добыче и переработке чёрного золота), Антитеррористический центр — позднее из его бойцов сформировали батальоны «Север» и «Юг». Кадыров поначалу набирал в свои отряды односельчан и родственников и вскоре переориентировался на бывших боевиков.

В 2002–2003 годах стали видны первые признаки неограниченной власти клана Кадыровых. Старший Кадыров планомерно боролся с возможными лидерами новой Чечни. При этом он опирался на верных лично ему амнистированных боевиков. Некоторое время ходили планы привлечь к этому проекту даже Руслана Гелаева[1], что вызвало нешуточную ярость Какиева (Гелаев приходился ему кровником). Идея вывести главаря боевиков из леса не нашла понимания в Москве, но общая линия оставалась прежней — старший Кадыров благополучно зачищал Чечню от конкурентов.

[1] http://www.ng.ru/politics/2003-07-17/2_gelaev.html

Подразделение братьев Ямадаевых во время операции. 2007 год, Веденский район. Фото Дмитрия Белякова.

Проще всего оказалось нейтрализовать Бислана Гантамирова — старого, но неудачливого политика, который боролся ещё с Дудаевым в ранние 90-е, до официального начала войны. Он числился министром печати и информации республики и летом 2003-го, во время президентской предвыборной кампании в Чечне, объявил о разрыве с Кадыровым. Гантамиров тут же лишился всех постов и более никакой серьёзной роли в чеченской политике никогда не играл. С первым серьёзным противником Кадыров справился очень легко.

Весной 2003 года в Чечне прошёл референдум о конституции и о выборах парламента и президента. Осенью состоялись и сами выборы. Из примечательных фигур в них участвовали известный политик Асланбек Аслаханов и бизнесмен Малик Сайдуллаев. В выборах решил вовсе не участвовать Руслан Хасбулатов, мастодонт ещё советской политики.

Уже в ходе кампании Сайдуллаева сняла с гонки избирательная комиссия, Аслаханов же отказался от участия сам, заявив, что не может вести нормальную избирательную кампанию. У Кадырова не осталось реальных конкурентов, и он победил с ошеломительным результатом в 80% голосов.

Вряд ли результаты выборов фальсифицировались. Давление на кандидатов и нейтрализацию конкурентов произвели задолго до голосования. К тому же чеченцы вряд ли собирались выходить на площади с ироничными плакатами об украденных выборах. Республику к этому моменту населяли измотанные, деморализованные люди. Боевики — это лишь несколько тысяч человек, статистически небольшая величина даже вместе с пособниками. Если в конце 90-х многие чеченцы верили, что моджахеды защищают их от властей, то теперь спустившийся с гор лесной брат скорее пугал. Жить сепаратисты могли только за счёт населения, которое они рассматривали как ресурс. Укрывательство же означало скорую зачистку с убитыми или пропавшими без вести. Федеральные власти и кадыровцы давали призрачную надежду на нормальную жизнь, которой никто не видел уже лет 15, а из боевиков администраторы и строители инфраструктуры получались сомнительные. Население погрузилось в глубокую апатию. Средний чеченец автоматически превращался в пустое место рядом с любым солдатом, милиционером или боевиком. Голосовать были готовы за кого угодно, лишь бы в обмен обещали минимум безопасности и заработка.

В этом смысле Кадыров своих избирателей не баловал. Деньги, выделяемые на восстановление республики, традиционно растворялись в карманах чиновников, сроки постройки объектов взамен разрушенных постоянно срывались. Чечня постепенно восстанавливалась, правда в своеобразном порядке — начиная с административных зданий и нефтепроводов. Безработица оставалась огромной. Тем не менее беженцев постепенно возвращали в республику, и даже медленное движение к нормальности выглядело лучше, чем полное отсутствие работы, инфраструктуры и перспектив при радикалах.

Кадыров-старший одержал убедительную победу. Но насладиться её плодами он уже не сумел.

9 мая 2004 года в Грозном произошло во всех смыслах громкое событие. Ахмат Кадыров присутствовал на грозненском стадионе на торжествах по случаю Дня Победы. Там только что закончился ремонт. Ни сам свежеизбранный президент, ни присутствующие не могли знать, что в бетонные конструкции трибуны вмонтирован мощный фугас на основе 152-мм гаубичного снаряда. Бомба взорвалась прямо под Кадыровым, убив несколько человек и смертельно ранив президента Чечни.

Кто именно подорвал Кадырова, доподлинно неизвестно. Ответственность за взрыв взял на себя Шамиль Басаев, но ему мало кто поверил. Более того, даже российские власти проявили неожиданную сдержанность. И пресса, и официальные лица осторожно сообщили, что версия о Басаеве не основная, причём упоминали некоего «крота» в собственных рядах. Наконец, Рамзан Кадыров в интервью заявил, что Басаев и Масхадов здесь ни при чём: «Есть другие силы. Мы их знаем».

Кто мог желать Кадырову смерти, кроме боевиков-террористов? Одна из версий — борьба за чеченскую нефть между президентом и другими центрами силы. В начале войны нефть в республике добывалась кустарным способом, но дальше местные месторождения неизбежно доставались более серьёзным игрокам. Кадыров-старший намеревался принять в дележе пирога самое деятельное участие. Ещё в 2000 году он начал поднимать вопрос о контроле властей Чечни над местной нефтяной промышленностью. После того как интенсивность боевых

https://iz.ru/news/290105

действий пошла на спад, к борьбе за контроль над нефтью подключились и военные, и чеченцы-лоялисты, и, конечно, крупные российские корпорации. В частности, в Чечню пришёл нефтяной гигант «Роснефть».

Цена вопроса была высока: к 2007 году в республике добывалось на полтора миллиарда долларов нефти ежегодно, и в 2004-м все уже понимали, что будущее у местной нефтянки приличное. Тем более что на мировом рынке цены на нефть росли высокими темпами. Среди кандидатов на выгодное «кормление» называли самых разных людей, готовых при необходимости обеспечить свои интересы силой, — например, бывшего полевого командира Хож-Ахмеда Нухаева и многих других.

Нефтяные дела, впрочем, остаются лишь одной из гипотетических причин убийства Ахмата Кадырова. Причиной его гибели могли стать и политические разногласия. Например, в 2009 году Рамзан Кадыров заявил, что к теракту причастны братья Ямадаевы, которые долгое время оспаривали монополию клана Кадыровых на лидерство. Понятно, что Кадыров мог при желании обвинить своих главных конкурентов хоть в потоплении «Титаника», но мотив они действительно имели. Хотя с возможностями дела обстояли сложнее.

Как бы то ни было, расследование этого дела тянулось до 2007 года и кончилось ничем: не осталось ни одного подозреваемого, никого не задержали. В 2009-м по инициативе Кадырова-младшего следствие возобновилось, но прекратилось в тот же день по решению руководства Следственного комитета. Последний известный подозреваемый — полевой командир из отряда Басаева Сулейман Имурзаев (амир Хайрулло) — погиб в 2007 году. Видимо, смерти Ахмата Кадырова суждено навсегда остаться одной из множества кровавых загадок Чеченской войны.

Тогда на сцену впервые вышел второй сын Ахмата Кадырова. Его разговор с Владимиром Путиным, показанный по ТВ, запомнился многим сочувственной, почти интимной интонацией общения, хотя чаще в памяти зрителей всплывает спортивный костюм, в котором Рамзан пришёл на встречу с российским лидером. Эту деталь, к слову, многие оценили негативно, но для целевой аудитории она означала скорее неформальную близость младшего Кадырова к Путину, возможность общаться с президентом России запросто. Так на горизонте чеченской политики зажглась новая звезда.

РАМЗАН АХМАТОВИЧ КАДЫРОВ

Фото Алексея Никольского

дата рождения	место рождения
05.08.1976	Центорой, Чечня

- Сын муфтия Чечни Ахмата Кадырова.
- В молодости служил в охране своего отца, примыкал к боевикам.
- 1999: перешел на сторону России.

- 2000–2003: служил в милиции, фактически возглавлял службу безопасности Ахмата Кадырова, также занимал должность помощника министра внутренних дел.
- 10 мая 2004 года после гибели Ахмата Кадырова назначен заместителем председателя правительства Чечни.
- 18 ноября 2005 года после автокатастрофы, в которой получил тяжёлые травмы премьер-министр Чечни С. Абрамов, назначен и. о. премьер-министра Чечни. Вскоре утверждён в должности как премьер-министр.
- 15 февраля 2007 года президент Чечни Алу Алханов подал в отставку с поста президента Чечни. Кадыров назначен и. о. президента. Две недели спустя утверждён в должности президента Чечни.
- Действующий глава Чеченской Республики.

Избран почётным академиком Академии наук Чечни, почётным профессором Современной гуманитарной академии, позднее – почётным профессором Чеченского государственного университета, а также почётным профессором Исламского университета им. Кунта-Хаджи Кишиева (Грозный). Также является мастером спорта по боксу, обладателем шестого дана по тхэквондо и чёрного пояса по каратэ, а также президентом шахматной федерации Северо-Кавказского федерального округа, заслуженным работником физической культуры, заслуженным строителем Чечни, президентом лиги КВН Чечни, почётным членом Российской академии естественных наук и звездой Instagram'а. Является кавалером нескольких десятков орденов и медалей (более 60 по состоянию на 2015 год), Герой России.

Можно было ожидать, что гибель Кадырова пошатнёт позиции лоялистов. Погибший был многоопытным хитрым интриганом. Его сын Рамзан, на первый взгляд, не был и не мог быть авторитетным политиком — молодой человек без особого опыта и, как казалось, амбиций. Могло статься, что клан «крёстного отца» Чечни теперь сумеют разорвать на части его многочисленные враги. Этого, однако, не произошло. Передача власти произошла спокойно. Рамзан ещё не вошёл в возраст, когда мог по закону претендовать на отцовское кресло, — ему исполнилось только 28 лет, а президентом Чечни разрешалось стать с 30. Кроме того, ему требовалось пообтесаться на вершинах местной политики. До сих пор младший Кадыров служил помощником министра внутренних дел республики и членом госсовета. После смерти отца он стал советником полпреда РФ, позже — и. о. председателя правительства. Пока дофин в тренировочных штанах входил в пору зрелости, регентом в Чечне состоял Алу Алханов, опытный аппаратчик.

Отношение к Рамзану Кадырову в России было и остаётся, вежливо говоря, сложным. Кадыров-младший никогда не имел приличного образования, зато отличался чрезвычайной энергией, жестокостью и необузданностью. Самовластием и свирепостью на Кавказе никого не удивить, но Кадыров-младший вместе со своим отцом примыкал к вооружённому подполью в первую войну. Впрочем, Рамзан, позировавший в обществе Басаева, никогда не имел в стане боевиков серьёзного веса. Также остаётся крайне туманным вопрос о его участии в боевых действиях. Хлёсткая фраза — «Первого русского я убил в 16 лет» — широко известна в русскоязычном сегменте Интернета, однако она взята из вторых рук — из передачи журналистки Юлии Латыниной. Причём и она утверждает, что слышала эту фразу не лично от Кадырова, а в качестве цитаты. Не известен ни один конкретный бой, в котором Рамзан Кадыров участвовал лично с оружием в руках. Безусловно, в «докадыровскую» эпоху Рамзан относился к боевикам. Но Кремль всё же не поставил бы во главе Чечни активного авторитетного лидера террористического подполья.

Один из первых шагов Рамзана выглядел эффектно — и был полностью выдержан в неофеодальной манере новой чеченской власти. Он собрал чеченских политиков в родном Центорое будто бы на совещание, но вместо ожидаемого обращения за поддержкой заставил клясться в верности себе[38]. После такой демонстративной акции многие поняли, что этот молодой человек не просто сын Ахмата.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ИХ ПОВЕСЯТ

Подрывы и политические убийства — эффективный способ борьбы, но в эту игру могут играть немногие. В феврале 2004 года русские провели дерзкую успешную операцию далеко за пределами своей страны.

После пятничной молитвы Зелимхан Яндарбиев возвращался в свой дом в Дохе, столице Катара. Как только машина отъехала от мечети, под днищем взорвалась бомба. Несовершеннолетний сын Яндарбиева получил ожоги, но выжил, двое охранников погибли на месте, а сам Яндарбиев, не приходя в сознание, умер в госпитале через час.

Яндарбиев во время войны оставался в тени любителей поразмахивать оружием на камеру, однако его настоящая роль была куда значительнее, чем у большинства полевых командиров. Он наводил мосты между боевиками в Чечне и их покровителями за рубежом. Как идеолог, этот человек сделал очень многое для включения Чечни в мировое джихадистское движение. Он до самой смерти представлял Ичкерию в странах мусульманского Востока, в том числе по денежным вопросам. Судя по всему, планирование терактов он тоже не бросал: почему-то именно с ним из захваченного ДК на Дубровке говорил по телефону Мовсар Бараев.

Попытки России добиться выдачи Яндарбиева дипломатическим путём ничего не дали, и в Москве решили сыграть по-крупному. Игра удалась. Ичкерия лишилась опытного дипломата и финансиста. Больше фигур такого масштаба боевики на Востоке не имели.

Яркий успех операции смазали дальнейшие события. Через три дня катарские спецслужбы арестовали на арендованной дипломатами вилле троих россиян. Один пользовался дипломатическим иммунитетом, и с ним ничего сделать не смогли, но двое других предстали перед судом. Агенты не отрицали причастность к спецслужбам, но дело они уже сделали. Бомбу в Катар, согласно открытым источникам, прислали из Москвы в мешке с дипломатической почтой[1], а для ликвидации агенты использовали взятый в прокате автофургон, арендуя который и засветились на видеокамерах.

---

[1] https://www.rbc.ru/politics/11/10/2012/5703fdf49a7947fcbd441492

30 июня суд Катара признал их виновными в убийстве Яндарбиева и приговорил к пожизненному заключению, однако кризис вскоре уладили по дипломатическим каналам. На Доху повлияло в том числе задержание в России двух граждан Катара. Обоих — борца и спортивного функционера — задержали под туманными предлогами[1], и подоплёка происходящего была вполне очевидна. Уже 23 декабря оба офицера спускались на взлётную полосу московского аэропорта по ковровой дорожке, а катарцы летели домой. «Посмотрите на Моссад, — заметил по этому поводу офицер «Вымпела». — Почему мы не можем поступать так же?»

Операция в Катаре стала серьёзным успехом. На тот свет отправился старый и опытный враг, а до остальных боевиков начало доходить, что теперь их могут достать где угодно.

Впоследствии чеченцы неоднократно погибали за пределами Северного Кавказа. Не во всех случаях можно с уверенностью судить о причастности к гибели того или иного боевика спецслужб РФ, но в безопасности они себя точно не чувствовали. Численность боевиков в самой Чечне падала, многие уезжали в Турцию или страны Европы в качестве беженцев. Многие оказывались на положении гастарбайтеров или присоединялись к преступным группам, становясь заботой уже местной полиции. Тех, кто проявлял нежелательную активность, доставали и за рубежом. Больше всего инцидентов, связанных со смертями чеченцев, произошло в Турции. Эта страна долгое время была тихой гаванью для террористов, но в 2008–2009 годах сразу несколько заметных фигур в рядах джихадистов были ликвидированы. О критериях выбора кандидатов на расстрел можно только гадать — чаще всего это были непубличные полевые командиры. Так, в декабре 2008 году в Стамбуле тремя пулями уложили Ислама Джанибекова. Его брат разыскивался за организацию взрыва в Минеральных Водах под Ставрополем, однако о роли Ислама публично не сообщалось. Ресурсы, симпатизирующие чеченской сецессии, приводят список из как минимум десятка фамилий боевиков, политкорректно именуемых «противниками кадыровского режима», уничтоженных в Турции[2].

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/455159

[2] https://www.kavkazr.com/a/opasnoe-chechenskoe-zarubezhie/28830773.html
https://golosislama.com/news.php?id=26291

Кроме того, «загадочные» смерти случались в Азербайджане, непризнанной республике Абхазия, Европе. Интересно, что некоторых персонажей для каких-то целей доставляли в Чечню. Например, Руслан Элиев, помощник покойного Яндарбиева, исчез в Баку осенью 2006-го. Труп Элиева был найден через несколько месяцев под Самашками[11].

Почти все подобные операции проходили в одном и том же стиле. Скажем, уже в 2011 году в Стамбуле были расстреляны трое чеченцев, двух из которых подозревали в организации теракта в аэропорту Домодедово. Вместе с ними погиб мелкий полевой командир из окружения Доку Умарова[1]. Судя по сообщениям СМИ, всех воинов джихада расстреляли из одного пистолета с глушителем. Операцию в стиле Джеймса Бонда проделал некий Александр Жирков (имя, скорее всего, вымышленное), сразу покинувший Турцию[2].

Наиболее свежим и известным примером стало уничтожение Зелимхана Хангошвили. Этот грузинский чеченец (откуда и фамилия) из Панкисского ущелья был полевым командиром пусть не первого ранга, но довольно заметным. Хангошвили подозревали в ряде терактов, кроме того, как сообщалось, он работал на спецслужбы Грузии. Последние годы Хангошвили провёл в Германии. В августе 2019 года проезжавший мимо на велосипеде мужчина выстрелил в него из пистолета, отчего Хангошвили погиб. На момент написания этих строк стрелок приговорён к пожизненному заключению, при этом известно только, что он русский: даже настоящее имя — спорная тема, а сам он хранит молчание[3].

ЧУЖДЫЕ ГОРЫ. КОНЕЦ ОТРЯДА ГЕЛАЕВА

Партизанская война в самой Чечне постепенно сбавляла обороты. До весны 2004 года активность боевиков безостановочно падала; русские вычисляли и уничтожали даже маленькие отряды. Немалую роль сыграли амнистии боевикам, не обвинявшимся в тяжких преступлениях персонально.

---

https://www.kommersant.ru/doc/1803870

[2] https://vz.ru/society/2011/9/29/526318.html

[3] Подробнее о Зелимхане Хангошвили: http://alternathistory.com/zelimhan-hangoshvili-mertvyj-terrorist-otravlyayushhij-otnosheniya-rossii-i-evropy

Сдавшихся активно перевербовывали в кадыровские отряды. Проголосовать ногами и сдать автомат, а то и устроиться в чеченскую милицию казалось куда лучшим выходом, чем сходить с ума в схроне в ожидании охотничьей команды русских с вертолётами. Амнистии не просто размывали подполье — в составе кадыровских и ямадаевских отрядов боевики убивали боевиков.

Массовые зачистки и крупные бои постепенно сменялись точечными захватами. УАЗы и БТРы без номеров подъезжали к домам потенциальных боевиков, и после этого подозреваемых уже никто никогда не видел. Оценки разнятся, но считается, что в сумме таким образом пропали без вести от тысячи до трёх тысяч человек. По данным «Мемориала», в 2003 году исчезли 495 подозреваемых, в 2004-м — 396. Многие из них позднее обнаружились живыми, другие исчезли навсегда. Жестокий метод — чисто статистически гибли и невиновные, но он приносил результаты: войска постепенно вскрывали и уничтожали даже микроскопические ячейки боевиков. Пользу приносили и самые элементарные меры безопасности вроде проверок на дорогах. Например, 3 марта 2003 года по дороге в Грозный остановили машину с двумя мужчинами. Один из них попытался убежать, но был застрелен. В мертвеце опознали подданного Саудовской Аравии, а в кузове «Газели» обнаружили два автомата, гранатомёт и главный приз — ПЗРК, завёрнутый в линолеум[1]. Чаще всего подобные операции удавались благодаря наводке местных жителей, замученных бесконечной войной. Скажем, в августе 2003-го люди из Наурского района сдали властям некоего Юсупова. На допросе боевик раскололся и выдал две артиллерийские мины, из которых собирался сделать фугас. Работа шла мелкая, кропотливая, изматывающая, но результаты были очевидны.

Офицер спецназа ФСБ замечал:

> «В Чечне нормальная развитая система бандподполья. Партизанская романтика вышла из моды, боевики в основном живут не в пещерах, а в городах и сёлах. Живут как нормальные белые люди. Практически в каждом селе, особенно в горных районах, есть свои

[1] https://lenta.ru/news/2003/03/03/igla/

явочные пункты. Если в селе — частный дом, если в городе — квартира, не привлекающие внимания. Критерии выбора места для явочного пункта известны. По возможности явку стараются прокрышевать в местной милиции, чтобы менты её сдуру не штурманули, а, наоборот, охраняли. Если это частный дом, то он должен находиться на краю села, чтобы в случае опасности можно было быстро уйти в лесопосадку или в балку. Желательно, чтобы дом стоял в тупике. Тогда никто не сможет подъехать к нему незамеченным. Если в доме находится серьёзный человек, то обязательно выставляется внешнее охранение. Никаких бойниц, окопов, дотов нет. Всё нацелено на то, чтобы в случае опасности можно было уйти. Принимать бой в доме никто из них не собирается. Боевикам это не надо»[1].

В горах продолжали существовавать и «классические» базы — хорошо спрятанные схроны с оружием, медикаментами и продовольствием. Обычно такие укрытия были искусно замаскированы, и их с трудом обнаруживали даже опытные бойцы. За схроном постоянно присматривал один наблюдатель, выдававший себя за пастуха, — или настоящий пастух. По большей части запасы были сделаны ещё в межвоенный период. Тем не менее привычка тщательно прочёсывать подозрительную местность и богатый опыт войны позволяли военным обнаруживать даже такие укрывища — аккуратные, надёжные и порой остроумно устроенные.

Оперативник Веденского ФСБ рассказывал:

«Искали мы одного бандита. Знали точно адрес, в котором он скрывается. Знали, что в адресе есть жилой схрон, то есть схрон, в котором можно спрятать человека. Пришли, вывели всех во двор, начали

[1] https://iz.ru/news/297325

искать. Всё истыкали — нет схрона. Дом большой, комфортабельный, куча комнат, санузел. А схрона нет. Уже уходить собрались, но тут кому-то из наших по нужде приспичило. Хозяйка его в огород посылает, хотя в доме есть тёплый сортир, но он, говорит, на ремонте. Меня и осенило. Захожу в туалет. Вроде всё как у людей — ванна, унитаз, биде, сантехника дорогая, плитка лежит в пачках. Дунул в очко, звук какой-то странный. Кинул туда камешек, он как в колодец ушёл. Сковырнули мы этот толчок, а под ним комната подземная — два на четыре, высота метра три, вентиляция, электричество, столик, топчан. Сиди, книжки читай, через унитаз тебе воду подают, еду. Главное — чтобы кто-нибудь из гостей не замочил его по ошибке в этом сортире»[1].

Своего рода символом крушения классической партизанщины в Чечне стала гибель самого стойкого её адепта — Руслана Гелаева, известного под позывным «Ангел».

Осенью 2003 года отряд Гелаева переживал тяжёлые времена. Хотя Ангел оставался известным авторитетным командиром, он был самым бедным из влиятельных боевиков. Из-за конфликтов с другими лидерами джихадистов он окончательно потерял доступ к финансовой помощи. Гелаевцы начали задыхаться без снабжения. Часть бойцов ушла к набирающему популярность в подполье Доку Умарову, часть погибла. Отряд сильно сократился, и от многих сотен человек, стоявших у Гелаева под ружьём в Панкиси, остались одни воспоминания. Ахмат Кадыров нанёс ещё один удар по боеспособности Ангела — объявил очередную амнистию и даже начал переговоры о почётной капитуляции с самим полевым командиром. К последней идее в Кремле отнеслись без восторга: Гелаев был боевиком первого ряда и пролил слишком много крови. Но многие бойцы его отряда щедрым предложением воспользовались, и в итоге с Гелаевым осталось всего несколько десятков человек.

---

[1] https://iz.ru/news/297325

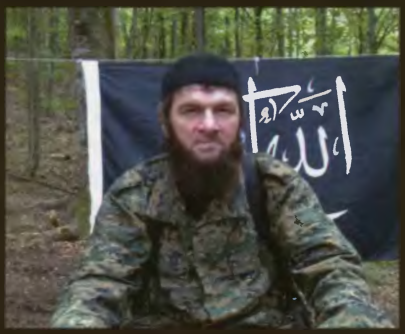
В конце осени 2003-го Гелаев, лишившийся финансирования, поддержки и влияния, решил возвращаться в Грузию, так долго служившую его боевикам тихим убежищем. Для этого ему предстояло прорваться через перевалы.

Гелаев принял решение о грузинском вояже слишком поздно. Остатки его отряда — 37 человек — вышли в дорогу 30 ноября из деревни Кири, микроскопического аула на юго-востоке Чечни. Их путь лежал в соседний Дагестан, а оттуда через перевалы в Грузию. Идти приходилось по первобытным горам, соблюдая маскировку, а весь запас вещей, продовольствия, боеприпасов и оружия нести на себе, поэтому дистанцию в 20 километров по прямой последние гелаевцы преодолевали девять дней. Вывести боевиков в Грузию через перевал обещал местный проводник. Когда до гребня осталось три сотни метров, проводник забрал вознаграждение, махнул рукой в нужную сторону и ушёл. Попытка взобраться выше по глубокому снегу — под пронизывающим ветром, при температуре −30 в декабре, на высоте в три километра — закончилась естественным образом: гелаевцы скатились обратно. Измученные, они начали скитаться по Дагестану. Сумели найти сельпо, в котором запаслись продуктами. Боевиков кто-то заметил и связался с пограничниками.

Солдат, выехавших на вызов, гелаевцы поймали в засаду и расстреляли почти мгновенно. Бойцам сказали, что боевиков всего пятеро (в магазин пошли, конечно, не все), — на самом деле их были десятки. Расстрелянная в упор машина полетела в пропасть. Командира пограничников, местного жителя капитана Радима Халикова, добили ножом, после чего отрезали голову. Но террористам от этого стало только хуже — теперь за ними принялись гоняться все наличные силы русских в этом районе. Уже через несколько часов к заставе Мокок перебросили части МВД, спецназ ГРУ и десантников.

Воздух ущелий разрывался от рёва вертолётов. Пилоты погранвойск хорошо знали местность и довольно быстро нашли подозрительных людей с оружием. С борта передали: «Одеты в чёрное, все бородатые, движутся в Грузию». На боевиков обрушился огонь с неба. Однако выкурить их из расщелин вертолётчики не смогли. Затем отряд Гелаева спасла удачно наставшая нелётная погода. Расселин, где можно укрыться от огня, в этих местах много, а камни и снег дают защиту от наблюдения с воздуха. В снежную бурю боевики сумели

ДОКУ (ДОККА) ХАМАТОВИЧ УМАРОВ



дата рождения:
13.04.1964

место рождения:
Харсеной, юго-западная Чечня

национальность:
чеченец

- До войны — уголовник, судим за причинение смерти по неосторожности, позднее разыскивался за двойное убийство. Скрываясь от милиции, бежал в дудаевскую Чечню.
- Служил в отряде Гелаева, своего дальнего родственника.
- Между войнами занимался похищениями людей. Находился в оппозиции Масхадову.
- С началом второй войны действовал на стороне боевиков. Тяжело ранен в лицо при прорыве из Грозного. Какое-то время провел в Грузии.
- Оправившись от ран, руководил отрядами боевиков, организовал ряд крупных терактов.
- В 2004 году «унаследовал» остатки отряда Гелаева. Участвовал в нападениях на Ингушетию и Грозный летом 2004 года.
- 2006: в связи с гибелью «президента ЧРИ» Абдула-Халима Садулаева возглавил вооружённое подполье.
- 2007: провозгласил Имарат Кавказ вместо Ичкерии.
- Организовал ряд крупных террористических актов. В 2011 году включён в список международных террористов ООН, а также список преступников, разыскиваемых ФБР.
- 2013: умер или убит при неясных обстоятельствах. Тело найдено в 2014 году.

ненадолго оторваться от преследования, но теперь отряд обложили со всех сторон, а вскоре бомбардировщики вызвали лавину. Снег унёс восьмерых, в том числе ценного араба с картой и единственным GPS-навигатором. Боевики были истощены, многие ранены или обморожены, включая Гелаева. По склонам били бомбардировщики, вызывая новые лавины.

Отряд боевиков разделился. Одиннадцать человек отправились прямиком в Грузию, взобравшись на хребет, и попали в засаду погранвойск. Четверо спасли себе жизнь, подняв руки, остальные погибли в бою с пограничниками или умерли по дороге. Гелаев с остатками группы двинулся в другую сторону. К сожалению, в эти же дни сорвались в пропасть трое солдат из отрядов, ловивших боевиков. Экстремальный альпинизм стоил жизни не только разведчикам. Один из боевиков покончил жизнь самоубийством, разуверившись в успехе и вымотавшись до предела, — прыгнул со скалы.

У водопада в ущелье гелаевцы нашли пещеру и в ней укрылись. Они смогли спуститься туда на связанных автоматных ремнях. Однако чеченцев нашли и там. Обрушить каменный свод вертолёты не могли, а достаточно мощная для этого авиабомба могла снести и ближайший аул, поэтому разведчикам пришлось взяться за автоматы. Для уничтожения остатков группы Гелаева назначенный отряд прошёл через русло реки по пояс в ледяной воде. Бой вокруг пещеры длился долго: гелаевцы упорно отбивались из-за каменных россыпей, а забрасывать их своими телами разведчики не хотели. Аккуратность и последовательность дала эффект: за время финального штурма погиб только один из разведчиков. Ещё одного пришлось эвакуировать вертолётом с тяжёлым ранением. Для этого пилот «вертушки» майор Палагин завис вплотную к скале, пока раненого загружали на борт. В конце концов сопротивление оставшихся гелаевцев было сломлено. Несколько чеченцев пытались ускользнуть через расселину поблизости, но их накрыли ракетами с воздуха. Бои вокруг пещеры сопровождались забавным эпизодом. Среди военного мусора на поле боя нашли косметичку. Контрразведка упорно разыскивала в банде женщину, пока не выяснилось, что предмет туалета использовал один из моджахедов для ухода за бородой.

Командование считало, что Гелаев был в этой группе, среди неопознанных трупов или похороненных под лавинами. Здесь были его последние бойцы. Но эта эпопея ещё не кончилась.

Где обмороженный и с трудом ходивший Гелаев провёл следующие недели, как он выжил, как скитался по Дагестану — неизвестно. По одной из правдоподобных версий, он отделился от своих людей значительно раньше и отсиживался в овчарне, а потом двинулся в Грузию в одиночку.

Утром 28 февраля на маленьком пограничном посту Мушак дежурный боец Дмитрий Буянов увидел на склоне горы мужчину. Гелаев пропал несколько недель назад, в окрестностях Мушака ходили пастухи, и поначалу в незнакомце даже не заподозрили боевика. Обнаружив, что за ним следят в бинокль, террорист развернулся и пошёл обратно. Он пробыл в зоне видимости всего несколько секунд, но бдительный дозорный успел засечь его и сообщить командиру. Пограничников эта ситуация обеспокоила не сильно: иногда в эти края заходили пастухи в поисках пропавшей скотины. Начальник поста на всякий случай послал на поиски двоих пограничников. Это были 22-летние местные уроженцы Абдулхалик Курбанов и Мухтар Сулейманов.

Когда пограничники не вернулись, на посту подняли тревогу. Первым нашли Гелаева. Труп лежал возле дерева. У него не было руки. Затем обнаружили двух мёртвых бойцов. Гелаев устроил на своих преследователей засаду. У мальчишек не было никаких шансов против воюющего всю жизнь старого диверсанта. Но Сулейманов, прежде чем получил пулю в голову, успел сделать несколько выстрелов. Курбанов, тяжело раненный, опустошил в сторону Гелаева полный магазин со 150-метровой дистанции. Какая-то из посланных пограничниками пуль попала Гелаеву в бедро, ещё одна перебила руку. Живучесть полевого командира поражает. Если верить экспертам ФСБ, он сумел добить умирающего пограничника, ампутировать перебитую руку ножом, перетянуть обрубок жгутом, перебраться через речку, рядом с которой убил солдат, и только на другом берегу истёк кровью и умер — с зажатой в руке шоколадкой «Алёнка».

На трупе нашли автомат Калашникова, три магазина с патронами, гранату Ф-1, шоколад и кофе, упаковку вермишели «Роллтон», кусок

вяленого бараньего сала, 200 долларов, карту Цунтинского района, записную книжку с длинным списком телефонных номеров и салафитские книги.

Существует и другая версия гибели Гелаева, согласно которой лидера боевиков всё-таки похоронил под лавиной удар вертолёта во время последнего боя с его отрядом. Однако бой с пограничниками подробно описан, в поисках погибших парней и Гелаева участвовали десятки людей. Да и трупы обнаружились слишком далеко от места, где разгромили остатки гелаевцев. В любом случае, Грузии отряд Гелаева уже не увидел. Так закончилась история одного из самых боеспособных чеченских формирований. Окончательный разгром «гелаевского спецназа» стал выстраданным и заслуженным успехом российских войск[1].

Новый акт драмы теперь разыгрывался за пределами Чечни.

См. также: «Операция по уничтожению отряда Р. Гелаева. Автор «М»: https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/m-gelaev

КРУПНЕЙШИЕ ТЕРАКТЫ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И АТАКИ СМЕРТНИКОВ, 2000–2003 ГОДЫ

- 7 июня 2000 года. Атака смертников на подразделение омского ОМОНа, двое погибших. Первая атака террористов-самоубийц, в нападении участвовала и погибла Хава Бараева, родственница Арби и Мовсара Бараевых.
- 2 июля 2000 года. Атака группы смертников на различные объекты в Чечне, более 50 погибших.
- 8 августа 2000 года. Взрыв в подземном переходе под Пушкинской площадью в Москве, 13 погибших.
- 19 декабря 2000 года. Неудачная попытка подрыва комендатуры Ленинского района Грозного. Смертница, Марета Дудуева, захвачена живой.
- 15–16 марта 2001 года. Чеченскими боевиками захвачен российский авиалайнер в Стамбуле (174 заложника). Самолёт угнан в Саудовскую Аравию и взят штурмом саудовским спецназом, в ходе штурма погибла стюардесса.
- 24 марта 2001 года. Террористами Карачаевского джамаата совершено два взрыва в Минеральных Водах и Ессентуках, 24 погибших. Кроме того, при обезвреживании заминированного автомобиля погибли 2 сапёра МВД.
- 31 июля 2001 года. Террорист-одиночка захватил автобус под Невинномысском (40 заложников). Автобус взят штурмом группой «Альфа», террорист убит, заложники освобождены.
- 29 ноября 2001 года. В Урус-Мартане смертницей убит генерал-майор Г.Гаджиев.
- 28 апреля 2002 года. Взрыв на рынке Владикавказа, 9 погибших.
- 9 мая 2002 года. Взрыв на праздновании Дня Победы в Каспийске. 43 погибших.
- 23–26 октября 2002 года. Массовый захват заложников в театральном центре на Дубровке. 129 погибших, 44 террориста уничтожены.

- 27 декабря 2002 года. Атака смертников на Дом правительства в Грозном. Более 70 погибших.
- 12 мая 2003 года. Атака смертника на администрацию Надтеречного района Чечни. 60 погибших.
- 14 мая 2003 года. Самоподрыв смертницы в селе Иласхан-Юрт под Гудермесом. 18 погибших.
- 5 июня 2003 года. Взрыв смертницы в Моздоке. 19 погибших.
- 5 июля 2003 года. Взрывы на рок-фестивале «Крылья» в Москве. 16 погибших.
- 9 июля 2003 года. Возле кафе в Москве на Тверской-Ямской задержана смертница Зарема Мужахоева. При попытке деактивации имевшейся при ней самодельной бомбы погиб взрывотехник ФСБ.
- 1 августа 2003 года. Подрыв госпиталя в Моздоке. 51 погибший.
- 5 декабря 2003 года. Подрыв смертниками электрички в Ессентуках. 41 погибший.

Кроме того, за этот период был совершён ряд менее резонансных терактов.

ГЛАВА 9
ЧЁРНЫЙ ПОТОК

Теракт в Беслане, 3 сентября 2004 года.
Штурмовая группа отряда «Вымпел»
у западного флигеля школы.
Фото Дмитрия Белякова.

В 2004 году террористическая война достигла своего пика. Видимо, Басаев понимал, что у него есть последний шанс переломить ход конфликта в свою пользу. Поэтому боевики действовали с величайшим напряжением сил. Они собирали отряды в сотни бойцов, а подпольные сети в глубине России работали на износ, рассылая всё новых и новых смертников. В 2004 году чеченское подполье использовало все сохранившиеся резервы.

22 июня боевики нанесли мощнейший удар по Ингушетии. Главной целью нападения стала Назрань.

Поздно вечером 21 июня отряды из чеченских и многочисленных ингушских боевиков одновременно атаковали местное МВД, базу пограничников, базу ОМОНа, ГУВД, станицу Слепцовскую, Орджоникидзевскую и Карабулак. В налёте участвовало не менее 200 головорезов.

В МВД этой ночью дежурило около 20 человек. Боевики налетели на здание с воплями «Аллах акбар!», но особого успеха не достигли. Атакующие обстреляли казармы пограничников и позиции мотострелкового полка, захватили оружейные склады МВД.

Отряды диверсантов взяли под контроль КПП на автотрассе. Быстро справившись с малочисленной охраной, они устроили засады. Часть боевиков переоделась в милицейскую форму, что серьёзно облегчило им работу. Атаки на здания МВД и ФСБ были скорее отвлекающим манёвром. После объявления тревоги офицеры милиции, прокуратуры и ФСБ бросились к месту службы — на поддельных блокпостах их останавливали, просили предъявить документы и расстреливали. Сам город патрулировали лжемилицейские отряды. Несколько групп вели зачистку по адресам, убивая силовиков и чиновников.

Попытка штурма СИЗО, к счастью, провалилась: тюремщики отстреливались из всего, что у них было, и боевикам не удалось прорваться внутрь.

В ту роковую ночь погибло по меньшей мере 78 человек, в том числе три офицера «Вымпела», и. о. министра внутренних дел Ингушетии, его заместитель, прокурор Назрани и другие высокопоставленные чиновники. Боевики взяли исключительно богатые трофеи — более тысячи стволов оружия — и благополучно ушли, даже по-настоящему

не заплатив за успех кровью. Что особенно скверно, часть террористов — местные уроженцы — растворилась в самой Ингушетии.

Отдельные управления ФСБ, подразделения ГРУ, МВД, армии, чеченские вооружённые формирования — все они работали на одной и той же территории, кое-как координируя свои действия. Информация застревала внутри каждого ведомства, правая рука не знала, что делает левая. В течение 2004 года власти попытались хотя бы смягчить проблему и привести управление антитеррористическими операциями в относительный порядок.

Однако времени уже не оставалось. Атаки продолжались. 15 июля 2004 банда примерно в сотню стволов под командой Басаева напала на крупное чеченское село Автуры. Всплеск активности многие связывали с волной дезертирства из рядов кадыровской милиции после гибели Ахмата Кадырова. В результате боя 8 оставшихся на российской стороне кадыровцев погибли, ещё 12 попали в плен. Боевики захватили село и полдня его удерживали, расправляясь с настоящими и мнимыми сторонниками российских властей. На исход боя сильно повлияли сложные отношения между русскими и кадыровцами. Местные милиционеры, узнав, что в Автурах идёт бой, предпочли не вмешивать в дело армию, а собственных сил оказалось недостаточно. Нападающие блокировали основные въезды в Автуры и принялись обстреливать позиции милиционеров. Две машины кадыровцев, пытавшиеся въехать в село на помощь товарищам, боевики расстреляли.

> — Ну почему они не доложили сразу, ещё ночью, что да, на нас напали бандиты? — возмущался русский офицер из Шали. — Почему мы должны черпать информацию из радиоперехватов? Окончательно всё прояснилось только часам к десяти, когда боевики перед отступлением уже открыто говорили в эфире, что они и школу сожгли, и пленных захватили. Узнай мы обстановку раньше, глядишь, и вертолёты бы из Ханкалы вызвали, чтобы ударить по отступающим в горы боевикам[1].

[1] https://iz.ru/news/293025

Разгром отряда лоялистов в Автурах прошёл почти незамеченным. Общественность только-только отходила от бойни в Назрани, а вскоре всё затмил Беслан. Однако пощёчина получилась звонкой: боевики захватывают городок с населением в 20 тысяч, удерживают несколько часов, делают что хотят, собирают трофеи и счастливо уходят.

По схожему сценарию прошло нападение на Грозный 21 августа. Вечером боевики появились на окраинах, перемещаясь крупными группами по нескольку десятков человек. Считается, что в нападении участвовало 200–400 террористов. Снова импровизированные «блокпосты», поиск милиционеров, убитые и раненые. Грозный, конечно, был лучше готов к бою, поэтому столь оглушительного успеха, как в Назрани, террористам достичь не удалось. Но столкновение всё же оказалось кровавым и жестоким. Мрачный фарс: один из местных жителей на фальшивом блокпосту решил, что его перехватили настоящие милиционеры, и показал фальшивое милицейское удостоверение. Беднягу расстреляли на месте. Вообще, боевики действовали довольно бессистемно, в основном стремясь нагнать ужаса. Несколько гражданских они застрелили просто на всякий случай. Тяжёлое ранение, например, получил сварщик, мирно чинивший автомобиль; военного в нём «опознали» по камуфляжным штанам. В другом месте моджахеды расстреляли пассажиров машины за то, что водитель подвозил ямадаевца.

Налёт на Грозный обошёлся еще в три десятка убитых солдат и милиционеров, в основном чеченцев. Погибла дюжина гражданских. «Духи» понесли потери, но добились важной цели: продемонстрировали, что ещё живы и способны успешно действовать. Это была третья крупная акция за считанные недели; казалось, что вернулся 2000 год. Правда, боевики не могли поддерживать такой темп долго. Их силы к тому моменту подломила долгая война на истощение. И всё же Басаеву и Масхадову удалось на несколько месяцев перехватить инициативу.

Всего через несколько дней в центральной России стряслась новая беда. 24 августа две смертницы сели в самолёты, вылетавшие из Домодедова. Как они попали на борт — отдельная история, которую тяжело описать в приличных выражениях. В аэропорту милиционер задержал обеих для проверки документов, не нашёл ничего подозрительного

и отпустил. Через несколько минут они купили билеты у спекулянта и прошли в зону вылета без досмотра, дав контролёру взятку в тысячу рублей. Здесь же, в Домодедове, шахидки получили взрывчатку. Вскоре после взлёта обе смертницы взорвали самодельные бомбы. Самолётами управляли высококлассные, опытные пилоты, и они боролись до последнего. Но шансов справиться с разваливающимися в воздухе машинами у них не было. Погибли 90 человек.

31 августа ещё одна смертница подорвала себя у метро «Рижская». Единственный отрадный момент: вместе со смертницей случайно подорвался и организатор теракта, дважды судимый уголовник из Карачаевского джамаата.

А на следующий день вся Россия узнала название маленького города в Северной Осетии.

Узнала, чтобы не забыть никогда.

БЕСЛАН

> Потом мы оказались в спортзале. То, что внутри... Я это видел, и сейчас это вижу, но я не сделал ни одного кадра. Потому что это нельзя никому видеть. — Юрий Козырев, фотограф

> Бога нет. Есть Вооружённые Силы. Я верю в Россию и наши Вооружённые Силы. — Чермен Бугулов, заложник

Террористическая кампания подполью удалась. Теракты один за другим, множество убитых... и всё же в этот раз что-то явно шло не так. Россия, казалось, не обращала внимания на собственные страдания и продолжала упорно давить боевиков — до результата, до победы. Бои не останавливались. В тумане войны постепенно проступали контуры будущей Чечни, которая сама по себе создавала России массу проблем, но в которой не оставалось места непримиримым

воинам джихада. Даже гибель Кадырова-старшего не изменила в ситуации на Северном Кавказе почти ничего. Атаки и взрывы сеяли страх, но даже чудовищное лето 2004-го вызывало всего один вопрос: «Ну, и что теперь?»

Сама логика войны толкала Басаева на теракт, который потряс бы даже привыкшую ко всему Россию. Всё, что пробовали до 2004 года, уже приелось и сильного воздействия на общество не оказывало. Даже «Норд-Ост» запомнился не только трагической гибелью людей, но и полным истреблением террористов. Кровавый 2004-й должен был увенчать по-настоящему грандиозный теракт, способный парализовать власть и общество. Теракт, после которого России просто не осталось бы выхода, кроме переговоров и полной капитуляции.

Школа была идеальным объектом для захвата. Теракт против детей усиливал моральный эффект многократно. Дети менее опасны. Прикрыть все школы страны никто не мог.

Беслан выбрали по нескольким соображениям. Самое очевидное — географическое положение: город находится неподалёку от границы Ингушетии и Северной Осетии. С одной стороны, туда было проще добраться — исходные позиции боевиков располагались в Ингушетии в каких-то 30 километрах. С другой — массовое убийство в осетинском городке могло спровоцировать маленькую гражданскую войну между осетинами и ингушами, которые и без того находились в натянутых отношениях. В 1992 году между этими народами произошёл вооружённый конфликт с большим количеством погибших, а пограничные территории Северной Осетии до сих пор неформально остаются спорными. Учитывая малочисленность и осетин, и ингушей и широкие родственные связи внутри обеих общин, утраты 90-х воспринимались очень болезненно на протяжении десятилетий. Тогдашние раны ещё не затянулись, и террористы планировали разжечь усобицу вновь. При этом осетины большей частью христиане, вопрос привлечения их в отряды боевиков не стоял изначально, за их симпатии Басаев бороться не собирался.

Второй существенный момент состоял в том, что один из террористов жил в Беслане довольно долго и хорошо представлял себе расположение школ городка и их устройство.

Главной задачей боевиков был удар по психологическому состоянию всего российского общества. Террористы прекрасно понимали, что дети — слабое место любого общества, и спасать их будут любой ценой, на любых условиях. Весь 2004 год чеченцы обнажали слабость властей. И вот теперь судьбу кавказской войны должен был решить один теракт. Либо Россия идёт на переговоры и легализацию хотя бы «умеренного крыла», либо подполью приходит неотвратимый конец.

Единственный выживший террорист, Нурпаша Кулаев, на допросе показал:

— Нас собрал в лесу человек по кличке Полковник и сказал: мы должны захватить школу в Беслане. Эту задачу, нам сказали, дали Масхадов и Басаев. Когда мы спросили Полковника: зачем это делать, с какой целью, — он ответил: потому что надо развязать войну по всему Кавказу[1].

Логика нечеловеческая, но для лидеров боевиков понятная. Басаев к тому моменту уже больше 10 лет шёл по трупам своих и чужих, множество его родных и близких лежали в земле, оба его родных брата — тоже полевые командиры — и отец были убиты в боях. К 2004 году ничего кроме войны и личных амбиций в жизни этого человека не осталось. Никаких моральных ограничений для него не существовало. Даже собственные соплеменники уже давно превратились для Басаева в топливо для его маниакальных идей.

Роль Масхадова в нападении неизбежно становилась двойственной. Басаев не слишком-то ценил Масхадова и не собирался предоставлять ему никакие дивиденды от теракта. Однако он прекрасно понимал, что кроме Масхадова никого посадить за стол переговоров не удастся. Тем не менее первичной целью было именно демонстративное, зрелищное насилие.

Банду для нападения на Беслан собрали в конце августа в лесу неподалёку от села Пседах в Ингушетии. Руководил группировкой

---

[1] http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/61403/

Руслан Хучбаров по прозвищу Полковник, местный уроженец. Хотя до захвата Беслана его фамилия мало что говорила даже специалистам, он попал на своё место не просто так. В подполье Хучбаров оказался ещё в 1998 году после криминальной разборки, на которой застрелил из автомата двух человек. В Чечне он примкнул к самому отмороженному из крупных полевых командиров — Арби Бараеву, командовал небольшим автономным отрядом. Впервые имя Хучбарова прозвучало 11 мая 2000 года, когда его боевики устроили успешную засаду на колонну Внутренних войск на дороге в Ингушетии. Позднее он участвовал в целом ряде крупных терактов, и Басаев его хорошо знал.

Отряд Хучбарова состоял из 32 человек самого разного происхождения. Там было по крайней мере 13 ингушей, а также обладатель запутанной биографии Владимир Ходов — родившийся на Украине сын русской матери и неизвестного отца, усыновлённый осетином. Вероятнее всего, Ходов, долгое время живший в Северной Осетии, в частности в Беслане, активно участвовал в подготовке нападения. Он владел осетинским и хорошо знал городок.

Кроме мужчин-боевиков, в отряд входили две смертницы. Однако в результате они принесли бандитам больше вреда, чем пользы.

Басаев позднее описывал состав отряда так: 12 чеченцев, 2 чеченки, 9 ингушей, 3 русских, 2 араба, 2 осетина, 1 татарин, 1 кабардинец, 1 гуран[1]. Обилие ингушей имело очевидный смысл — спровоцировать осетино-ингушское побоище.

Значительную часть этой публики разыскивали за различные преступления, многие имели судимости. Упомянутого Ходова уже несколько лет искали по делу об изнасиловании[2],

---

[1] Гураны — небольшой этнос в Забайкалье. https://iz.ru/news/294238

[2] Личность Ходова Басаев позднее использовал для информационной игры. Якобы Ходова внедрили в качестве агента в подполье, но террористы не просто раскрыли, а разагитировали и перевербовали его. Фактически позднейшая проверка выявила, что ситуация выглядела гораздо более скверной: отделы внутренних дел просто чрезвычайно вяло, «для галочки» разыскивали Ходова как заурядного извращенца, а когда тот подался в подполье, стало уже поздно. Версия, согласно которой Ходов был агентом спецслужб, исходила от Басаева и не подтвердилась никакими иными источниками.

РУСЛАН ТАГИРОВИЧ ХУЧБАРОВ

дата рождения:
12.11.1972

место рождения:
с. Галашки, Ингушетия

национальность:
Ингуш

- 1995: переехал в Орёл. Имел отношение к криминальным группировкам.
- 13 мая 1998 года: в ходе «стрелки» с представителями армянской диаспоры убил двух человек.
- 1998: бежал в Чечню. Прошёл подготовку в качестве боевика.
- 1999: вступил в банду Арби Бараева, позднее перешёл в банду Шамиля Басаева.
- 11 мая 2000 года: организовал засаду на колонну Внутренних войск в Ингушетии (19 погибших).
- 2002–2003: отвечал за отбор и подготовку смертников для терактов в Москве, Осетии и Ингушетии.
- 22 июня 2004 года: назначен непосредственным руководителем банды, направленной для совершения теракта в г. Беслан (Северная Осетия).
- 1 сентября 2004 года: во главе банды из 32 человек захватил школу № 1 в г. Беслан. В ходе теракта отличался чрезвычайно жестокостью, лично убил часть заложников. Кроме того убил вышедшую из-под контроля женщину-террористку.
- 3 сентября 2004 года: уничтожен во время штурма школы частями спецназа.

ещё один террорист сидел за разбой. Двоих боевиков арестовывали, но выпустили; одного осудили с отсрочкой исполнения приговора за общеуголовное преступление, другого оправдал суд.

Бесланский отряд ничем не напоминал «подростковую банду», захватившую ДК на Дубровке. Здесь основную массу террористов составляли опытные люди из отрядов Басаева и ингушского командира Али Тазиева, многие воевали уже несколько лет. Скажем, Ханпаша Кулаев (брат единственного выжившего Нурпаши) ушёл в горы в 1995 году. Ставки были слишком высоки, чтобы доверять такое дело дилетантам. Басаев отправил в Беслан боеспособную, хорошо оснащённую группу. Террористы имели пулемёты, противотанковый гранатомёт и большой запас взрывчатки. В качестве транспорта использовали грузовик ГАЗ-66. Официальная грузоподъёмность «Шишиги»[1] — 2 тонны, и впоследствии эту табличную норму использовали как аргумент, доказывая, что у боевиков было больше машин. Скорее всего, джихадисты просто набились в кузов, как в переполненный троллейбус. На практике, если не жалеть машину, на ней можно увезти куда больше предусмотренной нагрузки, и во время следственного эксперимента нужное количество людей в «Газик» поместилось. Помимо основной группы существовала дублирующая, меньшей численности. Эта банда захватила бы другую школу, в станице Нестеровской (Ингушетия), если бы провалилась основная.

Боевики не стали проделывать весь путь по шоссе и воспользовались маршрутом, по которому обычно возились нелегальные товары. Тропы охранялись слабо — по дороге им встретился всего один участковый милиционер, который попытался досмотреть грузовик. Его, недолго думая, захватили в заложники[2]. Машина пленника позволила слегка разгрузить забитую доверху «Шишигу».

Существует версия, согласно которой за несколько часов до захвата в Шали был задержан некий Арсамиков, который будто бы выдал план захвата школы. Помимо огромного слова «якобы», которое касается всей истории, никогда не сообщалось, когда его допрашивали, а также когда он заговорил и что конкретно сообщил.

---

[1] Жаргонное название ГАЗ-66.

[2] Майор Гуражев выжил и сумел сбежать во время неразберихи при захвате школы.

На современном уровне знания Арсамиков выглядит полностью легендарным персонажем.

В девять часов утра отряд Хучбарова подъехал к бесланской средней школе № 1 на грузовике и милицейских «Жигулях». Во дворе шла праздничная линейка. Начался самый страшный теракт российской истории.

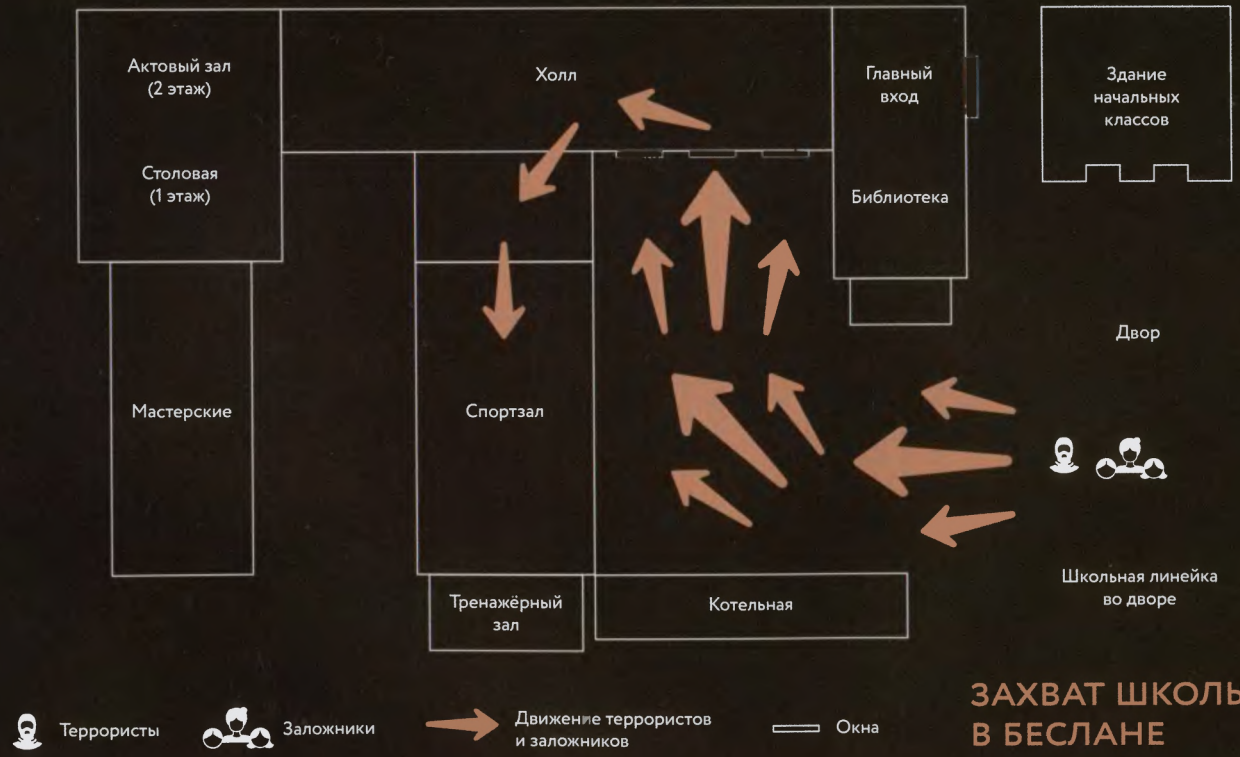
Беслан, день 1

Двор школы № 1 — это мешок, из которого есть только два выхода. Боевики перекрыли оба. Дети и родители не сразу поняли, что происходит захват. Террористы стали палить в воздух из автоматов и быстро добились от толпы повиновения. Для устрашения у входа в школу расстреляли одного из мужчин — Руслана Фраева. Чтобы побыстрее протолкнуть людской поток в спортзал, боевики вышибли окна и заставили заложников лезть внутрь. Одно из первых требований — говорить только по-русски: осетинского почти никто из захватчиков не знал. Один из родителей, Руслан Бетрозов, пытался успокоить толпу, говоря по-осетински. Ему дали закончить и расстреляли на глазах двоих сыновей.

Девушка-заложница Агунда Ватаева позже описывала захват:

> «Все стоят, разговаривают, в ожидании начала линейки. Мы с Кристиной и Дзерой обсуждаем Дзерину кофточку... Тут наш разговор обрывается. Где-то совсем близко раздались выстрелы. Я повернула голову и увидела трёх мальчиков, бегущих к выходу, а за ними человека в камуфляже и с чёрной густой бородой. Он бежал за мальчиками и стрелял в воздух. Я подумала: „Кто-то плохо шутит, наверное, розыгрыш или опять какая-то проверка". Эти мысли сразу же пропали, когда со всех сторон началась стрельба и нас погнали в сторону котельной. Мы сбились в кучу. На асфальте валялись потоптанные букеты, туфли, сумки. Они приказали

нам молчать и подходить к спортзалу. Люди не подходили к двери спортзала, а просто кинулись туда. В голове почему-то всё время вертелось правило, которое нам всегда твердили учителя: „В чрезвычайной ситуации главное — не паниковать". Я повторяла себе: „Всё сейчас кончится, это только сон". Всегда, когда я слышала эти фразы в голливудских фильмах, я смеялась над американцами, но сейчас было совсем не до смеха. Это был не страх, это было желание жить. Дверь спортзала была закрыта, и тогда они выбили два окна, выходящие в коридор. Все стали запрыгивать через них. Пихались, толкались, старались пролезть. Когда все люди оказались в коридоре, они сказали нам, чтобы мы сели на корточки и молчали. Люди паниковали, мы были в истерике. Чтобы нас успокоить, они подняли мужчину и пригрозили убить его, если мы не замолчим. Мы старались, но страх и паника брали верх. Раздался выстрел. Они его убили... тут наступила тишина, мёртвая, в прямом значении этого слова. Они приказали сначала выбросить все телефоны, а потом и сумки. Они сказали, что расстреляют двадцать человек, если услышат какой-нибудь телефонный звонок. После этого полетело ещё около десятка сотовых. Они ещё раз пригрозили, сказали, что расстреляют двадцать детей. Учителя уговаривали людей, чтобы они отдали все мобильные. Ещё несколько телефонов вылетело из толпы. К этому времени они уже разложили взрывчатку. Наверное, там было снарядов десять, я так думаю. Всё они делали очень профессионально, как будто всю жизнь занимались этим. Прямо возле нас стояли две шахидки. Они были в парандже, и их лиц не было видно. Только глаза и ноги.


Актовый зал
(2 этаж)
Столовая
(1 этаж)
Холл
Главный
вход
Библиотека
Здание
начальных
классов
Двор
Мастерские
Спортзал
Тренажёрный
зал
Котельная
Школьная линейка
во дворе
Террористы
Заложники
Движение террористов
и заложников
Окна
ЗАХВАТ ШКОЛЫ
В БЕСЛАНЕ

Они были в спортивках и кедах. В одной руке у них были пистолеты, а другую они все время держали на кнопках от поясов. И еще у них был такой взгляд... Ледяной, неживой, способный на всё. Именно шахидки вселяли такой страх и ужас»[1].

Мало кто успел сбежать в первые минуты. Иван Карлов, машинист котельной, спрятал 17 человек. Днём они выбрались, разломав непрочную стенку котельной за пределами зоны видимости бандитов. Те, кто не успел выбраться через узкий пролом, попали в заложники. Карлов был схвачен и позже погиб.

Довольно многие успели убежать. Спаслось около 150 человек. В основном старшеклассники, попрыгавшие через забор. Однако в заложниках осталось очень много людей. В спортзал согнали 1128 человек.

Когда людей загоняли в зал, бабушка, пришедшая на линейку с двухлетней внучкой, обратилась к террористу, умоляя отпустить её и ребёнка. Реакция не заставила ждать: «Тебе что, особое приглашение нужно? Или тебя здесь пристрелить?»[2] Женщина пошла вместе с внучкой внутрь.

До местного отделения милиции всего 150 метров — прибежавшие оттуда милиционеры начали стрелять по террористам. Одного боевика убили и ещё одного ранили, но этот микроскопический успех, конечно, ничего не решал.

Спортзал принялись минировать. Боевики заранее приготовили взрывную цепь, к которой теперь присоединяли самодельные бомбы. Часть этих самоделок соорудили из армейских «прыгающих» ОЗМ-72[3], другие изготовили кустарно. Бомбы развешивали по стенам, потолку, крепили к баскетбольным корзинам. Цепь активировалась замыкателями, на которых стояли террористы: если с замыкателя пропадал груз, с аккумулятора подавался ток, и бомбы взрывались. Фактически это означало невозможность штурма без подрыва всей цепи.

---

[1] https://chernaya100.com/norin-chechnya-2/texts/agunda-vataeva

[2] https://esquire.ru/beslan

[3] Противопехотная мина кругового поражения.

У всех отобрали телефоны. Захватчики обещали расстрелять 20 человек, услышав хоть один звонок, и это обещание над свежими трупами звучало очень убедительно. Среди прочей техники отобрали видеокамеру, принесённую кем-то из родителей на линейку. Потом её использовали для съёмок в школе, оставив прежнее название записи — «Время веселья».

Позднее появились конспирологические версии захвата — например, слухи о том, что часть оружия заранее спрятали в школе. Эта версия основана на ненадёжных предположениях, а главное, террористам это было не нужно: никто не мешал им привезти оружие с собой, что они и сделали. Зачем доставлять оружие в школу заранее, рискуя попасться по дороге или потерять тайник в результате случайности? Незадолго до теракта учителя и родители своими силами делали в здании ремонт и наверняка нашли бы схрон, сорвав всё дело. Боевики действительно вскрывали полы после захвата, но это объясняется просто — они искали подвалы, опасались подкопа.

Как только минирование закончили, через заложницу наружу передали записку. Одна содержала номер телефона и требовала прислать переговорщиков. Записка чётко и внятно указывает на последствия сопротивления:

> «Мы требуем на переговоры президента Респ. Дзасохова, Зязикова, презид. Ингушетии, Рашайло, дет. врача. Если убьют любого из нас, расстреляем 50 человек, если ранят любого из нас, убьём 20 человек, если убьют из нас 5 человек, мы всё взорвём. Если отключат свет, связь на минуту, мы расстреляем 10 человек»[1].

«Врач Рашайло» — результат неправильной передачи. Из-за того, что террористы не слишком хорошо говорили по-русски, Лариса Мамитова — писавшая записку под диктовку заложница — услышала «Рошаль» и приписала «детский врач». Имелся в виду бывший министр

---

[1] http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/05/24/195900-beslan-bez-grifov.html

внутренних дел Владимир Рушайло. Дзасохова и Зязикова — президентов соответственно Северной Осетии и Ингушетии — не пустил в здание школы оперативный штаб. Приехал Рошаль, но его бандиты не ждали и в школу не пустили.

Террористы с самого начала вели себя демонстративно жестоко. Неповиновение — пуля. Раненым — ни бинтов, ни воды. Это производило зловещее впечатление — даже по сравнению с басаевцами в Будённовске и красующимися убийцами в «Норд-Осте». Стрельба в потолок, издевательства, избиения продолжались всё время осады.

В это время в Беслан со всех сторон шла помощь. Местные милиционеры прибежали к школе практически сразу. К 11 часам в городок вошли две армейские роты, вскоре к ним присоединились ещё три. Школу блокировали. Солдатам пришлось держаться от неё на почтительном расстоянии: боевики реагировали на любое движение, щедро обстреливая бойцов из автоматического оружия и даже гранатомёта. Тогда же в Беслан прибыли находившиеся в Осетии группы «Альфы» и «Вымпела» — около 50 человек. В город выдвинулся медсанбат мотострелков, во второй половине дня подошли основные силы спецназа ФСБ — групп «А» и «В». Сформировали оперативный штаб, сначала под началом президента Осетии Дзасохова, но вскоре его заменил генерал ФСБ Валерий Андреев, руководитель осетинского отделения спецслужбы.

Террористы в это время обустроили опорный пункт. Мужчины под прицелом боевиков забаррикадировали двери. Окна завалили мебелью. Пока шли эти работы, одна из шахидок взорвалась. Самоубийцу, Марьям Табурову, возмутил объект захвата: она думала, что нападать будут на отдел милиции. То ли у неё сдали нервы, то ли Хучбаров решил сам взорвать выходящие из-под контроля «живые бомбы», но пояс смертницы сработал, убив владелицу, а заодно другую шахидку, ещё одного боевика и Ивана Карлова. Несколько человек были ранены. Заложникам сказали, что по школе выпалили из танка.

Закончив укреплять школу, террористы собрали мужчин на втором этаже — небольшими группами, по очереди.

Аслана Кудзаева вывели из спортзала и потащили на второй этаж. Попав в кабинет литературы, он сразу понял, в чём дело — на полу уже лежали восемь трупов. Их расстреляли в упор, длинными очередями. Террорист велел Кудзаеву и ещё одному мужчине выкинуть тела в окно. Пока они таскали мёртвых земляков, палач перезаряжал автомат. Кудзаев прыгнул к подоконнику и выбросился в окно, рухнув на груду свежих тел. Он повредил ногу, но сумел отползти за угол и пополз подальше от зоны обстрела. Вслед убегающему бил автомат. Из оцепления не отвечали — боялись новых расстрелов. Солдаты помогли единственным способом, которым можно было помочь, — закидали пространство между беглецом и школой дымовыми шашками. Сработало: Кудзаев выбрался из ада живым. Ему повезло — уже в этот день погибло два десятка человек. Кудзаевы вообще оказались везучими: жена и дочь Аслана тоже пережили теракт.

Ещё один мужчина уцелел по случайности: рядом стоял очень крупный человек, и все пули попали в него. Террористы из суеверия или просто поддавшись капризу вернули удачливую жертву в зал. Штурм этот человек тоже пережил.

Беслан, день 2

Рано утром Лев Дзугаев, представитель президента Северной Осетии, объявил, что составляются списки заложников и на данный момент в этих списках 354 человека[1]. Это злосчастное «354 человека» позднее будут припоминать ему постоянно. На самом деле речь шла о тех, чья личность установлена точно, а вовсе не об общем числе. Первоначальные «паническ ие списки» включали людей, оказавшихся вне школы, кого-то записывали по нескольку раз, поэтому начали более тщательный подсчёт, который требовал времени. Однако журналисты интерпретировали фразу Дзугаева в соответствующем ключе и понесли заветное число в массы[2]. Дзугаев явно понимал, что его слова могут интерпретировать неверно, и явно выделил голосом слова «на данный момент». Однако журналистов уже было не остановить.

---

http://www.pravdabeslana.ru/57-020206.htm — цитата Дзугаева...

http://www.rbc.ru/society/02/09/2004/5703bd999a7947afa08cbc30 — ...и их интерпретация в СМИ.

Террористы между тем перестали давать заложникам воду, сообщив наружу, что те добровольно объявили сухую голодовку, и прекратили отпускать в туалет. Принимать еду и медикаменты для жертв они отказались. Вообще, бесланские боевики не умели и не желали договариваться — в отличие от банды Бараева, люди Хучбарова не пускали к себе практически никого. Около 15:00 всё же удалось договориться о том, что в здание зайдёт бывший президент Ингушетии Руслан Аушев. Он вошёл в школу около 16:00. Главное, чего ему удалось добиться на переговорах, — освобождение грудных детей (на линейку многие семьи пришли в полном составе). Хучбаров был согласен: груднички не понимают угроз и требований и постоянно кричат. Аушев вывел 26 человек — матерей и самых маленьких детей.

Именно тогда сделана одна из самых известных фотографий Беслана: милиционер Эльбрус Гогичаев несёт на руках шестимесячную Алёну Цкаеву. Её мать тоже отпустили, но несчастная женщина не смогла бросить двух других детей, оставшихся в школе, и вернулась. Мать и сестра Алёны погибли, брат спасся. Офицер Гогичаев с тех пор — друг её семьи.

С Аушевым также передали вторую записку с политическими требованиями от Басаева: вывод войск, признание независимости Ичкерии. Помимо этого, записка содержала обычные риторические упражнения по поводу свободы и Аллаха:

От раба Аллаха Шамиля Басаева Президенту РФ Путину.

Владимир Путин, эту войну начал не ты. Но ты можешь её закончить, если тебе хватит мужества и решимости де Голля.

Мы предлагаем тебе разумный мир на взаимовыгодной основе по принципу «Независимость в обмен на безопасность». В случае вывода войск и признания независимости Чеченской Республики Ичкерия, мы обязуемся: не заключать ни с кем против России никаких политических, военных и экономических союзов, не размещать на своей территории иностранные военные базы, даже на временной основе, не поддерживать и не финансировать группы или организации, ведущие вооружённые методы борьбы против Российской Федерации, находиться в единой рублёвой зоне, войти в состав СНГ.

Эльбрус Гогичаев и Алёна Цкаева.
Фото Reuters.

Кроме того, мы можем подписать договор [в тексте — ДКБ, имеется в виду договор о коллективной безопасности], хотя нам более приемлем статус нейтрального государства.

Также мы можем гарантировать отказ всех мусульман России от вооружённых методов борьбы против Российской Федерации, как минимум на 10-15 лет, при условии соблюдения свободы вероисповедания [в тексте в скобках указано «что, кстати, закреплено в Конституции РФ»].

Мы не имеем отношения к взрывам домов в Москве и Волгодонске, но можем в приемлемой форме и это взять на себя.

Чеченский народ ведёт национально-освободительную борьбу за свою свободу и независимость, за своё самосохранение, а не для того, чтобы разрушить Россию или унизить её. [В тексте следует предложение, которое Семисынова опустила: «Будучи свободными, мы будем заинтересованы в сильном соседе».] Мы предлагаем тебе мир, а выбор за тобой.

Далее ниже посередине листа написано «Аллаху акбар» и подпись неразборчиво. Дата — 30 августа[1].

В разговоре с Аушевым был упомянут и Масхадов. Его Хучбаров предложил в качестве партнёра по переговорам. Однако попытки с ним связаться ни к чему не привели.

Между тем дела в спортзале шли всё хуже и хуже. На улице жара. Воды нет. Зал не проветривался, люди дышали спёртым воздухом. Заложники начали терять сознание. Многим детям приходилось пить мочу. Мочой обтирались, а кому-то и промывали раны. Все попытки попросить воды у террористов кончались одинаково — ударами ног и прикладов. В туалет отпускали выборочно, зал постепенно тонул в нечистотах. В ком-то из террористов тогда проснулось человеческое, и он отпустил нескольких детей в душевую — там была вода. Один из командиров — Ходов — на него наорал, но, по крайней мере, никого не убил.

---

[1] https://www.newsru.com/russia/29jun2006/beslan.html

У террористов случались перепады настроения. Лариса Сидакова вспоминала:

> «Некоторых террористов вдруг охватил странный приступ заботы о пожилых заложниках: они взялись пересаживать наших мальчишек, а их места предлагать тем, кто постарше. Дошло до нравоучений в адрес молодых людей. Я чётко расслышала нарочито громкие упрёки из уст террористов: „Вы разве мужчины? Разлеглись тут сами, а вот женщина сидит, мучается..." Один из террористов, высокий такой, без маски, которого мальчишки меж собой называли Али, стал вдруг искать розетку, чтобы дать нам послушать какую-то свою музыку! Правда, потом то ли передумал, то ли розетку не нашёл. Театр абсурда, в общем. Мы уже в догадках терялись, чего от них ожидать: пристрелят или концертом по заявкам порадуют?»[1]

Куда менее безобидной была «игра в зайчики»: некоторых заложников заставляли долго сидеть с руками на голове, что через какое-то время превращалось в истинную пытку.

Штаб антитеррористической операции постепенно терял контроль над ситуацией. По городку бродили вооружённые толпы людей — местные ополченцы и приезжие соплеменники со всей республики и даже из соседней Южной Осетии. В Беслане на руках у населения имелось более 2000 легальных ружей и карабинов, кроме того по республике ходили тысячи армейских стволов, оставшихся со времён конфликта между Осетией и Ингушетией в 1992 году. Теперь съехавшиеся в Беслан люди не знали, что с собой делать, и просто перемещались вокруг школы, надеясь в меру своих сил и разумения поучаствовать в освобождении заложников. Игнорирование этой толпы стало если не главным, то одним из основных провалов штаба.

---

[1] https://expert.ru/russian_reporter/2019/15/beslan-devochka-okno-15-let-spustya/

Никто не удосужился как следует организовать ополчение и направить энергию людей в полезное русло.

Во второй день произошло меньше всего событий, но некоторые заложники вспоминали его как самый долгий день непрекращающихся мучений.

Продолжались лихорадочные попытки связаться с террористами и склонить их хотя бы к какому-то способу разрешения конфликта. Предлагали деньги, коридор для выхода, еду и лекарства, даже освобождение пленных боевиков — всё тщетно.

Президент Северной Осетии Дзасохов и бывший президент Ингушетии Руслан Аушев уже начали зондировать почву на предмет участия Масхадова в переговорах. Возможности связаться с политическим лидером боевиков напрямую не было, поэтому общаться пришлось через Ахмеда Закаева, представителя Масхадова в Европе. Такие переговоры Дзасохов и Аушев, конечно, не могли вести без санкции и прямого одобрения Москвы. Кроме чиновников Закаеву звонила журналистка Анна Политковская — с тем же вопросом: как связаться с Масхадовым? Закаев сразу отмежевался от происходящего в Беслане за себя и за своего патрона, сделав несколько заявлений общего характера. Он, разумеется, связался с Масхадовым и, по собственным словам, уже готовил его приезд в Беслан. Правда, никакой конкретики он не сообщил — не оговаривали ни маршрут, ни сроки. Сам Масхадов молчал и не выходил на связь. С ним пытался соединиться также политик Таймураз Мамсуров, чьи родные находились в заложниках, но тоже не преуспел.

Масхадова Басаев поставил в чрезвычайно трудное положение. Да, вроде бы тот получил возможность войти в историю в роли спасителя детей. Но Масхадов не ждал и не желал такого «подарка». Он понятия не имел, будут ли захватчики вообще с ним разговаривать: договариваться Хучбаров посылал не об освобождении детей, а о выводе войск. Масхадов не мог ни надавить на террористов, ни предложить им что-либо. Поэтому он отмалчивался в течение всех событий, и историю о том, как политический лидер Ичкерии будто бы собирался ехать, но ему не дали, придумали уже постфактум. Эта ситуация вызвала ярость даже у Политковской, которая назвала Масхадова трусом несколько дней спустя.

К вечеру 2 сентября перед Россией стоял выбор из нескольких катастрофических вариантов: либо вести переговоры с участием Масхадова, своими руками придав тому легитимности (без всяких гарантий спасения детей), либо сдаваться захватившим школу людоедам на любых условиях, либо брать школу приступом, смирившись с гибелью многих заложников. Схема минирования не оставляла никаких шансов, способ «Норд-Оста» не подходил, к тому же речь шла о детях. Но решение не штурмовать вовсе значило, что самое позднее к 4 сентября в школе начнутся массовые смерти без всякого боя — от обезвоживания и антисанитарии.

На следующий день мучительные раздумья разрешились сами собой.

Беслан, день 3

Заложники дошли до крайнего истощения. Жара, спёртый воздух, тысяча человек в маленьком спортзале, отсутствие воды. Люди впадают в апатию, ещё предыдущим вечером одна из женщин вступает в перепалку с террористами. Большинством овладело безразличное отчаяние. Хотелось, чтобы мучения прекратились — неважно как.

Сами террористы находятся на взводе. Время шло, переговорщики с заветной капитуляцией не показывались. Заложникам зачитали лекцию о смерти за веру и объявили, что убьют их как можно больше, потому что тогда они не смогут стать наркоманами и проститутками. У некоторых бандитов начались нервные срывы[1].

В середине дня часть самых ослабевших заложников перевели в более прохладный тренажёрный зал — смежный со спортивным. Соответственно, надо было перемонтировать подрывную цепь.

Руслану Аушеву за день до того удалось договориться о том, что спасатели МЧС эвакуируют тела расстрелянных мужчин. К школе пошли четверо из полусотни спасателей отряда «Центроспас». Позднее один из них — Алексей Скоробулатов — рассказал о судьбе группы в интервью[2].

---

https://expert.ru/russian_reporter/2019/15/beslan-devochka-okno-15-let-spustya/

https://www.gazeta.ru/2005/09/05/oa_169641.shtml

Четверо МЧСовцев во главе с Валерием Замараевым выехали к школе на грузовике около 13:00. Работать разрешили только двоим, ещё двое сидели перед забором с поднятыми руками под прицелом пулемёта. Вдвоём затаскивать трупы в машину было тяжело, и террористы разрешили Замараеву помочь товарищам. Боевик, который держал на мушке Скоробулатова, подозвал его к себе.

В этот момент случилось то, чего никто не ожидал. Часть подрывной цепи в зале сработала.

Точно установить причину не удастся уже никогда: все, кто находился прямо у бомбы, были убиты наповал. Вероятнее всего, пока боевики меняли схему минирования, случился самопроизвольный подрыв — не редкость для самодельных бомб.

Первой взрывается мина на стуле у входа в зал, около 3–6 кг тротила. Она убивает всех, кто находится вблизи, ранит десятки детей. Через 23 секунды взрывается участок подрывной цепи: тяжёлая мина под окном, мина-«лягушка» на баскетбольном щите и несколько небольших бомб; в общей сложности рвануло от 5 до 10 взрывных устройств сразу[1].

Агунда Ватаева:

«Первое, что я увидела, когда я поднялась, — горящий и обожжённый труп одного из террористов на стуле, под разорвавшимся снарядом, которого заливал ведром с водой другой боевик»[2].

Было 13:15.

Один из лучших исследователей теракта в Беслане Александр Бураков имеет по этому поводу свою точку зрения: «Я твердо уверен, что это был целенаправленный подрыв. С первого раза сработало не все, повторная подача тока — опять не все, но третий взрыв уже не сделать — оборвался шлейф цепи». Ничего невозможного, впрочем, нет и в сочетании: спонтанный первый подрыв, целенаправленный второй. https://warhead.su/2020/09/01/terakt-v-beslane-tragediya-i-domysly

http://www.mk.ru/incident/2012/09/03/743720-shkolnyiy-dnevnik-beslana.html

Боец группы «Альфа» на позиции перед школой.
Беслан, 3 сентября 2004.
Фото Дмитрия Белякова.

С боевиками попытались связаться, успокоить, убедить, что это не штурм, упросить прекратить огонь. В ответ: «Мы пришли сюда умереть, нам ничего не надо. Аллах акбар». Последние попытки штаба связаться с террористами были предприняты через час — бесполезно.

Тому, что началось дальше, названия ещё не придумали.

Все способные передвигаться бросаются из школы наружу через выбитые окна и двери. Боевики начинают бить по ним из всех стволов — включая пулемёты. У стен школы убит снайпером МЧСовец Дмитрий Кормилин, Валерий Замараев смертельно ранен. Убегающих косят огнём. Учитель физкультуры Иван Каниди бросается на боевика Ибрагима Дзортова, пытаясь отобрать у того автомат. Террорист бросает «калашников» и выпускает в Каниди обойму из пистолета.

«Всё взорвалось, а потом я увидела, что бабушка лежит вся в крови. Я стала её будить, но она не просыпалась. Тогда я, как учила мама, встала и сильно-сильно побежала»[1], — первоклассница Дзера Кудзаева.

Часть боевых групп «Альфы» и «Вымпела» в этот момент находилась на полигоне за пределами города, отрабатывая штурм на такой же школе. Теперь они несутся к школе через весь Беслан, а их товарищи, дежурившие перед зданием, ведут бой у стен. Снайперы обстреливают огневые точки боевиков, чтобы подавить или хотя бы отвлечь от расстрела бегущих. С улицы к зданию бросаются толпы осетинских ополченцев, многие из них начинают стрелять.

Фотограф Дмитрий Беляков описывал это безумство доведённых до срыва вооружённых людей:

«Крика и шума среди „Альфы" было довольно-таки много. Может быть, отчасти потому, что они были здорово разозлены тем, что ополченцы... Я понимаю, что будет обидно им это слышать, но от осетинских ополченцев и милиции, или кто это там был — ну там

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/508628

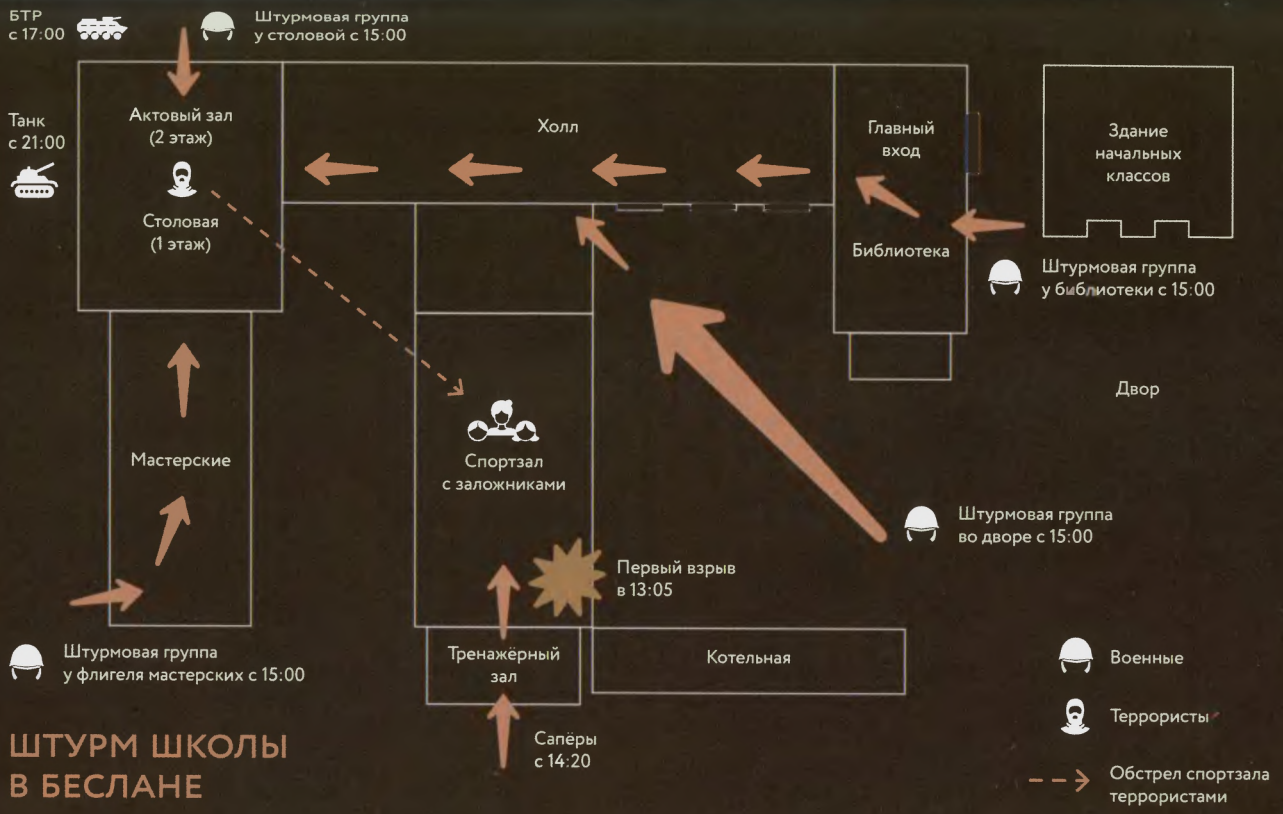
всякие дяди бегали с винтовками, с автоматами — шуму от них было очень много... Вот человек выбегает, да... Вот куда он стреляет, зачем он стреляет, куда он попадёт — мне совершенно это не понятно. Но он должен там быть, он должен обязательно этот магазин туда выпустить, у него эмоции — всё это понятно... Вот эти ребята с „Альфы" — они раза четыре с пятого на первый бегали и просто им в ухо орали: „Блядь! Перестаньте стрелять! Прекратите огонь! Просто дайте работать спецназу. Ну ваши же заложники выходят! Там дети выбегают!" — Бесполезно»[1].

Несколько контринтуитивное, но важное обстоятельство: спецназовцы получили приказ не стрелять попусту в противника, которого не видят, пока не будут развёрнуты все штурмовые группы. Однако у местных ополченцев сорвало резьбу, а террористы вовсе не стеснялись. Поэтому, то утихая, то возобновляясь, бой шёл несколько часов. Звуковой фон у записей из Беслана за 3 сентября попросту неимоверный: автоматическое оружие работает без передыха.

В спортзале — гора трупов и раненых, люди лежат слоями. Тех, кто ещё может ходить, но не успел убежать, боевики гонят в столовую, где занимают оборону. Детей и женщин выставляют в окна. В это время солдаты выламывают решётки и пробиваются в тренажёрный зал, который пристроен к спортивному. Там уже укрылось довольно много людей — те, кто побоялись выбегать из спортзала под огнём. Что ужаснее всего, спецназовцы не могут даже выбить боевиков из флигеля напротив: снайперам перекрывает линию огня само здание спортзала, и чтобы хотя бы увидеть противника, надо вылезти в окно — прямо под кинжальный огонь. Из тренажёрки выводят заложников. Раненых тащат во двор соседнего училища, где развёрнут мобильный госпиталь. Зал ещё не горит, поэтому туда ползком пробираются два сапёра и кто-то из ополченцев. Полковник Андрей Гаглоев, завязавшись узлом, срезает бомбу со шведской стенки, ещё одну обезвреживает второй сапёр, полковник Набиев.

---

[1] http://leon-spb67.livejournal.com/68226.html



ШТУРМ ШКОЛЫ В БЕСЛАНЕ

Всё это время по залу палят боевики со стороны параллельного флигеля. В зал даже пускают несколько реактивных гранат. По словам Гаглоева, именно от одной из этих гранат загорелся потолок зала. Из спортзала кое-как выносят оставшихся там живых людей. Всё это время боевики через окна стреляют по спасающимся и спасателям из автоматов и гранатомётов.

Одна из девочек, Аида Сидакова, контуженая, вылезла из спортзала и на глазах у всех запрыгнула назад. После первого взрыва она и её мать, Лариса Сидакова, потеряли друг друга. Теперь Аида пыталась найти маму.

Они обе остались живы[1].

В 14:30 из школы с толпой заложников пытается выбраться один из террористов, Нурпаша Кулаев. Его, бормочущего «жить хочу, хочу жить», опознают и захватывают. В это время по всему городку хватают предполагаемых террористов. В Беслане много мужчин, съехавшихся из других частей Осетии, поэтому их не всегда опознают сразу и многие по ошибке попадают под горячую руку. Схваченных доставляют в отделения милиции, многих избивают, но в итоге Кулаев оказывается единственным из боевиков, кого берут живьём.

Худшее было впереди. Пожар в спортзале начался около 14:45. Судя по всему, непосредственной причиной возгорания стала выпущенная террористами реактивная граната, попавшая в деревянные перекрытия спортзала.

Поначалу площадь пожара была маленькой, но потушить его не было никакой возможности из-за стрельбы от занятого террористами флигеля. В это время в зале всё ещё было множество раненых и контуженых. Пламя распространяется с чудовищной скоростью. Сверху падают горящие куски потолочных плит, доски чердака.

---

[1] Подробная история поистине чудесного спасения семьи Сидаковых и их поисков фотографом Дмитрием Беляковым: https://expert.ru/russian_reporter/2019/15/beslan-devochka-okno-15-let-spustya/

Аида Сидакова во время штурма школы в Беслане, выброшенная взрывной волной из окна спортзала, 3 сентября 2004 года. Фото Дмитрия Белякова.

Она же – у окна спортзала, июль 2019 года.
Фото Дмитрия Белякова.

15:00. Общий штурм. По позициям боевиков на чердаке школы бьют «Шмелями»[1]. Спецназ действует тремя группами. Одна прорывается к столовой через флигель мастерских. Пройти долго не получается — на пути баррикады и мины. В конце концов по приставной лестнице взбираются на второй этаж и идут вперёд, к актовому залу, под которым столовая. Вторая группа входит через окно библиотеки с торца. Коридор на первом этаже простреливается насквозь, поэтому бойцы тоже заходят на второй этаж и продвигаются вперёд по длинному коридору. Третья движется к угловому запасному выходу под прикрытием брони. Ей было относительно проще: огневые точки боевиков подавили, поэтому там, со стороны двора, где спортзал, к зданию подошло много местных мужчин и корреспондентов. Многие журналисты тогда побросали камеры и пошли туда же, куда все остальные — выносить детей. В этот момент из школы выводят третью большую группу заложников. Первая — это те, кто вырвался во время массового бегства после взрывов в спортзале, вторая — те, кого вытащили из тренажёрки, а теперь вытаскивают людей из душевых. Но много заложников ещё остаётся в столовой.

«Альфа» и «Вымпел» не могут подавить противника огнём: на линии стрельбы постоянно кто-то находится. У террористов таких проблем нет. Спецназу приходится наступать по ровному открытому пространству, и он начинает нести тяжёлые потери. В атаку идут даже способные передвигаться раненые. Бой идёт на втором этаже, где с некоторым количеством заложников рассредоточилась группа боевиков, и в столовой, где засел основной отряд.

В столовой — ад внутри ада. Террористы прекрасно понимают, что отступать им больше некуда, поэтому толпами ставят людей на окна, стреляя из-за их спин из всего, что есть. В этот момент у них в руках ещё остаётся не менее сотни заложников. После того как удалось убить боевиков на втором этаже, к столовой и актовому залу над ней стягиваются штурмовые группы внутри школы. Альфовцам на втором этаже приходится вывешивать в окно импровизированный белый флаг: ополченцы продолжают молотить куда Бог пошлёт.

Реактивный пехотный огнемет. Название не вполне корректное, боеприпас создает избыточное давление, но не поджигает цель.

К окнам столовой прорывается БТР. Тросом цепляют и вырывают решётку первого этажа. В столовую и кухню врывается спецназ. Именно там гибнет больше всего офицеров: бой идёт накоротке, террористы могут давить огнём любое движение. Там же гибнут десятки заложников.

Надежда Бадоева, тогда старшеклассница, в суде рассказывала про этот бой:

> «Наши [дети] кричали: мол, не стреляйте, здесь заложники. Альфовцы в ответ: мол, мы знаем. И потом они залезли, пробили решётку. Первый, кто запрыгнул, пробил решётку и на печку прыгнул. И вот этот Ибрагим выбежал оттуда и кинул гранату, он ещё кричал: „Аллах акбар!" Он умер, этот альфовец, возле меня ещё сидели дети, и он к нам прыгнул, накрыл нас собой. Потом вот кто там поблизости сидел, они их всех вытащили, и кричат нам: „Ползите, что вы ещё сидите". Я ещё ногу не видела, только почувствовала горячее. Но попало что-то, и кровь вот по лицу у меня течёт горячая. А так я ещё не видела. И как-то вот этого альфовца, мы его скинули. И дети побежали, они нормальные были, они побежали. Я тоже встала — сейчас, думаю, пойду, и у меня нога ушла под себя. Я вообще не могла, как-то доползла. А передо мной выносили девочку, или я не знаю кого, и в неё попали. И альфовец кричит: „Смотрите, прикрывайте, чтоб в неё тоже не попало". И так меня вытащили, вынесли. И всё»[1].

Убитый спецназовец, прикрывший собой детей, — Андрей Туркин из «Вымпела». А «Ибрагим» — Ибрагим Дзортов, тот самый, который убил физрука. Бросок гранаты был последним, что он успел в жизни — затем его застрелили.

27-е заседание Верховного суда Северной Осетии по делу Кулаева.

Хучбарова с группой подручных убили во время бешеного боя в столовой. Ходов был застрелен в актовом зале.

После того как последние заложники покинули школу или погибли, снаружи решили больше не тратить людей на контактный бой. Огневые точки боевиков расстреляли «Шмелями», а в 21:00 добавил танк, сделавший семь выстрелов. Двое последних террористов затаились во флигеле и попытались сбежать около полуночи. Их накрыли из гранатомёта.

Бой закончился.

Детей эвакуировали в больницы. Потери ужасали. Погибло 334 человека. Более 700 ранены и травмированы. Убито 186 детей, 129 взрослых родственников, близких и сотрудников школы, 9 человек из состава спасательных служб и МВД. Во время штурма погибли 10 офицеров «Альфы» и «Вымпела». Для них это беспрецедентные потери: за всю историю подразделений, начиная со штурма дворца Амина в 70-е, в обоих погибли около 60 бойцов. 35 спецназовцев, 27 спасателей, милиционеров и солдат других ведомств были ранены.

На следующий день началась тяжелейшая работа — разбирали завалы, выносили мёртвые тела. Началось официальное расследование — и несколько неофициальных. Споры об обстоятельствах трагедии продолжаются до сих пор. Беслан на много лет перестал быть нормальным городом. В лучшем случае оплакивали друзей. В худшем — семьи, погибшие полностью.

ГЕРОИ И НЕГОДЯИ

Специфика работы спецподразделений: о мёртвых известно больше, чем о живых. Но по крайней мере один из участников штурма не просто известен по имени, но даже дал интервью[1]. Это Максим Разумовский из «Вымпела», младший брат погибшего в школе Дмитрия. Фотография, на которой он выходит из школы, — израненный, в рваном камуфляже, покрытый каменным крошевом, залитый своей и чужой кровью — обошла мир.

---

[1] http://www.pravoslavie.ru/73337.html

Максим пришёл в «Вымпел» в 1997 году и до Беслана воевал по всему Кавказу. Во время штурма его ранило пулей в бедро, на что боец просто не обратил внимания: он перевязывал товарищей, и собственная рана показалась ему незначительной. Затем — уже во время штурма второго этажа — Разумовского ранило и контузило близким взрывом гранатомётного заряда. Осколки попали в голову, плечо и спину. То, что произошло дальше, несколько выходит за рамки нормальных человеческих возможностей: Разумовский добрался до исходных позиций сам, перевязал раны, вколол обезболивающее... и вернулся — сражаться, помогать раненым и выносить детей. Сейчас он жив и здоров. Героем себя не считает. Кроме его брата из состава спецподразделений в школе погибли Роман Катасонов, Денис Пудовкин, Олег Ильин, Андрей Туркин, Олег Лоськов, Вячеслав Маляров, Андрей Велько, Михаил Кузнецов и Александр Перов. Были убиты или тяжело ранены все командиры штурмовых групп. Итог операции для групп «А» и «В» подвёл неизвестный офицер: «Нас стали хоронить, как шахтёров».

Позднее состоялся суд над единственным выжившим террористом — Нурпашой Кулаевым. Никакой готовности к смерти, о которой столько разглагольствовали, Кулаев на процессе не продемонстрировал. Никакого мужества не проявил. Боевик утверждал, что автомат ему выдали в самой школе, что он ни разу не выстрелил, потому что не умеет, и что единственной его задачей было сидеть у окна и смотреть, не идёт ли кто снаружи. Между тем неудачливая смертница Зарема Мужахоева опознала Нурпашу как члена банды Басаева, а школьная уборщица, у которой погиб ребёнок, указала на Кулаева как на человека, который её бил:

— Ну, избивать никого не избивал. Но третьего числа, когда я его попросила, он меня два раза ударил.

— За что?

— За то, что у меня ребёнку плохо было. Я кусочек майки оторвала и ему говорю: «Намочи — у меня ребёнок умирает». А он мне говорит: «Пускай он у тебя умрёт, ублюдок!» И он меня дулом автомата ударил. И ногой тоже ударил. И я села на место[1].

---

[1] Цит. по: http://www.russ.ru/pole/Sud-nad-Kulaevym. Там же — разбор юридической составляющей суда над Кулаевым.

Идейный боец за веру на суде юлил и пытался избежать уголовной ответственности. Впрочем, это ему не помогло. Как минимум, в банду Кулаев входил. А особенность таких преступлений состоит в том, что каждому конкретному участнику банды могут вменяться преступления всей группы. Исключение касается только эксцесса исполнителя — когда один из бандитов творит что-то, что не охватывалось общим замыслом. Но тут не тот случай.

В мае 2006 года Кулаева приговорили к пожизненному заключению по рекордному набору статей УК: 209 (бандитизм), 222 (незаконное ношение оружия), 206 (захват заложника), 205 (терроризм), 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и 105, часть 2, пункты «а», «б», «в», «д», «е», «ж», «з» (убийство двух и более лиц, убийство находящихся в беспомощном состоянии, совершённое с особой жестокостью, общеопасным способом, организованной группой, сопряжённое с захватом заложников и бандитизмом, а также убийство в связи с осуществлением жертвами служебной деятельности). Судебным приставам пришлось силой удерживать потерпевших от попытки на месте исправить приговор на смертный. Сейчас Кулаев сидит в колонии на Ямале.

ВЗРЫВЫ, ТАНКИ, ОГНЕМЁТЫ

Трагедия в Беслане оставила после себя целый ряд вопросов. Помимо официального расследования, вёлся ряд параллельных. Классической версией событий является доклад парламентской комиссии, известный как «доклад Торшина» — по фамилии председателя депутата Александра Торшина . Это «консервативная», официальная версия событий, и (возможно, кому-то хотелось бы вставить здесь слово «однако» вместо «и») доклад Торшина является наиболее цельным и непротиворечивым описанием случившегося.

Куда более жёстким и даже скандальным стало «Особое мнение» участника комиссии Юрия Савельева, переросшее в отдельный доклад по поводу обстоятельств теракта[1]. Савельев выдвинул целый ряд тезисов, фактически

[1] Полный текст: http://pravdabeslana.ru/dokladtorshina221206.pdf
Текст доклада Савельева: http://www.pravdabeslana.ru/doklad/oglavlenie.htm

обвиняющих службы безопасности и военных в сознательном уничтожении школы с заложниками. Савельева и его команду обвиняют во множестве неувязок и натяжек, допущенных в докладе, а также подгонке фактов под концепцию. Например, Савельев использует лишь те реплики очевидцев, которые хотя бы косвенно подтверждают его правоту, игнорируя более многочисленные свидетельства, его версию опровергающие. Однако версия Савельева достаточно широко разошлась и требует опровержения по существу.

Вкратце два ключевых вывода Савельева можно описать так:

— Первый взрыв в школе произошёл в результате выстрела из гранатомёта или огнемёта «Шмель» снаружи. Выстрел был произведён в 13:05 (а по официальной версии — в 15:00). От него взорвались бомбы и начался пожар.

— При штурме для стрельбы по помещениям с заложниками активно применялись реактивные огнемёты и танки, вследствие чего и разразилась трагедия.

У версии о первом взрыве в результате выстрела из гранатомёта или РПО есть неустранимое слабое место. При выстреле из гранатомёта (особенно — «Шмеля») грохот слышно дважды. Первый хлопок — собственно выстрел, второй — звук попадания. Сохранились записи начала штурма, и на них очень хорошо слышно, что первый взрыв был одиночным. Никакого дуплета не слышно. При этом записи, сделанные уже во время боя, тоже существуют, и на них как раз отчётливо слышны дуплеты.

Кроме того, шифер на скате крыши спортзала там, где, по мнению Савельева, произошло попадание «Шмеля», остался цел и нетронут. Выстрел из РПО должен был просто его сдуть. Причём в тех местах, куда в 15:00, при начале общего штурма, действительно стреляли (огневые точки боевиков на чердаке), прекрасно видно, какой эффект должен был произвести «Шмель», попав в крышу спортзала.

Кроме того, точно известно, что около 14:30 в спортзале находились сапёры и спецназовцы. Полковник Гаглоев — сапёр, снимавший мины в зале, — на суде утверждал, что пожара в тот момент ещё не было.

Савельев же утверждает, что якобы первый выстрел из «Шмеля» был произведён в 13:05 и стреляли по спортзалу. Это попадание, по его словам, и вызвало пожар. Но если бы пожар начался в это время, то в 14:30 всё так полыхало бы, что внутрь не смог бы попасть никакой спецназ и сапёры.

Фотографии, сделанные по крайней мере через час после первых взрывов (то есть около 14:10), также не показывают никаких следов пожара. Что касается вопроса о том, откуда прилетела граната, которая подожгла спортзал, то Гаглоев говорил о флигеле столовой. Этот вариант вполне реалистичен и непротиворечив. Именно в столовой на тот момент собралось больше всего террористов, а окна зала оттуда хорошо видны. Они находятся под небольшим углом, но не таким, чтобы в окно зала нельзя было вогнать гранату из РПГ или одноразового гранатомёта.

Специфика «Шмеля» такова, что он, вопреки названию «огнемёт», не поджигает цель (кроме случаев использования специфической зажигательной модификации этого оружия, которой в Беслане точно не было). Основной поражающий эффект создаётся избыточным давлением. После событий в Беслане эксперты специально продемонстрировали выстрел «Шмелём» по деревянному зданию. Конструкция разрушилась, но не загорелась[1].

Почему взорвались первые бомбы? Точный ответ на этот вопрос вряд ли удастся когда-либо получить. Все присутствовавшие при этом террористы были убиты. Однако версия по поводу возможного взрыва от выстрела извне подробно разбиралась экспертами-взрывотехниками ФГУП[2] «Базальт» и Центрального научно-исследовательского института имени Карбышева, то есть лучшими взрывотехниками, какие в принципе существуют в России[3]. Вывод экспертов был однозначным: первой взорвалась тяжёлая самодельная бомба в 3–6 кг тротила. Подрыв был совершён не электрическим способом — то есть не потому, что террорист-«кнопочник» сознательно убрал ногу с педали, активирующей бомбу, и не потому, что он был убит. Согласно мнению взрывотехников, причиной взрыва стало неосторожное обращение боевиков с бомбой. Ничего более конкретного сказать было нельзя. Связи между этим

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/607710

[2] Федеральное государственное унитарное предприятие.

[3] Полный текст экспертизы: http://www.reyndar.org/~reyndar1/exp/

взрывом и гипотетическим выстрелом из гранатомёта снаружи эксперты не обнаружили. Версию Савельева о выстрелах извне как первопричине взрывов они категорически отвергли.

Также всплыл вопрос о применении в Беслане танков. Танки в Беслане действительно находились, и один из них сделал 7 выстрелов вечером, когда заложники в школе отсутствовали и в здании добивали последних боевиков. Танк разгромил оставшиеся огневые точки. Савельев же говорит, что танки начали стрелять ещё днём. Но танковая пушка — орудие очень мощное, взрывы снарядов не могли остаться незамеченными. Однако ни один оператор или фотограф не заснял работу танков днём. Не зафиксировано также звуков, которые можно было бы однозначно интерпретировать как стрельбу из танкового орудия. Кроме того, даже постфактум на фото и видео, сделанных до вывода из школы заложников, не обнаружено никаких следов обстрела здания школы танками. В докладе Савельева приводилась фотография пролома в стене столовой, который мог быть сделан танковым снарядом. Но на снимках, сделанных во время и в первые минуты после штурма, этот пролом отсутствует . Заложник, находившийся в столовой до самого конца, замечал: «Я различаю выстрел из танка и разрыв гранаты. Думаю, если бы в столовую выстрелили из танка, вряд ли там уцелел бы кто»[1]. Вообще, о танках, стрелявших днём, говорят лишь несколько человек, причём их показания резко расходятся не только со свидетельствами других людей, но даже друг с другом. В качестве огневых позиций танков называют в том числе места, откуда школу просто не видно. Танкисты перед судом утверждали, что не вели огня до 21 часа[2]. Военных можно было бы обвинить в подыгрывании властям, но рядом с танками находилось множество людей, в частности корреспондент «Шпигеля» Уве Клуссман. Немца вряд ли можно заподозрить в работе на Кремль, но и он сказал, что не видел и не слышал стрельбы из танка[3].

Детальный разбор вопроса о стрельбе танка по столовой:
http://www.reyndar.org/beslan/forum/index.php/topic,60.0.htm
http://www.reyndar.org/beslan/forum/index.php/topic,35.0.html
http://www.reyndar.org/beslan/forum/index.php/topic,284.0.html

[1] http://pravdabeslana.ru/dokladtorshina221206.pdf

[2] https://rg.ru/2006/09/22/beslan.html

Крыша спортзала.

Попадания из «Шмеля» по крышам в местах огневых точек боевиков на чердаке.

Кстати, нельзя не заметить, что версия Савельева менялась со временем и долгое время включала и снайпера, который убил «кнопочника», и даже удар по школе «Шмелём», выпущенным с вертолёта. Вертолёт окончательно переводил теорию в разряд сценариев к фильмам про Рэмбо, поэтому позднее всё же предпочли настаивать на выстреле из соседнего здания. Однако всё же стоит «записать ходы» и констатировать: версия о выстреле из РПО или РПГ как первопричине взрыва в спортзале принадлежит человеку, который полагал, что «данный удар термобарической гранатой мог быть нанесён только с одного из боевых вертолётов Центра специального назначения ФСБ, которые появились над школой сразу же после прозвучавших первых взрывов».

Отдельный вопрос касается ведения переговоров. Прямо скажем, особых успехов здесь добиться не удалось. Однако банда Хучбарова и не собиралась переговариваться. Лишение воды детей, как позднее утверждал Басаев, увязывалось с вопросом о выводе войск: по утверждению главаря террористов, воду начали бы давать только после приказа о выводе военных из Чечни. Всё остальное террористы даже не обсуждали. Попытки облегчить жизнь заложникам предпринимались постоянно, и как указано выше, даже после первых взрывов банду пытались успокоить. Другой вопрос, что увещевать было некого. Из ситуации выжали, что могли.

Наконец, с событиями в Беслане связан небольшой отдельный сюжет. 2 сентября 2004 года в Беслан вылетела журналистка Анна Политковская, собиравшаяся посредничать на переговорах. В самолёте Политковская потеряла сознание. По её мнению, её отравили сотрудники спецслужб, представителю авиакомпании врачи сообщили, что это скорее «какая-то вирусная инфекция»[1]. Однако, по данным СМИ, речь шла об отравлении неизвестными токсинами[2]. Кроме того, в московском аэропорту Внуково был задержан корреспондент радио «Свобода» Андрей Бабицкий — по официальным данным, за оскорбление милиционеров, по словам самого Бабицкого — в результате специально спровоцированного скандала[3]. Официальные комментарии по поводу обоих инцидентов

---

https://www.kommersant.ru/doc/502618

https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/61071/

https://ytro.news/articles/2004/09/02/346597.shtml

крайне скупые, сами пострадавшие полагали, что их целенаправленно изолировали, пытаясь воспретить освещение событий теракта.

Следует понимать, что, если бы 3 сентября не удалось ни о чём договориться, бой начался бы не позднее ночи на 4 сентября. К этому моменту заложники начали бы умирать сами, от жажды. По словам нескольких пленников, люди уже начали сходить с ума, и если бы не произошёл взрыв, попытку к бегству предприняли бы стихийно (один из мальчиков 3 сентября даже произнёс, глядя на бомбу: «Да взорвись же уже наконец!»[1]). Разумеется, допустить этого никто не мог.

Однако версия о спланированном штурме, который начался с обстрела школы извне, имеет множество слабых мест. Во-первых, никто не стал бы начинать штурм, пока перед школой находились четверо спасателей МЧС. Во-вторых, штурм бы не начался до полного сосредоточения «Альфы» и «Вымпела», а часть спецназовцев, напомним, в 13:00 находилась на полигоне за городом, где репетировала штурм на таком же здании другой школы. Вопрос о «Шмелях» и танках разобран выше.

После захвата школы террористами никаких шансов на счастливый исход уже не было. Сработал только один из участков подрывной цепи — и это уже само по себе стало чудом. Взорвись она целиком — в живых не осталось бы никого.

Теракт в Осетии на несколько месяцев превратился для российского общества в главную тему. Властям одобрения никто не выказывал. Даже проправительственная пресса мрачно констатировала, что мужество и чувство долга солдат и офицеров не может заменить стратегическое мышление и грамотную работу спецслужб. Что на шестой год войны практически нет агентуры в рядах боевиков. Что подобные теракты были ожидаемы, но не были предотвращены. Что по-прежнему живы и на свободе два главных архитектора террористической кампании последних лет — Басаев и Масхадов.

Журналист, комментируя послание Путина по итогу теракта, замечал:

---

[1] http://www.pravdabeslana.ru/trigoda/doklad.htm

«Особенно раздражает слово „мы". „Мы пропустили", „мы допустили". Но это не мы. Это чиновники не признавали, что идёт война, называя её разнообразными эвфемизмами, и за это кто-то должен понести ответственность. За смерть детей в Беслане тоже кто-то должен нести ответственность. Это не безликое „мы" было не готово к охране детей от боевиков»[1].

Решение о начале штурма заминированной школы с тысячей детей внутри и бомбой, которую фактически нельзя разминировать, – было бы чрезвычайно тяжёлым для любого государства. Власти во время теракта искали Масхадова и готовились к переговорам. Ещё несколько часов — и Москва согласились бы договариваться хоть лично с Сатаной. Но капитуляция привела бы к гораздо худшим последствиям, чем самый кровавый штурм: поражению в войне, а через некоторое время — новым, ещё более страшным терактам и войнам. Боевики не остановились после Хасавюрта-1996 и тем более не остановились бы после второй фактической победы.

Можно ли было уменьшить жертвы? Скорее всего, да. Взрыв внутри трудно было предвидеть, но вот толпу бродивших в окрестностях случайных людей с оружием силовики обязаны были взять под контроль. Ополченцы, действовавшие из лучших и вполне понятных побуждений, палили в белый свет как в копеечку, умножая энтропию. Эту энергию можно было направить в более конструктивное русло — например, заблаговременно подготовить участие ополченцев в эвакуации пострадавших с места побоища.

В действительности к государству и руководству силовых ведомств было множество вопросов. Другое дело, что эти вопросы не собрали бы много лайков. После пяти лет войны оказалось, что дееспособной агентурой в рядах противника мы не обладаем и о готовящемся теракте века никто предупредить не может. Что типового плана действий на случай массового захвата заложников либо не имеется, либо он не работает — и это после Будённовска, Кизляра и «Норд-Оста». Силовые ведомства с крайним скрипом обменивались информацией

---

[1] http://expert.ru/expert/2004/34/34ex-besl-1_28831/

между собой. Даже внутри одной службы сведения жутко буксовали: тот же Ходов при должной распорядительности обычной милиции мог быть схвачен задолго до теракта. Изоляция театра боевых действий, по сути, отсутствовала — боевики столкнулись с единственным милиционером на дороге в Беслан. Ужас состоял в том, что многие эти провалы были даже не провалами как таковыми, а — «мы всегда так живём»: халтурный розыск уголовных преступников, тропы, натоптанные торговцами контрафактной водкой в обход постов, хроническая нехватка людей и сил у милиции и т. д. и т. п.

Жертв бесланской трагедии оказалось меньше — много меньше, чем могло быть в этих страшных обстоятельствах. Но бесланские события стали одной из самых страшных катастроф в новейшей истории России.

Кровавая бойня имела и другие последствия — неутешительные для убийц. Беслан, по крайней мере на время, серьёзно подорвал позиции западных чеченофилов. После детоубийства никто не хотел слышать ни о каких легитимных переговорах с чеченцами — ни с радикальным Басаевым, ни с «умеренным» Масхадовым. Упрёки российскому государству могли быть сколь угодно справедливы, но все они ни в какое сравнение не шли с тем, что сделали кавказские боевики. Будённовск и даже «Норд-Ост» при очень большом желании можно было втиснуть в нарратив о гордых борцах за свободу. Беслан — это химически чистое злодеяние, стоящее за пределами всего человеческого.

КОПОТЬ ВОРОНЬЯ

В 2004 году Басаев провёл идеальную террористическую кампанию. Всего за несколько месяцев, с мая по сентябрь, террористы подорвали вагон метро, два самолёта, разгромили правоохранительные органы одной из республик, успешно напали на несколько населённых пунктов в Чечне и, наконец, устроили чудовищную резню в школе.

«Чёрные метки» разослали по всем адресам.

— Автуры. Вы не можете удержать территорию Чечни, несмотря на всех солдат, которых туда отправили. Мы можем ненадолго захватить власть в любом посёлке, убить, кого хотим, и легко уйти.

— Ингушетия. Вы не контролируете и соседние республики. Власть легко парализовать, местных силовиков — вырезать.

— Грозный. Армия не может удержать под контролем даже столицу Чечни.

— Наконец, Москва. Мы можем убить кого угодно в вашей собственной столице.

—…И Беслан. Вы не можете защитить даже своих детей. Ваши лучшие солдаты будут умирать десятками, но спасти их не смогут.

Всё это произошло отнюдь не в начале русско-чеченского конфликта — тогда, пусть и с натяжкой, можно было бы говорить об эффекте внезапности. Шёл пятый год второй войны, и все — в особенности спецслужбы — прекрасно знали, что такое война и террор. 2004-й с точки зрения террористов — оглушительный успех. Такая волна терактов — против разных объектов, с массовыми жертвами, в атмосфере страха и отчаяния — не удавалась в истории политического террора ещё никому.

Трудно было представить в то время, что кровь и ужас 2004-го — это не взлёт чеченского подполья, а его лебединая песня перед разгромом.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ 2004 ГОДА

6 февраля. Взрыв в московском метро	39 погибших
9 мая. Взрыв на стадионе в Грозном	Убиты 6 человек, включая президента Чечни Ахмата Кадырова, тяжело ранен командующий группировкой войск на Северном Кавказе Валерий Баранов
22 июня. Нападение боевиков на Ингушетию	93 погибших
12–13 июля. Захват отрядом Басаева с. Автуры	По разным данным, от 6 до 20 погибших чеченских милиционеров, 12 человек захвачены боевиками
21 августа. Нападение боевиков на Грозный	44 погибших
24 августа. Подрыв двух авиалайнеров, вылетевших из Москвы, в воздухе	89 погибших
1–3 сентября. Захват заложников в школе № 1 г. Беслан	333 погибших

ГЛАВА 10

ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ

Пулемётчик «Булыч», боец спецподразделения МВД «Русь» на боевом выходе в Карабудахкентском районе Дагестана, в ходе которого спецназовцы разыскивали горную базу боевиков. Октябрь 2007. Фото Дмитрия Белякова.

В 2004 году Россия оказалась у разбитого корыта. Затяжная война на Кавказе каждый день отнимала жизни, но теперь страна столкнулась с самыми кровавыми терактами в своей истории, даже более катастрофическими, чем Будённовск и Кизляр. 2004-й стал пиковым по потерям мирного населения от терактов за всё время войны на Кавказе. Между тем, проведя грандиозную террористическую кампанию, боевики на время сбавили активность — вылазки тоже стоили им недёшево. Теперь у сторон имелось время, чтобы прийти в себя и понять, как действовать дальше.

Для России Беслан стал не только страшной трагедией, но и поводом для скучной и прозаической организационной работы. Было очевидно и до Беслана, что наилучший способ борьбы с крокодилами — осушение болота. Нужно было подорвать социальную базу террористов. Проблему собирались решать, восстанавливая Чечню и налаживая хозяйство не только на её территории, но и на всём Кавказе. На эту работу был поставлен Дмитрий Козак — чиновник, мало открытый публике, но имеющий широчайшие полномочия. Уже 13 сентября Козак был назначен президентским полпредом в Южном федеральном округе и одновременно — главой «особой федеральной комиссии по Северному Кавказу».

Козак как публичная персона не прославился. Однако он считается одним из ключевых чиновников команды Путина[1]. В высшие эшелоны власти он попал почти одновременно с самим президентом, а до Кавказа занимал должности, не предполагающие частого появления на ТВ, зато связанные с серьёзным аппаратным влиянием. К слову, в роли теневого представителя президента на проблемных участках он оказывался много раз — например, курировал вопросы, связанные с проведением Олимпиады в Сочи и интеграцией в состав России Крыма[2]. Путин поставил своим представителем на Кавказе человека, которому серьёзно доверял.

Весной 2005-го в прессу просочились выдержки из «секретного доклада» Козака. Вероятнее всего, сам Козак знал о сливе или даже его организовал. В открытой для публики части доклад не сообщал

---

[1] https://lenta.ru/lib/14160279/full.htm

[2] https://meduza.io/feature/2016/03/30/tenevoe-pravitelstvo-donbassa

ничего, чего не знал любой торговец на махачкалинском базаре. Значимость документа состоит скорее в публичном признании Кремлём остроты проблемы:

> «Сформировавшиеся во властных структурах корпоративные сообщества монополизировали политические и экономические ресурсы. Во всех Северо-Кавказских республиках руководящие должности в органах власти, наиболее крупных хозяйствующих субъектах занимают лица, состоящие в родственных связях между собой. В результате оказалась разрушенной система сдержек и противовесов, что приводит к распространению коррупции. Доминирующие кланово-корпоративные объединения в силу своей „закрытости" не заинтересованы в наличии механизмов обратной связи, позволяющих вести открытый диалог с гражданами. Произвол властей порождает у большей части населения социальную апатию. Во многих субъектах Федерации власть не имеет существенной опоры. В шести из двенадцати субъектов ЮФО отрицательный рейтинг высших должностных лиц превышает величину положительных оценок»[1].

Одновременно Козак отметил, что экономика региона уходит в тень, выделяемые из государственной казны деньги в лучшем случае бросаются на затыкание брешей в бюджете, в худшем — разворовываются, а действия силовиков неэффективны.

Доклад содержал очень резкие оценки. Козак констатировал очевидное: пожар Чечни перекинулся на весь Кавказ, и теперь проблемой стало далеко не только чеченское подполье.

Решить проблему только административными и социально-экономическими методами было невозможно. В качестве крайней меры

---

[1] https://lenta.ru/news/2005/06/16/report/

в Чечне, как сообщалось, начали негласно применять контрзахват заложников[1]. Силовики захватывали родственников боевиков — в том числе предполагаемых. Террористов таким образом понуждали выйти из подполья и сложить оружие. Эту тактику начали практиковать ещё до событий в Беслане, после них начали применять шире. Во многом грязную работу взяли на себя лоялисты. Именно таким образом, по мнению прессы, вынудили сдаться бывшего министра обороны Ичкерии Магомеда Хамбиева, одного из последних командиров, подчинённых Масхадову[2]. В течение нескольких дней были арестованы сразу полтора десятка его родственников. Аресты совершали анонимные вооружённые люди. Захват самого Хамбиева в итоге прошёл успешно — он получил через посредников требование о капитуляции и принял его. Вскоре Хамбиев перешёл на сторону Кадырова, проделал карьеру в легальных политических структурах и призвал оставшихся в лесах товарищей складывать оружие[3]. Обилие семейных связей у подавляющего большинства чеченцев позволяло давить таким образом очень на многих.

Рамзана Кадырова в этой связи неоднократно обвиняли в создании частных тюрем и пытках[4]. Тот реагировал на обвинения со стоическим спокойствием.

Контрзахватами действия спецслужб не ограничивались. Хотя бы потому, что далеко не все боевики шли на контакт даже после пленения родственников. Де-факто все спецслужбы, действующие в Чечне, практиковали негласное уничтожение установленных террористов[39].

В республике действовали мобильные группы ФСБ, МВД, ГРУ. Военная разведка опиралась на отряды лоялистов «Восток» под командованием братьев Ямадаевых и «Запад» под началом С.-М. Какиева. МВД и ФСБ использовали собственных ликвидаторов. Спецгруппы обоих ведомств состояли из бойцов, прикомандированных из других

---

[1] http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/03/m33235.htm

[2] http://polit.ru/article/2004/03/11/hambi/

[3] http://www.vremya.ru/print/207174.html

[4] http://www.nytimes.com/2009/02/01/world/europe/01torture.html?_r=2&pagewanted=1&hp

регионов. Причём зона ответственности этих ликвидационных команд выходила за пределы Чечни, и подчинялись они, как правило, не местным органам внутренних дел и контрразведке, а напрямую командованию Объединённой группировки.

В качестве «последнего довода» в Чечне на постоянной основе дислоцировались два отряда «Вымпела» численностью около 60 офицеров. Наконец, в операциях участвовали силы МВД Чечни, и с течением времени они приобретали всё больший вес. Часть операций кадыровцы вели за пределами собственной республики, в Ингушетии и Дагестане.

Частый гребень, которым прочёсывали республику, чисто статистически должен был регулярно задевать и невиновных. Но попутные потери рассматривались как приемлемая плата за уничтожение настоящих террористов, и спецгруппы продолжали работу. Известны случаи, когда бойцы на БТР без опознавательных знаков увозили в неизвестном направлении кадыровцев, после чего тех никто больше не видел. Например, в апреле 2004-го неопознанные лица, говорившие по-русски без акцента, увезли из дома троих братьев Илаевых. Двое из них работали в кадыровской службе безопасности[11]. Может показаться странным, что на этот раз увезли формальных соратников по оружию, однако большой теплоты в отношениях между русскими силовиками и кадыровцами — бывшими боевиками — не было.

В такой стилистике, конечно, не было ничего нового. Похожим образом в своё время действовала, например, французская разведка во время войны в Алжире. Солдатам было не до сантиментов. За годы с начала войны произошло слишком многое, чтобы кто-то из пленных мог рассчитывать на снисхождение. Зверские нравы подполья не были ни для кого секретом, и, по свидетельству журналистов, которым удавалось пообщаться с ликвидаторами, боевиков просто не считали за людей. Тем более что борьбу с террористами часто вели их бывшие товарищи — те же боевики по своей психологии. Информацию из пленных выбивали силой, их дальнейшая жизнь часто оказывалась короткой и почти никогда — благополучной. Речь не шла о садистском удовольствии. Предполагалось, что результата можно добиться только таким способом.

Взорванный солдатами федеральных сил дом Шамиля Басаева.
Июнь 2005, Ведено, Чечня.
Фото Дмитрия Белякова.

По неполным данным «Мемориала», в Чечне исчезли или найдены мёртвыми:
— в 2002 году 449;
— в 2003 — 340;
— в 2004 — 227;
— в 2005 — 151;
— в 2006 — 62 человека[1].

После эти цифры колебались от нескольких до нескольких десятков человек в год. В соседних республиках подобные методы практиковались тоже, хотя и менее интенсивно.

Боец одной из таких команд говорил:

> «Мы не убийцы. Мы — офицеры, воюющие с жестокими террористами, которые не останавливаются ни перед чем — даже перед убийством детей. Это звери — их можно только уничтожать. На такой войне нет места всяким юридическим нюансам»[2].

Беззаконие порождало новое беззаконие. Не только и даже не столько в Чечне появилась новая практика, которой грешили местные правоохранители — незаконные задержания и последующее вымогательство крупной взятки. Не желающему платить светил суд по сфабрикованному делу о хранении наркотиков, оружия или помощи террористам.

> — Чтобы не сесть, нужно заплатить в среднем 5 тыс. $, которые часто собирают всей семьёй, — говорит сотрудник российских спецслужб. — Я тут упрекнул одного из местных милиционеров в том, что они перегибают палку. По ответу понял, что он просто не понимает, что творит. Кстати, этого офицера вскоре убили — среди бела дня, прямо

[1] https://memohrc.org/sites/default/files/rapport_russe_final_081206_2.pdf

[2] Russian death squads 'pulverise' Chechens: https://www.thetimes.co.uk/article/russian-death-squads-pulverise-chechens-v99wwqbwtn2

в центре Махачкалы, на улице Чернышевского. Один из нападавших подошёл к нему, уже раненному, на миг поднял маску, чтобы тот его узнал, и только после этого добил[1].

Помимо изменения стиля работы, произошли также реформы внутри силовых структур, отвечающих за войну с террористами. С января 2001 года борьба шла под общим руководством Регионального оперативного штаба (РОШ). Поначалу РОШ возглавляли генералы ФСБ, некоторое время спустя эту функцию передали МВД. Правда, де-факто Кавказ оставался под контролем ФСБ — сотрудники спецслужб просто становились генералами милиции. Сразу после событий в Беслане у РОШ появился новый глава фээсбэшно-милицейского происхождения — Аркадий Еделев. До 2010 года он и возглавлял штаб. Также одной из причин событий в Беслане стало именно обилие самостоятельных служб, лишь от случая к случаю обменивавшихся информацией. Правая рука не знала, что делает левая. Теперь же внутри контртеррористической группировки создали единую разведывательную службу, объединившую усилия ГРУ, МВД и ФСБ.

Вымпеловец Сергей Шаврин комментировал ситуацию так:

«Было несколько случаев, когда происходили боестолкновения даже между двумя группами из одного ведомства. Была ситуация, когда уничтожили базу боевиков, а потом те, кто базу взял, подготовили на ней же засаду, поскольку получили информацию — движется группа вооружённых людей. Засада прошла „успешно": разбили свою же группу, погиб командир. Почему это происходит? Вы знаете, мы сейчас все боимся продажности, поэтому одно ведомство не доверяет другому»[2].

Идеального взаимодействия добиться так и не удалось. «Ценная агентурная информация никогда не была и, полагаю,

[1] https://expert.ru/russian_reporter/2007/10/vsplesk_nasiliya_na_kavkaze/

[2] https://novayagazeta.ru/articles/2006/01/19/30402-borba-s-terrorizmom-likvidatory

не будет предметом широкого обмена между ведомствами и организациями», — замечал член Совета по внешней и оборонной политике, связанной с правительством экспертной группы[39]. Принятые меры не были решительными.

Тем не менее, несмотря на постоянные тактические неудачи, партизанско-террористическая война шла по нисходящей. Беслан — казалось, потрясающе эффективное террористическое нападение — в действительности для боевиков ничего не изменил к лучшему, и чеченское подполье постепенно шло к окончательному упадку.

«НАВСЕГДА ГОТОВ»

Технически, за 2004 год боевики добились всего, чего хотели. Теперь перед ними стоял ключевой вопрос: что дальше? Ответа у лидеров террористов не было. Кампания 2004-го отгремела, но в горы по-прежнему шли спецгруппы, отлавливающие партизан. Комендатуры никуда не делись, а подполье медленно, но неуклонно деградировало. От почти армейской структуры конца 1999-го боевики шли к превращению в уголовные банды, пригодные скорее для налёта на банк, чем для борьбы за власть. Затяжная война выматывала не только Россию. Слабели основные опоры террористов — поддержка внутри страны и помощь извне. Социальная база «лесных братьев» сокращалась по мере восстановления Чечни. Многие, включая даже бывших полевых командиров, могли рассчитывать на амнистию и службу в рядах новой милиции и с удовольствием пользовались открывшейся возможностью. Политика расшатывания подполья приносила свои плоды. У борцов за глобальный джихад появились куда более интересные альтернативы вроде Афганистана и Ирака — это касалось и их ближневосточных покровителей с большими деньгами, и рядовых боевиков, готовых ехать на край света воевать за религиозные убеждения. В середине нулевых поток боевиков арабского происхождения практически иссяк. У террористов ещё оставались спонсоры (в частности, чеченская диаспора Ближнего Востока), но в целом Кавказ больше не мог претендовать на роль основного фронта в мировой войне за веру. Однако международный джихад был последним способом не остаться с Россией один на один. Лидеры боевиков заранее смирялись с тем, что окажутся глубоко на задворках мирового исламского терроризма. Но в этой схеме оставался один лишний человек. Речь об Аслане Масхадове.

Масхадов уже давно не располагал сильными отрядами, громкие успехи подполья давно принадлежали другим людям. Но его главной задачей была не война. Именно фигура Масхадова позволяла поддерживать противоестественную на первый взгляд смычку исламских фундаменталистов и западных интеллектуалов. «Легитимный» и «прозападный», Масхадов был просто незаменим при работе с общественным мнением Европы и США.

К концу 2004 года позиции боевиков на Западе поколебались. Беслан сильно ударил по их мировой репутации. Дежурная брань по адресу Москвы, неспособной обеспечить безопасность и найти бескровное решение там, где бескровного решения не было, не могла ничего сделать с очевидным фактом: люди, объявленные повстанцами и доведёнными до отчаяния борцами за свободу, захватили школу, зверски пытали и убивали детей на глазах у всего мира. Несмотря на совершенную некритичность западного сообщества в отношении Масхадова, его образ становился чуть ли не карикатурным. Человек, командующий террористами, назначающий террористов на ответственные посты, награждающий террористов; человек, которого террористы объявляли своим главнокомандующим и отсылали к нему на переговоры, изображался рыцарем на белом коне. Этот образ выглядел странно по любым меркам.

К тому же изменился внешнеполитический контекст. Позиция России легко поддавалась критике в 90-е годы, но теперь США, Британия и ряд других стран вели собственную войну в Ираке, а в Афганистане увязла ещё более разношёрстная коалиция, в том числе основные страны старой Европы. При этом «Аль-Каида» имела своих представителей в Чечне. Даже среди террористов, взорвавшихся в Нью-Йорке 11 сентября 2001, нашлись люди, до того собиравшиеся на джихад в Ичкерию[1]. Эта связь не носила определяющего характера (арабы и вообще некавказцы никогда не возглавляли подполье), но образ чистого от всякой скверны повстанческого движения удавался боевикам всё хуже — особенно после громких терактов.

Нельзя сказать, что любовь между западными партнёрами и чеченцами канула в Лету, но в новых условиях, когда главной темой стала война

---

[1] http://www.ntv.ru/novosti/5358/

с мировым терроризмом (по крайней мере на уровне риторики), Масхадов автоматически превращался в живой реликт. Сам он этого ещё не понимал и с хорошей миной пытался вести плохую игру. В роли голубя мира тогда выступил член парламента Швейцарии и докладчик по чеченской теме в ПАСЕ Андреас Гросс[1]. Он развил кипучую деятельность, пытаясь собирать круглые столы по чеченской проблеме, — видимо, Масхадов расслабился и стал менее осторожным. Басаев потом сетовал, что Масхадов стал спустя рукава относиться к конспирации, часто говорил по мобильному телефону, причём звонил и писал СМС прямо из своего укрытия. Поимка ичкерийского президента стала вопросом времени.

8 марта 2005 года бункер Масхадова, где он скрывался с группой других боевиков, обнаружили в частном доме в селе Толстой-Юрт. По адресу выехала группа бойцов «Альфы» и «Вымпела». Масхадову и его людям предложили сдаться. Вход в укрытие подорвали, но добивать противника не потребовалось — боевики сдались. Из бункера извлекли нескольких живых и одного мёртвого — Масхадова. Он имел два ранения. Одно — сравнительно лёгкое, в области грудной клетки. Другое — ставшее причиной гибели — пулевое в висок.

Для чеченского лидера захват в плен был хуже смерти. Он успел слишком много совершить, чтобы иметь хотя бы теоретические шансы выйти на свободу. К тому же пленённого Масхадова наверняка использовали бы самыми разнообразными способами —и для добычи информации, и в качестве зримого подтверждения успеха операции на Кавказе, и для манипуляции остающимися в подполье боевиками. Масхадов всё это понимал и заранее попросил своего племянника и телохранителя Висхана Хаджимуратова застрелить его в случае окружения.

В интервью Хаджимуратов сообщил:

> «Дядя всегда мне говорил, чтобы я застрелил его, если он будет ранен и его попытаются взять в плен. Он говорил, что если попадёт

---

[1] Тайна уничтожения Масхадова.
http://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2005/2005-079.shtml

в плен, то над ним будут издеваться, как над Саддамом Хусейном»[1].

Звучали самые разные версии произошедшего в схроне, но самой правдоподобной выглядит та, по которой именно любящий племянник дострелил дядюшку. Сам Хаджимуратов впоследствии менял показания, но пуля была выпущена из его пистолета, так что практически нет сомнений, что точку в биографии Масхадова поставил именно он. Масхадов играл огромную роль в этой войне с самого начала. Весной 2005-го путь одного из ключевых персонажей чеченского конфликта завершился закономерно и предсказуемо — смертью.

Даже теперь, после Беслана, пресса и общественность заговорили о моральных качествах покойного и его важности для мирного процесса. Одним из первых отличилось польское министерство иностранных дел, объявив случившееся «не просто преступлением, но и политической глупостью и большой ошибкой»[2]. «Умеренность» Масхадова активно подчёркивалась СМИ. Однако все наблюдатели, начиная от скорбящих фанатов (провозглашавших погибшего «чеченским де Голлем») и заканчивая торжествующими официальными изданиями (например, обычно застёгнутый на все пуговицы «Эксперт» вышел с хулиганским заголовком «Навсегда готов»), соглашались, что больше фигур такого масштаба у боевиков нет и не будет. Головорезов и религиозных фанатиков в стане террористов имелось хоть отбавляй, но лидеров, претендующих на умеренность, известных публике и хотя бы для вида признаваемых боевиками, — больше не оставалось. Интересно, что Кремль напоследок обвинили в неизбежной радикализации «сопротивления» — как будто после Беслана оно могло радикализироваться ещё сильнее. И в России, и за рубежом нашлось достаточно наблюдателей, уверяющих публику, что Масхадов сдерживал одиозных террористов. Тезис «Масхадов сдерживал радикалов» превратился в мантру, причём повторяющие её эксперты не давали себе труда объяснить, как именно и кого конкретно он сдерживал. В итоге разговоры о грядущем обострении обстановки в Чечне так и остались разговорами. Никакого всплеска террора и даже обычных военных столкновений не случилось. Это обстоятельство отлично показывает

---

1 http://polit.ru/news/2005/10/28/uncle/

2 https://regnum.ru/news/418904.html

действительный уровень влияния Масхадова на активность подполья: его смерть не вызвала вообще никаких изменений тенденции к постепенному сокращению потерь в Чечне. На прозападной версии чеченской независимости был поставлен жирный крест.

ВОЙНА ДЖАМААТОВ

История кавказского подполья с середины 2000-х — это история войны за веру, освобождённой от демократической и правозащитной риторики. Характерна смена лозунгов Басаева. В 2005-м он заявил: «Для меня это прежде всего борьба за независимость. Если я не свободный человек, я не могу жить в своей вере. Мне надо быть свободным. Свобода первична. Вот что я думаю. Шариат следует за ней»[1]. Но спустя всего полгода он объявляет, что атака на Нальчик есть «исполнение обязанности вести джихад <...>. Стратегия расширения джихада была принята нами на большом маджлисе в 2002 году и успешно претворяется в жизнь»[1]. Сомнительно, чтобы Басаев в самом деле был религиозным фанатиком: он никогда не обнаруживал реальной приверженности вере. Скорее, лидер боевиков старался объединить борцов за религиозные идеалы и уменьшающихся в числе сторонников борьбы за независимость.

Между тем в середине 2000-х террористическое подполье сильно изменилось. Чечню и вообще Кавказ постепенно покинули практически все иностранные моджахеды. Кто-то погиб, кто-то просто уехал. Кавказское подполье отказалось от националистических лозунгов в пользу религиозных, но это стало уже не слишком нужным мировому джихадистскому движению.

Кроме того, подполье менялось изнутри. Командиры первого поколения и даже рядовые боевики в большинстве были убиты, сидели в тюрьмах, перешли на службу Кадырову либо бежали за рубеж. Радикально изменилась и география конфликта. Первая война почти целиком велась на территории Чечни. Начальный период второй кампании шёл не только в Чечне. Теперь же российский антитеррор постепенно связывался не столько

---

[1] https://www.novayagazeta.ru/articles/2006/04/24/29401-rossiyskie-spetssluzhby-dvizhutsya-v-nevernom-napravlenii

с Чечнёй, сколько с Ингушетией и Дагестаном, в меньшей степени — с Кабардино-Балкарией. Ещё в 2006 году абсолютное большинство потерь силовых структур приходилось на Чечню, в 2007-м Чечня давала более половины потерь на Северном Кавказе. Но уже в 2008 году Чечня оказалась вторым фронтом рядом с маленькой Ингушетией, а в 2009-м резко выросли потери в Дагестане, который стал самой неспокойной республикой. Доля же Чечни в кровопролитии стабилизировалась на уровне 20–30% от потерь армии и МВД на Кавказе.

Слияние подполья в республиках Кавказа с чеченским не было одномоментным. Базой для новой группировки становились общины салафитов, но нельзя сказать, что каждое сообщество с ходу бросалось в объятия Басаева и его команды. С другой стороны, джамааты[1] могли сосуществовать на одной территории и объединяться в «большие» джамааты уровнем выше. Джамаатами управляли амиры — неформальные религиозные лидеры. Так, в джамаат Кабардино-Балкарской республики входило на разных этапах от 14 до 40 малых джамаатов, из которых 7 действовали в Нальчике, причём лишь меньшая часть численности «большого» джамаата относилась к активным боевикам[2].

Первые группы радикалов, созданные ещё в 90-х, были слабо вооружены и зачастую насчитывали буквально по нескольку человек. Однако наиболее свирепо настроенные ездили воевать в Чечню, приобретали там навыки и контакты. Некоторые из них успели отучиться за границей. Например, Анзор Астемиров, лидер Кабардино-Балкарского джамаата, учился на факультете шариата в Исламском университете в Эр-Рияде (до конца не доучился). Другие начинали на первой войне в Чечне или примкнули к боевикам в межвоенный период — к примеру, Али Тазиев, один из создателей подполья в Ингушетии, примкнул к террористам в 1998 году.

Тем не менее существенную роль в войне некоторые из нечеченских джамаатов начали играть уже с конца 90-х. Так, именно Карачаево-Черкесский джамаат стал ключевым в террористической

Неформальное сообщество верующих, но в данном контексте также подпольная боевая группировка.

Подробная история Кабардино-Балкарского джамаата в работе Александра Жукова «Кабардино-Балкария: на пути к катастрофе»: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142989/#1_1

кампании 1999 года, когда взрывали дома в Москве и Волгодонске. Первоначально он был основан при участии Хаттаба выпускниками его «пионерлагерей» у Сержень-Юрта. В 1999 году карачаевские салафиты подрывали дома, а затем развернули террористическое движение на юге России.

В 2000–2001 годах джамаат успел организовать ещё несколько взрывов — в Пятигорске, Невинномысске, Минеральных Водах и Ессентуках. Из всех джамаатов за пределами Чечни этот стартовал раньше и громче всех, но был быстрее всех разгромлен. Главную роль сыграла добросовестность четверых гаишников, которые в один прекрасный момент, сразу после очередного теракта, остановили на трассе у Черкесска машину для проверки документов и оказались достаточно дотошными, чтобы обнаружить спрятанную взрывчатку. Водителя машины (он был один) тут же задержали. Им оказался Арасул Хубиев, которого некогда готовили в «пионерлагере Хаттаба». Отведя задержанного в сторону, гаишники вызвали взрывотехников. К сожалению, взрывотехники погибли, пытаясь разобраться с бомбой: автомобиль взорвался. Водителя позже забрали у гаишников сотрудники спецслужб. К этому моменту милиционеры уже успели пересчитать террористу рёбра и узнать у него кое-какие подробности.

Через Хубиева удалось выйти на других бандитов и к маю 2001 года усадить на скамью подсудимых 16 человек[1]. Некоторых перехватили при попытке бежать в Грузию. Тем не менее полностью уничтожить джамаат не удалось, и карачаевцы поучаствовали в террористической кампании 2004 года, подрывами смертников в феврале и августе в московском метро. Разгромить джамаат удалось примерно к 2007 году.

В подполье массово приходили молодые люди, никогда не знавшие не то что Дудаева, но даже Гелаева или Хаттаба. По сравнению с началом 2000-х годов средний возраст боевиков сильно упал.

Религиозная повестка сочеталась с социальной и даже экономической. Салафитское учение воспринималось не только как представления о сверхъестественном, но как конкретная общественно-политическая программа устройства жизни. Основным источником пополнения подпольных рядов стали люди, находящиеся на обочине жизни.

---

[1] https://stavropolye.tv/news/147436

Коррупция в республиках Кавказа приняла грандиозные масштабы даже в сравнении с неблагополучной ситуацией в России в целом, а легальной хорошо оплачиваемой работы оказалось крайне мало — опять же, даже на общем фоне небогатой страны. Характерна реплика одного из дагестанцев:

> «В хороший вуз можно поступить за 7–10 тыс. $. Для нас это запредельная сумма. В России, где, говорят, ещё можно поступить за знания, тоже шансов никаких. Какие знания, если в наших школах преподают выпускники наших же вузов? Старшая дочь учится в 9-м классе: я недавно попросил её назвать химическую формулу воды — она не знает. <...> Уехать на заработки в Россию и унижаться там перед каждым полуграмотным сержантом? Я для этого не так воспитан. Но я-то ладно, я и в грязном контейнере постою, а что прикажете делать с детьми?»[46]

Для неотёсанных и чаще всего бедных парней террор казался прямой дорогой к славе, деньгам и исправлению мира. Некоторые разочаровывались, но спуститься с гор незадачливый боевик обычно не мог: внизу его ждали следствие и суд с перспективой провести лучшие годы за решёткой, а то и пуля от бывших товарищей. Такие быстро погибали, но на их место находились новые кандидаты — очередные идеалисты с сельской школой за плечами и без жизненных перспектив. Население к этой публике относилось без восторга. Но «лесные братья», с одной стороны, происходили из того же общества, по-прежнему оставаясь чьими-то сыновьями и братьями, а с другой, могли и убить за слишком близкое общение с правоохранителями.

Наконец, сильно изменилась тактика террористов. При активном участии Басаева сложилась новая структура отрядов, которая дала кавказскому подполью его последний импульс. Боевики перешли к герилье группами всего из 3–5 человек, а их основной мишенью перестали быть армейские отряды. Теперь борьба велась в основном с помощью подрывов и убийств конкретных силовиков, чиновников

и представителей традиционного духовенства. Такая война приводила к меньшему числу жертв со всех сторон, но сильно била по управляемости республик Кавказа. Классический террор сохранялся, но отступал на второй план. Поначалу террористы пытались активно действовать в крупных городах, но вскоре, когда подполье возглавлял уже Доку Умаров, центр приложения усилий сместился в глухие горные районы[1].

Дагестанский полицейский Мурад Залекприев рассказывал о типичной акции боевиков:

> «Я смотрел телевизор — и вдруг шквал огня. У меня был табельный автомат, пистолет. Я схватил автомат, а прицелиться не могу: в комнате свет горит, на улице темно. Открыл беспорядочно огонь по нападавшим. Вся комната была в гильзах. Старшая дочь легла на сына и закрыла его собой; она даже не плакала. Я отстреливался минут двадцать. Когда приехала подмога — мои коллеги, боевики скрылись.
>
> После этого случая у обеих моих дочерей изменилась психика на почве испуга и нервного стресса, у старшей при обследовании обнаружились симптомы сердечной недостаточности. Годовалый сын от испуга поздно начал говорить. Жена просила, чтобы я ушёл из дома и не подвергал детей опасности»[2].

Изменился и способ финансирования джихада. Если в начале 2000-х боевики пользовались деятельной поддержкой из-за рубежа, то к середине нулевых энтузиазм жертвователей практически иссяк, а часть каналов снабжения русские перерезали. В такой ситуации боевики обратились к самым банальным способам добычи денег:

---

[1] Подробнее о смене тактики боевиков и исторических параллелях: http://politcom.ru/4948.html

[2] https://lenta.ru/articles/2018/01/23/mvddag/

вымогательство (рэкет подавался как сбор закята, мусульманского налога в пользу нуждающихся), похищение людей ради выкупа, вооружённый разбой[1].

Периодически террористы совершали свои акции под видом милиционеров[2]. Это не добавляло спокойствия жителям, попавшим в жернова конфликта. Вдобавок и настоящие милиционеры были людьми очень разными — кто-то искренно пытался охранять общественный порядок, а кто ради отчётности или просто из усердия не по разуму тащил под арест первых попавшихся мужчин, объявляя их салафитами.

Война распространилась на весь Северный Кавказ. Теракты стали микроскопическими, зато происходили постоянно. Налёты, убийства, подрывы следовали один за другим с удручающей частотой. Иногда бандитам доставались даже запасы оружия. Один из самых удачных налётов совершил Кабардино-Балкарский джамаат весной 2005 года. Отряд из восьми террористов вошёл в дежурную часть Госнаркоконтроля в Нальчике. Застрелив наркополицейского, боевики заставили ещё троих офицеров загрузить в свою машину стрелковое оружие с боеприпасами, а потом убили[3].

Однако настоящей приметой времени стали адресные ликвидации террористических ячеек в городах. Население настолько привыкло к спецоперациям, что воспринимало их в фоновом режиме. Репортажи с мест боёв иной раз производили просто фантасмагорическое впечатление:

> «Звучит автоматная очередь. Воет сигнализация на чьей-то машине. Она умолкает, снова становится тихо, и слышно, как по крышам пристроек носится ветер.
> <...> У соседнего дома на лавочке сидят Саша и Женя — пожилая супружеская пара.

---

http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/267398/

[2] Хроника террористической активности в Дагестане: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/73122/

https://regnum.ru/dossier/379.html

— Раньше с фашистами палками воевали, а эти целый день не могут взять одну квартиру, — жалуется Саша.

— Что они там возятся? Ты с крыши залезь, кинь какой-нибудь газ. Нет, тянут они...

— Нам страшно, — говорит Женя. — У нас сердце болит, и каждый взрыв вот сюда ложится, — она показывает на грудь.

— Ну что ты там рассказываешь? — останавливает её Саша. — Первые взрывы — было страшно. А теперь все привыкли. Летит пуля? Ну и чёрт с ней! Я нагнулся, она улетела. Да они ни черта там не делают! — он вскидывает клюку. — Петарды детские туда забрасывают. Посмотрите, хоть из одного окна дым пошёл? Хоть одно стекло лопнуло?

— Эй! Близко не подходите! — кричит он на детей, бегущих к пристройкам. — Шальная пуля попадёт!

— Аташка! - зовёт один из мальчиков. — Побежали к Маге на балкон, оттуда посмотрим!

— Не надо! — отзывается Аташка. — Боевики подумают, что снайпер, стрельнут!

<...> Через два дома от этого двора работают кафе. Люди сидят за столиками открытых веранд — едят, пьют, разговаривают. Иногда в их разговоры вмешиваются отзвуки пулемётов»[1].

В 2006 году в ходе такой мини-операции был убит один из последних арабских террористов Абу Хафс. Его нашли благодаря работе с агентурой и пленными. Частный дом, где находились араб и четверо его товарищей, блокировали, после чего отряд спецназа ФСБ пошёл в атаку. Ворота выбили из гранатомёта, затем штурмовая группа въехала во двор на бронированном автомобиле. У убитых нашли «расстрельный список» с данными дагестанских милиционеров и офицеров ФСБ.

[1] М. Ахмедова. Понять дракона // Русский репортёр. 26 января 2011. https://expert.ru/russian_reporter/2011/03/ponyat-drakona/

Такие операции — на стыке полицейской и военной работы — становились всё более аккуратными. По контрасту с жесточайшими войсковыми боями в Чечне 1999–2000-х, банды нулевых зачастую уничтожали хирургически, сохраняя жизнь всем, кого имело смысл оставлять в живых.

Одна из важнейших особенностей нового поколения боевиков — по сравнению с «лесными братьями» конца 90-х и начала 2000-х они были гораздо хуже подготовлены. Костяк отрядов Басаева, Хаттаба и Гелаева в 1999–2000 годах составляли великолепно обученные террористы, способные вести с русскими жесточайшие кровавые бои. Пришедшие им на смену романтики и фанатики не имели требуемых навыков, и когда-то выполнимые задачи стали для них нерешаемыми. Характерный пример — нападение на Нальчик в октябре 2005-го. Эта диверсия проводилась Кабардино-Балкарским джамаатом под командой Анзора Астемирова, общее руководство осуществлял Басаев. Боевики планировали самое крупное выступление за долгое время, но всё пошло против ожиданий.

Кабардино-Балкарский джамаат развился и окреп в середине нулевых под приглядом Анзора Астемирова, он же амир Сейфуллах («Меч ислама»). Астемиров был искренним религиозным фанатиком и собирал таких же вокруг себя. Поначалу участники джамаата ограничивались перегоном в Чечню материальной помощи, но в 2003 году на конспиративной квартире в Баксане жил сам Басаев. Правда, там его чуть не захватили (сам Басаев ушёл огородами, его телохранитель убит, а владелец квартиры схвачен живым и осуждён). Ну, а в 2005 году Басаев встретился с Астемировым в Нальчике и сговорился о координации действий. Астемиров к тому моменту располагал некоторым запасом оружия — после знаменитого нападения на арсенал наркополиции. Басаев же обещал помочь и снаряжением, и кадрами.

Для атаки назначили длинный список объектов в Нальчике, включая управление ФСБ, оружейный магазин, аэропорт, погранотряд, милицейские отделы, ФСИН и базу ОМОНа. Однако уровень планирования оказался невысок. Первые сбои начались ещё до атаки: контрразведка изловила курьера с деньгами для закупки раций и прицелов[1].

---

[1] https://www.novayagazeta.ru/articles/2006/06/22/28863-basaev-brosil-boevikov-v-bede

Басаев и Астемиров срочно встретились и договорились перенести операцию на более ранний срок. Оружие у них имелось (много стволов басаевцы распихали по схронам до начала атаки), в городе существовало развитое подполье, нападение считалось делом техники. Но прямо перед налётом начались проблемы с передачей приказов участникам. Многие боевики узнали о готовящейся акции всего за несколько часов до её начала, а кто-то познакомился с собственными командирами в ночь перед боем. Опытных бойцов было буквально два десятка из 217, причём треть из этих настоящих боевиков собрали в одной группе, штурмовавшей здание ФСБ. В ночь перед атакой одна из групп засветилась самым глупым образом: они позволили себя обнаружить дачникам из посёлка под Нальчиком. Те приняли ночных гостей за воришек, но у террористов сдали нервы, они принялись палить из автомата, и нападение на Нальчик пошло совсем уж без плана.

Взаимодействие не было организовано никак, предварительная разведка объектов не проводилась. Часть боевиков просто разбежалась перед боем, зато некоторые весь день бесцельно колесили по городу с оружием. Бои в городе в течение дня шли бессистемно. Боевики не смогли полностью захватить ни один объект, а что делать в случае неудачи, так и не решили. Никакого плана «Б» на случай провала они не имели и пытались добиться указаний от Басаева. Тот никаких задач не ставил. Трое боевиков заскочили в сувенирный магазинчик, захватив в заложники находившихся там женщин, но вскоре были убиты приехавшими спецназовцами. Группа, напавшая на один из ОВД, пыталась уехать из города, прикрывшись заложниками, — попытка провалилась. Машина врезалась в дерево, после чего её благополучно взяли штурмом.

Несмотря на внезапность налёта, рейд на Нальчик завершился полным провалом. Силовики понесли тяжёлые потери: погибли 35 милиционеров (и 15 мирных жителей). Однако в бою полегло 92 боевика. 57 террористов схватили и привлекли к уголовной ответственности.

При этом боевикам, по сути, удавалось убивать почти исключительно участковых, постовых, убили даже преподавателя из учебного

заведения МВД и чиновника пожарного надзора, а вот настоящий солдат среди погибших был всего один — боец Внутренних войск.

Один из самых мощных отрядов подполья разбился о позиции милиционеров и военных и практически перестал существовать. Басаев наблюдал за боем с горки неподалёку от Нальчика и, не став досматривать «шоу», ушёл в леса. Астемиров тоже не стал идти впереди на лихом коне. Зато офицеры ФСБ застрелили Ильяса Горчханова, одного из лидеров ингушских боевиков, который прибыл в Нальчик в роли «кадрового усиления».

По сравнению с энергичным и жестоким налётом на Назрань в 2004 году, когда боевикам удалось перебить множество силовиков, захватить оружие и безнаказанно уйти, нападение на Нальчик всего год спустя выглядит просто бездарным. В ближайшие недели спецслужбы задержали или перебили ещё нескольких участников нападения. Один из опытных боевиков, Алим Тхакахов, нападавший ещё на Назрань в 2004-м, был пойман и убит спустя месяц. Двадцатипятилетний адвокат Казбулат Керефов несколько дней прятался в лесу, затем вышел на пост ОМОНа, начал стрелять и тут же погиб под ответным огнём. Обратим внимание, что этот молодой человек был неплохо устроен в жизни. Кровожадный идеализм радикальных проповедников уводил в подполье и вполне успешных людей[1].

Тогда ещё никто не мог предсказать, что, по сути, бой в Нальчике — последнее событие войны на Кавказе, которое действительно можно назвать сражением. Это событие очень наглядно демонстрировало перелом в войне. Басаев, кажется, сам не заметил, как изменилась ситуация за последние годы. У него не было больше ни «курсантов Хаттаба», ни собственных ветеранов «Абхазского батальона». Опытных боевиков выбивали одного за другим, а поскольку срок жизни террориста постоянно сокращался, а каналы доставки оружия помаленьку перерезались, восполнять потери стало трудно — и людские, и материальные. Если в 1995 году боевики могли тратить за день боя сотни гранат к РПГ, а в начале нулевых на чёрном рынке покупали

[1] Подробнее об этом нападении: https://novayagazeta.ru/articles/2006/06/22/28863-basaev-brosil-boevikov-v-bede

даже ПЗРК, то теперь совсем молодые террористы всё чаще нападали на военных и милиционеров с пистолетами, милицейскими «укоротами» и самодельными гранатами. Басаев этого, казалось, не замечал и попытался напасть на Нальчик так, будто у него под командой натасканные и до зубов вооружённые бандиты старой школы.

С разгромом кабардинского джамаата война не кончилась. Помимо стычек на Кавказе продолжался и классический террор за его пределами — хотя и в меньших масштабах. Но террористам недоставало в первую очередь внятной стратегии. Вылазки продолжались, люди гибли, но террор пошёл на спад и утратил систематический характер. Смертники атаковали Владикавказ, в 2010 году вновь взрывали вагоны московского метро, «классические» взрывы самоубийц гремели в аэропорту Домодедово и на вокзале Волгограда. Каждая атака приносила море страданий, но в целом эти теракты производят странное впечатление. Действия Басаева в 1999 и 2002–2004 годах подчинялись определённой логике, и было легко понять, из каких соображений исходили боевики и чего хотели добиться. Во второй половине 2000-х эти акции, судя по всему, не преследовали никаких целей кроме навязчивой попытки продемонстрировать миру собственное существование. Никаких политических дивидендов эти взрывы уже не приносили и даже не могли нанести стране психологического урона. Россия просто устала бояться. В смутной обстановке непонятно к чему идущей войны 10 июля 2006 года произошло событие, которого никто уже и не ждал. Погиб Шамиль Басаев.

ЗАПОЗДАВШАЯ РАСПЛАТА

Басаев стал главным антигероем всей войны в Чечне. Самый хитрый, опытный, авторитетный и решительный из всех полевых командиров, он находился на первых ролях в конфликте с начала 90-х годов. Первая война закончилась, прошёл краткий межвоенный период, с похода Басаева в Дагестан началась новая бойня, в Кремле дряхлеющего Ельцина сменил Путин, новый поход на Грозный перерос в партизанщину, партизанские действия сменились террором, чеченский национализм — религиозным фанатизмом, а Басаев по-прежнему возникал из пустоты, как злобный демон, чтобы совершить очередной теракт.

О гибели Басаева сообщали много раз, он был неоднократно ранен, потерял ногу во время прорыва из Грозного зимой 2000 года, однако поймать или убить его никак не удавалось. И погиб он при туманных обстоятельствах. В ночь на 10 июля Басаев с группой боевиков ехал по Ингушетии на КамАЗе, гружённом оружием и взрывчаткой. На окраине посёлка Экажево[1], на пустыре возле усадьбы, куда они свернули, остановившийся грузовик взорвался. Кроме самого Басаева погибли все пассажиры грузовика и легковых машин сопровождения, в общей сложности семь человек. На месте взрыва прибывшие милиционеры и офицеры ФСБ обнаружили человеческие останки, а также 3 автомата, 2 гранатомёта, 102 реактивных снаряда и 13 000 патронов. Четыре трупа в легковушках были относительно целыми, ещё три — сильно повреждёнными. Внимание офицеров привлекла голова, очень похожая на басаевскую. Её упаковали в целлофановый пакет и отправили на идентификацию. Это оказалась голова Шамиля Басаева.

В тот же день о гибели Басаева доложил глава ФСБ Патрушев, затем об этом по ТВ сообщил Путин, а потом и «официальный» сайт боевиков «Кавказ-Центр». Это всё, что можно сказать точно. До сих пор неясно, погиб Басаев в результате спецоперации или подорвался на собственной взрывчатке. Первая версия, изложенная ингушским УФСБ, гласила, что подрыв произошёл самопроизвольно, но дальше публике начали предлагать самые разнообразные теории. Говорили, что в один из реактивных снарядов в кузове грузовика вмонтировали взрывное устройство, что бомбу заложили непосредственно в грузовик и её подорвал некий агент спецслужб, что Басаева убили ракетным ударом, что взрыв устроили его собственные соратники.

Наиболее последовательная и внятно изложенная версия, предполагающая спецоперацию, состоит в том, что Басаеву передали партию взрывчатки и боеприпасов, возможно, из Азербайджана под контролем российских спецслужб. В рамках этой версии спецслужбы «некоего государства», до сих пор смотревшие сквозь пальцы на контрабанду оружия в Чечню, сдали российским коллегам канал передачи вооружения. В брикет пластита был встроен небольшой детонатор

---

[1] Экажево стоит совсем рядом с крупнейшим городом республики Назранью.

с антенной для дистанционного подрыва, всё это передали басаевцам и в нужный момент подорвали[1].

Пять лет спустя некий анонимный источник поведал журналу «Итоги» вариант истории на ту же тему: якобы Басаеву через агентуру подсунули грузовик с оружием из Ирана, спрятав внутри арсенала дистанционно управляемую мину и радиомаяки. Правда это или нет — сказать сложно. Российские спецслужбы умеют проводить сложные, даже затейливые операции — вспомнить хотя бы обстоятельства смерти Хаттаба. Русским иной раз удавалось внедрять агентуру в ряды боевиков — именно благодаря её усилиям был, к примеру, схвачен Радуев. Версия о самоподрыве по неосторожности также выглядит вполне правдоподобно. Боевики не могли привередничать, когда дело касалось боеприпасов, и среди множества НУРСов и мин в руках Басаева легко могло оказаться нечто, склонное к случайной детонации. Правда, Басаев был исключительно опытный подрывник и вряд ли позволил бы себе грубую ошибку. Впрочем, здесь мало что можно сказать со стопроцентной гарантией. Поражение всегда сирота, а в претендентах на успех, тем более такой значительный, никогда нет недостатка.

Насколько гибель Басаева повлияла на ход войны? Как полевой командир он обладал действительно выдающимися качествами. Однако в 2006 году погиб уже генерал битой армии. Несмотря на расширение географии войны, пик успехов боевиков остался далеко позади. Несомненно одно: Басаев был самой масштабной фигурой в чеченском террористическом движении за всё время его существования, сравнимой только с Дудаевым. Изобретательность и энергия этого страшного человека могли дорого стоить России в будущем. Террорист номер один получил именно то, что заслужил.

Летом 2006 года помимо Басаева погиб не пользовавшийся авторитетом и влиянием Абдул-Халим Садулаев, номинальный президент

Кстати, есть некая занятная деталь: среди разбросанных остатков машин обнаружили кустарные устройства для запуска ракет с нештатных платформ. Предполагается, что последний, нереализованный, теракт Басаева мог быть связан с попыткой устроить ракетный залп по некоей цели с помощью самодельных направляющих — идея необычная, но в принципе не представляющая собой ничего невероятного.

после гибели Масхадова, и на первые роли вышел последний по-настоящему знаменитый чеченский полевой командир — Доку Умаров.

Умаров стал последним активным командиром боевиков, прославившимся ещё во время первой войны. Тогда он воевал под руководством Гелаева, которому приходился дальним родственником. В 1996 году он был «бригадным генералом» и участвовал в самых разнообразных акциях, включая летний штурм Грозного. Его восхождение по карьерной лестнице в рядах боевиков было постепенным, и он рос в чинах скорее из-за гибели настоящих звезд подполья, чем благодаря собственным заслугам. После того как Гелаев потерял влияние, а затем погиб, Умарову достались в наследство многие уцелевшие бойцы гелаевского отряда. В 2005 году Умаров, как и другие полевые командиры, пережил похищение родственников (предполагается, что их украли боевики-лоялисты), но не сдался.

К 2006 году погибли практически все видные деятели подполья — из тех, кто не переметнулся на сторону победителей. Умаров остался безусловным лидером на ближайшие несколько лет. Именно он окончательно оформил превращение Чеченской войны в общекавказскую. К 2007 году звание президента республики Ичкерия уже давно ничего не значило. Умаров от него отказался, провозгласил создание Кавказского эмирата (Имарат Кавказ) и призвал террористическое сообщество ко всемирному джихаду.

Структурно имарат был разбит на ряд вилаятов — Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия, Осетия), Ногайский (Ставрополье), Черкесия (КЧР), а также объединение Кабарды, Балкарии и Карачая (Кабардино-Балкарская республика). Они делились на секторы, а в рамках секторов действовали совсем маленькие банды, которые кормились рэкетом, причём данью облагали не только бизнесменов, но и чиновников. Религиозный характер нового объединения сказался и на объектах нападений. В эпоху Умарова обычными стали подрывы объектов, которые террористы считали не соответствующими исламским нормам — от винных магазинов до пляжей. Борьба с этими группами продолжалась очень долго — но в целом по нисходящей. И в основном не в Чечне. А в самой республике пока происходили события, в основном относящиеся уже не к войне как таковой.

КАРТА ПРЕТЕНЗИЙ ИМАРАТА КАВКАЗ

Претензии в масштабах территории РФ

Адыгея
Краснодарский край
Ставропольский край
Карачаево-Черкесия
Кабардино-Балкария
Ингушетия
Дагестан
Чечня

ГЛАВА 11
ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Задержание бойцами батальона «Восток» подозреваемого в убийстве родственника одного из «ямадаевцев». Май 2005, Курчалой, Чечня. Фото Дмитрия Белякова.

По сути, у Кадырова абсолютный карт-бланш. Люди в Кремле полагают, что Кадыров — это единственная альтернатива войне.
— Игорь Каляпин, председатель Комитета против пыток[1]

2004 год стал переломным не только для сидевших в горах боевиков. Война проверила на прочность клан Кадыровых. После гибели первого президента российской Чечни его сын Рамзан начал быстрое и уверенное восхождение к вершинам власти. Должность президента занимал Алу Алханов, но фактически он оказался местоблюстителем при настоящем правителе. 2003–2004 годы стали временем становления кадыровской частной армии. На 2007 год численность всех формирований, подконтрольных Кадырову (полки ППС, вневедомственная охрана, Внутренние войска) оценивалась на уровне 6–7 тысяч человек, и дальше их ряды только умножались — до 11–12 тысяч к 2011 году[2]. Кадыровцы пользовались щедрыми услугами российских инструкторов, включая офицеров спецназа ФСБ. Кадыровская гвардия росла и крепла на фоне постепенного вывода из Чечни федеральных войск. Рамзан прилагал массу усилий, стремясь сократить численность и активность «федералов» и в конце концов своего добился: на территории республики остались немногочисленные, редко себя проявляющие российские подразделения. Более того, кадыровцы крайне ограничили деятельность вообще любых федеральных органов внутри Чечни, не только силовых.

После гибели старшего Кадырова Рамзан по возрасту не мог претендовать на пост президента Чечни. Но он быстро перехватил реальный контроль. В конце 2000-го официальную власть в Чечне олицетворяли президент Алу Алханов и премьер-министр Сергей Абрамов. Последний планировал задержаться в республике надолго и даже начал изучать чеченский язык, но его планы изменились после драматичного происшествия. Вскоре после гибели Ахмата-Хаджи на Абрамова было совершено покушение, а в ноябре 2005 года автомобиль премьера столкнулся с КамАЗом. Сценарий ДТП удивительно напоминал историю гибели командира чеченского ОМОНа

---

[1] Игорь Каляпин, Светлана Рейтер. Кавказские борзые. https://esquire.ru/articles/2125-kavkazskie-borzye

[2] https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/07/24/44520-strana-spetsnaz

Мусы Газимагомадова парой лет ранее. Абрамову повезло больше. Он остался в живых, но решил не искушать судьбу, так настойчиво посылающую навстречу конкурентам Кадыровых грузовики, и больше в Чечне не работал. Рамзан Кадыров был этим обстоятельством весьма опечален:

> «Я сожалею об этом, потому что Сергей Борисович очень многое сделал для восстановления республики. Для меня очень много значат наши личные отношения, он мне как брат. Ведь где бы мы ни находились, всегда будем поддерживать добрые и дружеские отношения. Он всегда будет желанным гостем в моём доме. Мы останемся одной командой»[1].

Трудно что-то добавить к этим простым искренним словам. Разве только упомянуть, что именно Рамзан после автокатастрофы стал председателем правительства Чечни.

Отношения между Алхановым и Кадыровым быстро испортились. Между охраной премьера и президента происходили стычки, и в результате закулисных переговоров с участием Путина, о ходе которых сложно судить, Алханов отступил на вторые роли в Чечне. Его судьба сложилась куда счастливее, чем у многих других соперников молодого вождя: из Чечни он отправился в Москву и стал заместителем министра юстиции. Кадыров же имел все основания торжествовать. 2 марта 2007 года он стал президентом Чечни. Вскоре все сколько-нибудь значимые должности в республике были заняты его личными ставленниками.

Кадырову удавалась не только аппаратная игра — он не чурался и руководства операциями своих отрядов. Однако вопросы разгрома подполья постепенно отходили для него на второй план. Теперь его заботило установление режима полной личной власти над республикой. В рамках этой борьбы люди из МВД Чечни выбирались далеко за пределы родных гор. Постепенно Кадыров подчинил или нейтрализовал все альтернативные пророссийские вооружённые группы.

---

[1] http://www.ntv.ru/novosti/82920/

В 2006 году от Кадыровых попытался отколоться бывший охранник покойного Ахмата-Хаджи — Мовлади Байсаров. Его небольшой отряд вскоре оказался в осаде, в ноябре мятежника объявили в федеральный розыск, а 18 ноября

чеченские милиционеры посреди Москвы расстреляли Байсарова, впоследствии объявив, что тот оказал сопротивление. Следствие пришло к выводу, что Байсарова застрелили законно. Человек, непосредственно стрелявший в Мовлади, был, как сообщалось, приближённым вице-премьера Чечни Адама Делимханова[1], родственника и ближайшего соратника Кадырова. Покойный был интересным человеком: по Москве он перемещался, имея при себе впечатляющий джентльменский набор — два пистолета разных систем, крупную сумму наличными, удостоверение офицера ФСБ на своё имя и пару кустарных гранат[2].

Впрочем, случай с Байсаровым был мелким казусом на фоне куда более масштабного конфликта. В середине 2000-х годов основной силой, противостоящей Кадырову внутри Чечни, стал клан Ямадаевых. Братья Ямадаевы располагали многочисленным и хорошо вооружённым отрядом — мотострелковым батальоном «Восток». Всего братьев было шестеро, однако для чеченской политики тех лет оказались важны в первую очередь двое. Старший, Руслан, был боевиком, но в феврале 2000-го вместе с прочими братьями перешёл на сторону РФ. Сначала Руслан служил заместителем военного коменданта Чечни, позднее стал депутатом Госдумы и считался «лицом» всего клана. Должность командира «Востока» мог занять третий брат, Джабраил, но в 2003 году он погиб в бою, так что батальоном руководил четвёртый брат, Сулим. Этого человека иной раз идеализируют как противника Кадырова, однако следует помнить, что Сулим Ямадаев до смены стороны не просто воевал на стороне боевиков, но был связан с наиболее одиозными персонажами вооружённого подполья, включая Басаева и Хаттаба[3]. Но «Восток» под командованием Ямадаевых воевал, и воевал неплохо.

Наконец, некоторое касательство до нашей истории имеет младший брат, Бадруди. На момент описываемых событий это был человек

---

https://www.kommersant.ru/doc/725801

https://www.kommersant.ru/doc/723010

https://lenta.ru/lib/14161197/

молодой и горячий. В 2000 году младший Ямадаев стрелял в главного санитарного врача Москвы, не сойдясь с ним в вопросе о недвижимости, а кроме того совершил с двумя товарищами налёт на компьютерную лавку, откуда унёс 24 тысячи рублей. За эти грехи юности Бадруди осудили на 12 лет лишения свободы и отправили отбывать наказание в Чечню[1].

В республике в это время батальон «Восток» выполнял своё основное предназначение — боролся против боевиков. Как обычно, не шибко заботясь о чистоте риз. Самым известным инцидентом, дурно сказавшимся на репутации батальона, стала зачистка в станице Бороздиновской летом 2005 года. В станице жило много аварцев, что придало истории дополнительное измерение. Всё началось с того, что неизвестные убили в Бороздиновской отца одного из солдат «Востока». На следующий день в деревню явилась целая колонна из двух десятков машин и пары БТР. Налётчики подожгли несколько домов (в огне погиб старик), ранили милиционера, завладев его автоматом, и вывезли 11 человек (включая одного русского) в неизвестном направлении[2]. Больше их никто не видел.

Ямадаевы вновь оказались в центре скандала в 2006 году, когда их люди прибыли в Санкт-Петербург, чтобы вмешаться в хозяйственный спор между коммерческими структурами из-за земли. Обе фирмы принадлежали выходцам из Чечни. По сообщениям прессы, хозяйственный спор бойцы «Востока» разрешали, избивая директора рукоятями пистолетов и клюшкой для гольфа. Покидая офис, гангстеры прихватили бумажник и несколько дорогих ручек, оставив своего визави на ковре со сломанной в нескольких местах рукой[3]. Дело впоследствии прекратили за примирением сторон после того, как в Чечне пропали родственники пострадавшего директора — их машину со следами крови нашли в реке Аргун[4].

---

1 https://lenta.ru/lib/14177910/

2 http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/06/m39989.htm

3 https://iz.ru/news/341069
https://www.kommersant.ru/doc/744127

4 https://iz.ru/news/341069

Ямадаевы жили на полную катушку, но пока они выступали в амплуа не вполне благородных разбойников на государственной службе, Кадыров отстраивал Чечню и укреплял свою власть. Рамзан был слишком нужен Москве для обустройства Чечни после войны. Ямадаевы же годились лишь для участия в вооружённой борьбе. Конфликт тлел годами, но рано или поздно огонь неизбежно должен был вырваться наружу. В апреле 2008-го наконец произошёл инцидент, после которого Кадыров и Ямадаевы демонстративно порвали. Роль выстрела Гаврилы Принципа сыграла стычка на дороге. Два кортежа не сумели разъехаться на шоссе, после чего дружинники обеих княжеских фамилий затеяли стрельбу. Интересно, что, по мнению СМИ, ямадаевцы в этот момент сопровождали младшего брата Бадруди, 5 лет назад осуждённого на 12 лет лишения свободы[1]. Вскоре части МВД заблокировали базу Ямадаевых, требуя перейти на службу к лидеру Чечни. Сам Кадыров продемонстрировал способность действовать не только грубой силой: Ямадаевых официально обвинили в похищениях и убийствах. Братьям припомнили и их вояж на берега Невы.

В августе 2008 года «Восток» уехал воевать в Осетию, где неплохо себя показал, но слава героев этой короткой войны Ямадаевым не помогла. Кадыров активно переманивал в свои отряды ямадаевцев — всего из «Востока» в его отряды ушло, по разным данным, от одной до трёх сотен человек. А вскоре произошло то, что должно было произойти. Осенью того же 2008-го Руслана Ямадаева застрелил в Москве бывший боевик. Исполнитель и оба его соучастника сели в тюрьму, заказчика так и не нашли. Всего через несколько недель батальон «Восток» расформировали. Сулим Ямадаев, бригадный генерал Республики Ичкерия и Герой Российской Федерации, переехал в Дубай, где 28 марта 2009 года был также застрелен на подземной парковке. Убийцы выдержали стиль и воспользовались позолоченным пистолетом Стечкина. Две пули попали в спину, одна в затылок. За это убийство к 25-летнему тюремному заключению в ОАЭ приговорили двух человек, один из которых, как сообщалось, оказался конюхом Рамзана Кадырова[2].

---

http://expert.ru/south/2008/08/ps/

https://www.gazeta.ru/politics/2008/04/16_a_2696296.shtml

http://www.rosbalt.ru/main/2009/04/06/631672.html

По удивительному совпадению, в связи с этим убийством вновь всплыло имя Адама Делимханова — с ним хотела бы свести знакомство полиция ОАЭ[1]. Делимханов возможную причастность к убийству Ямадаева гневно отрицал. Апелляционный суд Дубая впоследствии заменил суровый приговор весьма умеренными сроками по 27 месяцев лишения свободы каждому[2].

23 августа маленькая гражданская война в Чечне окончилась: один из уцелевших братьев, Иса Ямадаев, пережил покушение и встретился с Рамзаном, объявив о примирении с могущественным правителем. Сам он прокомментировал встречу исключительно вежливо — для человека, потерявшего двух братьев:

> «Мы оба убедились в том, что какие-то силы специально распространяют друг о друге клевету, неправду и всё это делается для того, чтобы между нами были напряжённые отношения. Мы не позволим впредь никому манипулировать собой. Мы обо всём поговорили, поняли друг друга и простили. И я заявляю, что мы отныне являемся соратниками президента Чеченской Республики»[3].

25 августа 2010 года Кадыров и Делимханов побывали на поминках в доме Ямадаевых в Гудермесе. По словам Рамзана, мать Ямадаевых была очень растрогана и сказала, что приезд Рамзана Ахматовича — большая радость, которую можно сравнить с возвращением её родных сыновей. Иса Ямадаев с тех пор не проявляет политических амбиций и не знает горя.

Менее драматично прошло расформирование батальона «Запад» Саид-Магомеда Какиева. Сам Какиев ушёл в отставку в 2007 году и получил должность заместителя военкома Чечни по патриотическому

---

[1] https://www.rbc.ru/society/27/04/2009/5703d38c9a79473dc814df44

[2] https://www.gazeta.ru/politics/2010/12/22_a_3474417.shtml

[3] https://vz.ru/society/2010/8/23/427155.html

https://www.gazeta.ru/politics/2010/08/23_a_3409956.shtml

воспитанию молодёжи. Его преемник Бислан Элимханов вскоре был ранен неизвестными[1], а сам батальон осенью 2008-го распущен — как и «Восток».

Жертвой неведомых стрелков легко мог пасть не только вооружённый Герой России. Последний этап Чеченской войны сопровождался изрядным количеством убийств при туманных обстоятельствах.

7 октября 2006 года в Москве была убита журналистка «Новой газеты» Анна Политковская. Женщину расстреляли в лифте собственного дома. При жизни Политковская непрерывно публиковала материалы, в которых обвиняла как российских военных, так и кадыровцев в совершении разнообразных преступлений, причём её саму постоянно обвиняли в вольной трактовке фактов и обилии непроверяемых сведений в текстах. Её отношения с силовиками — как русскими, так и лоялистами — трудно было назвать даже натянутыми. Скорее речь шла об искренней и взаимной ненависти. Вдобавок незадолго до гибели Политковская заявила, что располагает материалами об убийствах кадыровцами военнослужащих регулярных войск[2]. В глазах российского общества — да и силовой корпорации — это, безусловно, куда более серьёзный компромат, чем расправа над подозреваемыми в причастности к террору. Наконец, сама Политковская утверждала, что Кадыров пообещал её убить[3]. Её последняя публикация также была посвящена именно отрядам лоялистов[4]. Поэтому не диво, что окружение президента Чечни оказалось в центре внимания в связи с расправой над журналисткой.

Заказчики убийства так и не были установлены. Однако версии по поводу её убийства отличались разнообразием. Пресса, разумеется, связывала её гибель с российской властью. Тем более Политковскую убили в день рождения Путина. Другая версия связывала гибель

---

[1] Он остался жив и в итоге сделал хорошую карьеру в Вооруженных Силах России, дослужившись до полковника.

[2] http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/93629/

[3] http://newsru.co.il/world/08oct2006/anna.html

[4] Карательный сговор // Новая газета. № 74 от 28 сентября 2006 г. https://novayagazeta.ru/articles/2006/09/28/27767-karatelnyy-sgovor

журналистки с Кадыровыми. Самолюбие Рамзана хорошо известно, как и тот факт, что именно он и его подчинённые в последнее время были любимыми антигероями Политковской. Наконец, ходила версия «от противного»: якобы журналистку убили противники Владимира Путина с целью скомпрометировать российское государство либо противники Кадырова, чтобы скомпрометировать его. Некие рациональные основания в этой версии усмотреть можно.

В день похорон Политковской Путин заявил следующее:

> «Её политическое влияние (думаю, эксперты со мной согласятся) было незначительно внутри страны, и, скорее всего, она была более заметна в правозащитных кругах и в кругах масс-медиа на Западе. В этой связи думаю — и одна из наших газет сегодня правильно констатировала, — что для действующих властей вообще и для чеченских властей в частности убийство Политковской нанесло гораздо больший ущерб, чем её публикации»[1].

Эта реплика может показаться циничной, но звучит она вполне разумно. Политковская к тому моменту обличала государство многие годы. Пик боевых действий в Чечне остался далеко позади, пик внимания к ней — тоже. И в рамках обвинения властей необходимость для Путина (да и для Кадырова) убивать Политковскую именно теперь нуждается в объяснении. В конце концов, Политковская постоянно ездила в Чечню и вообще на Кавказ — подстроить её гибель можно было множеством менее демонстративных способов. Да и выбор даты убийства выглядит странно: как ни относись к Путину, он является реальным земным политиком, а не злым властелином из комиксов для такого пошлого «символизма».

Между тем следователи высказали ещё одну версию, которая могла бы ответить хотя бы на вопрос «зачем?». Политковскую могли заказать люди, которые имели средства, чтобы заплатить киллерам, но не относились к высшим эшелонам власти. У таких людей могли быть и связи

[1] http://polit.ru/article/2006/10/11/damage/

с мафией, и свои представления о подарках ко дню рождения, и об ожиданиях политиков Грозного и Москвы, и ущемлённые амбиции.

После долгого расследования удалось найти и посадить исполнителей убийства. Это оказалась банда некоего Лом-Али Гайтукаева. Первую войну в Чечне Гайтукаев пропустил по уважительной причине: сидел в тюрьме. Туда его упрятали не в рамках политической борьбы, а за обычные негоции с фальшивыми авизо. Деньги, добытые таким способом, были обнаружены в десятитонном контейнере. Вторую войну этот мафиозо провёл уже на свободе в Москве и в 2006-м по заказу украинских бизнес-кругов попытался убить тамошнего бизнесмена Геннадия Корбана. Последний остался жив благодаря бронированному автомобилю, а Гайтукаева задержали в январе 2007-го. По версии следствия, именно в промежутке между неудачной стрельбой по Корбану и задержанием Гайтукаева его «бригада» и убила Политковскую.

Летом 2017 года было объявлено о смерти Лом-Али Гайтукаева в тюремной больнице. Племянник усопшего заявлял, что тело Гайтукаева покрыто гематомами[1].

Судя по всему, в тюрьме действительно оказались непосредственные убийцы журналистки. Однако что касается самого важного — имён заказчиков, итог длительного расследования заставляет только развести руками. Самый содержательный вывод состоял в том, что Политковскую убили из-за её публикаций, но это было и так очевидно сразу после убийства.

Анной Политковской список загадочных убийств, связанных с Кавказом, не исчерпался. Не менее показательна и трагична судьба журналистки и сотрудницы «Мемориала» Натальи Эстемировой. 15 июля 2009 года женщину похитили неизвестные в Грозном, вскоре её тело с пулевыми ранениями обнаружили на дороге в Назрановском районе Ингушетии. Последние дела правозащитницы были связаны с действиями чеченских силовиков. «Мемориал» возложил ответственность на Кадырова, следствие — на «лесных братьев», но в итоге никто так и не был пойман[2].

---

[1] http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/227885/

[2] https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/188968/#1_4 — версия соратников Эстемировой, включающая подробное изложение официальной точки зрения.

«Официальный» виновник, Алхазур Башаев, убит в спецоперации. Олег Орлов, представлявший «Мемориал», обвинил Рамзана Кадырова в убийстве, но тот подал против Орлова иск в суд о защите чести и достоинства и выиграл его.

Менее кровавая история произошла в Чечне с местным отделением Комитета против пыток: он сгорел. К счастью, без человеческих жертв.

За пределами Чечни бойцы Кадырова регулярно оказываются в центре самых разнообразных инцидентов со стрельбой. Самый резонансный случай — это, разумеется, убийство 27 февраля 2015 года известного (хотя давно невлиятельного) оппозиционного политика Бориса Немцова. Его нашпиговали свинцом поздно вечером на глазах любовницы в непосредственной близости от Кремля. В связи с этим убийством предъявлено обвинение группе людей, включая — какая неожиданность — офицера батальона Внутренних войск «Север», которым командовал — вновь изумительное совпадение — родной брат Адама Делимханова[1]. Замкомбата «Севера» Заур Дадаев отбывает двадцатилетний срок в тюрьме. Другой офицер «Севера», Руслан Мухудинов, скрылся от следствия. Его недавний сослуживец, уволившийся из «Севера» незадолго до убийства Беслан Шаванов, подорвал себя гранатой при попытке задержания[2]. Менее известна, но также показательна история убийства Умара Исраилова. Этот бывший боевик, а затем полицейский, бежал в Европу, где просил политического убежища. Исраилова расстреляли в Вене. Австрийская прокуратура сочла, что убийца Отто Кальтенбруннер (урождённый Рамзан Эдилов) связан с Кадыровым. По очевидным причинам Кадыров ни на какие допросы не пошёл[3]. «Кальтенбруннер» и двое его товарищей отправились в тюрьму.

---

https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/17/71179-polkovnik-nepomnyaschiy

https://www.rbc.ru/society/01/06/2017/592ef14c9a794713bec775f5, также

https://www.mk.ru/social/2015/03/09/beslan-shavanov-podorvavshiy-sebya-v-groznom-uvolilsya-iz-severa-do-ubiystva-nemcova.html

[1] https://www.kommersant.ru/doc/1652237

Пока в подполье менялись идеологические установки и вожди, Кадыров энергично создавал своё королевство. Новую Чечню Рамзан выковал сам в соответствии с собственными представлениями о мироздании. Пользуясь полноводным потоком денег «от Аллаха»[1], он сумел организовать восстановление республики ударными темпами. В Грозном начался строительный бум. Следы войны стирались буквально на глазах.

Источник чеченского изобилия очевиден. По данным РБК, с 2007 по 2015 год Чечня получила 539 млрд рублей субсидий, субвенций и дотаций из российского бюджета. Кроме того, в Чечню вкладывались средства госкомпаний. 80–90% бюджета одного из самых благополучных ныне регионов России составляют поступления из федерального центра[2]. Причём эта доля падает незначительно: с 92% в 2007 году до 83% в 2015-м.

Сложившееся в республике устройство экономики не сводится к одним только дотациям. Чечня представляет собой отличный пример национализации убытков и приватизации прибылей. В начале 2000-х годов появилась фирма «Грознефтегаз», 49% которой приобрело республиканское правительство, а 51% — «Роснефть». Тогда же был сформирован «Нефтяной полк» Адама Делимханова, уничтожавший врезки в нефтепроводы и охранявший инфраструктуру. Кадыровы не оставляли попыток получить под свой контроль всю чеченскую нефть, пытаясь выдавить «Роснефть» из республики. Тем не менее нефтяная империя Игоря Сечина удержалась в положении монополиста. Позже в республике появилась ещё одна местная нефтяная компания — «Чеченнефтехимпром», владеющая нефтехранилищами и производящая элементы нефтяной инфраструктуры. Компания принадлежит Росимуществу, но управляется на правах аренды также «Роснефтью». Осенью 2018-го контроль над ОАО «Чеченнефтехимпром» передали Чечне. Возможно, это своеобразная компенсация за потерю субсидий в условиях кризиса. Кадыров публично заявил о привлечении к развитию компании внешних инвесторов, в частности ближневосточных и китайских.

---

[1] https://www.youtube.com/watch?v=CG2ijbTappY

[2] http://www.rbc.ru/research/society/01/02/2016/56ae68679a7947d73142182d

О каких прибылях идёт речь? За 2007 год «Грознефтегаз» добыл 2,1 млн тонн нефти на 1,4 млрд долларов. Хотя это просто объём, без учёта себестоимости добычи, нефтяной пирог оказывается достаточно вкусным. Правда, это пиковый объём добычи. После 2007-го она постоянно снижалась и сейчас составляет лишь 400–500 тысяч тонн нефти в год, притом что цены на нефть резко упали. Отметим, что от обмена нефти на дотации Чечня не выигрывала даже в лучшие времена, не говоря уже о нынешнем состоянии.

Помимо федеральных субсидий, казна Кадырова пополняется из структуры под названием «Региональный общественный фонд имени Ахмата Кадырова». Эта организация появилась на свет в 2004 году, и с ней связано множество разнообразных коммерческих предприятий, регулярно выигрывающих государственные тендеры, начиная от строительных фирм и заканчивая алкогольными компаниями. Сфера интересов чеченских бизнесменов, связанных с кадыровским фондом, чрезвычайно широка: строительство, операции с ценными бумагами, торговля автомобилями и многое другое. Благотворительный фонд учреждает коммерческие структуры с изумительным рвением. В этот фонд щедро — и, разумеется, совершенно добровольно — жертвуют почти все бюджетники республики, а также предприниматели вроде Умара Джабраилова. При этом публичных финансовых отчётов фонд не публикует, структура его непрозрачна, источники поступлений туманны. Но судя, например, по темпам строительства мечетей — 190 в Чечне, а также в Ярославле, в Турции, в Крыму и в Израиле (!), чеченские благотворители располагают немалыми средствами.

При таких могучих благотворительных фондах и обильной поддержке из центра Чечня платит крайне мало налогов — уплачивают положенное только 16% граждан республики. Характерный пример того, как выглядит чеченская экономика: в 2011 году расходы локальных бюджетов составили 80 млрд рублей. В Грозном открылась первая очередь комплекса высоток «Грозный-Сити». За этот год блестящего строительства в Чечне собрали 9 млрд налогов. Для сравнения, расходы граничащего с Чечнёй Ставропольского края составили 83 млрд, а населения там вдвое больше. При этом налогов на Ставрополье собрали 56 млрд.

Нельзя сказать, чтобы Кавказ ложился на плечи России непосильным бременем, но диспропорция между производством собственного продукта и потреблением бросается в глаза. Москва охотно выделяет деньги на грандиозные, даже китчевые проекты, громадные здания, циклопические культовые сооружения — но при этом закрывает глаза на фактическое отсутствие в Чечне своего производства, оправдывающего такие вложения. Республика, возводящая небоскрёбы и лоснящаяся от благополучия, в 2014 году производила полезного продукта на душу населения почти вдвое меньше, чем даже скромные Северная Осетия и Дагестан. В Чечне зарегистрировано в разы меньше предприятий, чем в соседних республиках. На всю почти полуторамиллионную республику лишь 125 компаний могут похвастаться годовой прибылью больше миллиона рублей. Большой вопрос — насколько это связано с уходом всей экономики в тень. Характерно, что из десятки крупнейших чеченских компаний как минимум три живут почти исключительно за счёт госзаказов, а одна фактически работает в Москве[1].

Если при восстановлении Чечни ставилась задача создать красивую витрину, то этот план был выполнен и перевыполнен за одну пятилетку. Однако даже сейчас, после стольких лет и колоссальной накачки деньгами, без продолжения массированных вложений со стороны Москвы чеченскую экономику мгновенно постигнет катастрофа. Блестящий фасад скрывает даже не слабость, а отсутствие какой-либо экономики. Понимает ли это Кадыров? Безусловно. Он непрерывно старается найти кого-то, кто готов вложиться в Чечню. Однако его сила — безусловная личная власть — составляет и его главную слабость. Учитывая, что права собственности в республике не гарантированы, независимый суд отсутствует, а закон подменён волей единственного человека, желающих вкладывать в это царство свои деньги находится мало. Отметим также, что если Кремль зависит от Чечни в смысле лояльности России, то сама Чечня в нынешнем виде существует исключительно благодаря Кремлю. Сам Кадыров в интервью утверждал, что деньги Чечне посылает Аллах[2]. Но посредником между

Подробнее об устройстве экономики современной Чечни:
http://www.rbc.ru/research/society/01/02/2016/56ae68679a7947d73142182d
https://www.youtube.com/watch?v=JSCM_xxzKB4

высшими силами и Чечнёй выступает всё же Кремль, и Рамзан просто не сможет прокормить ни республику, ни собственную многотысячную дружину, если Аллах по каким-то причинам выплаты остановит.

Отдельную проблему представляет собой коррупция. Джонатан Литтелл записал, к примеру, такой пассаж своего местного информатора:

> «Наихудшая трагедия — в том, что молодые люди знают только это. Они ходят в школу, родители платят. Они поступают в институт, родители платят. Они сдают экзамены, родители платят. Они поступают на работу, родители платят. И всё это молодёжь видит. Она знает только это, и жизнь для них сводится к этому. Сегодня в Грозном надо заплатить 1100 долларов, чтобы стать водителем маршрутки, — эти такси власть полностью держит под контролем; от 1300 до 2000 долларов, чтобы устроиться на должность медсестры; 3000 долларов, чтобы устроиться пожарным. Министерства регулярно получают приказы сверху: „Примите на работу 15 человек". И тогда надо уволить 15 человек, оплативших своё место, чтобы новые тоже оплатили свои. А то ещё придут ребята из Центороя, им всем нужны рабочие места»[41].

Лично Кадыров к 2009 году добился успеха по всем основным направлениям. Чечня стала государством в государстве с собственной политической системой, жизненным укладом и силовыми структурами, российские военные от операций на территории республики по большей части самоустранились. В Чечне остался лишь скромный войсковой контингент. Чечня преодолела последствия войны, сделавшись из зоны постапокалипсиса витриной Северного Кавказа.

Одной из ключевых тем для кадыровской Чечни стала религия. Существует злая ирония в том, что салафиты, столько лет воевавшие под знамёнами веры, в итоге оказались на обочине реисламизации Чечни. Республика не была по-настоящему религиозной в советское

время и даже при Дудаеве, но сын муфтия сделал Чечню местом, исключительно сконцентрированным на вере. Сам Кадыров постоянно участвует в религиозных церемониях, а мусульманские праздники отмечаются с пышностью и размахом. Число мечетей постоянно растёт. Апофеозом стало строительство в Грозном в 2008 году гигантской мечети — разумеется, имени Ахмата-Хаджи.

16 апреля 2009 года в регионе был официально прекращён режим контртеррористической операции. Война формально закончилась. Правда, трудно понять, что означает эта дата для истории. Если говорить о превращении Чеченской войны в кавказскую, то эта метаморфоза произошла уже давно, по крайней мере в 2004–2005 годах. В самой Чечне перестрелки регулярно происходили и после отмены режима КТО, и спорадически продолжаются поныне. Одной из последних крупных вспышек массового насилия стало выступление 4 декабря 2014 года в Грозном. Группа боевиков, переодетых полицейскими, напала на силовиков, убив нескольких человек и засев в Доме печати. После тяжёлого долгого боя их оттуда выбили. За день погибло 26 человек. После этого Рамзан объявил, что,

«если боевик в Чечне совершит убийство сотрудника полиции или иного человека, семья боевика будет немедленно выдворена за пределы Чечни без права возвращения, а дом снесён вместе с фундаментом. Это должны знать все, прежде чем направить оружие на сотрудника полиции или другого человека»[1].

Слова не разошлись с делом. В течение короткого срока неизвестные (кавычки по вкусу) сожгли или снесли бульдозерами дома, принадлежавшие родственникам боевиков[2].

Снос домов — новация в борьбе с террором в Чечне, свидетельствующая, как ни парадоксально, о смягчении нравов: несколькими годами ранее дело легко бы кончилось не уничтожением домов, а исчезновением людей.

---

[1] https://ria.ru/incidents/20141205/1036864054.html

[2] https://www.rbc.ru/politics/21/12/2014/5496bea19a7947e80204b517

Пожалуй, последним человеком, кого можно было назвать активным чеченским полевым командиром, был Аслан Бютукаев. Этот человек командовал басаевским отрядом «Риядус Салихийн», заметным лидером террористов он стал уже после официального прекращения КТО в Чечне, в 2010 году. В 2015 он присягнул на верность ИГИЛ, а в январе 2021 года убит под Катыр-Юртом с пятью другими боевиками. Трудно сказать, можно ли вообще отнести этот бой к событиям Чеченской войны: не только Ичкерия Дудаева, но и Имарат Кавказ уже стали к тому моменту фактами истории, а не актуальной борьбы с терроризмом.

Внутри республики царят глубоко своеобразные нравы. Критика любых действий Кадырова невозможна, а сам он диктует не только направление развития региона, но и рекомендуемый стиль одежды, поведения, расписание праздников, вопросы веры — словом, распоряжается буквально всеми сторонами жизни населения. Люди, критически отозвавшиеся о чеченской власти, с поразительным единодушием и быстротой осознают свою неправоту и публично приносят извинения. В декабре 2015 года социальная работница Айшат Инаева публично объявила, что из её зарплаты удержали три тысячи рублей в качестве «предоплаты» за коммунальные услуги, и эмоционально прокомментировала случившееся:

> «Рамзан Ахматович, неужели ты не знаешь того, что здесь творится? Или это делается с твоим участием? Только рассчитались за свет и газ, полностью погасили задолженность, теперь ещё с нас требуют по три тысячи. Что же это такое? Требуют три тысячи в качестве предоплаты, а если эти три тысячи не отдать, грозят уволить с работы! Что тебе, Рамзан, даст то, что ты уволишь нас с работы?»[1]

Кадыров женщину публично раскритиковал. Пришибленная Инаева вскоре заявила, что из её зарплаты никто ничего не вычитал и она сама не знает, как могла такое сказать — вероятно, у неё затуманился разум, и она просит прощения. Информацию об избиении женщины

[1] Цит. по: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/274623/

чеченское ТВ опровергло. Подобные ситуации повторялись многократно. Осенью 2020 года молодой человек по имени Салман Тепсуркаев, автор сочувственно настроенного к боевикам и резко негативно к Кадырову телеграм-канала «Адат», оказался в центре скандала. В сети появилась видеозапись, на которой голый Тепсуркаев ругает себя, а затем насаживается на бутылку[1]. На этом фоне история, когда другой юноша, идя в трусах по беговой дорожке, называет себя «гусем» (в чеченском языке это слово имеет более радикальный оттенок, чем мы привыкли, и напоминает по смыслу русское «козёл») и объявляет, что Путин — его отец, дед и царь, — выглядит почти невинно.

Итоги войны для Чечни выглядят двойственно. Кадыров может с гордостью продемонстрировать республику, отстроенную на российские деньги, в которой даже небольшие города выглядят как с обложки глянцевого журнала. Американский писатель Джонатан Литтелл, побывавший в Чечне в разгар кадыровской реконструкции, оставил живописное описание Грозного:

> «После того как мы устроились в отель, Тамир повёл нас выпить кофе-эспрессо и отведать пирожные в „Шоколадницу", нечто вроде московского варианта кофейни „Старбакс"; чеченский филиал „Шоколадницы" находится на главном проспекте Грозного, недавно переименованном в проспект Путина. Это место показалось мне совершенно неподходящим к окружающей обстановке: эспрессо стоил столько же, сколько московский, на прекрасно освещённой витрине обнаруживалось большое разнообразие тарталеток, блинчики с красными фруктами и тирамису, и нас обслуживала красивая молодая женщина в облегающем и изящном длинном жёлтом платье — под широким плоским экраном, где демонстрировался голливудский фильм без звука. <...> Уже в самолёте, пролетая над длинным Старопромысловским шоссе

[1] https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/09/87020-zhertva-informatsionnoy-voyny-18

к северу от Грозного, я догадывался о размахе реконструкции: все здания вдоль шоссе казались новёхонькими, их зелёные крыши и жёлто-канареечные фасады вносили оживление в мрачный окрестный пейзаж; даже здесь, на периферии города, надо долго смотреть и знать, чего ищешь, чтобы заметить шрамы старых траншей или позиции бронетранспортёров на гребнях холмов. В центре всё — с иголочки новое, абсолютно всё: полностью отреставрированы не только здания XIX века, окаймляющие проспект Путина, но и тротуары, мостовые, бордюр зелёных газонов с автоматическим поливом. Я думал о любопытном ощущении, возникшем у меня, когда Тамир водил нас по городу, городу призрачной реальности, наслоившейся на другую; по прекрасному новому городу, накладывающемуся на следы старого города, разрушенного, разграбленного и опустошённого, хотя совсем устранить этот город не удалось; каждый город казался сновидением другого»[41].

И всё это органично сочетается с вещами, описанными выше.

ВЕЧНАЯ ВОЙНА

Боевые действия на Кавказе по инерции продолжались. Ячейки боевиков уменьшились до нескольких человек, всё чаще вооружённых разнообразными самоделками. В 2014–2016 годах в Дагестане действовали до 14 групп боевиков, но крупнейшая из них насчитывала лишь 15 человек[42]. На масштабные налёты их больше не хватало. Тем не менее война длилась и длилась, питая саму себя. В лесах прятались пособники боевиков, кто-то мстил за погибших родственников — зачистки неизбежно приносили новые трупы, и в горы вновь уходили люди.

Местный житель рассказывал:

> «В России думают: они там кровожадные, режут друг друга. Но человек же мстит не только потому, что хочет. Он не может не отомстить. Я, допустим, не хочу никого убивать, но если у меня убили брата, я обязан отомстить — вся семья этого ждёт, весь тейп»[1].

Среди участников бандгрупп были не только неудачники. Иной раз в горы уходили и вполне благополучные люди. Подполье представляло собой странную смесь идеализма, религиозного фанатизма, страха перед заслуженным наказанием, желания мести, обычной уголовщины и обиды на власть.

Неплохим источником сведений о быте таких отрядов стали опубликованные судебные решения по боевикам, которые попали в плен. Осенью 2014-го Верховный суд Чечни приговорил к 13 годам лишения свободы некоего Хамзата Альдиева из Ингушетии. Альдиев вступил в банду в августе 2011-го. Как говорится в приговоре, сделал он это

> «...по мотиву личной обиды из-за „страданий" жителей Чеченской Республики и Республики Ингушетия в ходе контртеррористических операций, обусловленной ею неприязни к сотрудникам правоохранительных органов <...> и из-за невыдачи ему загранпаспорта»[2].

Опечаленного произволом полиции и невозможностью уехать за рубеж мужчину присмотрели боевики. После того как Альдиев согласился вступить в отряд, с ним встретился на базаре вербовщик. Он водил неофита по рынку весь день — судя по всему, высматривая «хвост» спецслужб. С рынка новые друзья уехали в небольшую станицу, а оттуда по темноте ушли в лесной лагерь. Альдиев некоторое время обучался на тайной базе в Ингушетии. «Боевые будни» состояли главным образом из сооружения схронов, переходов с одной базы на другую и караульной службы. Периодически моджахедов бомбили, однажды Альдиеву пришлось

---

[1] https://expert.ru/russian_reporter/2008/38/terror_v_ingushetii/

[2] Здесь и ниже цитируется приговор Верховного суда Чеченской Республики от 19 ноября 2014 года по делу № 2-20/2014.

убегать с базы босиком. Несколько боевиков за это время ушли из леса и сдались властям, ещё несколько погибли. Характерна ремарка из приговора:

> «С 21 февраля 2013 года до середины или конца апреля 2013 года, бегали по лесу, пытаясь выжить». После этого наш герой понял, что это не война, а игра и бизнес, и, решив выйти из НВФ и вернуться домой, стал ждать подходящего момента, боясь уйти сразу. «<...> После бомбёжки блиндажа 21 февраля, когда все разбежались, Махаури Б. нашли таким, как будто его только что высадили из „Мерседеса", сытого, с армейскими сухпайками и продуктами. Махаури Б. не объяснил, откуда у него всё это глубоко в горах. Тогда понял, что это не война, а игра, что они в ней пешки. Оставаться в НВФ до этого вынуждало то, что назад дороги не было, поскольку их постоянно снимали, фотографировали и выкладывали в интернет. Всё это время осознавал, что в любой момент может завязаться бой и его могут убить, а потому готов был стрелять. Вступил в НВФ не из-за денег, которых там не давали. Там лишь говорили, что скоро начнётся большая война, нужно немного подождать, выжить, и тогда у них будут большие возможности».

Во время своих лесных мытарств Альдиев успел поучаствовать в засаде на БТР воронежского ОМОНа под Бамутом. В этом бою со стороны боевиков участвовало около десятка человек с двумя пулемётами, автоматами и самодельной миной. Пятеро омоновцев получили ранения и травмы. Никто, к счастью, не погиб.

Одной из примет середины и конца нулевых стал относительно массовый приход в террор русских мусульман. Нельзя сказать, что подобное явление оказалось чем-то новым. Русским случалось переходить в ислам и ранее, чаще в результате смешанных браков.

Впервые они обратили на себя общественное внимание в 80-е годы, когда в ислам перешло некоторое количество пленных, взятых в Афганистане. Однако именно в постсоветский период численность славян-неофитов стала ощутимой и достигла примерно десяти тысяч человек . Если сравнивать с традиционно исповедующими ислам народами, среди неофитов намного выше доля радикалов. Многие из них оказались в рядах вооружённого подполья.

Именно с неофитами связан один из самых болезненных терактов для мусульман-традиционалистов. В 2012 году был убит Саид Ацаев, более известный как Саид-афанди аль-Чиркави (Чиркейский), известнейший в Дагестане религиозный деятель. Суфий, талантливый проповедник, имел множество последователей и при этом оставался твёрдым сторонником традиционной версии ислама. Мало того, его проповеди и попытки вступить в контакт с радикалами вызвали раскол в среде салафитов. Внутри радикального крыла появилась своя «партия мира», что делало Саида-афанди для непримиримых опасным. В 2012 году он был взорван смертницей, причём шахидка, тридцатилетняя Аминат Курбанова, при рождении звалась Алла Сапрыкина. На приём к шейху она попала, прикинувшись русской, собирающейся принять ислам. Один из организаторов подрыва также оказался неофитом. Абдул-Малик ар-Руси всего за несколько лет до этого носил куда более привычное имя Алексей Пашенцев и жил в селе под Белгородом, однако в институте принял ислам и вскоре попал под влияние радикалов. В 2014 году его короткая карьера в рядах салафитов закончилась обычным образом: гибелью в результате спецоперации.

Самым известным из таких персонажей стал Александр Тихомиров, он же Саид Бурятский. Молодой человек из Улан-Удэ действительно глубоко воспринял идеи новой веры. В отличие от многих других неофитов и плохо образованных радикалов-подпольщиков, Александр-Саид знал арабский, обладал талантами и харизмой пропагандиста. Исламские богословы, правда, утверждали, что Коран он трактует вольно, но соблазнять малых сих на войну у Саида получалось, тем более что среди боевиков красноречивых людей было мало. Свои проповеди он записывал на видео. К моменту прихода в террор

---

http://www.tvc.ru/news/show/id/20355

улан-удинец представлял собой редкий пример не просто неофита, но неофита, сумевшего завоевать авторитет. Бурятский, среди прочего, был адептом широкого применения терактов с участием смертниц. Впрочем, карьера Саида оказалась недолгой. В 2008 году он присоединился к Умарову, а уже 2 марта 2010 группу, в которую он входил, разгромили в Ингушетии, а его самого уничтожили.

Что касается вялотекущей кавказской войны, то «лесные братья» продолжали жить своей жизнью. Террористы какое-то время проводили в схронах, а большую часть года скитались по лесам. Спуститься к людям они могли далеко не всегда — попытка выйти в населённый пункт могла окончиться визитом воинской команды. Деньги добывали рэкетом, оружие — на чёрном рынке.

Боевиков добивали — методично и упорно. Это работа по-настоящему тонкая, требующая многомесячных усилий для достижения формально скромных результатов. Однако способов быстро и легко изловить маленькие группы террористов просто не существует.

Дагестанский полицейский замечал:

> «Когда в лесу обнаруживаешь людей с оружием, то сразу и не понять — боевики это или гражданские. Теперь выпускают модификации карабина „Сайга", похожие на автомат. Смотришь и думаешь: это автомат или охотничья „Сайга"? Боевик или охотник? Тяжёлые сомнения, на которые есть секунды. Если понял, что перед тобой враг, — стреляешь. Конечно, нелегко поначалу, но потом привыкаешь. Когда мы воевали с боевиками, их преимуществом было то, что многих мы не знали в лицо. А когда подозреваешь человека в том, что он связан с террористами, это трудно доказать. Сложно отличить людей, верующих в традиционный ислам, от ваххабитского течения. Приводишь его в отделение, а он: „За что меня? Я молюсь ради своей веры, образ жизни у меня такой.

Я не боевик". Пока он за оружие не возьмётся, мы не можем принять меры.

Ни один из боевиков никогда не признается в своих убеждениях, если на него не надавить. Так было в Чечне, в Дагестане — ни один из ваххабитов по своей воле не говорил, что убивал. Бандиты шли в отказ даже тогда, когда их ловили с оружием. „Я этого не делал — мне всё подбросили!" — был их ответ»[1].

Характерный бой состоялся в Дагестане осенью 2012 года. Предметом поисков сводного отряда СОБРа и омоновцев стала небольшая банда, промышлявшая рэкетом и убивавшая муфтиев-традиционалистов. Поиски в горах шли четыре месяца, но долгое время не давали результатов. В итоге ценой жизни одного из омоновцев были застрелены два боевика, а затем собровцам удалось отыскать основные силы этого отряда в небольшом ауле у грузинской границы. Бункер, как выяснилось, был оборудован в детском саду, во дворе которого произошло небольшое побоище. Боевики сдаваться не собирались и пошли на прорыв, стреляя во все стороны и швыряя гранаты. Этот вестерн окончился практически сразу. Террористы выскочили прямо на командовавшего операцией полковника Яшкина. Тот пальбой в упор уложил троих, сам получил пулю в шлем и ранение в плечо и ногу, но продолжал огнём прижимать двоих оставшихся террористов к земле, пока тех не добили собровцы. Яшкин получил за этот бой звезду Героя, а терроризировавший окрестности отряд боевиков прекратил существование.

Доку Умаров метался по всему Кавказу, затравленный, теряющий влияние и сторонников. Обстоятельства его смерти туманны, но предполагается, что глава кавказских террористов умер или погиб в январе 2014 года. Осенью 2017-го в горах Ингушетии нашли захоронение группы боевиков. Один из пяти трупов принадлежал Умарову[2].

---

[1] https://lenta.ru/articles/2018/01/23/mvddag/

[2] https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/27/735584-fsb-podtverdilo-obnaruzhenie

Полковник Сергей Яшкин
во время операции в Дагестане.
Фото Дмитрия Белякова.

Его преемник Алиасхаб Кебеков был человеком уже совсем иного поколения полевых командиров. Нечеченец (аварец из горного села Дагестана), судимый за торговлю поддельной водкой, он пришёл в террор уже после официального завершения войны в Чечне, в конце 2009-го. Его дальнейшее восхождение шло молниеносно. Заместитель амира Дагестана до февраля 2012-го, эмир Дагестана, кадий Имарата Кавказ и, наконец, его глава. Такая стремительная карьера связана не столько с выдающимися способностями, сколько с прозаическим фактом: все свои должности он принял после гибели предшественников.

С 18 марта 2014 Кебеков возглавил подполье, и именно ему пришлось председательствовать при распаде Имарата: в самом конце года уцелевшие полевые командиры начали переходить под крыло новомодного проекта — ИГИЛ . Кебеков разругался со сторонниками Исламского государства, но вскоре богословские диспуты в рядах подполья разрешились сами собой: 19 апреля 2015 года Алиасхаба с группой товарищей убили во время спецоперации в Буйнакске. После этого первый перешедший под крыло Халифата главарь дагестанских боевиков Рустам Асельдеров (он же в новом качестве Абу Мухаммад) родом из Карамахи стал главой Кавказского вилаята ИГ. Асельдеров в настоящий момент убит. Имарат Кавказ также долго не продержался. Преемник Кебекова Магомед Сулейманов поруководил 40 дней и тоже был убит. В качестве возможного преемника успели назвать ветерана конфликта в Сирии Магомеда Абдулаева, но неделю спустя он тоже погиб. Восстановить имарат фактически с нуля попытался кабардинец Залим Шебзухов в начале 2016-го. Но уже летом он попытался покинуть Кавказ и скрыться, однако был перехвачен в Санкт-Петербурге и убит при попытке задержания. На этом Имарат Кавказ своё бытие прекратил.

С годами само понятие войны на Кавказе размывалось. Северный Кавказ — особенно Дагестан — был переполнен оружием, поэтому обычная уголовная разборка могла обернуться перестрелкой, а та — небольшой контртеррористической операцией . Отделить уголовное насилие от политического зачастую оказывалось невозможно.

Деятельность организации запрещена в Российской Федерации по решению суда.

https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/03/10/4360-imarat-kavkaz-gosudarstvo-kotorogo-net

В 2011 году наметился тренд на снижение уровня потерь силовиков и гражданских. С одной стороны, это связано с усилиями военных и правоохранителей. Дагестан был прочёсан частым гребнем, на салафитов непрерывно оказывали давление — в том числе профилактическое. В основном речь идёт не о ликвидациях, а о задержаниях, допросах и обысках потенциальных террористов в сочетании с классической агентурной работой и постоянными лесными рейдами.

В Ингушетии в 2008 году Путин отправил в отставку президента республики Мурата Зязикова. Вместо него исполняющим обязанности был назначен Юнус-Бек Евкуров, днём позже Народный Совет Ингушетии утвердил его в должности. Он сумел наладить диалог с местными религиозными сообществами, включая готовых разговаривать салафитов. В Ингушетии постарались адаптировать к мирной жизни боевиков, желающих прекратить сопротивление и лично не участвовавших в кровавых акциях. В целом, республика смогла пройти между Сциллой чрезмерной жестокости и Харибдой бессилия.

Президент Ингушетии оказался удачным назначением. Удивительно, но человек, пришедший во власть после долгой службы в десантных войсках, оказался на поверку весьма гибким политиком. К 2010 году уровень вооружённого насилия в республике резко пошёл на спад. Евкурова не заставило отвернуть от избранного курса даже покушение в 2009-м, в результате которого он получил тяжёлое ранение. Правда, в Ингушетии работу облегчало то, что сама республика невелика (менее полумиллиона жителей), и это позволяло в ручном режиме поддерживать контакт даже с малыми общинами. В Дагестане в отношении салафитов политика оставалась более жёсткой, а правительство до сих пор сотрясают аресты крупных чиновников. Тем не менее успехи боевиков шли на спад и там.

Усилия властей дополнила внешняя конъюнктура: в 2014 году последовало очередное резкое сокращение потерь. Военным оставалось добить последние крупные отряды. По официальным данным, к концу 2017 года организованное подполье на Кавказе считается полностью уничтоженным .

---

http://tass.ru/proisshestviya/4825781

ГОЛОСА ПРЕКРАСНОГО ДАЛЕКА

Война на Кавказе закончилась. Разгром боевого подполья занял много лет, но теперь это свершившийся факт. Даже эффектные вылазки остатков боевиков (среди которых практически нет участников ни первой, ни второй войны) — это уже не более чем попытки оживить электричеством хладный труп «сопротивления». Характерно, что вылазки последних лет чаще всего совершаются с использованием кустарного или охотничьего оружия. Эти налёты редки, носят бессистемный характер и почти всегда являются делом рук одиночек или малых групп распропагандированной исламистами молодёжи. Само по себе это, конечно, произойти не могло. Практика партизанских войн на планете показывает, что подобный конфликт может тлеть десятилетиями. Но в конечном счёте перелома России добиться удалось. В первую войну в Кремле так и не сложилось понимания, что делать с Чечнёй, кроме как перебить ключевых лидеров террористов. Во вторую войну Москва действовала более последовательно и смогла взять под контроль ситуацию даже после того, как война вышла за пределы Чечни.

Однако избранное решение проблемы вряд ли можно счесть идеальным. Фактически клан Кадыровых добился того, что не сумело сделать подполье со всеми своими головорезами. Басаев не мог предотвратить возвращение Чечни в состав РФ, но Кадыров возглавил этот процесс. Рамзан ухитрился перехватить у боевиков даже религиозную повестку, демонстрируя себя в качестве хранителя традиций и ревнителя веры. Есть некая ирония в том, что победа клана Кадырова стала тем самым политическим решением, о котором столько говорили во время войны. Кремль действительно разделил боевиков на умеренных и непримиримых, и благополучно добил одних руками других.

В настоящий момент Чечня представляет собой полусамостоятельный субъект в составе России, демонстрирующий лояльность, но способный в достаточно широких границах навязывать свою волю федеральному центру. «Частная армия» Рамзана Кадырова успела составить себе сомнительную репутацию силы, лояльной только своему шефу. А лояльность самой Чечни держится на феодальных, в сущности, отношениях между сюзереном и вассалом. При этом с чеченскими силовиками связывают целый ряд громких преступлений за пределами Чечни, Кавказа и даже России.

Конечно, сущность режима Кадырова радикально отличается от того, что хотели получить сначала Дудаев, а затем религиозные радикалы. Рассуждения о «выплате дани Чечне» мало чего стоят: вооружённое подполье, которому можно было проиграть, фактически уничтожено. В Чечне разыгрался классический сценарий подобных конфликтов. Бунтовщиков поделили на умеренное крыло, с которым сумели наладить взаимодействие, и непримиримых, которые были уничтожены с участием новых союзников. Здесь для России нет ничего уникального. Схожие мотивы и действия можно увидеть в действиях самых разных государств и в разные эпохи. С точки зрения властей РФ схема взаимодействия между Москвой и Грозным считается приемлемой — по крайней мере, нет зримых признаков, что федеральный центр текущей ситуацией недоволен и пытается её изменить. Но с точки зрения более глубоких интересов страны и общества, а также долгосрочного государственного планирования Чечня в настоящий момент — проблемный регион. Дело даже не в дотациях, а в существовании в рамках государства территории со своими неформальными законами, действующими лучше писаного права, традиционной до архаичности системе взглядов, которая навязывается населению, отсутствии контроля за применением насилия местными властями (и вообще отсутствии контроля за их действиями). Причём Грозный собственной территорией не ограничивается и де-факто распространяет свои представления о должном и на чеченцев за пределами Чечни, и на всех, кто имеет с ними дело.

В 2017 году — в последний год перед заявлением директора ФСБ об уничтожении подполья на Кавказе, по данным ресурса «Кавказский узел», погибли 5 гражданских лиц, 22 силовика и 82 предполагаемых боевика. Это, конечно, огромный прогресс по сравнению с менее спокойными временами. В результате обычных криминальных убийств на Кавказе гибнет на порядок больше людей, и по количеству насильственных смертей республики Кавказа сейчас не слишком выделяются на общероссийском фоне. Люди, желающие продолжать джихад, чаще всего просто уходят гибнуть в горячие точки за пределами России.

Однако прочность мира порой вызывает сомнения. Наиболее смутной ситуация выглядит в Дагестане. Здесь социальная база террористов не подорвана. Экономическое положение республики

тяжелейшее, социальная обстановка — взрывоопасная. Очень возможно, что в ближайшие годы Россию на Кавказе ждёт множество неприятных сюрпризов. Вероятно, именно с попытками одним махом навести порядок в республике связаны события февраля 2018 года. В рамках «декриминализации властных структур» были задержаны премьер-министр Дагестана, мэр Махачкалы и ещё целый ряд чиновников разного калибра. В момент, когда пишутся эти строки, ещё невозможно судить о том, как будут развиваться события дальше.

Между тем терроризм в России сменил форму. В последние годы на смену мёртвому «Имарату» пришёл проект борьбы за мировой халифат. Многие радикалы с Кавказа уехали на Ближний Восток. Исламское государство запрещено в РФ, но террористические ячейки не требуют разрешения. Сколько именно людей уехало воевать в пустыне, точно сказать невозможно. По данным доклада, опубликованного американской компанией Soufan Group, на октябрь 2017 года на Ближнем Востоке под знамёнами ИГ воевало 3417 граждан России . В ходе боёв в Сирии очень многие из них были уничтожены, но остатки разъехались по миру, и сейчас боевиков, обладающих приставкой к имени «аш-Шишани» («из Чечни»), можно встретить на гигантских пространствах от Ливии до Афганистана.

Резко снизилась интенсивность террористической войны за пределами Кавказа. Если в конце 90-х террористам удавалось сравнительно легко совершать даже очень крупные и кровавые теракты, то в 2010-е и количество самих акций, и число жертв снизилось до очень небольших величин. Судя по всему, ФСБ удалось решить проблему с внедрением агентуры в ряды исламистов. Большинство террористов перехватывалось (и перехватывается) правоохранительными органами ещё на этапе подготовки. Иногда, впрочем, террористы сами облегчают работу органам безопасности. Времена многочисленных отлично подготовленных подрывников и диверсантов давно остались в прошлом. В последние годы громкие акции с жертвами кавказскому подполью в России удаются редко.

Фронтом глобального джихада Россия быть не перестаёт. Террористический акт в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 года, когда

---

http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/251513/#cont_12

погибли 16 человек, стал одной из первых громких акций, связанных уже с более глобальным проектом. Правда, к «исходной» войне на Кавказе этот взрыв уже не имеет отношения: исполнителем выступил уроженец Киргизии, и эта акция никак не связана с джихадом времён Умарова, не говоря уже о газавате эпохи Дудаева.

Окончательно снизить до нулевых величин число потенциальных боевиков можно, но крайне трудно. Для этого требуется улучшить положение в тех сферах, где и в остальной России ситуация остаётся далеко не блестящей: эффективность полицейской работы, экономическое благополучие, борьба с коррупцией. Если учесть, что питательной средой для салафитов служил ещё и низкий уровень образования, легко понять, что быстрого решения проблемы террора не существует. Если работу полиции и спецслужб можно улучшить сравнительно быстро, то эффекта от народного просвещения придётся ждать десятилетиями.

Нужно отметить, что при усилиях в этом направлении Россия имеет не худшие позиции. Основная масса жителей Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Карачаево-Черкесии нуждается скорее в трудоустройстве и человеческих условиях жизни, чем в проповедях радикальных богословов. В Чечне же практически не осталось желающих сидеть в схронах. Жители республики слишком привыкли к цивилизации, ровным дорогам, на которых нет мин, и отсутствию зачисток, чтобы всерьёз желать возобновления войны. Уж конечно, и сам Кадыров в последнюю очередь хотел бы лично возвращаться в горы. При всей сложности работы, которую предстоит проделать для превращения Чечни и всего Кавказа в нормально функционирующий регион с работающей экономикой, это уже не вопрос об истреблении многотысячных банд с тяжёлым оружием. Проблемы, решавшиеся военной силой, полностью перетекли в сферу экономики и политики. Правда, выиграть мир — задача не менее трудная, чем выиграть войну.

ПОСЛЕ ДОЛГОГО ОГНЯ

Говоря о причинах и ходе Чеченской войны, мы неизбежно сталкиваемся с переплетением теорий заговора. Комментаторы практически всегда ищут и находят у конфликта тайную подоплёку. Война рассматривается

как масштабная «заказуха» со стороны неких наживающихся на ней акторов. В других вариантах она рассматривается как заговор внешних сил, направленный на ослабление России. В числе таких провокаторов называются спецслужбы стран Запада, Турции и стран Персидского залива. Наконец, в среде отечественной оппозиционной интеллигенции популярна противоположная версия: война — проект Кремля, который использует боевые действия для того, чтобы держать в повиновении российское общество при помощи управляемого насилия.

Наиболее примитивная версия происходящего сводит события в Чечне к борьбе маленького стремящегося к независимости народа против неоколониальных имперских устремлений России. Как обычно бывает в таких случаях, эта концепция соблазнительно проста, всеобъемлюща — и неверна. Для начала, следует вспомнить, что кризис в Чечне развился на фоне куда более масштабной драмы — распада Советского Союза. При этом пожелавшие покинуть СССР республики отпускались в свободное плавание без всяких боевых действий или при очень ограниченном, почти символическом противодействии. В рамках концепции неоимперской политики Москвы невозможно объяснить, почему, например, Казахстан, с его действительно обширными — куда там Чечне — запасами природных ресурсов, многочисленным русским населением и географическим положением в «мягком подбрюшье» России был сдан вообще без сопротивления. Отпадение республик Балтии Ельцин публично приветствовал — при том, что Эстония, Латвия и Литва с точки зрения геополитики на порядок важнее Чечни. Прощание с Белоруссией оказалось настолько тёплым, насколько вообще могло быть — это при том, что Белоруссия почти на 100% населена русскоязычными или просто русскими людьми, дружественно настроенными по отношению к России. Республика обладала развитой промышленностью и по сей день представляет собой важнейший буфер между Россией и странами Евросоюза. Всё сказанное в квадрате справедливо по отношению к Украине, и хотя сейчас отношения между Москвой и Киевом как никогда плохи, в 90-е годы никто и никак не пытался удержать Украину. Силовики распадающегося СССР отметились спорадическими актами насилия в некоторых республиках, но сама РФ не предприняла практически никаких усилий для сохранения территорий рушащегося государства, за исключением нескольких локальных миротворческих операций. Словом, в рамках этой концепции

Москва почему-то демонстрирует империализм самым странным образом — показательно избивая самую бесполезную с точки зрения любого империалиста республику.

При этом в рамках концепции «маленького гордого народа» полностью игнорируются «не те чеченцы». В лучшем случае в отрядах лоялистов видят марионеток Кремля. В реальности проблема современной Чечни — ровно противоположного свойства: как раз слабость контроля над республикой создаёт трудности для РФ. Тем более нелепо закрывать глаза и на старую чеченскую оппозицию, начавшую войну против Дудаева задолго до российских войск. Словом, история о борьбе гордого народа за независимость ничего не объясняет, как и всякая примитивная теория, в прокрустово ложе которой пытаются вместить сложное явление.

В действительности легко заметить, что Чеченская война с самого начала Кремль тяготила, и администрация Ельцина старалась пристойным образом спихнуть с себя необходимость разрешать проблему. Перемирия, длившиеся иногда месяцами, включая даже перерыв в битве за Грозный, длительное прекращение боевых действий после Будённовска и при этом — попытки удавить боевиков руками оппозиции в 1994 году, а затем — унизительная капитуляция в Хасавюрте — всё это выглядит не как коварный заговор для разжигания войны, а как попытка отвязаться от конфликта любым способом. Для режима Ельцина и лично для него Чеченская война стала самым главным ударом по репутации, даже более тяжёлым, чем экономический коллапс. До бомбёжек Югославии 1999-го Ельцин был весьма чувствителен к одобрению его действий западными странами и общественностью, а российская экономика интенсивно подпитывалась из международных фондов; война в Чечне никак не способствовала взаимопониманию с Европой и США.

Ещё хуже дела обстояли внутри страны. Чеченская война страшно ударила по популярности Ельцина, которому и без того пришлось страшно изощряться для переизбрания на пост президента в 1996-м. В 1999-м при попытке парламентского импичмента Ельцину самым острым в списке обвинений оказался именно вопрос о Чечне, и именно по этому пункту для запуска процедуры отрешения президента от должности не хватило лишь 17 голосов депутатов из 300.

Если частные лица из окружения Ельцина действительно могли извлекать какую-то выгоду из происходящего, то лично для президента и его режима Чеченская война была непрекращающейся головной болью. Обратим внимание, что в 1996 году боевые действия прекратились не по причине разгрома российских войск на поле боя. Войска показали себя не с лучшей стороны, но вести операции дальше они, безусловно, могли. Но война была слишком непопулярна в российском обществе.

Впрочем, некоторые теории заговора, указывающие на российские элиты, не лишены оснований. Среди российских политических деятелей действительно хватало желающих нажиться на войне либо использовать её для прикрытия политических махинаций. Однако практически всегда речь идёт об использовании уже сложившейся ситуации, а не о её создании. Война в Чечне, как и любой крупный вооружённый конфликт, породила множество коррупционных схем, но нажиться на ней удавалось не тем, кто мог принимать решения о её начале или возобновлении после перемирий. Даже человек, получивший максимум дивидендов от победоносного начала второй войны, — Владимир Путин, мог использовать жёсткую милитаристскую риторику для набора популярности лишь ограниченный срок — с конца лета 1999 по начало весны 2000 года. Позднее война стала одной из главных проблем и лично для него.

Попытки найти режиссёров войны за рубежом также ведут в никуда. С одной стороны, Россия в своей борьбе на Кавказе оказалась политически одинока. Для мировой общественности она выглядела виновной в этой войне. Но уровень западной поддержки боевиков всё же не имел критического влияния на выживание подполья. Да, Россия подвергалась дипломатическому давлению. Да, даже самые жестокие теракты не заставляли западные страны пересмотреть отношение к террористам. Да, «хороший Масхадов» даже после Беслана пользовался остатками репутации борца за мировое добро. Но началась война, безусловно, не с подачи каких-то внешних сил. Чеченский конфликт имел в первую очередь внутрироссийскую и внутричеченскую природу. Невозможно представить, что без поддержки Запада Дудаев не пытался бы объявить о независимости или Басаев не предпринял бы экспедицию в Дагестан.

Хотя это не льстит нашему национальному самолюбию, приходится признать, что таинственные заговоры и предательства — это в том числе фиговый листочек, которым прикрывалась низкая эффективность российских силовых структур. 90-е и нулевые годы — это период драматического падения боеспособности Вооружённых Сил страны и компетентности органов безопасности. Апогей этой постигшей страну катастрофы — первый штурм Грозного, для которого пришлось буквально поштучно собирать батальоны, перебрасывая их даже с Тихого океана. Состояние вооружения, снаряжения и техники было катастрофическим, сплошь и рядом части регулярной армии РФ оказывались оснащены хуже боевиков. Искреннее желание уничтожить боевиков не могло компенсировать отсутствия необходимого снаряжения и навыков.

В этом же направлении можно искать ответ и на обвинения российских войск в геноциде чеченцев. «Геноцид» чеченцев, после которого в Чечне не осталось русских, — это абсурд. Результат двух войн выглядит странно для войны на уничтожение: Чечня становится «любимым ребёнком» федерального центра и лоснится от богатства, почти ничего не производя.

Обе чеченские войны велись голодными и обозлёнными, а главное — в большинстве своём неквалифицированными солдатами. Необходимо учитывать специфику боевых действий: противник, что типично для партизанской войны, сознательно прятался среди населения, а боевые действия шли не только в горах, но и в населённых пунктах. В этих условиях плохая выучка солдат, особенно расчётов артиллерии и лётчиков ударной авиации, постоянно вели к катастрофам и без всякого злого умысла. Многочисленные удары по своим вели к большим жертвам среди российских военных, и они, очевидно, спланированы не были. Само собой, если артиллерия и авиация прискорбно часто попадали по своим, такие удары накрывали и обывателей. Разумеется, людям, на которых сыпались бомбы, от этого было не проще, но и умысла убить побольше чеченцев у военных, очевидно, не было.

Если говорить о реальных причинах, сделавших войну в Чечне и на Северном Кавказе возможной и неизбежной, то здесь мы неизбежно

приходим к выводу: Чечню свалил в войну весь комплекс проблем одновременно. Крах советского проекта и выход национальных республик из состава погибшего государства показал, что уход в свободное плавание с оружием в руках возможен. Усилия Дудаева и его окружения придали событиям первый импульс. Удобство Чечни в качестве «внутреннего офшора» для российских элит стало причиной, по которой Москва долго закрывала глаза на происходящее. Дело усугубляло обилие проблем, перед которыми стояла администрация Ельцина, и преуменьшение трудностей разрешения конфликта. Непоследовательность, растерянность и неумение выстроить единую стратегию со стороны Кремля позволили Дудаеву спокойно захватить власть и сформировать вооружённые отряды. Затем амбиции Дудаева и естественное нежелание Ельцина допустить дальнейший распад федерации закономерно привели к войне.

Вторая война стала неизбежной уже в 1996 году в силу полной неспособности победивших полевых командиров к государственному строительству. Наконец, на Северном Кавказе все экономические и социальные проблемы России проявлялись в особенно острой форме, дополнялись местной спецификой и долгое время систематически игнорировались. Выход войны за пределы Чечни был запрограммирован ещё в 90-е. Все эти обстоятельства постоянно приправлялись местными культурными особенностями, низкой эффективностью и коррумпированностью российской государственной машины, а также привнесённым извне, но расцветшим на местной почве фактором религиозного фанатизма.

К сожалению, слишком многие обстоятельства работали на создание и взращивание вооружённого конфликта. Думать, что войну в Чечне волевым усилием мог бы начать и тем более быстро и малокровно закончить Дудаев, Ельцин, Басаев, Масхадов или Путин, — просто наивно. От личных усилий в этой истории вообще зависело на удивление мало. Это показала попытка деморализованного российского общества просто уйти от войны в 1996 году. Теоретически до 1992-го конфликт ещё можно было притушить до его начала, но после того, как Дудаев и его военные вожди закрепились у власти, Россия могла закончить войну в Чечне, только выиграв её. Полевые же командиры не могли закончить конфликт никак. Буквально все значимые участники Чеченской войны быстро становились её заложниками.

Единожды начавшись, чеченская смута быстро начала управлять сама собой, опрокидывая все планы участников.

Конфликт на Кавказе не исчерпан. Он загнан в глубину, выдавлен на периферию, в глухие горные районы, за рубеж. Но не стоит обольщаться: основы прочного мира не созданы. Сейчас Москва имеет достаточно сил и средств, чтобы удерживать регион под контролем. Но нет ни малейшего сомнения: если Россия даст слабину, эта пороховая бочка легко может взорваться вновь — с непредсказуемыми последствиями.

60 ЛЕТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ РОСТИСЛАВ ФАДЕЕВ

Идеальный приквел «Чеченской войны» Евгения Норина — один из первых обзоров Кавказской войны. Всё о покорении Кавказа от непосредственного участника пленения Шамиля — Ростислава Фадеева. Зачем нам потребовался этот регион, почему вышло так долго и кроваво — всё это доходчиво рассказано в небольшой 150-страничной книжке.

Автор книги Ростислав Фадеев — авторитетный российский военный историк, публицист, генерал-майор. Доброволец в Русско-Турецкой войне, участник национально-освободительной борьбы балканских народов.

Издание в дореформенной авторской орфографии.

chernaya100.com

КОДЕКС ЧЕСТИ РУССКОГО ОФИЦЕРА ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ

Легендарное подарочное мини-издание настоящего «русского бусидо», написанного ротмистром Кульчицким в 1915 году. Книга состоит из универсальных афоризмов и наставлений, касающихся не только военного дела, но и светской жизни.

Выпуск приурочен к годовщине Первой мировой войны 1914–1918 годов и состоит наполовину из текста, наполовину из фотографий забытых русских героев с небольшими биографическими справками.

chernaya100.com

РУССКИЙ КОМИКС, 1935–1945. КОРОЛЕВСТВО ЮГОСЛАВИЯ

Рекомендуем также наши знаменитые сборники комиксов русских белоэмигрантов. Среди графических романов по русской классике можно найти и комиксы на тему кавказских войн. В первом томе — «Газават» по повести Лидии Чарской, во втором — «Хаджи-Мурат» по мотивам романа Льва Толстого. В первый том вошло 17 графических романов, во второй — 5. «Тарас Бульба», «Пиковая дама», «Ревизор», «Воскресение» и «Ночь перед Рождеством» — лишь некоторые из них.

chernaya100.com

ОБ ИЗДАТЕЛЯХ

«Чёрная Сотня» — издательство, основанное двумя студентами в 2013 году. Основная деятельность — издание исторической литературы, восстановление и возвращение наследия русского зарубежья и переиздание важных, но забытых работ дореволюционной России.

Сайт издательства
chernaya100.com

Телеграм-канал:
@chernaya100

Издательство книжной лавки «Листва» — дочерний проект «Чёрной Сотни», который планирует выпускать книги по трём направлениям: актуальная политика, контркультура, художественная литература.

«Листва» — общественно-политическая площадка, лекторий и интеллектуальный книжный магазин с упором на историческую и консервативную литературу.

Телеграм
«Листвы» (мск)
@listva_books_msk

Телеграм
«Листвы» (спб)
@listva_books

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амир Хаттаб. Воспоминания. Опыт арабских ансаров в Чечне, Афганистане и Таджикистане. 2012. Официально на русском языке не публиковалась.
2. Борис Джерелиевский. Когда растает снег // Солдат удачи. № 1/2000.
3. Дмитрий Бальбуров. Записки чеченского пленника // Новая Юность. № 2/2000.
4. The Chechen Struggle Independence Won and Lost. 2010.
5. Сергей Козлов и др. Спецназ ГРУ: 50 лет истории, 20 лет войны. 2000.
6. Сергей Козлов и др. Спецназ ГРУ-2: война не окончена, история продолжается. 2002.
7. Алексей Кравцов. На горе Чабан // Солдат удачи. № 7/2000.
8. Документальный фильм телекомпании НТВ «Дагестан. Эпизоды необъявленной войны». 1999.
9. Игорь Стрелков, Александр Бородай. Последний бой армавирского спецназа // Братишка. № 10/1999.
10. Альберт Кудряшов. Высота армавирского спецназа // Братишка. № 10/2004.
11. Андрей Солдатов, Ирина Бороган. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. 2011.
12. Валерий Киселёв. Терская крепость. Реквием Двести сорок пятому полку. 2015.
13. Андрей Кузьминов. Завершающий этап? // Солдат удачи. № 4/2000.
14. Валерий Тишков. Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. 2001.
15. Чеченский дневник. Документальный фильм Павла Шеремета. 2000.
16. Валерий Киселёв. Разведбат. 2008.
17. Аслан Джабаев, под ред. Сергея Козлова. Чеченский и казачий спецназ ГРУ // Братишка. № 4/2007.
18. Валерий Журавель, Александр Лебедев. Грозный. Особый район. 2012.
19. Сергей Сватюк. Осада // Солдат удачи. № 12/2001.
20. Валентин Александров. Грозный-2000. Удачи и просчёты // Братишка. № 10/2001.

21. Валерий Киселёв. Взорванный плацдарм. Реквием 245-му полку. 2015.
22. Николай Асташкин. По волчьему следу. 2005.
23. Владимир Городинский. Кавказский излом. Пограничники в операциях в Чечне. 2019.
24. Сергей Козлов и др. Спецназ ГРУ. Очерки истории. Книга 5. 2010.
25. Константин Ращепкин. Семьдесятдвойка капитана Певцова штурмует Комсомольское // Братишка. № 3/2004.
26. Марина Мальцева. Птичка раненая: Война в Чечне глазами женщины. 2005.
27. Юрий Кислый. Что ни день, то снова поиск // Братишка. № 10/2000.
28. П. Потапов. Чеченский пояс. 2010.
29. Сергей Козлов. Снайперы Второй чеченской // Братишка. № 10/2001.
30. Алексей Малашенко, Дмитрий Тренин. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. 2002.
31. Ислам Сайдаев. Убрать свидетеля. 2012.
32. Александр Лебедев. Отряд специального назначения «Русь». 2004.
33. Ирина Дедюхова. Дело Ульмана.
34. Татьяна Попова. Норд-Ост глазами заложницы. 2002.
35. Александр Дюков. Заложники на Дубровке. 2009.
36. Андрей Солдатов. От победы до Беслана // Московские новости. 22.10.2004.
37. Юлия Юзик. Невесты Аллаха. 2003.
38. Алексей Малашенко. Рамзан Кадыров. Российский политик кавказской национальности. 2009.
39. Андрей Солдатов, Ирина Бороган. Российская система предотвращения терактов: спустя год после Беслана. Доклад исследовательского центра Agentura.ru.
40. Фёдор Лобанов, Виктор Сухов. Чёрные русские // Русский репортёр. № 10 от 07.08.2007.
41. Джонатан Литтелл. Чечня. Год третий. 2012.
42. Контртеррор на Северном Кавказе: взгляд правозащитников. Доклад правозащитного центра «Мемориал».

КНИЖНЫЙ КЛУБ ЧЁРНОЙ СОТНИ

Мы бы не смогли реализовать этот и другие наши проекты, если бы не наш Книжный Клуб на «Бусти». Книжный Клуб — добровольное объединение наших читателей с ежемесячными взносами в пользу русского книжного дела. Вот имена и портреты наших добродеев-соиздателей:

Максим Абакумов
Иван Аверьянов
Владимир Альбрехт
Семён Андронаки
Максим Анисимов
Аноним
Андрей Бабич
Павел Белов
Алексей Белокрыс
Михаил Белошапка
Антон Берг
Алексей Бондарев
Борис
Александр Брызгалов
Дмитрий Бузмаков
Станислав Булдаков
Василий

Павел Веклич
Рашаев Владислав
Аркадий Волков
Максим Волков
Михаил Ворожцов
Павел Гергелижиу
Адель Гилазиев
Даниил Гончаренко
Владимир Горбенко
Павел Григорьев
Денис Давыдов
Максим Дегтярёв
Николай Демичев
Роман Дерлюк

Ксения Десяткова
Валерий Дубровский
Александр Егоров
Антон Жевнерчук
Богдан Загрибельный
Андрей Задорожный
Александр Зайцев
Алексей Зотов
Иван Зотов
Порядин Иван
Семён Истомин

Иван Казначеев
Александр Каинов
Андрей Канов
Михаил Кириенко
Илья Кирьянов
Александр Ключко
Артём Клячкин
Павел Кобелев
Филипп Ковалёв
Алексей Козлов
Юрий Козлов
Арина Колодина
Кирилл Кубряков
Валентин Кувшинов
Илья Кулаков
Александр Куприенко

Всеволод Лебедев
Глеб Левин
Артём Лекарев
Никита Леонов
Иван Лесной
Кирилл Лисовский
Тамолюнас Литвак
Сергей Лобанов
Игнат Лоскутов
Андрей Лукашин
Михаил Лушин
Олег Майборода

Иван Макаров
Николай Малюхин
Виталий Махмутов
Марк Мороз
Алексей Муравлёв
Дмитрий Мухин
Олег Наумов
Анастасия Нефёдова
Алексей Николаев
Григорий Николаев
Константин Новиков
Юрий Новиков

Кирилл Орехов
Александр Перов
Виктор Петров
Антон Подкуйко
Дмитрий Подрецкий
Александр Семёнов
Михаил Семёнов
Иван Сергеев
Иван Силин
Илья Сильвестров
Александр Скаредин
Кирилл Смиренко
Валерий Соколов

Павел Соколов
Владислав Соломатин
Илья Стремоус
Сергей Струков
Антон Сычёв
Юрий Тимохин-Прегель
Антон Толкунов
Михаил Федзюкович
Владислав Федюков
Фёдор Фетисов
Олег Филатов
Владимир Ходаков
Сергей Хотеев

Владимир Цитрин
Михаил Шабриков
Сергей Шинкарёв
Лариса Юнеман
Роман Юнеман

ВСТУПИТЬ В КНИЖНЫЙ КЛУБ:

boosty.to/chernaya100

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 4

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 7

ГЛАВА 1 ТЕРРИТОРИЯ КОМАНЧЕЙ 11
Демократы в папахах — 15
Вопросы веры — 21
Гнездо всех разбойников — 31
Метастазы — 47

ГЛАВА 2 ПРЕДРАССВЕТНАЯ МГЛА 67
Долины Дагестана — 68
Крах иллюзий — 92
Господин Гексоген — 93
Детектив в стиле нуар — 96
Рай под тенью бомбы — 102
Плюнем и пойдём через туман — 107

ГЛАВА 3 ТРАВЛЯ ВОЛКА 109
Тёплая кровь — 113
Федераты — 124
Контрудар! — 129

ГЛАВА 4 БЛАЖЕН, КТО ВОЗДАСТ ТЕБЕ 145
Блин комом — 151
Крепость с выбитыми воротами — 155
Гонят весело на номера. Прорыв из Грозного — 162

ГЛАВА 5 ПРЕЖДЕ, ЧЕМ РАСТАЕТ СНЕГ 175
Прорыв. 6-я рота на пути Хаттаба — 184
Анатомия катастрофы — 194
Второй прорыв. Гелаев выходит на Комсомольское — 198
Дератизация. Штурм Комсомольского — 201
Сопротивление бесполезно! — 212
По делам рук их воздай им — 214

ГЛАВА 6 ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ 221
Засадная война — 222
Воздушные рабочие войны — 236
Тихая гавань. Боевики в Грузии — 240
Боевику заплатите чеканной монетой — 250
Отлов и отстрел — 256

ГЛАВА 7 БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК 263
Громкие судебные процессы второй войны — 264
Мутные воды — 280
Борьба на истребление — 298

ГЛАВА 8 ДАР АЛЬ-ХАРБ 306
Судная ночь — 306
Террористки-смертницы — 322
Игрища престолонаследия — 331
Прежде, чем их повесят — 341
Чуждые горы. Конец отряда Гелаева — 343

ГЛАВА 9 ЧЁРНЫЙ ПОТОК 355
Беслан — 359
Герои и негодяи — 388
Взрывы, танки, огнемёты — 390
Копоть воронья — 399

ГЛАВА 10 ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ 403
«Навсегда готов» — 411
Война джамаатов — 415
Запоздавшая расплата — 425

ГЛАВА 11 ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР 431
Вечная война — 449
Голоса прекрасного далёка — 458
После долгого огня — 461

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ 468

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 472

КНИЖНЫЙ КЛУБ ЧЁРНОЙ СОТНИ 474

Евгений Александрович Норин

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА
ТОМ 2

арт-директор	Никита Викторович Лукинский
иллюстратор	Софья Игоревна Алексеева
портреты патронов	Анна Андреевна Хорошева
корректор	Михаил Спартакович Тейкин
литературный редактор	Андрей Валерьевич Никитин
верстальщик	Фёдор Александрович Мишутин
технический редактор	Тимур Русланович Венков
главный редактор	Дмитрий Николаевич Бастраков

Отдельно благодарим Дмитрия Вострикова
и Алису Кононенко за помощь в подготовке книги

Выпуск подготовлен командой
интерактивного издательства
«Чёрная Сотня»

Телеграм-канал	t.me/chernaya100
группа ВКонтакте	vk.com/chernaya100
сайт и магазин	chernaya100.com
страница в Инстаграме	instagram.com/chernaya100
страница в Фейсбуке	facebook.com/chernaya100

УДК 82-94/355.01

ББК 63.3(2)64

Норин, Е. А.

Н82 Чеченская война: в 2 т. — Т. 2. — Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2022. — 480 с.

Формат 60×90/16. Бумага мелованная 115 гр., печать офсетная.

Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 5000

Издательство «Чёрная Сотня»

Нижний Новгород, май 2022

Первая война в Чечне закончилась в 1996 году, но не решила ни одной проблемы. Напротив, узел противоречий на Северном Кавказе затягивался всё туже. Мира хватило на три года. Новая бойня стала ещё страшнее, ещё жёстче, ещё дольше и ещё мучительнее.

Сейчас конфликт на Кавказе завершён, но всё ещё не исчерпан. Эта книга — не просто хроника. Эта книга — первая обстоятельная попытка осмыслить одну из самых кровоточащих национальных травм.

Издание проиллюстрировано уникальными фотоснимками военкора Дмитрия Белякова. Некоторые снимки никогда ранее не публиковались.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЁРНАЯ СОТНЯ